ЮСТЕЙН ГОРДЕР

МИР СОФИИ

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ЮСТЕЙН ГОРДЕР

МИР СОФИИ

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Юстейн Гордер

Мир Софии

Роман об истории философии

Эта книга появилась на свет прежде всего благодаря моральной поддержке Сири Данневиг.

Кроме того, мне хочется поблагодарить Майкен Имс, которая прочла ее в рукописи и сделала ряд ценных замечаний.

Я также весьма обязан Тронну Бергу Эриксену за доброжелательные комментарии и многолетнюю профессиональную помощь.

Кто, осмыслив ход столетий,
Не построил жизнь толково,
Тот живи себе в потемках,
Прожил день — и жди другого.

И. В. Гёте

ЭДЕМСКИЙ САД

…в конечном счете нечто должно было когда-то возникнуть из совершенной пустоты…

София Амуннсен возвращалась домой из школы. Первый отрезок пути они шли вместе с Йорунн и говорили о роботах. Йорунн считала, что человеческий мозг — всего-навсего компьютер, только очень сложный. София высказывала сомнения. Наверное, человек не просто машина?

Возле продуктового центра, с его множеством магазинов и лавочек, подруги разошлись в разные стороны. София жила в дальнем конце района, застроенного коттеджами, и идти в школу ей было в два раза дальше, чем Йорунн. Дом ее стоял чуть ли не на краю света. Прямо за садом начинался густой лес.

София свернула на Клёвервейен. Улица сначала шла прямо, а к концу делала зигзаг, известный под названием Капитанского поворота. Прохожих здесь почти не видели, разве что по выходным.

Дело было в первых числах мая. В некоторых садах вокруг фруктовых деревьев виднелись тесные кучки желтых нарциссов. Березы уже накинули на себя тонкую зеленую вуаль.

Удивительно, что в это время года все вдруг пускается в рост… Какая сила с наступлением тепла, лишь только растает последний снег, выталкивает на поверхность безжизненной земли невесть откуда взявшуюся зелень?

Открывая калитку, София заглянула в почтовый ящик. Чаще всего там можно было найти кучу рекламы и несколько больших конвертов, адресованных маме. Обычно София оставляла толстую пачку корреспонденции на кухонном столе и, поднявшись к себе в комнату, принималась за уроки.

Папе лишь изредка приходили письма из банка, но при его специальности тут не было ничего удивительного. Софиин отец был капитаном крупного танкера и почти все время проводил в море. Если

главе семейства случалось на несколько недель задержаться дома, он неслышными шагами передвигался по комнатам и всячески обхаживал Софию и ее маму. Потом он снова уходил в плавание и как бы исчезал из их жизни.

Сегодня в почтовом ящике обнаружилось всего одно письмо, и адресовано оно было Софии.

На небольшом конверте стояло: «Софии Амуннсен, Клёвервейен, 3». Ни обратного адреса, ни имени отправителя не значилось. Не было и почтовой марки.

Затворив за собой калитку, София тут же вскрыла конверт. Внутри оказался крошечный листок бумаги, размером даже меньше конверта. На листке было написано:

Кто ты такая?

И всё. Ни тебе «здравствуй», ни тебе подписи, только три выведенных от руки слова с огромным вопросительным знаком в конце.

София снова взглянула на конверт. Нет, конечно, письмо предназначено ей. Но кто опустил его в почтовый ящик?

Она торопливо вынула ключ и отперла красный дом. Верный своей привычке кот Шер-Хан успел прошмыгнуть между кустов, вскочить на крыльцо и проскользнуть в дверь, прежде чем София ее за собой закрыла.

— Кис-кис-кис!

Иногда Софиина мама в сердцах называла их дом зверинцем. Живности у Софии действительно хватило бы на маленький зоопарк. Сначала ей купили круглый аквариум с золотыми рыбками — Златоглавкой, Красной Шапочкой и Черным Петером. Затем появились волнистые попугайчики, которых она назвала Тут и Там, черепаха Говинда и, наконец, тигровый кот Шер-Хан (в желтую и коричневую полоску). Все эти животные призваны были скрашивать девочке жизнь, пока мама работала, а папа путешествовал по свету.

Сбросив с себя школьную сумку, София насыпала в миску Шер-Хану кошачьего корма, а сама плюхнулась на кухонную табуретку с таинственным письмом в руке.

«Кто ты такая?»

Ничего вопросик! Естественно, она знала, что ее зовут София Амуннсен, но кто она такая? Этого София еще не выяснила.

А если б ее звали по-другому? Скажем, Анна Кнутсен? Неужели тогда она была бы *иной?*

София вдруг вспомнила, что папа хотел назвать ее Сюннёве. Она попробовала мысленно протянуть руку и представиться: «Сюннёве Амуннсен»… но у нее ничего не вышло. Так могла представляться только совсем другая девочка.

София соскочила с табуретки и прямо с письмом пошла в ванную. Встав перед зеркалом, она посмотрела себе в глаза.

— Я — София Амуннсен, — сказала она.

Девочка в зеркале и бровью не повела в ответ. Что бы ни делала София, она лишь в точности повторяла ее движения. София попыталась опередить свое отражение молниеносным рывком в сторону, но вторая девочка успела повторить даже его.

— Кто ты такая? — спросила София.

Ответа и тут не последовало, однако София на мгновение растерялась, не уверенная в том, кто из них задал вопрос: то ли она сама, то ли ее отражение.

— Ты — это я, — сказала София, ткнув пальцем в нос двойника.

Снова не получив ответа, она склонила голову набок и прибавила:

— А я — это ты.

София Амуннсен не всегда бывала довольна своей внешностью. Хотя ей часто делали комплименты по поводу красивых миндалевидных глаз, она знала, что у нее великоват рот и коротковат нос и что комплиментами ее просто пытаются утешить. Да и уши почти вплотную прилегали к глазам. Впрочем, больше всего неприятностей доставляли Софии прямые черные волосы, с которыми при всем желании нельзя было ничего поделать. Отец иногда, гладя дочку по голове, вспоминал прелюдию Клода Дебюсси и называл Софию «девушкой с волосами цвета льна». Хорошо отцу шутить: не он всю жизнь мучается с жесткими прядями, которые не берут ни лак, ни гель.

Временами София казалась себе чуть ли не уродиной. Мама как-то обмолвилась о тяжелых родах — может, дело в этом? Однако неужели внешность человека определяется в момент рождения?

Все-таки странно, что София не знает, кто она такая. И глупо, что ей не дали распорядиться своим внешним видом. Наружность свалилась на нее с неба. Друзей своих она, возможно, и выбирает, но себя она явно не выбирала. Даже то, что София родилась человеком, не было ее собственным выбором.

И вообще: что такое человек?

София опять подняла взгляд на девочку в зеркале.

— Пойду учить природоведение, — извиняющимся тоном сказала она и мигом очутилась в прихожей.

«Нет, — подумала София, — лучше сначала в сад».

И, ногой выставив кота на крыльцо, прикрыла за собой входную дверь.

София застыла на гравийной дорожке, сжимая в руке таинственное письмо, — и вдруг почувствовала себя куклой, ожившей по мановению волшебной палочки.

Все-таки здорово, что она попала в этот мир и с ней стали происходить необыкновенные приключения…

Шер-Хан легко перепрыгнул через дорожку и исчез в зарослях красной смородины. Вот уж кто не задавался вопросами о своем существовании и был не ожившей куклой, а более чем живым котом — начиная от белых усов и кончая извивами блестящего хвоста. Шер-Хан тоже гулял в саду, однако вряд ли представлял это себе так, как делала София.

Размышляя о бытии, она задумалась и о том, что не будет существовать вечно.

«Сейчас я живу на свете, — рассуждала она. — Но когда-нибудь меня не станет».

Есть ли жизнь после смерти? В этом кот тоже совершенно не разбирался.

Полгода назад у Софии умерла бабушка. С тех пор девочка почти каждый день вспоминала ее и чувствовала, что безумно скучает по ней. Разве справедливо, что жизнь рано или поздно кончается?

София продолжала стоять на дорожке, погруженная в размышления. Теперь она изо всех сил внушала себе, что только бытие и помогает человеку забыть о собственной смертности. Но сколько она ни старалась, ничего не выходило. Стоило ей сосредоточиться на

мысли о своем существовании, как откуда-то появлялась идея конечности жизни. И наоборот: лишь по-настоящему ощутив, что когда-нибудь ее не станет, София начинала понимать всю ценность бытия. Она словно подкидывала монетку, которая оборачивалась к ней то орлом, то решкой, и чем отчетливее виделся орел, тем явственнее выступала решка. Жизнь и смерть казались связанными, как две стороны одной медали.

«Нельзя по-настоящему прочувствовать, что живешь, без мысли о грядущей смерти, — рассуждала София. — Точно так же невозможно, размышляя о смерти, не подумать о том, какая потрясающая штука жизнь».

Нечто подобное сказала бабушка в тот день, когда узнала от врача о своей болезни: «Только теперь я понимаю всю ценность жизни».

Грустно, что большинству людей надо заболеть, чтобы оценить, как это здорово — жить! Или хотя бы вынуть из ящика загадочное письмо…

А вдруг там лежит что-нибудь еще? София помчалась к калитке, приподняла зеленую крышку почтового ящика — и вздрогнула, обнаружив внутри новый конверт. Неужели она плохо проверила ящик, когда вынимала первое письмо?

Конверт опять-таки был адресован ей. София надорвала его и извлекла белый листок — точно такой же, как первый.

На листке было написано:

Откуда произошел мир?

«Понятия не имею, — сказала про себя София. — Это вообще вряд ли кому-нибудь известно». И тем не менее она посчитала вопрос вполне законным. Впервые в жизни она подумала, что, наверное, просто нельзя жить на свете, не задаваясь вопросом, откуда взялся наш мир.

Загадочные письма настолько заморочили Софии голову, что девочка решила забраться в Тайник.

Тайник был ее сверхсекретным убежищем. Она пряталась туда, только когда очень сердилась, очень грустила или очень радовалась. Сегодня она всего-навсего пребывала в недоумении.

Красный дом Амуннсенов стоял посреди огромного сада. В саду росло много кустов и фруктовых деревьев, а еще там было несколько клумб, просторная лужайка с садовыми качелями и небольшая беседка. Беседку дедушка построил для бабушки, когда они потеряли — через несколько недель после рождения — своего первого ребенка, девочку Марию. На надгробном памятнике были выбиты слова: «Крошка Мария к нам пришла, чуть погостила… и сразу ушла».

В дальнем углу сада, за малинником, густо разрослись кусты, на которых не бывало ни цветов, ни ягод. Когда-то они служили живой изгородью между садом и лесом, но в последние двадцать лет их не обрезали и изгородь превратилась в непроходимую чащу. Бабушка рассказывала, что в войну, когда куры свободно гуляли по всему саду, изгородь не пускала туда охочих до кур лисиц.

Всем, кроме Софии, бывшая живая изгородь казалась такой же никчёмной, как стоявшие посреди сада кроличьи клетки. А всё потому, что никто не знал одного секрета.

Она же сызмальства открыла для себя ход, через который можно было пролезть в образуемый кустами довольно просторный шалаш… или маленький домик. В этом убежище ее было не сыскать никому.

С конвертом в каждой руке София промчалась по саду и, став на четвереньки, ужом проскользнула внутрь изгороди. В Тайнике можно было стоять чуть ли не в полный рост, но девочка предпочла сесть на толстые корни. Среди хитросплетения ветвей и листьев у нее было проделано два отверстия (каждое не больше пятикроновой монеты), через которые был виден почти весь сад. В детстве Софии ужасно нравилось смотреть, как мама с папой ходят среди деревьев и ищут ее.

Сад казался Софии целым миром. Всякий раз, когда она слышала историю про сотворение мира и Эдемский сад, она представляла себя здесь, в Тайнике, обозревающей собственный крохотный рай.

«Откуда произошел мир?»

Если б она знала… Ясно, что Земля — только одна из планет необъятной Вселенной. Но откуда взялась сама Вселенная?

Конечно, можно посчитать, что Вселенная существовала всегда, и тогда ни к чему искать ответ на вопрос, откуда она взялась. Однако возможно ли такое извечное существование? Что-то внутри Софии

противилось этой мысли. Все сущее должно иметь начало… Значит, и Вселенная должна была некогда зародиться из чего-то еще.

Но если Вселенная внезапно образовалась из чего-то еще, это «что-то» тоже должно было откуда-то взяться. София поняла, что не решила проблему, а лишь отсрочила ее решение. В конечном счете нечто должно было когда-то возникнуть из совершенной пустоты. Могло ли такое случиться? В это верилось не больше, чем в извечное существование мира.

В школе их учили, что мир создан Богом. София попыталась удовольствоваться этим объяснением, однако вскоре снова задумалась. Предположим, она согласна: мир создан Богом. А сам Бог? Неужели он сотворил из ничего и себя? Что-то внутри нее опять-таки противилось этой мысли. Даже при всемогуществе Господа он вряд ли мог сотворить себя… да еще прежде чем сам появился на свет и ему стало чем творить. Значит, остается одна возможность: Бог существовал всегда. Но она уже отказалась от идеи извечного бытия! Сущее должно иметь начало.

— Пропади все пропадом!

София снова открыла оба конверта.

«Кто ты такая?»

«Откуда произошел мир?»

Черт с ними, с этими вопросами! Интересно было другое: откуда взялись письма? Здесь таилась не меньшая загадка.

Кто вырвал Софию из повседневности и внезапно поставил перед великими тайнами Вселенной?

София в третий раз направилась к почтовому ящику.

Наконец-то приходил и почтальон. Девочка вынула газеты, толстую пачку рекламных проспектов и два письма маме. В ящике лежала еще открытка с видом южного пляжа. София перевернула ее. На открытке были наклеены норвежские марки и стоял штемпель: «Батальон ООН». Может, от папы? Хотя он теперь вроде бы в других краях… И почерк не его.

«Софии Амуннсен (для Хильды Мёллер-Наг), Клёвервейен, 3», — прочла София, и сердце ее забилось сильнее обычного. В открытке говорилось:

Дорогая Хильда! Сердечно поздравляю с пятнадцатилетием. Как ты догадываешься, я хочу сделать тебе подарок, который бы пригодился на будущее. Прости, что посылаю открытку Софии. Так удобнее.

Любящий тебя папа.

У Софии забурлило все внутри, и она полетела домой, в кухню.

Что это еще за Хильда, которой исполняется пятнадцать лет на месяц с лишним раньше, чем ей самой?

София сбегала в прихожую за телефонной книгой. Там было много Мёллеров и несколько человек по фамилии Наг. Ни одного Мёллер-Нага в толстенном справочнике не числилось.

Она снова повертела в руках загадочную открытку. На подделку не похоже: и марки, и штемпель выглядят убедительно.

И все же зачем чужому отцу направлять деньрожденную открытку Софии, если послание предназначено другому человеку? Какой отец захочет лишить собственную дочь поздравления, отослав его совсем по другому адресу? Почему «так удобнее»? И главное: как ей разыскать Хильду?

У Софии появился новый повод для раздумий. Она попробовала разложить все по полочкам.

Итак, за последние несколько часов она столкнулась сразу с тремя загадками. Первая: кто подложил в ее почтовый ящик два письма? Вторая: как ответить на заданные вопросы? Третья: кто такая Хильда Мёллер-Наг и почему София получила поздравление с днем рожденья, адресованное незнакомой девочке?

Поскольку до сегодняшнего дня в жизни Софии не происходило ничего необычного, она была убеждена, что все три загадки каким-то образом связаны друг с другом.

ЦИЛИНДР

…чтобы стать хорошим философом, необходимо лишь умение удивляться…

София была уверена, что автор анонимных посланий снова даст знать о себе, и решила до поры до времени не заикаться о письмах ни одной живой душе.

В школе Софии было трудно слушать объяснения учителя. На ее взгляд, он говорил про какие-то несущественные вещи. Нет чтобы рассказать о том, что такое человек… или что такое Вселенная и как она возникла…

У девочки появилось ощущение, которого она никогда прежде не испытывала: и в школе, и за ее пределами люди поглощены более или менее случайными вещами, тогда как есть сложные вопросы, осмысление которых куда важнее обычных школьных предметов.

Знает ли кто-нибудь ответы на них? Какая разница? Даже раздумья о таких проблемах казались Софии занятием более важным, чем зубрежка неправильных глаголов.

Когда отзвенел звонок с последнего урока, София так быстро улизнула из школы, что Йорунн еле догнала ее бегом.

— Перекинемся вечером в карты? — спросила Йорунн, отдышавшись.

София пожала плечами.

— Боюсь, карты меня больше не интересуют.

У Йорунн глаза полезли на лоб от изумления.

— Ах, вот как! Может, тогда сыграем в бадминтон?

София перевела взгляд с асфальта на подружку.

— Боюсь, мне разонравился и бадминтон.

— Ну, ты даешь!

София уловила в голосе Йорунн обиду.

— Какие же у тебя вдруг возникли новые интересы?

— Это… это секрет, — отчаянно замотала головой София.

— Ха! Как пить дать влюбилась!

Подруги долго шли молча. Перед футбольным полем Йорунн сказала:

— Я пойду напрямик.

Путь через футбольное поле был для Йорунн самым коротким, но она ходила этой дорогой, только если очень торопилась — либо в гости, либо на прием к зубному врачу.

Софии стало жаль обидевшуюся подругу. Только что она могла поделать? Разве Йорунн поняла бы Софию, если б та сказала: ей некогда играть в бадминтон, потому что она внезапно задалась вопросами о том, кто она такая и откуда взялся мир?

Почему попытка разобраться в самых важных и в то же время самых элементарных вопросах так усложняет жизнь?

В почтовый ящик София полезла с колотящимся сердцем. Сначала она нашла там только письмо из банка и несколько больших желтых конвертов для мамы. Тьфу ты! Честно говоря, София надеялась на новое послание от неизвестного отправителя.

Закрывая калитку, она вдруг обнаружила на одном из больших конвертов собственное имя. На обратной стороне конверта было написано: «Курс философии. Обращаться с крайней осторожностью».

София понеслась по дорожке к дому, бросила школьную сумку на крыльцо, запихнула мамину почту под коврик и, обежав дом, скрылась в Тайнике. Конверт нужно было вскрыть там.

Следом тут же прискакал Шер-Хан, но София не стала гнать его. Она была уверена, что кот не проболтается.

В конверте лежали три соединенных скрепкой листа с машинописным текстом. София приступила к чтению.

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?

Дорогая София! У многих людей есть увлечения. Кто-то собирает старинные монеты или марки, кто-то отдает свободное время рукоделию, кто-то — спорту.

Многие любят читать. Однако читательские интересы у нас тоже разные. Одни читают исключительно газеты и комиксы, другие обожают романы, третьи предпочитают литературу,

посвященную астрономии, жизни животных или техническим изобретениям.

Если я увлекаюсь лошадьми или драгоценными камнями, я не могу требовать, чтобы мое увлечение разделяли все окружающие. Если я напряженно слежу по телевизору за спортивными передачами, то должен быть терпим к тем, кто считает их скучными.

А нет ли какого-нибудь предмета, который бы интересовал всех и касался каждого — независимо от его происхождения, профессии, места жительства? Представь себе, дорогая София, проблемы, призванные занимать всех, существуют. О таких проблемах и пойдет речь в нашем курсе.

Что важнее всего в жизни? Если мы спросим об этом у человека, который сплошь и рядом голодает, он ответит: еда. Если мы обратимся с тем же вопросом к замерзающему, он скажет: тепло. А если мы зададим его тому, кто считает себя одиноким и покинутым, ответ, скорее всего, будет: чувство общности с другими людьми.

Предположим, эти потребности удовлетворены. Разве человеку не нужно что-то помимо них? Так спрашивают философы, подразумевая: не хлебом единым жив человек. Разумеется, всем нужна еда. Всем необходимы любовь и забота. Но нам требуется и нечто большее, а именно: найти ответ на вопрос, кто мы такие и зачем живем.

Интерес к подобным вопросам куда менее «случаен», чем, скажем, интерес к коллекционированию марок. Человек, склонный к обсуждению таких проблем, продолжает традицию, которая существует на нашей планете столько тысячелетий, сколько на ней живут люди. Как образовались Вселенная и земной шар, как зародилась жизнь — вопросы куда более серьезные и важные, чем кто завоевал больше медалей на прошлогодней Олимпиаде.

Знакомиться с философией лучше всего постановкой философских вопросов.

Каково устройство мира? Направляется ли все происходящее чьей-то волей или умыслом? Есть ли жизнь после смерти? Как

разрешать подобные проблемы? И прежде всего: как нам следует жить?

Такие вопросы задавали себе люди каждой эпохи. Нет ни одной культуры, которая бы не интересовалась тем, что есть человек или откуда возник мир.

По сути дела, философских вопросов немного. Некоторые самые важные мы уже сформулировали. Однако на каждый такой вопрос история дает множество разных ответов. Получается, что ставить философские вопросы легче, чем отвечать на них.

Даже сегодня каждый конкретный человек должен искать на те же вопросы собственные ответы. Нельзя просто взять энциклопедический словарь и выяснить, существует ли Бог и есть ли жизнь после смерти. Словарь не дает ответа и на вопрос о том, как нам жить. Тем не менее знакомство с размышлениями других людей помогает нам сформировать свой взгляд на жизнь.

Поиски философами истины можно сравнить с детективным сюжетом. Одни считают убийцей Андерсена, другие убеждены, что им был Нильсен или Йенсен. Если речь идет о реальном преступлении, полиция вполне может рано или поздно раскрыть его. Может, конечно, и не раскрыть, но все-таки криминалистическая загадка в принципе разрешима.

Каким бы сложным ни был вопрос, на него скорее всего существует один-единственный ответ. Жизнь после смерти либо есть, либо ее нет.

Наука со временем разрешает многие старые загадки. Прежде к величайшим тайнам природы относилась обратная сторона Луны. Поскольку приблизить ее разгадку дискуссиями было невозможно, каждый давал волю фантазии. Теперь же мы точно знаем, как выглядит Луна со всех сторон, и никто больше не может утверждать, будто там живет человек или она представляет собой головку сыра.

Один древнегреческий философ, живший более двух тысяч лет тому назад, говорил, что философия возникла из человеческой способности удивляться. По его словам, собственное бытие кажется человеку настолько необъяснимым, что у него сами собой возникают философские вопросы.

Так же бывает, когда нам показывают фокус. Мы не можем понять его результата и спрашиваем себя: как фокусник сумел превратить два белых шелковых шарфа в живого кролика?

Для многих людей мир не менее загадочен, чем трюк с извлечением кролика из пустого цилиндра.

С кроликом мы все-таки понимаем, что фокусник обвел нас вокруг пальца, хотя нам хочется докопаться до того, как именно он это сделал. С окружающим миром положение иное. Нам известно, что он не просто обман и надувательство, ведь мы сами ходим по Земле и составляем часть действительности. Собственно говоря, извлекаемый из цилиндра белый кролик и есть мы. От белого кролика нас отличает лишь то, что он не осознает своего участия в фокусе, тогда как мы сознаем загадочность происходящего — и хотим разобраться в ней.

P. S. Пожалуй, белого кролика лучше сравнить с нашей Вселенной. Мы, земляне, похожи на крохотных блошек, скрывающихся в самой глубине кроличьего меха. Философы же пытаются взобраться по шерстинкам наверх и заглянуть в глаза гениальному фокуснику.

Улавливаешь мою мысль, София? Я тебе не надоел? Продолжение следует.

София уже мало что соображала. Но какое там «надоел»… Она прочла рассказ о философии на одном дыхании.

И все-таки кто принес его? Кто, кто?

Явно не тот же самый человек, который послал поздравительную открытку Хильде Мёллер-Наг. На открытке были марки и штемпель, значит, она пришла почтой, тогда как желтый конверт и два белых опустили прямо в ящик.

София посмотрела на часы. Было всего без четверти три. До прихода мамы с работы оставалось почти два часа.

Девочка вылезла обратно в сад и стремглав кинулась к почтовому ящику. Вдруг там опять что-нибудь лежит?

И нашла еще один адресованный ей желтый конверт. На этот раз София огляделась по сторонам, но никого не увидела. Она добежала до леса проверить, не идет ли кто-нибудь по тропинке.

Там тоже не было ни души.

Правда, Софии послышался вдали треск сучьев, только она не была уверена, что это не плод ее воображения. Да и попробуй сыскать в лесу человека, если он от тебя прячется.

София отперла дверь, внесла в дом сумку и мамину почту и бегом поднялась к себе. Наверху она достала большую коробку из-под печенья, вытряхнула на пол хранившиеся там красивые камушки и положила вместо них два больших конверта. С коробкой под мышкой она снова кинулась в сад, предварительно выставив на крыльцо миску с едой для Шер-Хана.

— Кис-кис-кис!

Пробравшись в Тайник, София вскрыла конверт, вынула новые машинописные страницы и приступила к чтению.

УДИВИТЕЛЬНОЕ СОЗДАНИЕ

Ну, вот мы и опять вместе. Как ты понимаешь, краткий курс философии будет доставляться порциями. Теперь еще несколько вводных замечаний.

Мы уже говорили о том, что хорошему философу необходимо лишь умение удивляться? Если нет, скажу сейчас: ЧТОБЫ СТАТЬ ХОРОШИМ ФИЛОСОФОМ, НЕОБХОДИМО ЛИШЬ УМЕНИЕ УДИВЛЯТЬСЯ.

Таким умением обладает любой младенец. Еще бы — ведь он окунается в совершенно незнакомый мир. Правда, с возрастом умение удивляться почти исчезает. Чем это вызвано? Ты не знаешь, София Амуннсен?

Итак: если бы грудной ребенок умел говорить, он бы наверняка рассказал о том, в какой удивительный мир попал. Недаром он тычет пальцем вокруг и с любопытством хватает все, что попадается ему под руку.

Когда ребенок начинает произносить первые слова, он при виде собаки каждый раз вскакивает и кричит «ав-ав!».

Он прыгает в коляске и машет руками: «Ав-ав! Ав-ав!» Нас, успевших пожить на этом свете, возможно, смущает неподдельный восторг малыша. «Да-да, это ав-ав, — по-житейски привычно

соглашаемся мы, — только, пожалуйста, сиди смирно». Мы не разделяем детской радости. Кто-кто, а мы навидались собак.

Возможно, такие приступы телячьего восторга повторятся еще не одну сотню раз, прежде чем ребенок станет невозмутимо проходить мимо собаки… или слона… или бегемота. Но задолго до того, как он научится хорошо говорить — и тем более предаваться философским размышлениям, — окружающий мир станет для него привычным.

«А жаль!» — можешь сказать ты.

Моя задача, дорогая София, сделать так, чтобы ты не попала в число принимающих действительность как нечто само собой разумеющееся. На всякий случай мне хочется до начала курса провести вместе с тобой несколько экспериментов на умение рассуждать.

Представь себе, что ты гуляешь в лесу и вдруг видишь впереди, на тропинке, космический корабль. Из корабля вылезает крохотный марсианин и, застыв на месте, смотрит на тебя снизу вверх…

О чем бы ты подумала? Впрочем, неважно. Но приходило ли тебе когда-нибудь в голову, что ты и сама вроде марсианина?

Конечно, вряд ли тебе предстоит столкнуться с инопланетянами. Мы даже не знаем, есть ли жизнь на других планетах. А вот встреча с самой собой более чем вероятна. Ты можешь внезапно остановиться и по-новому ощутить себя. Это может произойти хотя бы во время прогулки в лесу.

«Я удивительное создание. Я загадочное существо…» — скажешь ты.

Ты, словно Спящая красавица, пробудишься от многолетнего сна и спросишь себя: «Кто я такая?». Тебе известно, что ты ползаешь по одной из планет Вселенной. Но что представляет собой эта Вселенная?

Восприняв себя подобным образом, ты обнаружила вещь не менее загадочную, чем марсианин, с которого мы начали свои рассуждения. Ты не просто узрела во Вселенной некое удивительное существо, но чувствуешь, что это существо — сама ты.

Я не надоел тебе, София? Ты следишь за моей мыслью? Тогда проведем еще один эксперимент.

Предположим, отец, мать и их двух— или трехлетний сын Томас сидят в кухне за завтраком. Вот мама встает из-за стола, поворачивается к раковине, и тут… глава семьи взмывает под потолок и начинает летать. Томас не сводит с него глаз.

Как ты думаешь, что скажет мальчик? Возможно, он всего-навсего ткнет в отца пальцем и скажет: «Папа летает!»

Конечно, Томас должен бы удивиться, но он и без того постоянно пребывает в удивлении. Папа делает так много странных вещей, что какой-то полет над кухонным столом мало что меняет в глазах сына. Отец каждый день бреется занятной машинкой, иногда влезает на крышу и колдует с телевизионной антенной… или сует голову в капот автомобиля, а потом оказывается похожим на негра.

Теперь очередь за мамой. Когда она слышит, что сказал Томас, то поспешно оборачивается. Как, по-твоему, она должна воспринять мужа, парящего над обеденным столом?

Выронив из рук банку с вареньем, мама вопит от страха. Не исключено, что, когда папа наконец приземлится и сядет на стул, ей понадобится врачебная помощь. (Давно пора научиться прилично вести себя за столом!)

Почему, спрашивается, у мамы и Томаса столь разная реакция?

Она связана с понятием *привычности.* (Обрати внимание!) Мама давным-давно уяснила для себя, что люди не летают. Томас же до сих пор не знает точно, что бывает, а чего не бывает на этом свете.

Почему нас не удивляет наш мир, София? Он ведь тоже находится в свободном парении!

К сожалению, вырастая, мы привыкаем не только к силе тяжести, но и к миру как таковому.

Похоже, в процессе взросления мы утрачиваем способность изумляться действительности. В таком случае мы лишаемся чего-то важного — что и пытаются пробудить в нас философы. Нечто в глубине души подсказывает нам, что бытие представляет собой

великую загадку. Ощущение этого живет в нас с тех давних пор, когда мы еще не умели выражать свои мысли словами.

Уточняю: хотя философские вопросы касаются всех и каждого, далеко не все становятся философами. Люди бывают настолько заняты повседневностью, что изумление перед миром отодвигается у них на задний план. (Они забиваются как можно глубже в кроличий мех и, устроившись поудобнее, остаются там на всю жизнь.)

Для детей наш мир — и все сущее в нем — представляет собой нечто новое, неожиданное, вызывающее удивление. У взрослых чаще всего иной взгляд: в подавляющем большинстве они воспринимают действительность как нечто совершенно обычное.

Приятное исключение из этого правила составляют философы. Философ так и не сумел привыкнуть к миру. Ему (или ей) мир по-прежнему кажется невероятным… во всяком случае, таинственным и загадочным. Иными словами, философов и детей объединяет одно общее свойство: философ всю жизнь остается не менее «тонкокожим», чем ребенок.

Теперь, милая София, тебе предстоит решить, кто ты такая. Ребенок, еще не успевший «привыкнуть» к миру? Или философ, готовый поклясться, что у него никогда не возникнет такой привычки?

Если ты качаешь головой, не чувствуя себя ни ребенком, ни философом, значит, ты уже слишком освоилась в этом мире и он перестал удивлять тебя. Это настораживающий признак. Не случайно я посылаю тебе в качестве профилактического средства курс философии. Мне совсем не хочется, чтобы именно ты попала в число безучастных и равнодушных. Мне хочется, чтобы ты жила полнокровной жизнью.

Так как курс достается тебе бесплатно, ты не сможешь, оставшись недовольна им, потребовать возвращения денег. Зато у тебя есть право в любой момент прервать наши занятия. Достаточно сообщить мне об этом через почтовый ящик: например, опустив в него живую лягушку… или — чтобы не испугать почтальона — любой зеленый предмет.

Краткий итог: из пустого цилиндра извлекают белого кролика. Поскольку кролик гигантских размеров, фокус этот растягивается на миллиарды лет. Все человеческие детеныши рождаются на поверхности меха, на самых концах волосинок, что позволяет им с изумлением наблюдать за невероятным фокусом. Однако по мере взросления они зарываются все глубже и глубже в кроличий мех… где и остаются. Им так уютно, что больше они не отваживаются взбираться по шерстинкам. Рискованные путешествия к внешней границе бытия и речи предпринимают лишь философы. Некоторые из них не выдерживают напряжения и падают, другие повисают наверху и, вцепившись в кроличий мех, пытаются докричаться до тех, кто остался сидеть в мягком подшерстке, ублажая себя вкусной едой и питьем.

— Дамы и господа! — взывают они. — Мы парим в безвоздушном пространстве!

Но люди, устроившиеся внизу, не обращают внимания на крики философов.

— Горлопаны! — бросают они.

И как ни в чем не бывало продолжают пустой разговор: «Пожалуйста, передай мне масло… Какой сегодня курс акций?… Сколько стоят помидоры?… Ты слышала, что леди Диана опять ждет ребенка?…»

К маминому возвращению с работы София пребывала в смятении. Надежно спрятав коробку с письмами от загадочного философа в Тайнике, она попыталась было сесть за уроки, но могла только размышлять о прочитанном.

Почему София о многом никогда не задумывалась! Она больше не была ребенком — но не ощущала себя и взрослой. Девочка поняла, что уже начала сползать в гущу меха, к подшерстку кролика, которого извлекли из черного цилиндра Вселенной. Хорошо, что ее остановил философ. Он (а может, это она?) крепко взял Софию за шкирку и, вытащив на поверхность, посадил туда, где она некогда играла ребенком. Отсюда, с самого кончика волоса, София словно впервые увидела мир.

Философ спас ее, это уж точно. Неизвестный корреспондент спас Софию от равнодушного восприятия будней.

Мама пришла домой около пяти, и дочка тут же потащила ее в гостиную и усадила в кресло.

— Тебе не кажется странным, что ты живешь? — спросила София.

Обескураженная мать не сразу нашлась с ответом. Она привыкла, что девочка в это время была занята уроками.

— Может быть… иногда.

— Иногда? Я хочу сказать: тебе не кажется странным, что мир вообще существует?

— Да что с тобой, София, так нельзя рассуждать.

— Почему нельзя? Может, ты считаешь мир вполне естественным?

— Пожалуй. Во всяком случае, по крупному счету.

София поняла, что философ прав. Взрослые воспринимают бытие как нечто само собой разумеющееся. Они раз и навсегда убаюкали себя повседневностью и почили сном Спящей красавицы.

— Фи! Тебе просто так уютно в этом мире, что он больше не удивляет тебя, — сказала София.

— Что ты говоришь?!

— Я говорю, что ты слишком притерпелась к действительности. Другими словами, закоснела в ней.

— Нет, София, ты не имеешь права так со мной разговаривать.

— Тогда я скажу то же самое иначе. Тебе удобно существовать в подшерстке у белого кролика, которого извлекают из черного цилиндра Вселенной. Сейчас ты пойдешь варить картошку, потом будешь читать газету, а после ужина, отдохнув с полчасика, станешь смотреть по телевизору новости.

На лице матери появилось озабоченное выражение. Она и вправду пошла в кухню и поставила на плиту картошку. Чуть погодя она вернулась в гостиную и теперь уже сама усадила Софию в кресло.

— Мне надо поговорить с тобой, — сказала она. По голосу было слышно, что разговор предстоит серьезный. — Ты, милая, случаем не балуешься наркотиками?

София рассмеялась, хотя поняла, почему этот вопрос всплыл именно теперь.

— Еще чего! — отозвалась она. — От них только больше дуреют!

На этом тема наркотиков и белых кроликов была пока что закрыта.

МИФЫ

…шаткое равновесие между силами добра и зла…

Утром София не обнаружила в почтовом ящике новых посланий. Она еле высидела длинный школьный день, причем на переменах старалась быть поласковее с Йорунн. По дороге домой девочки обсуждали поход с ночевкой, который собирались предпринять, как только в лесу подсохнет.

И вот София снова лезет за почтой. Прежде всего она вскрыла небольшой конверт с мексиканским штемпелем. Внутри оказалась открытка от папы. Он писал, что скучает по дому и что ему впервые удалось обыграть в шахматы своего помощника. Еще он почти разделался с двадцатью килограммами книг, взятыми из дома в последний приезд, на Рождество.

На самом дне ящика оказался желтый конверт на Софиино имя! Девочка отперла дом, оставила там школьную сумку с почтой — и скорей в Тайник. Достав из конверта несколько машинописных страниц, она взялась за чтение.

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Привет, София! Нам с тобой нужно во многом разобраться, так что приступим прямо к делу.

Под философией понимается совершенно новое мировоззрение, возникшее в Греции около 600 года до н. э. Ранее люди получали ответы на все вопросы из религий. Такие религиозные объяснения передавались от поколения к поколению в виде *мифов.* Миф — это сказание о богах, которым люди пытались объяснить, почему жизнь такая, как она есть.

На протяжении тысячелетий по всему свету расплодилось видимо-невидимо мифологических объяснений философских

проблем. Греческие философы попробовали доказать ненадежность таких объяснений.

Чтобы понять рассуждения первых философов, необходимо представлять себе, что значит исходить из мифологической картины мира. В качестве примеров мы будем использовать некоторые мифологические представления Скандинавии: как говорится, ни к чему ходить по воду за речку.

Ты, конечно, слышала про *Тора* с молотом. До появления в Норвегии христианства скандинавы верили, что Тор ездит по небу в повозке, запряженной парой козлов. Стоило ему взмахнуть молотом, как сверкала молния и гремел гром. Норвежское слово «торден» («гром») происходит от «Тор-дённ», то есть «грохот Тора». По-шведски «гром» — это «оска» (на самом деле «ос-ака»), что значит «проезд бога» по небу.

Обычно гром и молния сопровождаются дождем. Во времена викингов дождь играл для крестьян жизненно важную роль, поэтому Тора стали почитать как бога плодородия.

Итак, мифы объясняли дождь тем, что Тор взмахнул молотом. А с дождем на поле пробивались всходы и все пускалось в рост.

Человек вообще не понимал, откуда берутся на земле растения и почему они дают плоды. Но крестьяне хотя бы уяснили себе, что это как-то связано с дождем. Кроме того, все верили, что дождь вызывается Тором, благодаря чему Тор стал одним из главных скандинавских богов [1].

Тор был важен еще по одной причине — в связи с общей картиной мира.

Викинги считали обитаемый мир островом, которому постоянно грозит опасность извне. Они называли эту часть мира *Мидгард,* что значит «страна, лежащая посредине». В Мидгарде находился и *Асгард,* где жили боги. За пределами Мидгарда располагался *Утгард,* иными словами, «страна, лежащая вовне». Там жили страшные великаны (ётуны), то и дело пытавшиеся с помощью разных хитростей уничтожить мир. Таких зловредных чудовищ мы обычно называем «силами хаоса». И в древней Скандинавии, и в большинстве других культур того периода верили в шаткость равновесия между силами добра и зла.

Уничтожить Мидгард великаны могли, например, похитив богиню плодородия *Фрейю.* Если бы им это удалось, земля стала бы бесплодной, а женщины перестали бы рожать детей. Вот почему добрым богам нужно было держать великанов в узде.

Тут вступал в дело Тор. Его молот не только даровал дождь, но и был важным орудием в борьбе с грозными силами хаоса. Молот наделял бога почти безграничной властью. Тор, в частности, мог метать его в великанов и убивать их, не боясь утратить молот: этот своеобразный бумеранг неизменно возвращался к хозяину.

Таково было *мифологическое объяснение* естественного хода событий и постоянного противоборства добра и зла. От подобных мифологических объяснений философы и просили их избавить.

Однако роль мифов не ограничивалась объяснениями.

Когда обрушивалась беда — скажем, засуха или повальные болезни, — люди не должны были сидеть сложа руки и ждать вмешательства богов. Нужно было самим включаться в борьбу со злом, что народ и исполнял с помощью религиозных обрядов, или *ритуалов.*

В древние времена главным религиозным обрядом в Скандинавии служило *жертвоприношение.* Считалось, что жертва богу умножает его могущество. Люди старались умилостивить богов, чтобы у тех достало сил для победы над злом. Это можно было сделать, например, через заклание животного. Тору чаще всего приносили в жертву козлов. Жертвоприношение *Одину* [2] иногда включало и заклание людей.

Самый известный норвежский миф дошел до нас в виде «Песни о Трюме» («Старшая Эдда»). Из нее мы узнаём, что Тор спал, а проснувшись, обнаружил пропажу молота. От гнева у Тора задрожали руки и затряслась борода. Вместе со своим спутником *Локи* [3] он пошел к Фрейе и одолжил у нее крылья, чтобы Локи мог слетать в Ётунхейм (Утгард) и выяснить, не великаны ли украли Торов молот. В краю великанов Локи встречает их конунга *Трюма,* который действительно принимается хвастать, что запрятал молот на восемь поприщ [4] под землю. И прибавляет: асы (боги) не получат молота обратно, пока не дадут Трюму в жены Фрейю.

Ты следишь за моей историей, София? Добрые боги оказываются участниками гротескной драмы со взятием заложников. Великаны прибрали к рукам главное оружие асов, поставив их тем самым в безвыходное положение. Пока молот Тора остается у ётунов, они обладают властью и над миром богов, и над миром людей. В обмен на молот они требуют Фрейю. Но такой обмен невозможен: если асы выдадут им богиню плодородия (которая охраняет все живое), трава на земле пожухнет, а боги и люди вымрут.

Положение создалось тупиковое. Ты поймешь, что я имею в виду, представив себе группу террористов, которые угрожают, в случае невыполнения их чудовищных требований, взорвать атомную бомбу в центре Парижа или Лондона.

Далее в предании говорится о том, как Локи возвращается в Асгард и просит Фрейю надеть подвенечный наряд, поскольку ее (увы, увы!) предстоит отдать в жены великанам. Разъяренная Фрейя отвечает, что, если она согласится выйти замуж за великана, ее сочтут распутной.

Тогда богу *Хеймдаллю* приходит в голову светлая мысль. Он предлагает вырядить невестой… Тора. Волосы его можно подвязать и спрятать под убором, а на грудь, чтобы он сошел за женщину, нацепить камни. Тор, естественно, не в восторге от такого предложения, но в конце концов признает, что единственная возможность заполучить молот обратно — это последовать совету Хеймдалля.

Тора переодевают невестой, а Локи берется сопровождать его в виде служанки или подружки невесты. «Буду тебе я служанкой доброй, вместе поедем с тобою в Ётунхейм!» [5] **— говорит Локи.**

Выражаясь современным языком, Тора и Локи можно назвать «отрядом по борьбе с терроризмом». Наряженные женщинами, они должны проникнуть в цитадель великанов и вызволить Торов молот.

Сразу по их прибытии в Ётунхейм великаны начинают готовить свадебный пир. Однако на пиру невеста — то есть Тор — съедает целого быка и восемь лососей. Еще он выпивает три бочки меду, чем очень смущает Трюма. Переодетые «коммандос» оказываются на грани разоблачения. Но Локи удается хитростью

спасти их от опасности. Он объясняет, что Фрейе так не терпелось поскорее приехать в Ётунхейм, что она восемь дней ничего не ела.

Тогда Трюм откидывает брачный покров и хочет поцеловать невесту, однако тут же отшатывается, испуганный сверкающим взглядом Тора. Положение и теперь спасает Локи. Он говорит, что невеста не спала восемь ночей в предвкушении свадьбы. Трюм велит принести молот и вручить его на время венчания невесте.

Как сказано в предании, заполучив молот, Тор рассмеялся. А потом убил им Трюма и остальных великанов. Таков счастливый конец этой захватывающей истории. Тор («Бэтмен» или «Джеймс Бонд» асов) в очередной раз победил злые силы.

Но довольно излагать сам миф, София. Интересно другое: что им хотят сказать? Вряд ли его сочинили только для развлечения. В этом мифе содержится и некое *объяснение.* Его можно, к примеру, толковать следующим образом. Когда в стране начиналась засуха, людям хотелось понять, почему не идет дождь. Может, великаны похитили молот Тора?

Вероятно, миф пытался интерпретировать и смену времен года. Зимой природа умирает, потому что Торов молот находится в Ётунхейме. Весной же богу удается выкрасть его обратно. Так с помощью мифа люди пытались уяснить себе непонятные явления.

Миф служил не только для объяснения: нередко люди отправляли связанные с ним религиозные действа. Вполне вероятно, что на засуху или неурожай человек отвечал постановкой драмы с мифологическим сюжетом. Одного из деревенских мужчин, скажем, наряжали невестой (подложив вместо грудей камни) и поручали ему выкрасть Торов молот у ётунов. Таким образом люди могли сами способствовать тому, чтобы пролился дождь и наконец взошли хлеба.

Во всяком случае, разыгрывание «сезонного мифа» для ускорения природных процессов точно практиковалось в иных краях, чему известно множество примеров.

Мы с тобой лишь краешком глаза заглянули в мир скандинавской мифологии, где существовало огромное число мифов про Тора и Одина, про Фрейю и *Фрейра, про Хёда* и *Бальдра,* а также про многих других богов. Мифологические представления были распространены по всему миру до тех пор,

пока их не начали критиковать философы. Ведь при появлении первых философов у греков еще тоже господствовало мифологическое восприятие мира. Они веками передавали из поколения в поколение сказания о богах. В Греции богов звали ***Зевс*** **и** ***Аполлон, Гера*** **и** ***Афина, Дионис*** **и** ***Асклепий, Геракл*** **и** ***Гефест.*** **И это малая толика их имен.**

Около 700 года до н. э. значительная часть греческих мифов была записана ***Гомером*** **и** ***Гесиодом,*** **что резко изменило положение: письменный текст позволил приступить к обсуждению мифов.**

Первые греческие философы критиковали учение Гомера о богах за то, что боги у него слишком походили на людей и были эгоистичны и вероломны не меньше нас самих. Впервые было заявлено, что мифы, возможно, отражают лишь человеческие представления.

Пример подобной критики мифов мы находим у философа ***Ксенофана,*** **жившего примерно с 570 года до н. э.**

> **«Люди сотворили себе богов по своему образу и подобию, — утверждал он. — Смертные думают, будто боги рождаются, имеют одежду, голос и телесный образ, как и они. Эфиопы говорят, что их боги курносы и черны, фракияне же представляют их голубоглазыми и рыжеватыми. Но если бы быки, лошади и львы имели руки и могли рисовать… они бы изображали богов похожими на лошадей, быков и львов!»** [6]

Одновременно греки основали много городов-государств-полисов) — как в самой Элладе, так и в греческих колониях в Южной Италии и Малой Азии. Черную работу здесь выполняли рабы, поэтому свободные граждане обрели досуг для занятий политикой и участия в культурной жизни.

У населения полисов и произошел скачок в образе мыслей. Теперь человек мог независимо от других ставить вопросы организации общества, а еще задаваться философскими вопросами, не прибегая к помощи традиционных мифов.

Мы говорим, что произошел переход от мифологического мышления к мышлению, основанному на опыте и здравом смысле, или разуме. Первые греческие философы ставили перед

собой задачу найти *естественные объяснения* природных процессов.

София принялась ходить по саду. Она попыталась забыть все, чему ее учили в школе, особенно то, что написано в учебниках природоведения.

Если б она выросла в этом саду, ничегошеньки не зная о природе, как бы она воспринимала весну?

Может, попробовала бы истолковать, почему в один прекрасный день вдруг пошел дождь? Может, придумала бы какое-нибудь объяснение того, почему исчез снег и на небе появилось солнышко?

Конечно, придумала бы. И София дала волю фантазии…

> «Зима ледяным панцирем сковала землю, потому что злая колдунья Муриат посадила принцессу Сикиту в холодную темницу. Но однажды явился храбрый принц Бравато и освободил ее. От радости Сикита пошла плясать по лугам и петь песню, которую сочинила в темнице. И тогда земля и деревья расчувствовались, и снег обратился в слезы. На небо выплыло солнце и осушило их.
>
> Птицы подхватили песню Сикиты, а когда прекрасная принцесса распустила свои золотистые волосы, несколько волосков упало на землю и из них выросли лилии…»

Софии показалось, что она придумала красивую историю. Если бы она не знала иных объяснений для смены времен года, то вполне могла бы поверить в собственную выдумку.

Понятно, что людям всегда хотелось объяснить природные явления. Видимо, без этого жизнь им была не в жизнь. Вот почему до возникновения науки они насочиняли столько мифов.

НАТУРФИЛОСОФЫ

…ничто не может произойти из ничего…

Когда мама пришла с работы, София сидела в саду на качелях, размышляя о том, каким образом курс философии связан с Хильдой Мёллер-Наг, которая останется без поздравительной открытки от папы.

— София! — издали прокричала мама. — Тебе письмо!

Девочка вздрогнула. Она уже забрала сегодняшнюю почту, значит, это послание от философа. Что сказать маме?

Она неторопливо встала с качелей и двинулась навстречу.

— Письмо без марки. Не иначе как любовное.

София взяла конверт.

— Неужели не хочешь сразу вскрыть?

Какой придумать ответ?

— Ты слышала, чтобы любовное письмо вскрывали, когда у тебя над душой стоит мама?

Пускай лучше считает, что она права. София смутилась, потому что в ее возрасте рановато было получать любовные послания, но она чувствовала бы себя еще более неловко, если б выяснилось, что речь идет о целом курсе философии, который присылает ей совершенно незнакомый человек, к тому же играющий в кошки-мышки.

Сегодня конверт был небольшой, белый. Поднявшись к себе в комнату, София прочла на вложенном листочке три новых вопроса.

> *Существует ли первоначало — исходное вещество, из которого составлено все на свете?*
>
> *Может ли вода сделаться вином?*
>
> *Как могут земля и вода превратиться в лягушку?*

Вопросы показались Софии бредовыми, и тем не менее они весь вечер вертелись у нее в голове. На другой день в школе она рассмотрела каждый из них по отдельности.

Существует ли исходное вещество, из которого создано все остальное? Но если есть вещество, из которого сотворено все на свете, как оно может вдруг стать лютиком или, скажем, слоном?

То же возражение годилось и для вопроса, может ли вода сделаться вином. София слышала историю о том, как Иисус Христос превратил воду в вино, но никогда не воспринимала ее буквально. Если же Христос и впрямь сумел это сделать, то он совершил чудо, а оно не в счет. София твердо знала, что и в вине, и почти во всех естественных продуктах много воды. Но даже если огурец на девяносто пять процентов состоит из воды, в нем должно быть что-то еще, от чего огурец и стал огурцом, а не просто водой.

Теперь насчет лягушки. Ее учителя философии почему-то особенно интересуют земноводные. Возможно, София согласна, что лягушка состоит из земли и воды, но в таком случае земля содержит более одного вещества. Если земля включает в себя множество различных веществ, тогда, разумеется, можно предположить, что из земли с водой получится лягушка. Впрочем, только при условии, что из них разовьются лягушачья икра и головастики. Ведь лягушка не может вырасти в огороде, как бы регулярно его ни поливать.

Когда София вернулась из школы, в почтовом ящике ее ждал толстый конверт. Как и в предыдущие дни, она сразу же направилась в Тайник.

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКИХ ИСКАНИЙ

Вот мы и снова вместе! Сегодня мы сразу приступим к занятию, не отвлекаясь на кроликов и тому подобное.

Я хочу в общих чертах обрисовать тебе, как человек размышлял над философскими вопросами — начиная с греческой античности и до наших дней. Но давай по порядку.

Поскольку древние философы жили в иную эпоху (а также, вероятно, в обществе, отличном от нашего, с иной культурой), не мешает допытаться, каков был у каждого из них ***предмет исканий.*** **Иными словами, мы должны вникнуть в то, что именно философ намечал уяснить себе. Ведь один может заниматься проблемой**

происхождения растений и животных, а другого интересует, есть ли на свете Бог и обладает ли человек бессмертной душой.

Разобравшись в том, какую программу наметил себе определенный философ, нам будет легче следовать за ходом его рассуждений. Никто из философов не занимается всеми философскими вопросами сразу.

Я сказал «за ходом *его* рассуждений», поскольку в истории философии доминируют мужчины. Женщину всегда притесняли — и как представительницу своего пола, и как мыслящее существо. А жаль, потому что таким образом было утрачено много важного жизненного опыта. Лишь в нашем веке женщины наконец заняли подобающее место в этой области знаний.

Я не собираюсь регулярно задавать тебе уроки — во всяком случае, тебя не ждут трудные математические задачи. Не входит в сферу моих интересов и спряжение английских глаголов. Однако иногда тебе придется выполнять довольно сложные задания.

Если такие условия тебе подходят, приступим к делу.

НАТУРФИЛОСОФЫ

Первых греческих философов называли «натурфилософами», потому что их интересовали в первую очередь природа и природные явления.

Мы уже обсуждали вопрос о том, откуда взялось все сущее. Сегодня многие склонны считать, что в свое время оно возникло из ничего. Это мнение было меньше распространено среди греков. По той или иной причине они предпочитали думать, что нечто сущее было всегда.

Значит, вопрос о том, как из ничего получилось все, не был основным. Греки куда больше интересовались тем, как вода может превратиться в живую рыбу, а безжизненная земля — в высокие деревья и яркие цветы. Не говоря уже о том, как в животе у матери может зародиться младенец!

Философы собственными глазами наблюдали происходящие в природе *изменения*. Но как такие изменения возможны? Как одно

вещество переходит в другое — например, в живую, органическую материю?

Первых философов объединяла мысль о том, что за всеми изменениями в природе должно стоять некое исходное вещество, *первоначало.* Трудно сказать, почему они пришли к такому выводу. Нам лишь известно, что постепенно эта идея завоевала признание. Философы считали, что существует нечто, из чего берет начало и во что затем превращается все на свете.

Впрочем, сегодня наибольший интерес представляют не ответы, которые давали первые философы, а то, какие они ставили вопросы и какого типа ответов доискивались. Нас занимает скорее их *способ рассуждения*, чем то, *что именно* они думали.

Мы можем утверждать, что философы задавались вопросами о происходящих в природе видимых изменениях, пытались открыть некие постоянные законы природы, хотели понять природные явления, не прибегая к традиционным мифам. Прежде всего они старались постичь природные процессы через изучение самой природы. Это уже нечто большее по сравнению с попыткой объяснить гром и молнию, зиму и весну, соотнося их с событиями в мире богов!

Таким образом философия освободилась от религии. Можно сказать, что натурфилософы сделали первый шаг к *научному* мышлению, заложили основу всего последующего естествознания.

Основные высказывания и сочинения натурфилософов утрачены в веках. Немногие дошедшие до нас сведения почерпнуты из трудов *Аристотеля*, жившего примерно двумястами годами позже первых философов. Но Аристотель излагает лишь идеи, до которых додумались его предшественники, и мы далеко не всегда знаем, как ученые пришли к своим выводам. Во всяком случае, известно, что предметом исканий первых греческих философов были вопросы о первоначале и об изменениях в природе.

ТРИ ФИЛОСОФА ИЗ МИЛЕТА

Первым известным нам философом был *Фалес* из греческой колонии Милет (в Малой Азии). Он много путешествовал по свету. Рассказывают, в частности, что он определил высоту египетской пирамиды, измерив длину ее тени в ту минуту, когда собственная тень Фалеса равнялась его росту. Ему также якобы удалось предсказать солнечное затмение 585 года до н. э.

Фалес считал началом всего сущего *воду.* Что именно он под этим подразумевал, неясно. Возможно, он считал, что все живое возникает из воды и, распадаясь, опять превращается в воду.

В Египте он наверняка видел: стоит Нилу отступить с заливных земель в его дельте — и из почвы начинают пробиваться всходы. Возможно, он также наблюдал состояние лягушек и почвы после дождя.

Вполне вероятно, что Фалес размышлял над тем, как вода превращается в лед и в пар, чтобы затем вновь обратиться в воду.

Кроме того, Фалесу приписывают фразу о мире, «полном божеств». Тут мы опять-таки можем лишь догадываться, что он имел в виду. Возможно, наблюдение за тем, как земля порождает все, начиная от цветов и злаков и кончая рептилиями и тараканами, привело его к мысли, что в почве скрывается множество крохотных, невидимых глазу «семян сущего». Во всяком случае, он точно не думал о гомеровских богах.

Второго известного нам философа, который тоже жил в Милете, звали *Анаксимандром.* Он утверждал, что наш мир — лишь один из многочисленных миров, которые возникают из «беспредельного» и исчезают, снова превращаясь в него, однако под «беспредельным» он не понимал какого-либо известного вещества. Возможно, Анаксимандр считал: то, из чего сотворено все сущее, должно отличаться от сотворенного. В таком случае исходным веществом не может быть обыкновенная вода, скорее это нечто «беспредельное».

Третьим философом Милетской школы был *Анаксимен* (ок. 570-526 до н. э.). По его мнению, первоосновой, началом всего сущего должен быть *воздух,* или *эфир.*

Разумеется, Анаксимен был знаком с учением Фалеса о воде. Но откуда возникает вода? Анаксимен считал, что вода получается от сгущения воздуха. Мы же видим, как вода выжимается из

воздуха во время дождя; если воду сжимать еще сильнее, она превращается в землю, утверждал Анаксимен. Наверное, он наблюдал, как при таянии льда из него выжимаются земля и песок. Кроме того, он думал, что огонь получается разрежением воздуха. Согласно Анаксимену, и земля, и вода, и огонь образуются из воздуха.

От земли и воды недалеко до растений, которые произрастают из почвы. Возможно, Анаксимен считал, что для возникновения жизни необходимы все элементы: земля, огонь, вода и воздух, — но первостихией для него был воздух, или эфир. Иными словами, он разделял положение Фалеса о том, что в основе всех природных изменений лежит некое исходное вещество.

НИЧТО НЕ МОЖЕТ ПРОИЗОЙТИ ИЗ НИЧЕГО

Все три философа Милетской школы думали, что должно быть одно — и только одно — исходное вещество, из которого создано все сущее. Но как одно вещество может внезапно перейти в нечто совершенно иное? Назовем эту проблему *проблемой изменений.*

На рубеже VI-V веков до н. э. в греческой колонии Элее в Южной Италии жило несколько философов, ломавших голову над подобными вопросами. Самым знаменитым из них был *Парменид* (ок. 540-480 до н.э.).

Парменид утверждал, что все сущее существовало всегда. У греков эта идея пользовалась большой популярностью. Они были почти убеждены в вечности всего сущего на земле. Ничто не может возникнуть из ничего, говорил Парменид, и точно так же что-либо уже существующее не может обратиться в ничто.

Однако Парменид шел дальше большинства философов. По его мнению, какие-либо подлинные изменения вообще исключены. Всё остается самим собой и не может стать ничем иным.

Конечно, Парменид осознавал, что всё в природе постоянно изменяется. *Чувствами* он отмечал изменение вещей, однако это противоречило тому, что подсказывал ему *разум.* Вынужденный выбирать, опираться ли ему на чувства или на разум, он избрал разум.

Нам известно выражение: «Не поверю, пока не увижу собственными глазами». Но Парменид не верил и собственным глазам. Он считал, что чувства дают нам превратную картину мира, картину, не совпадающую с мыслимым бытием. Свою задачу как философа он видел в разоблачении всяческого «обмана чувств».

Столь крепкая вера в человеческий разум носит название *рационализма.* Рационалист признаёт разум единственным источником познания человеком действительности.

ВСЕ ТЕЧЕТ

Одновременно с Парменидом жил *Гераклит* (ок. 540-480 до н. э.) [7] **из малоазийского города Эфеса. Он как раз утверждал, что основополагающим свойством природы являются постоянные изменения. Видимо, можно сказать, что Гераклит больше Парменида полагался на свои чувства.**

«Все течет», — говорил Гераклит. Все пребывает в движении, ничто не продолжается бесконечно, поэтому «в одну реку нельзя войти дважды». Ведь, когда я вхожу в реку второй раз, и я, и река уже другие.

Гераклит указывал на то, что в мире отведено место и добру, и злу. Без непрерывного взаимодействия между противоположностями мир просто-напросто перестал бы существовать.

«Бог есть день-ночь, зима-лето, война-мир, сытость-голод», — говорил Гераклит. Он употребляет слово «бог», но, несомненно, подразумевает вовсе не тех богов, о которых шла речь в мифах. Для Гераклита бог — или божественное — есть нечто, охватывающее все бытие. Бог — это то, что проявляет себя в изменчивой и проникнутой противоречиями природе.

Вместо слова «бог» этот философ нередко пользуется греческим словом «логос», что значит «разум» или «слово», «речь». Хотя мы, люди, не всегда думаем одинаково и понятия о разуме у нас расходятся, существует некий «мировой разум», управляющий всем происходящим в природе, считал Гераклит. Этот «мировой

разум», или «закон природы», универсален, и все обязаны прислушиваться к нему. Однако, по Гераклиту, большинство предпочитает опираться на собственный здравый смысл. Он вообще не слишком жаловал своих собратьев. «Воззрения большинства людей подобны детским забавам», — утверждал он.

Таким образом, посреди всех царящих в природе изменений и противоположностей Гераклит видел некое единство, некую общность. Эту общность, на которой основывается все, он называл «богом», или «логосом».

ЧЕТЫРЕ ПЕРВОВЕЩЕСТВА

Парменид и Гераклит фактически отстаивали противоположные взгляды. Из *разума* Парменида явствовало, что ничто не может изменяться. Из *чувственного опыта* Гераклита явствовало иное — что в природе постоянно происходят изменения. Кто из них был прав? Стоит-ли полагаться на то, что подсказывает нам *разум,* или лучше прислушиваться к *чувствам?*

И Парменид, и Гераклит выдвигают по два положения.

Парменид учит:

а) ничто не может изменяться

и б) поэтому чувственные впечатления ненадежны.

Гераклит, напротив, утверждает:

а) все изменяется («все течет»)

и б) чувственные впечатления вполне надежны.

Трудно представить себе более серьезные расхождения во мнениях! Однако сицилийскому философу *Эмпедоклу* (ок. 494-434 до н. э.) удалось найти выход из запутанного положения, в которое попали его предшественники. Он утверждал, что и Парменид, и Гераклит правы по одному из пунктов и ошибаются по второму.

Согласно Эмпедоклу, серьезное разногласие объясняется тем, что философы исходили из существования одного-единственного первовещества. Если бы их взгляды соответствовали действительности, разрыв между доводами разума и тем, что мы «видим собственными глазами», оказался бы непреодолим.

Естественно, вода не может превратиться ни в рыбу, ни в бабочку. Она вообще не в состоянии изменяться. Сама по себе вода навечно остается всего лишь водой. Таким образом, положение Парменида о том, что «ничто не изменяется», справедливо.

Одновременно Эмпедокл соглашался со вторым утверждением Гераклита: да, нам следует полагаться на чувства. Человеку нужно доверять своим глазам, а они свидетельствуют как раз о непрерывных изменениях в природе.

Эмпедокл пришел к выводу, что необходимо отказаться от тезиса о существовании одного первоначала. Ни вода, ни воздух не могут ***сами по себе*** **превратиться в бабочку или в розовый куст, так что говорить об одном исходном веществе для всего на свете не приходится.**

Согласно Эмпедоклу, в природе существуют четыре первовещества, или, как он их называл, «корня». Эти четыре корня суть ***земля, воздух, огонь*** **и** ***вода.***

Все изменения происходят от смешения и последующего разъединения этих четырех элементов. Ведь все состоит из земли, воздуха, огня и воды, только смешанных в разных пропорциях. Когда цветок или животное погибает, четыре первовещества распадаются. Это изменение заметно невооруженным глазом. Однако земля и воздух, огонь и вода остаются неизменными, или «не затронутыми» смешением. Значит, нельзя сказать, что изменяется «все». По сути дела, не изменяется ничего. Происходит всего-навсего слияние четырех стихий и их разложение — для последующего соединения.

Здесь уместно сравнение с художником. Если у него в распоряжении всего одна краска (например, красная), он не в состоянии изобразить зеленые деревья. Если же у него есть желтый, красный и синий цвета — ему доступны сотни различных оттенков, поскольку он может смешивать краски в разных пропорциях.

То же самое легко продемонстрировать на примере с едой. Если у меня нет никаких продуктов, кроме муки, испечь торт под силу только волшебнику. Но если у меня есть вдобавок яйца, молоко и сахар, я могу испечь сколько угодно разных тортов.

Эмпедокл не случайно остановился именно на этих четырех «корнях» природы: земле, воздухе, огне и воде. Его предшественники уже пытались доказать, что первоначалом является либо вода, либо воздух, либо огонь. На воду и воздух как на важные элементы бытия указывали Фалес и Анаксимен. Греки верили и в первостепенную роль огня. Они, например, понимали значение солнца для всего живого на земле и, естественно, знали о тепле, которое поддерживается в телах людей и животных.

Эмпедокл наверняка наблюдал горение дров. При горении происходит разъединение элементов. Нам слышно, как трещит и шипит дерево. Это «вода». Что-то поднимается в виде дыма. Это «воздух». Про «огонь» и говорить нечего, он виден. А когда костер потухнет, останется горстка пепла. Это «земля».

Даже после указания Эмпедокла на то, что изменения в природе связаны с соединением и разъединением четырех корней, кое-какие вопросы остаются невыясненными. Чем вызвано сложение веществ, из которого рождается новая жизнь? И отчего «смесь», например цветок, затем опять разлагается на составные части?

По мнению Эмпедокла, в природе действуют две различные силы, которые он назвал «любовью» и «враждой». Связывает вещества воедино «любовь», а заставляет их распадаться «вражда».

Эмпедокл разделяет здесь «элементы» (стихии) и «силы», что само по себе примечательно. Наука по сей день различает «элементы» и «силы природы». Современные ученые объясняют все явления природы взаимодействием между различными «элементами» и довольно немногочисленными «силами природы».

Эмпедокл также поднял вопрос о том, что происходит при нашем восприятии вещей. Как, например, я «вижу» цветок? Что при этом совершается? Ты думала об этом, София? Если нет, у тебя есть над чем подумать!

Эмпедокл учил, что глаза, как и все прочее, состоят из земли, воздуха, огня и воды. «Земля» в моем глазу различает созданное из земли, «воздух» — из воздуха, «огонь» воспринимает огненное, а «вода» — водяное. Если бы глазу недоставало одного из элементов, я бы не видел природу в ее цельности.

ВО ВСЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ЧАСТЬ ВСЕГО

С идеей о том, что определенное первовещество — например, вода — может превращаться во все сущее, не соглашался и *Анаксагор* (500-428 до н. э.). Он не признавал и другого: что земля, воздух, огонь или вода в состоянии порождать кровь и плоть.

По Анаксагору, все в природе состоит из крохотных, невидимых глазу частичек. Все может быть поделено на еще более мелкие частицы, но даже в самых крохотных из них заключается часть всего. Если кожа и волосы не образованы из чего-то еще, значит, они должны попадаться нам в молоке, которое мы пьем, и в пище, которую мы едим, утверждал он.

В подтверждение теории Анаксагора можно привести несколько примеров из современной жизни. С помощью лазерной техники получают так называемые голограммы. Когда голограмма, скажем с изображением автомобиля, разбивается, мы все равно видим целую машину, даже если у нас остался только осколок пластинки, воспроизводивший бампер. Это происходит потому, что в мельчайшей частице присутствует вся картинка.

Примерно так же построено и наше тело. Если я вычленю клетку кожи с пальца, в ее ядре будет записана информация не только о том, как выглядит моя кожа, но и о том, какого цвета у меня глаза и волосы, сколько у меня пальцев, какой они формы и тому подобное. В каждой клеточке тела содержится подробное описание всех остальных клеток организма. Иными словами, часть всего имеется в каждой клетке, целое присутствует в каждой из крохотных частичек.

Анаксагор называет эти частички, заключающие в себе целое, «семенами вещей».

Мы помним, что, согласно Эмпедоклу, отдельные части складываются в тела под воздействием «любви». Анаксагор тоже представлял себе определенную силу, которая «сообщает порядок» всему в мире и создает людей и животных, цветы и деревья. Эту силу он называл «дух», или «ум» (нус).

Анаксагор интересен еще и тем, что он — первый из известных нам *афинских* философов. Уроженец Малой Азии, он на пятом

десятке перебрался в Афины, которые под конец жизни вынужден был покинуть из-за обвинений в безбожии. Анаксагор, в частности, учил, что Солнце — это не бог, а раскаленная глыба, по величине больше полуострова Пелопоннеса.

Анаксагор вообще увлекался астрономией. Все небесные тела, считал он, состоят из того же вещества, что и Земля (к такому выводу он пришел после изучения каменного метеорита). Значит, говорил Анаксагор, есть основания предполагать, что на других планетах тоже живут люди. Еще он указал на то, что Луна светится не сама по себе, а светом, отраженным от Земли. Он объяснил и происхождение солнечных затмений.

P. S. Спасибо за внимание, София. Не исключено, что тебе придется перечитать эту главу два, а то и три раза, прежде чем ты поймешь все в ней написанное. Но для уразумения чего-то стоит приложить усилия. Вряд ли ты бы восхищалась подругой, которая разбирается в разных предметах безо всякого труда.

Самый лучший ответ на вопрос о первовеществе и изменениях в природе ты получишь завтра, когда познакомишься с Демокритом. На сегодня всё!

София через дырочку в зарослях выглядывала в сад. Ей не хотелось уходить из Тайника, надо было собраться с мыслями после прочитанного.

Разумеется, Софии было ясно, что простая вода не может стать ничем иным, кроме льда и пара. Вода даже не может превратиться в «водяную дыню» [8], поскольку и она состоит не из одной воды. Но девочка была убеждена в этом лишь потому, что ее так научили. Разве она была бы уверена, что лед целиком состоит из воды, если б не прочла это в учебнике? Во всяком случае, ей нужно было бы самой понаблюдать за замерзанием воды и таянием льда.

София снова попробовала рассуждать самостоятельно, не опираясь на знания, полученные из чужих рук.

Парменид отказывался признавать какие-либо виды изменений. Чем больше София размышляла над этим, тем больше убеждалась, что отчасти он был прав. Его разум не мирился с положением, при котором «нечто» внезапно обращалось в «нечто совсем иное». Значит,

Парменид был очень мужественным человеком, потому что одновременно ему пришлось отрицать вообще все изменения в природе, а их мог наблюдать кто угодно. Наверное, Пармениду здорово досталось от насмешников…

Эмпедокл тоже неплохо шевелил мозгами: он сообразил, что мир состоит больше чем из одного первоначала, и таким образом сделал возможными все превращения — без изменения веществ по существу.

До всего этого древнегреческий философ дошел собственным умом. Конечно, он изучал природу, но у него ведь не было возможности проводить химические анализы, доступные сегодняшней науке.

София не очень верила в то, что все на свете состоит именно из земли, воздуха, огня и воды. Ну и что? В принципе Эмпедокл, очевидно, прав. Единственный способ признать наблюдаемые вокруг изменения и не свихнуться — это допустить существование нескольких исходных веществ.

Философия привлекала Софию прежде всего потому, что можно было самостоятельно обдумывать все рассуждения, а не вспоминать выученное в школе. На самом деле, заключила София, философию нельзя выучить, хотя, вероятно, можно научиться *философскому мышлению.*

ДЕМОКРИТ

…самая гениальная игрушка на свете…

Спрятав в коробку из-под печенья все листы, присланные неизвестным учителем философии, София выскользнула из Тайника. Пока она обводила взглядом сад, ей вспомнился вчерашний день. За завтраком мама опять поддразнивала ее насчет «любовного письма». Чтобы избежать повторения вчерашнего, София поспешила к почтовому ящику. Получить два любовных послания подряд было ровно в два раза скандальнее, чем одно.

В ящике снова лежал маленький белый конверт! София начала улавливать в приходе корреспонденции некоторую закономерность. После обеда в ящике ежедневно обнаруживался большой желтый конверт. Пока она читала длинное послание, философ пробирался к калитке и опускал очередной белый конвертик.

Это значило, что София может спокойно засечь учителя (или учительницу?)… Если встать у окна в своей комнате, ворота и почтовый ящик будут как на ладони. Тогда она наверняка увидит таинственного философа: письма ведь не появляются сами по себе.

София решила приступить к наблюдению на следующий день. Завтра пятница, и у нее в запасе будут выходные.

Теперь же она поднялась к себе и вскрыла конверт. Сегодня на бумажке стоял всего один вопрос, зато он был даже нелепее тех, что прибыли в «любовном послании»:

Почему конструктор «Лего» — самая гениальная игрушка на свете?

Прежде всего, София не была уверена, что согласна с этим утверждением. Во всяком случае, сама она давно перестала играть в пластмассовый конструктор и отказывалась понимать, какое отношение «Лего» может иметь к философии.

Но, будучи добросовестной ученицей, София порылась на верхней полке шкафа и отыскала там пакет с деталями конструктора.

Впервые за долгие годы она принялась что-то строить из «Лего». Одновременно в голову стали приходить всякие мысли.

Строить из конструктора легко, размышляла она. Каких бы разнообразных форм и размеров ни были детали, они все подходят друг к другу. Кроме того, они очень долговечны. На своей памяти София никогда не видела сломанной детали от «Лего». Ее конструктор был таким же новеньким и ярким, как в тот далекий день, когда она получила его в подарок. И самое главное: она могла построить из «Лего» все что угодно… а потом разобрать построенное и создать что-нибудь другое.

Чего еще можно желать? София пришла к выводу, что «Лего» и в самом деле заслуживает название самой гениальной игрушки на свете. Однако какое отношение конструктор имеет к философии, оставалось неясным.

Вскоре София возвела огромный кукольный дом. Она даже призналась себе, что давно не испытывала такого удовольствия. Почему люди перестают играть?

Когда вернувшаяся с работы мама увидела Софиину постройку, она воскликнула:

— Просто замечательно, что ты еще можешь играть, как ребенок!

— Я вовсе не играю, а ставлю сложный философский эксперимент.

Мама только вздохнула, вспомнив про цилиндр и белого кролика.

В пятницу после школы София вынула из почтового ящика новую пачку листов в большом желтом конверте. Она взяла их наверх, чтобы тут же начать читать, но сегодня она еще собиралась не пропустить часа, когда принесут следующее послание.

АТОМИЗМ

Это опять я. Сегодня, София, я расскажу тебе о последнем выдающемся натурфилософе. Его звали *Демокритом* (ок. 460-370 до н. э.), и он был родом из Абдер, города на побережье Эгейского моря. Если ты разрешила вопрос о «Лего», тебе будет нетрудно догадаться, чему посвятил себя этот философ.

Подобно своим предшественникам, Демокрит считал, что изменения в природе нельзя объяснить «переменами» вещества, а потому предположил, что все состоит из невидимых кирпичиков, каждый из которых вечен и неизменен. Демокрит называл эти кирпичики *атомами.*

По-гречески слово «атом» означает «неделимый». Демокрит подчеркивал, что частицы, из которых сложено все на свете, не могут делиться на более мелкие части — иначе они бы не годились для строительства. Действительно, если бы атомы расщеплялись еще больше, весь мир в конечном счете растекся бы, как водянистый суп.

Кроме того, кирпичики сущего должны быть вечными, поскольку ничто не может произойти из ничего. В этом Демокрит сходился с Парменидом и элеатами. Он также считал атомы крепкими и плотными, но неодинаковыми. Если бы атомы были одинаковыми, у нас не было бы приемлемого объяснения того, как из них получается все на свете, от цветов мака и оливковых деревьев до козьих шкур и человеческих волос.

По Демокриту, в мире существует бесконечное множество разных атомов. Одни шаровидные и гладкие, другие кривые, неправильной формы. Именно потому, что они такие непохожие, из них и можно составлять разнообразные тела. Но пусть бы даже разных видов атомов было немного, все они вечны, неизменны и неделимы.

Когда какое-либо тело — к примеру, дерево или животное — умирает и распадается на части, его атомы рассеиваются и могут использоваться для создания новых тел. Атомы ведь движутся в пространстве и благодаря разным «выступам» и «выемкам» присоединяются к окружающим нас вещам.

Теперь ты, наверное, понимаешь, почему у нас зашла речь о «Лего»? Детали конструктора обладают примерно теми же свойствами, какие Демокрит видел у атомов, — поэтому из них замечательно строить. Прежде всего, они неделимы. А еще они различаются по величине и форме, они плотные и непроницаемые. У деталей есть «выступы» и «выемки», с помощью которых их можно соединить во что угодно.

Получившиеся сооружения затем разбираются, и из тех же деталей можно строить новые вещи.

Своей популярностью конструктор обязан, в частности, тому, что им можно пользоваться снова и снова. Сегодня какая-то деталь составляет часть автомобиля, а завтра — средневекового замка. Кроме того, «Лего» действительно «вечен». Современные дети с удовольствием играют в конструктор, доставшийся им по наследству от папы или мамы.

Можно, конечно, лепить всякое из глины. Но глину нельзя использовать до бесконечности: она начинает крошиться, а маленькие комочки уже не соединить в новый предмет.

Фактически можно утверждать, что учение Демокрита об атомах было правильным. Мир в самом деле образован из разных атомов, которые соединяются друг с другом, чтобы затем вновь распасться. Атом водорода, входящий в клетку эпидермиса на кончике моего носа, раньше был частицей другой клетки, в хоботе слона. Атом углерода из моей сердечной мышцы некогда принадлежал хвосту динозавра.

Ученые XX века выяснили, что атомы все же могут делиться на более мелкие — «элементарные» — частицы. Такие частицы называют протонами, нейтронами и электронами. Вероятно, они могут распадаться на еще более мелкие части. Но физики убеждены, что распаду частиц есть предел: должны существовать *наимельчайшие частицы*, из которых и построен весь мир.

Демокрит не имел доступа к современной электронной аппаратуре. Его единственным орудием был разум, а разум не оставлял ему выбора. Если мы признаём, что ничто не может изменяться, что ничто не происходит из ничего и ничто не исчезает, тогда все сущее просто обязано состоять из крохотных кирпичиков, складывающихся вместе и затем разъединяющихся.

Демокрит не рассчитывал на вмешательство в природные явления какой-либо «силы» или «духа». По его мнению, существуют л ишь атомы и пустота. Поскольку он верил только в «материальное», мы называем его *материалистом*.

За движением атомов не стоит сознательного «умысла». Всё в природе происходит *механически*. Это не значит, что все «случайно», поскольку бытие подчиняется непреложным законам

природы. Согласно Демокриту, все происходящее объясняется естественной причиной — причиной, заложенной в самой вещи. Однажды он сказал, что предпочел бы открыть один закон природы, чем занять персидский престол.

Атомизм объясняет и наши *ощущения,* учил Демокрит. Своими ощущениями мы обязаны движению атомов в пустоте. Когда «лунные атомы» попадают мне в глаз, я вижу луну.

А как же *сознание?* Оно ведь не может состоять из атомов, то есть «материальных вещей». Может, утверждал Демокрит: он представлял себе душу состоящей из особых — сферических и гладких — «душевных атомов». Когда человек умирает, душевные атомы рассеиваются во все стороны. Впоследствии они могут войти в новую, зарождающуюся душу.

Это значит, что бессмертной души у человека нет. Такую мысль разделяют многие наши современники. Подобно Демокриту, они считают «душу» связанной с мозгом, так что после гибели мозга никакого вида сознания существовать не может.

Своим учением об атомах Демокрит на некоторое время подвел черту под греческой натурфилософией. Вслед за Гераклитом он признавал, что все сущее «течет», поскольку формы приходят и уходят. Но за всем «текущим» стоит нечто вечное и неизменное, не подверженное «течению». Это «нечто» Демокрит называл атомом.

Читая, София то и дело поглядывала в окно: не появился ли у почтового ящика ее загадочный корреспондент? Теперь же она просто смотрела на улицу, обдумывая прочитанное.

По мнению Софии, Демокрит рассуждал безумно просто — и хитро. Он нашел решение проблемы о «первоначале» и «изменениях». Проблема эта была настолько запутанной, что над ней ломало голову несколько поколений философов. В конечном счете разум подсказал ее решение Демокриту.

София чуть не рассмеялась. Конечно, мир состоит из маленьких частичек, которые всегда остаются неизменными. Однако справедливо и утверждение Гераклита о том, что все формы сущего «текут». Рано или поздно люди и животные умирают, даже горы постепенно разрушаются. Главное, что гора тоже состоит из крохотных, неделимых, никогда не исчезающих частичек.

Но Демокрит поднял и новые вопросы. Он, например, утверждал, что все происходит чисто механически. В отличие от Эмпедокла и Анаксагора, он не признавал существования сверхъестественных сил. Кроме того, Демокрит считал, что у человека нет бессмертной души.

Уверена ли София, что он прав и тут?

Не совсем. Впрочем, она еще только начинает изучать философию.

СУДЬБА

…гадалка пытается истолковать нечто, не поддающееся истолкованию…

Читая про Демокрита, София то и дело поглядывала в сторону ворот. Но теперь на всякий случай решила сама прогуляться к почтовому ящику.

Стоило ей открыть входную дверь, как она обнаружила лежащий на крыльце конвертик. И конечно, на нем стояло: «Софии Амуннсен».

Таинственный философ все-таки обвел ее вокруг пальца! Именно сегодня, когда она следила за почтовым ящиком, учитель прокрался к дому с другой стороны и исчез в лесу, оставив письмо на крыльце. Вот негодяй!

Откуда ему (или ей) было знать, что София именно сегодня решит наблюдать за почтовым ящиком? Может, он заметил ее в окне? Как бы то ни было, хорошо, что она обнаружила конверт до маминого прихода.

София вскрыла письмо у себя в комнате. Белый конверт оказался чуть влажным по краям, в середине его виднелись две глубокие выемки. Откуда эта сырость? Последний дождь шел несколько дней назад.

На бумажке было написано:

Веришь ли ты в судьбу?
Является ли болезнь Божьей карой?
Какие силы направляют ход истории?

Верит ли она в судьбу? Честно говоря, не очень. Но многие из знакомых Софии в судьбу верили. Например, несколько одноклассниц каждую неделю читали в газетах гороскопы. А если они верят в астрологию, значит, верят и в судьбу, ведь, согласно астрологии, жизнь людей на Земле зависит от расположения звезд на небе.

Если человек верит, что перебежавшая дорогу кошка приносит несчастье, значит, он тоже верит в судьбу? Чем больше София размышляла, тем больше она находила примеров веры в судьбу. Почему, скажем, говорят: «Постучи по дереву»? Или почему пятница, выпадающая на тринадцатое число, считается несчастливым днем? София слышала, что в некоторых гостиницах нет тринадцатого номера. Значит, на свете много суеверных людей.

«Суеверие». Какое все-таки странное слово… Если человек верит в православие или в ислам, это называется просто «верой». А если он верит в астрологию или в то, что пятница тринадцатого числа — невезучий день, это мгновенно обзывают «суеверием»!

Кто имеет право называть веру других людей суеверием?

Во всяком случае, София была убеждена в одном: Демокрит в судьбу не верил. Он был материалистом, который верил лишь в атомы и в пустоту.

Теперь София перешла к следующим вопросам.

«Является ли болезнь Божьей карой?» Кажется, сегодня в это уже никто не верит? Но София мгновенно вспомнила: многие молят Господа о выздоровлении. Значит, эти люди верят, что здоровье или болезнь человека зависит от Бога.

Труднее всего оказалось определить свое отношение к третьему вопросу. София никогда не задумывалась над тем, от чего и от кого зависит ход истории. Наверное, от людей? Если бы история зависела от Бога или от судьбы, у людей не было бы свободы воли.

Мысль о свободе воли связалась у Софии совсем с другим. Почему она должна терпеть, как загадочный философ играет с ней в кошки-мышки? Почему бы самой не написать философу? Ночью или завтра утром он (или она) наверняка положит в почтовый ящик очередной конверт. Тогда София сможет передать учителю собственное послание.

И София засела за письмо. Писать человеку, с которым она никогда не встречалась, оказалось очень сложно. Девочка даже не знала, мужчина ее наставник или женщина, молодой человек или пожилой. Таинственным философом мог быть и кто-нибудь из знакомых.

Вскоре она все же сочинила коротенькое письмецо:

Многоуважаемый философ! Ваш щедрый подарок в виде заочного курса философии более чем высоко оценен адресатом.

Однако нас смущает неизвестность: кто Вы такой? Поэтому просим Вас представиться полным именем. В ответ приглашаем к себе на чашечку кофе — желательно когда мамы не будет дома. Она работает с понедельника по пятницу с 7.30 до 17.00. В это время я либо в школе, либо делаю уроки, но, кроме четверга, возвращаюсь домой в четверть третьего. Кстати, я очень неплохо варю кофе. Заранее благодарю за все.

С приветом, Ваша внимательная ученица, София Амуннсен, 14 лет.

В самом низу страницы София сделала приписку: «Просьба ответить».

На взгляд Софии, письмо получилось слишком официальным. Но ведь это нелегко — подбирать слова, когда пишешь человеку без лица.

София вложила листок в розовый конверт и, заклеив, надписала: «Философу».

Самое трудное будет подложить письмо в почтовый ящик без маминого ведома. Прежде всего, нельзя класть его туда, пока мама не придет с работы. В то же время важно не забыть проверить ящик рано утром, до прихода газет. Если за вечер и за ночь не появится новых посланий, придется забрать розовый конверт.

Почему все должно быть так сложно?

Вечером София, невзирая на пятницу, рано ушла к себе. Мама пыталась соблазнить ее пиццей и детективом по телевизору, но она отговорилась тем, что устала и хочет почитать в постели. Пока мама не сводила взгляда с экрана, девочка пробралась к воротам и опустила письмо в ящик.

Мама явно беспокоилась за Софию. С тех пор как у них случился разговор о цилиндре и гигантском кролике, она стала совершенно иначе разговаривать с дочерью. Софии вовсе не хотелось лишний раз волновать ее, но сейчас нужно было подняться в свою комнату и следить за почтой.

Около одиннадцати, когда к ней зашла мама, София смотрела в окно.

— Уж не сторожишь ли ты почтовый ящик? — спросила мама.

— Что хочу, то и сторожу.

— Похоже, ты действительно влюбилась, София. Но если твой возлюбленный и принесет очередное письмо, то не посреди же ночи.

Тьфу ты! София терпеть не могла сентиментальных разговоров, однако разубеждать маму насчет влюбленности не стоило. А та продолжала:

— Это он рассказал тебе про кролика с цилиндром?

София кивнула.

— А он… может, *он* балуется наркотиками?

Софии стало ее жалко. Не хватает, чтобы мама волновалась еще по этому поводу. Вообще полный бред считать, что интересные мысли приходят человеку только под кайфом. Взрослые иногда бывают тупы до невозможности.

— Уверяю тебя, мама, — обернулась к ней София, — я никогда не пробовала и не собираюсь пробовать ничего такого… А *он* тоже ничем не балуется. Зато он увлекается философией.

— Он старше тебя?

София покачала головой.

— Твой ровесник?

Она кивнула.

— И увлекается философией?

София опять кивнула.

— Ну что ж, он наверняка очень милый. А теперь, дружок, пора ложиться.

Но София еще долго вглядывалась в дорогу. К часу ночи у нее от усталости начали слипаться глаза. Она уже готова была идти спать, как вдруг заметила приближающуюся со стороны леса тень.

На улице было довольно темно, и все-таки София различила силуэт мужчины. Кажется, довольно пожилого, во всяком случае, отнюдь не ее ровесника! На голове у него было надето что-то вроде егерской фуражки или берета.

Незнакомец окинул взглядом дом, но София предусмотрительно сидела без света. Тогда мужчина направился к почтовому ящику и опустил туда большой конверт. Обнаружив в ящике Софиино послание, он извлек его и поспешил обратно к лесу. Добежав до тропинки, незнакомец скрылся из виду.

София чувствовала, как бьется сердце. Больше всего ей сейчас хотелось сорваться с места и прямо в ночной рубашке бежать следом.

Впрочем, нет, она бы не решилась посреди ночи ринуться за незнакомым мужчиной. Но выйти за конвертом надо, это она понимала.

Выждав какое-то время, София крадучись спустилась с лестницы и, тихонько прикрыв за собой дверь, направилась к почтовому ящику. Буквально через несколько минут она вернулась в комнату с конвертом, села на кровать и, затаив дыхание, прислушалась. Чуть погодя, убедившись, что в доме по-прежнему царит спокойствие, она вскрыла письмо и принялась читать.

Разумеется, ждать ответа на собственное послание можно было не раньше завтрашнего утра.

СУДЬБА

Доброе утро, дорогая София! Позволь мне на всякий случай предупредить тебя: не пытайся за мной шпионить. В свое время мы с тобой обязательно встретимся, однако когда и где — решаю я. Теперь ты это знаешь и, надеюсь, не станешь упорствовать, правда?

Но вернемся к нашим философам. Мы видели их попытки найти естественные объяснения природным процессам, которые ранее объяснялись с помощью мифов.

Впрочем, от предрассудков начинают избавляться и в других областях, в частности при обсуждении *политических событий* или вопросов *здоровья* и *нездоровья*. В обоих случаях у древних греков преобладала вера в судьбу.

Под верой в судьбу понимается вера в то, что все происходящее определено заранее. С такой трактовкой событий мы сталкиваемся в разных концах земного шара — и сегодня, и на протяжении всей истории. В Скандинавии твердая вера в «рок» была выражена, например, в родовых исландских сагах.

Кроме того, и в Греции, и за ее пределами распространено мнение, будто человек может выяснить свою судьбу с помощью *оракулов*. Люди верят, что существуют способы предугадывать судьбу отдельной личности и государства.

Многие до сих пор не прочь довериться гаданию на картах, хиромантии или ворожбе по звездам.

В Норвегии особенно популярно гадание на кофейной гуще. Когда кофе выпит, в чашке остается немного гущи. Возможно, она образует некий узор или картинку — во всяком случае, если подойти к ее рассматриванию с долей фантазии. Если изображение напоминает автомобиль, не исключено, что пившего из чашки ожидает далекое путешествие на машине…

Как видишь, гадалки пытаются истолковывать нечто, совершенно не поддающееся истолкованию. Это типично для любых гаданий. Именно благодаря неясности предмета, по которому «ворожат», с гадалками очень сложно спорить.

Подняв взгляд на звездное небо, мы увидим поистине хаос светящихся точек. Тем не менее на протяжении веков очень многие считали, что звезды могут рассказать нам о жизни на Земле. По сей день находятся правители, которые, прежде чем принять важное решение, испрашивают совета у астрологов.

ДЕЛЬФИЙСКИЙ ОРАКУЛ

Греки верили, что узнать свою судьбу можно у знаменитого оракула в Дельфах. Богом-предсказателем здесь выступал *Аполлон.* Он прорицал через жрицу *пифию,* сидевшую на треножнике над расщелиной в земле. Из расщелины выходил дурманящий газ, который вызывал у пифии головокружение. Без дурмана ей бы не доверили служить Аполлоновым рупором.

Прибыв в Дельфы, нужно было прежде всего задать свой вопрос тамошним жрецам, а уже они передавали его пифии. Ответ бывал столь невнятен и двусмыслен, что за толкованием опять-таки приходилось обращаться к жрецам. Так греки извлекали пользу из мудрости Аполлона: они считали, что ему известно все — как в прошлом, так и в будущем.

Многие государственные деятели не осмеливались вступать в войну и принимать другие важные решения, не испросив совета у дельфийского оракула. Фактически жрецы Аполлона играли роль

своеобразных дипломатов или советников, прекрасно осведомленных о жизни народа и государства.

Над храмом в Дельфах было высечено известное изречение: «ПОЗНАЙ СЕБЯ САМОГО!» Оно содержало призыв к человеку не мнить о себе слишком много… а также намек на то, что ни одному человеку не избежать своей судьбы.

У греков ходило много историй про то, как людей настигала их судьба. Позднее они сочинили ряд пьес о подобных «трагических» героях. Наибольшую славу снискала трагедия про царя *Эдипа.*

ИСТОРИЯ И МЕДИЦИНА

Судьбой определялась не только жизнь отдельных личностей. Греки верили в то, что судьба направляет сам ход событий в мире. Даже сегодня многие убеждены, что все происходящее на свете зависит от Бога или других мистических сил.

Но в то самое время, когда греческие философы пытались найти естественные причины явлений природы, происходило становление исторической науки, искавшей естественные причины хода мировых событий. Поражение одного государства в войне более нельзя было приписать мести богов. Самыми известными греческими историографами были *Геродот* (484-424 до н. э.) и *Фукидид* (460-400 до н.э.).

Греки считали, что недуги также могут вызываться вмешательством богов. Заразные болезни нередко толковались как Божья кара. С другой стороны, боги, если им приносили подобающие жертвы, могли способствовать выздоровлению человека.

Такая трактовка отнюдь не специфична для греков. До появления медицины нового времени причины болезней чаще всего усматривались в области сверхъестественного. Кстати, слово «инфлюэнца» на самом деле означает, что звезды не благоприятствуют человеку, что он находится под их дурным влиянием.

До сих пор по всему миру находится масса людей, убежденных, что разные болезни — в частности, СПИД — представляют собой

Божью кару. Многие также верят в возможность сверхъестественного исцеления больных.

Как раз когда философы Древней Греции выработали новое мировоззрение, там возникла медицина, которая пыталась найти естественные объяснения болезням и здоровью. Основы греческой медицины заложил *Гиппократ*, родившийся около 460 года до н. э. на острове Косе.

Согласно врачебному учению Гиппократа, предупреждать болезни лучше всего через соблюдение умеренности и здорового образа жизни. Естественное состояние человека — быть здоровым. Болезнь возникает, когда природа «сходит с рельсов» из-за нарушения телесного или душевного равновесия. Человек приходит к здоровью через умеренность, гармонию и девиз «в здоровом теле здоровый дух».

В наше время часто заходит речь о врачебной этике, под которой подразумевается обязанность врача следовать в своих поступках определенным этическим нормам. Врач, например, не имеет права выписывать рецепты на наркотические вещества здоровым людям. Помимо этого, врач обязан хранить обет молчания, то есть не имеет права разглашать сведения, которые узнал от пациента о его болезни. Эти идеи также берут начало у Гиппократа. Он требовал от своих учеников следующей клятвы:

> **«Я буду лечить больных на пользу их здоровью, сообразно с моими силами и моим разумением, стараясь не причинять им ничего недоброго и вредного. Если кто попросит у меня смертельного средства, я не дам ему и не покажу пути для этого. Чисто и непорочно буду я вести свою жизнь и вершить свое искусство.**
>
> **В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, не имея никаких дурных умыслов по отношению к нему и домашним его. Что бы я в том доме ни увидел или ни услышал из того, что не подлежит разглашению, я буду молчать о том, как о тайне.**
>
> **И если я буду верен этой клятве, то да пошлют мне боги счастие в жизни и славу в искусстве на вечные времена, если же я нарушу ее, то да свершится все обратное этому»** [9]**.**

Проснувшись в субботу утром, София так и подскочила на постели. Ей приснилось — или она в самом деле видела философа?

Девочка пошарила под кроватью. Да, там лежал полученный ночью конверт. София помнила все, что прочитала о греческой вере в судьбу. Значит, это был не сон.

Ну конечно, она видела философа! Более того, она собственными глазами видела, что он взял ее письмо.

София встала и заглянула под кровать. Вытащила из-под нее машинописные листы. Но что это? За ними, возле самой стены, лежало что-то красное. Похоже на шарф. София забралась под кровать и выудила оттуда красное шелковое кашне. Ясно было одно: у нее такого никогда не было.

Разглядывая кашне, она тихонько вскрикнула. Вдоль шва было черной ручкой написано: «ХИЛЬДА».

Хильда! Что же это за Хильда? Как могло случиться, что их пути постоянно пересекаются?

СОКРАТ

…умнее тот, кто знает, чего он не знает…

Накинув платье, София вскоре спустилась в кухню. Мама стояла, наклонившись над раковиной. Про кашне девочка решила не рассказывать.

— Ты взяла газету? — невольно спросила София.

— Будь добра, принеси ее, — оторвалась от посуды мама.

София выбежала на гравийную дорожку и через минуту уже заглядывала в почтовый ящик.

Только газета. Конечно, нельзя мгновенно ожидать ответа на свое письмо. На первой странице газеты внимание Софии привлекло несколько строчек про норвежский батальон миротворческих сил ООН в Ливане.

Батальон ООН… Не его ли штемпель стоял на открытке от Хильдиного отца? Правда, марки там были норвежские. Но может быть, у норвежцев в батальоне собственная почта?…

— Как ты, однако, стала интересоваться газетами, — насмешливо заметила мама, когда София вернулась в кухню.

К счастью, ни за завтраком, ни после мама не касалась темы почтового ящика и Софииного «возлюбленного». Потом она ушла в магазин, а София, прихватив письмо о вере в судьбу, залезла в Тайник.

Около коробки с философским курсом она вдруг увидела белый конвертик. Сердце Софии бешено заколотилось. Она была уверена, что его принесла туда не она.

Этот конверт тоже был мокрый по краям. И, как на вчерашнем белом конвертике, в нем проступали две вмятины.

Неужели сюда приходил философ? Значит, ему известно про ее секретное убежище? Но почему конверты мокрые?

У Софии голова шла кругом от всех этих вопросов, разорвав конверт, она прочла вложенный листок.

Дорогая София! Я с большим интересом — и с некоторой грустью — прочел твое письмо. С грустью, потому что должен разочаровать тебя в отношении чашечки кофе и прочего. Когда-нибудь мы с тобой непременно встретимся, но пройдет еще немало времени, прежде чем я смогу показаться на Капитанском повороте.

Кроме того, должен сообщить, что с сегодняшнего дня больше не буду доставлять письма лично. Рано или поздно это стало бы слишком опасно. Последующие письма будут приходить с моим маленьким курьером — зато прямо в твое тайное убежище.

В случае нужды ты по-прежнему можешь сама связываться со мной. Для этого нужно только выложить на видное место розовый конверт с кусочком сахара или сладкого печенья внутри. Обнаружив такой конверт, посыльный доставит его мне.

P. S. Не думай, что это приятно — отказывать барышне, которая приглашает тебя на кофе. Но иногда приходится.

P. P. S. Если тебе попадется красное шелковое кашне, прошу сохранить его. Такой обмен вещами иногда случается, особенно в школах и других подобных заведениях. А у нас, как-никак, философская школа.

С приветом,

Альберто Нокс [10].

София прожила на свете четырнадцать с лишним лет и за свою юную жизнь получила немалое количество писем, в основном поздравлений с Новым годом, днем рождения и так далее. Но она еще не держала в руках столь странного письма.

Прежде всего, оно было без марки. Его даже не клали в почтовый ящик, а принесли прямо в сверхсекретное убежище Софии в бывшей живой изгороди. Удивительно было и то, что в сухую весеннюю погоду письмо оказалось мокрым.

Больше всего Софию, конечно, потряс шелковый шарф. У ее философского наставника есть вторая ученица. Хорошо! Эта ученица потеряла красный шарф. Отлично! Но как она могла потерять его под кроватью у Софии?!

А чего стоит сам Альберто Нокс… Надо ж иметь такое имечко!

Во всяком случае, письмо подтверждает, что между учителем философии и Хильдой Мёллер-Наг существует какая-то связь. Но с

чего вдруг Хильдин отец начал путаться с адресами, оставалось непостижимым.

София долго размышляла над тем, какое отношение имеет к ней Хильда. В конце концов она безнадежно вздохнула. Философ пишет, что когда-нибудь они встретятся. Может, она хотела бы встретиться и с Хильдой?

София повернула листок. На обороте оказалось еще несколько строк.

Существует ли природная стыдливость?

Умнее тот, кто знает, чего он не знает.

Истинное понимание приходит изнутри.

Человек, знающий, что такое добро, не станет поступать дурно.

София давно сообразила, что короткие фразы в белых конвертиках призваны подготавливать ее к содержанию больших конвертов, которые прибывают следом. Теперь ее осенило: если курьер доставит желтый конверт прямо в Тайник, София может дождаться его (или ее). А потом вцепиться в пришедшего и не отпускать, пока он (или она) не расскажет побольше про философа! Кроме всего прочего, в письме говорилось, что посыльный «маленький». Может, это ребенок?

«Существует ли природная стыдливость?»

София знала, что «стыдливостью» раньше называли стеснительность — например, когда человек не хотел показаться кому-то в голом виде. Но естественно ли стесняться этого? Естественным называют то, что относится ко всем людям. Однако во многих частях света естественно как раз ходить голышом. Значит, что считать приличным, а что неприличным, определяется обществом? Например, когда бабушка была молодой, загорать без лифчика было совершенно неприлично. Теперь же большинству это кажется «естественным», хотя во многих странах появляться в таком виде на пляже по-прежнему запрещено. София почесала в затылке. Это тоже относится к философии?

Второе предложение гласило: «Умнее тот, кто знает, чего он не знает».

Умнее кого? Если философ хочет сказать: тот, кто осознает, что не знает всего на свете, умнее того, кто знает не больше первого, но считает себя очень знающим, — тогда он, конечно, прав. София никогда раньше не задумывалась над этим, но чем больше она думала сейчас, тем яснее ей становилось, что знать, чего ты не знаешь, — по сути дела, тоже некое знание. Во всяком случае, она терпеть не могла людей, свысока рассуждавших о вещах, о которых имели весьма слабое представление.

Далее следовала мысль об истинном понимании, которое приходит изнутри. Но ведь, кажется, все знания человек так или иначе получает извне? С другой стороны, София не всегда воспринимала то, чему ее пытались научить мама и учителя. По-настоящему научиться чему-то она могла, только приложив собственные усилия. Иногда ее вдруг как бы озаряло — тогда, видимо, и приходило то, что называют истинным пониманием.

Ну что ж, с первыми заданиями София вроде справилась неплохо. Зато последнее показалось ей безумно смешным: «Человек, знающий, что такое добро, не станет поступать дурно».

Неужели грабитель совершает налет на банк, потому что не знает, что это дурно? Нет, София была с этим не согласна. Напротив, по ее мнению, и дети, и взрослые совершают уйму глупых поступков (о которых впоследствии могут жалеть) вопреки собственным убеждениям.

И тут до Софии донесся треск сухих сучьев с той стороны живой изгороди, что была обращена к лесу. Может, это курьер? Душа ушла в пятки. Девочка тем более перепугалась, когда услыхала звериное дыхание.

Еще секунда — и у лаза в Тайник показалась крупная собака, похожая на лабрадора. Пес держал в зубах большой конверт, который и положил у ног Софии. Все произошло настолько быстро, что она не успела опомниться. Спустя мгновение девочка сжимала в руках конверт… а золотистый пес уже скрылся в лесу. Страх проявился после. Уткнув лицо в коленки, София разрыдалась.

Она не знала, сколько просидела так. Наконец она подняла голову.

Вот, значит, какой у философа посыльный! — с облегчением подумала девочка. Вот почему белые конверты намокали по краям и были с глубокими вмятинами. Как же она сразу не догадалась? Теперь

стало ясно и почему нужно было вложить в конверт кусочек сахара или печенья, если она соберется написать философу.

Увы, иногда сообразительность отказывала ей. Впрочем, догадаться, что курьером служит дрессированная собака, было трудно. А уж о том, чтобы выудить из посыльного какие-нибудь сведения про Альберто Нокса, не могло быть и речи.

София вскрыла большой конверт и начала читать.

АФИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Дорогая София! Читая эти строки, ты, вероятно, уже познакомилась с *Гермесом.* На всякий случай сообщаю, что Гермес — собака. Но пусть тебя это не смущает. Он очень добрый пес и к тому же понятливее многих людей. По крайней мере не строит из себя более умного, чем есть на самом деле.

Обрати внимание и на неслучайность его имени. Гермес был посланцем богов. Он также покровительствовал мореплавателям, хотя это сейчас неважно. Важнее другое — что от его имени образовалось слово «герметический», то есть плотно закрытый, непроницаемый и еще — сокровенный, сокрытый[11]**. Это более чем подходяще к нашему случаю, поскольку Гермес помогает нам оставаться сокрытыми друг для друга.**

На этом представление курьера закончено. Разумеется, он знает свою кличку и вообще довольно хорошо воспитан.

Обратимся к философии. Мы уже покончили с первым разделом. Я имею в виду натурфилософию и отход от мифологических представлений о мире. Теперь нам предстоит познакомиться с тремя величайшими философами древности: *Сократом, Платоном* и *Аристотелем.* Каждый из этих философов внес свою лепту в развитие европейской цивилизации.

Натурфилософов также часто называют «досократиками», поскольку они жили раньше Сократа. Считается, правда, что Демокрит умер несколькими годами позже Сократа, тем не менее его мировоззрение относится к «досократической» натурфилософии. Мы несколько переместимся и в географическом отношении. Собственно говоря, Сократ был

первым философом, родившимся в Афинах. И он, и двое его последователей жили и трудились в этом городе. Возможно, ты помнишь, что Анаксагор тоже некоторое время прожил в Афинах, но его изгнали оттуда, так как он считал Солнце огненным шаром. (У Сократа дела сложились ничуть не лучше!)

Начиная с эпохи Сократа культурная жизнь Древней Греции сосредоточивается в Афинах. Еще более примечательно то, что при переходе от натурфилософов к Сократу изменяется и предмет философских исканий.

Но прежде чем говорить о Сократе, остановимся на так называемых *софистах*, игравших в его эпоху весьма заметную роль в жизни Афин.

Поднимай занавес, София! История мысли — это своеобразная драма во многих действиях.

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ — ЧЕЛОВЕК

Примерно с 450 года до н. э. Афины стали культурным центром греческого мира. Обрела новое направление и философия.

Натурфилософы были в первую очередь естествоиспытателями, поэтому они играют немаловажную роль и в истории науки. В Афинах же основной интерес сосредоточился вокруг человека и его места в обществе.

В этом городе постепенно сложилась демократия с народными собраниями и судами. Непременным условием демократии было получение народом образования, которое нужно для участия в демократических процедурах. Что юной демократии требуется народное просвещение, находит подтверждение и в наши дни. Афинянам прежде всего необходимо было овладеть искусством красноречия (риторикой).

Вскоре в Афинах обосновалась прибывшая из греческих колоний группа странствующих учителей и философов, называвших себя *софистами*. Слово «софист» значит «знаток» или «мудрец». Софисты зарабатывали себе на жизнь, обучая горожан разным наукам.

С натурфилософами софистов объединяло одно существенное обстоятельство: и те и другие критически относились к традиционным мифам. Одновременно софисты отрицали то, что они называли бесполезными философскими спекуляциями. Даже если философские вопросы и поддаются разрешению, люди не в силах доискаться точного ответа на загадки природы и Вселенной. Подобная точка зрения называется в философии *скептицизмом.*

Но если мы не можем ответить на все загадки природы, то нам по крайней мере известно, что мы люди, а потому должны научиться ладить друг с другом. Софистов как раз в первую очередь интересовал человек и его место в обществе.

«Человек есть мера всем вещам», — говорил софист *Протагор* (ок. 487-420 до н. э.). Под этим он подразумевал, что всё в жизни — правильное и неправильное, хорошее и плохое — должно определяться исключительно исходя из потребностей человека. Когда его спрашивали, верит ли он в греческих богов, он отвечал, что «многое препятствует знать это: и неясность вопроса, и краткость человеческой жизни». Тех, кто, подобно Протагору, не в состоянии твердо высказать свое мнение о существовании бога, мы называем *агностиками.*

Софисты переезжали из полиса в полис и навидались разных способов правления. Сильно разнились не только нравы и обычаи, но и законы городов-государств. На этом фоне софисты затеяли обсуждение вопроса о том, что *обусловлено природой,* а что *диктуется обществом,* и таким образом заложили в афинском государстве основы общественной критики.

Они, например, указывали на то, что выражения типа «природная стыдливость» не всегда правомерны. Ведь если стыдливость «природна», то есть «естественна», значит, она врожденная. Но действительно ли она врожденная, София, или диктуется обществом? Для человека, поездившего по свету, ответ прост: страх показаться в голом виде перед другими людьми не «естествен» и не врожден. Стыдливость (или ее отсутствие) связана в первую очередь с нравами и обычаями конкретного общества.

Как ты понимаешь, своими утверждениями о том, что абсолютных *норм* правильного и неправильного не существует,

странствующие софисты вызвали в афинском обществе ожесточенные споры.

КТО ТАКОЙ СОКРАТ?

Сократ (470-399 до н. э.) — одна из наиболее загадочных личностей во всей истории философии, и в то же время он входит в число философов, оказавших наибольшее влияние на европейское мировоззрение. Это не в последнюю очередь объясняется его трагической смертью.

Нам известно, что родился он в Афинах и большую часть жизни провел на площадях и улицах этого города, разговаривая с прохожими. «Местности и деревья ничему не хотят меня научить», — говорил он. Он мог также часами простаивать на одном месте, погруженный в раздумья.

Сократ еще при жизни слыл загадочным человеком, а вскоре после кончины его объявили родоначальником сразу нескольких философских направлений. Именно в силу его загадочности и неоднозначности различные течения и могли считать Сократа выразителем своих идей.

Точно известно, что он был страшен как смертный грех: низенький, толстый, с курносым носом и глазами навыкате. Но душа у него, говорят, была «совершенно потрясающая». И еще о нем же: «Сколько ни ищите в наше время, сколько ни ищите в прошлом, никогда вам не найти человека, подобного ему». Тем не менее за философскую деятельность Сократ был приговорен к смерти.

О жизни Сократа мы знаем в первую очередь благодаря Платону — его ученику, впоследствии тоже ставшему одним из величайших в истории философов. Платон сочинил много *диалогов*, или философских бесед, в которых использовал учителя для выражения своих взглядов.

Когда Платон вкладывает какие-то речи в уста Сократа, нельзя быть уверенным, что тот действительно произносил их, поэтому отчленить учение Сократа от слов самого Платона довольно сложно. Сходная проблема возникает и в связи со

многими другими историческими личностями, не оставившими после себя письменных свидетельств. Наиболее известный пример, естественно, Иисус Христос. Мы не можем быть уверены, что «исторический Христос» в самом деле произносил слова, которые приписывают ему Матфей или Лука. Точно так же всегда оставалось загадкой, что в действительности утверждал «исторический Сократ».

Но не столь важно, каков был подлинный Сократ. В течение почти двух с половиной тысячелетий мыслители Запада вдохновлялись прежде всего образом Сократа, созданным Платоном.

ИСКУССТВО БЕСЕДЫ

Сократ отличался тем, что не стремился просвещать народ. Напротив, он как будто сам хотел поучиться у своих собеседников. Он не изображал из себя наставника, а просто-напросто *беседовал.*

Однако, если бы Сократ ограничивался слушанием других, он бы ни в коем случае не стал знаменитым философом. Его бы не приговорили и к смерти. Больше всего вопросов Сократ задавал в самом начале беседы — и только *притворялся,* будто ничего не знает. По ходу разговора философ нередко вынуждал собеседника признать недостатки его рассуждений. Припертый в угол, тот волей-неволей уяснял себе, что верно, а что неверно.

Говорят, мать Сократа была повитухой, и Сократ сравнивал свои занятия с повивальным искусством. Повитуха ведь не *рожает* ребенка, а лишь присутствует при родах и помогает роженице. Вот и Сократ считал своей задачей помогать людям «рожать» истинное знание. Ведь истинное понимание и истинное знание не могут быть навязаны другими, они приходят изнутри. Только в этом случае достигается настоящее «постижение».

Уточняю: способность рожать детей относится к естественным человеческим качествам. Способность к познанию философских истин также естественна и происходит через обращение к собственному разуму. Рассуждая, человек извлекает истины из самого себя.

Нередко Сократ заставлял собеседников шевелить мозгами как раз тем, что прикидывался простаком или невежей. С помощью так называемой «сократической иронии» он указывал на уязвимые места в мировоззрении афинян, причем нередко делал это посредине площади, то есть при большом скоплении людей. Встреча с Сократом была чревата тем, что тебя поднимут на смех перед всем честным народом.

Неудивительно, что со временем Сократ стал казаться настырным и раздражающим — особенно власть имущим. Сократ сравнивал Афины с «обленившимся конем», нуждающимся «в том, чтобы его подгонял какой-нибудь овод». «Вот… бог и послал меня в этот город, — говорил Сократ, — чтобы я, целый день носясь повсюду, каждого… будил, уговаривал, упрекал непрестанно». (А что делают с оводом, София? Можешь мне ответить?)

БОЖЕСТВЕННЫЙ ГОЛОС

Сократ изводил своих соотечественников укусами вовсе не для того, чтобы помучить их. В нем жило нечто, не оставлявшее ему иного выбора. Он не раз повторял, что слышит внутренний «божественный голос». Сократ, например, отказывался участвовать в вынесении смертных приговоров. Кроме того, он не желал выдавать политических противников. В конечном счете все это и стоило ему жизни.

В 399 году до н. э. его обвинили во «введении новых божеств» и «развращении юношества». Суд присяжных в составе 500 человек незначительным большинством голосов признал его виновным.

Конечно, он мог просить о помиловании. Во всяком случае, мог спасти свою жизнь, если бы согласился покинуть Афины. Но поступи он так, он не был бы Сократом. Все дело в том, что совесть — и истина — была для него дороже собственной жизни. Он уверял, что действовал исключительно для блага государства. Тем не менее его приговорили к смерти. Вскоре он в присутствии ближайших друзей осушил чашу с ядом, упал и мгновенно умер.

Почему, София? Почему Сократу пришлось умереть? Этот вопрос задают уже 2400 лет. Но Сократ был не единственным человеком в истории, который, исчерпав все доводы, пошел за свои убеждения на смерть. Я уже упоминал Христа, а его, оказывается, многое роднит с Сократом. Назову лишь несколько общих черт.

И Сократа, и Христа даже их современники считали людьми загадочными. Ни тот, ни другой не изложили своих взглядов на бумаге, не оставили письменного наказа потомкам, так что мы вынуждены целиком полагаться на образ, созданный их учениками. Несомненно, однако, что оба блистали красноречием. Кроме того, их отличало ярко выраженное чувство собственного достоинства, а это могло задевать и раздражать других. Не менее важно еще одно сходство: оба утверждали, что говорят от имени некоей высшей силы. Они бросали вызов стоявшим у кормила правления, критикуя все виды несправедливости и злоупотребления властью, за что оба поплатились жизнью.

Очевидные параллели прослеживаются и в отношении судебных процессов над Сократом и над Иисусом Христом. Оба вполне могли бы просить о помиловании и тем спасти свою жизнь. Но они чувствовали в себе призвание и знали, что предадут его, если не выстоят до конца. Именно благодаря тому, как гордо они встретили смерть, вокруг них впоследствии сплотились тысячи сторонников.

Проводя параллели между Христом и Сократом, я отнюдь не хочу сказать, что эти два человека были одинаковы. Меня прежде всего привлекает другое: они обладали определенным мировоззрением, неотделимым от их личного мужества.

АФИНСКИЙ ДЖОКЕР

Это опять-таки Сократ, София! Не думай, что с ним покончено. Мы коснулись его метода, но каков предмет его философских исканий?

Сократ был современником софистов. Как и они, он интересовался не столько натурфилософскими проблемами,

сколько человеком и его жизнью. Через несколько столетий один римский философ — *Цицерон* — скажет, что Сократ «свел философию с неба и поселил в городах, ввел в дома и заставил рассуждать о жизни и нравах, о добре и зле».

Однако Сократ расходился с софистами по одному важному пункту. Он не воспринимал себя как «софиста», то есть как ученого или мудреца. Нет, Сократ предпочитал называть себя «философом» в подлинном смысле слова. Ведь на самом деле «философ» — это человек, который «любит мудрость», стремится обрести ее.

Тебе все ясно, София? Чтобы разобраться в дальнейшем изложении, нужно усвоить разницу между софистом и философом. Софисты брали плату за свои более или менее изощренные рассуждения, и такие «софисты» не раз заявляли о себе на протяжении веков. Я имею в виду школьных учителей и прочих благожелательных выскочек, которые либо довольны собственными скудными познаниями, либо претендуют на компетентность в предметах, в которых на самом деле ничего не смыслят. При всей твоей юности ты уже наверняка навидалась подобных «софистов». Настоящий «философ», София, — это нечто иное, можно сказать, прямо противоположное. Философ убежден, что, в сущности, знает крайне мало, а потому снова и снова пытается достичь истинного понимания. Сократ относился как раз к таким уникальным людям. Он *был уверен*, что ничего не знает ни о жизни, ни о мире. И самое главное: ему было мучительно сознавать свое невежество.

Итак, философ — это человек, признающий, что многого не понимает, и мучающийся этим. По сути дела, он умнее всех, кто хвастает познаниями в тех сферах деятельности, в которых совершенно не разбирается. «Умнее тот, кто знает, чего он не знает», — сказал я. Сам Сократ говорил, что ему известно одно: он не знает ничего. Обрати внимание на его слова, поскольку они большая редкость, особенно в устах философов. Иногда такое признание просто рискованно — сделанное официально, оно может стоить человеку жизни. Ведь наиболее опасны люди, *задающие вопросы.* Отвечать гораздо безопаснее. В одном-

единственном вопросе может заключаться больше взрывной силы, чем в тысяче ответов.

Ты слыхала про новое платье короля? В действительности король был совершенно голый, однако никто из подданных не решался сказать ему об этом. И вдруг нашелся ребенок, который выкрикнул, что король голый. Этот ребенок был очень *смелым*, София. Сократ тоже проявил мужество, заявив, как мало знаем мы, люди. Впрочем, о сходстве детей и философов у нас уже шла речь выше.

Уточняю: человечество поставлено перед рядом важных вопросов, на которые нам далеко не просто найти приемлемые ответы. И тогда открываются две возможности: мы можем либо обманывать себя и окружающих, делая вид, будто знаем все необходимое, либо, закрыв глаза на глобальные вопросы, раз и навсегда отказаться от движения вперед. Отсюда и деление человечества на две части. Грубо говоря, люди делятся на твердо уверенных и на равнодушных. (И те и другие зарываются как можно глубже в кроличий мех!) Это, дорогая София, напоминает разделение карточной колоды на две половины. Черные масти кладутся в одну стопку, красные — в другую. Однако потом в колоде попадается джокер, который не принадлежит ни к червям с бубнами, ни к пикам с трефами. Сократ и был в Афинах таким джокером, или темной лошадкой. Он не относился ни к уверенным, ни к равнодушным. Он только знал, что ничего не знает, — и страдал от этого. Вот почему он стал философом — человеком, который не отступает, а неуклонно стремится к подлинному знанию.

Рассказывают, что один афинянин спросил дельфийского оракула, кто в Афинах превыше всех мудростью. Оракул ответил, что Сократ. Услышав это, Сократ, мягко говоря, удивился. (Думаю, София, он даже рассмеялся!) Он немедленно пошел в город и отыскал человека, которого и сам он, и другие люди считали очень умным. Когда же этот человек не сумел точно ответить на заданные ему вопросы, философ вынужден был признать, что пифия права.

Сократу важно было найти прочную основу знаний. По его собственному утверждению, он обрел такую основу в человеческом

разуме. Из-за твердой веры в разум Сократа можно отнести к убежденным *рационалистам.*

ВЕРНОЕ ПОНИМАНИЕ ВЕДЕТ К ПРАВИЛЬНЫМ ПОСТУПКАМ

Я уже упоминал, что Сократ слышал в себе божественный голос, голос «совести», который объяснял ему, что правильно, а что неправильно. «Человек, знающий, что такое добро, не станет поступать дурно», — говорил он. Он считал, что верное понимание ведет к правильным поступкам. И «настоящий человек» — лишь тот, кто поступает правильно. Мы поступаем неверно, поскольку не знаем, как надо; вот почему важно расширять свои познания. Сократ, в частности, и стремился дать предельно четкое и пригодное на все случаи жизни определение того, что такое добро, а что — зло. В отличие от софистов, он считал, что способность различать добро и зло подвластна не обществу, а разуму.

Возможно, София, ты не совсем согласна с последним тезисом. Попробую зайти с другого конца: по мнению Сократа, если человек поступает против своих убеждений, он не может быть счастлив. А тот, кто знает, как ему обрести счастье, попытается достичь своей цели. По той же причине человек, знающий, что такое хорошо, хочет и поступать правильно. Никто ведь не желает самому себе несчастья?

А как думаешь ты, София? Ты могла бы жить счастливо, постоянно совершая поступки, которые в глубине души считаешь дурными? Многие то и дело лгут, воруют, говорят про других гадости, хотя прекрасно знают, что поступают нехорошо или, если угодно, нечестно. И ты думаешь, они счастливы?

Сократ так не думал.

Прочитав письмо про Сократа, София торопливо спрятала его в коробку и выбралась в сад. Чтобы избежать расспросов о том, где она была, София хотела попасть в дом до маминого возвращения из магазина. Кроме всего прочего, она обещала вымыть посуду.

Не успела девочка набрать в раковину воды, как пришла мама с двумя огромными сумками продуктов. Вероятно, поэтому она первым

делом заметила:

— А ты, однако, припозднилась.

— Это Сократ виноват, — невольно вырвалось у Софии.

— Сократ? — изумленно переспросила мама.

— Жаль только, что он поплатился за свои убеждения жизнью, — в глубоком раздумье продолжала девочка.

— Что с тобой творится, София?! Я скоро совсем не буду знать, что к чему.

— Сократ тоже не знал. Он только знал, что ничего не знает. И все равно был самым умным человеком в Афинах.

Мама совсем растерялась.

— Это вас в школе научили? — наконец выговорила она.

София энергично замотала головой.

— Там нас не учат ничему… В том-то и разница между школьным учителем и настоящим философом. Учитель считает себя всезнающим и старается вдолбить свои знания ученикам, а философ познаёт мир вместе с ними.

— Ага, ты опять заводишь речи о белых кроликах. Наверное, тебе пора рассказать о своем возлюбленном. Иначе напрашивается мысль, что он малость не в себе.

— Он-то в себе! — резко повернувшись к матери и размахивая посудной щеткой, отозвалась София. — Только он вроде овода, который выводит из себя других, чтобы заставить их отказаться от стереотипного мышления.

— Это уж слишком! По-моему, он просто-напросто зазнайка.

София опять склонилась над посудой.

— Он не зазнайка и не всезнайка. Он стремится к истинному знанию, к мудрости, что и отличает джокера от остальных карт в колоде.

— «Джокера»?

София кивнула.

— Ты когда-нибудь задумывалась о том, что в колоде масса червей и бубен, пик и треф, а джокер всего один?!

— Как ты разговариваешь с матерью, милая?

— Так же, как ты разговариваешь с дочерью!

Мама уже разложила по местам покупки и теперь, взяв газету, ушла в гостиную. Софии показалось, что она несколько громче

обычного закрыла за собой дверь.

Домыв посуду, девочка поднялась к себе. Там она вынула из шкафа красный шелковый шарф, который вместе с конструктором положила на верхнюю полку, и долго рассматривала его.

Хильда…

АФИНЫ

…множество высоких зданий восстало из руин…

Ближе к вечеру мама пошла в гости к подруге. Стоило ей выйти за ворота, как София побежала в сад и забралась в Тайник в бывшей живой изгороди. Рядом с коробкой из-под печенья лежал толстый сверток. Девочка торопливо разорвала бумагу: видеокассета!

Бегом обратно в дом. Видеокассета! Это нечто новое. Но откуда философ знает, что у них есть видак? И что записано на кассете?

София сунула ее в магнитофон. Вскоре на экране появилось изображение большого города. Не прошло и минуты, как София сообразила, что ей показывают Афины: камера наехала на Акрополь.

София не раз видела знаменитые руины на картинках. Но эта картинка была живая. Между развалинами храма бродили толпы по-летнему одетых туристов с фотоаппаратами на шее. Кажется, у одного мелькнул в руках плакат? Вот он опять! Неужели там написано «Хильда»?

Чуть погодя на экране появился крупный план мужчины средних лет. Невысокого роста, с аккуратно подстриженной черной бородкой, в голубом берете. Глядя прямо в объектив, он произнес:

— Добро пожаловать в Афины, София. Как ты наверняка догадалась, я — Альберто Нокс. Для большей доходчивости повторю лишь одно: белого кролика по-прежнему извлекают из черного цилиндра Вселенной.

Мы стоим на Акрополе. Слово *акрополис* значит «городская крепость»… или, точнее, «верхний город», «вышеград». Это место заселили еще в каменном веке, что объясняется его расположением: высокое плато было легко оборонять от врагов. Кроме того, с Акрополя хорошо просматривались окрестности, в том числе одна из лучших средиземноморских гаваней… Со временем, когда Афины распространились на прилегающую к плато равнину, Акрополь стал играть роль крепости и религиозного центра. В первой половине V

века до нашей эры шла ожесточенная война с персами, и в 480 году персидский царь *Ксеркс* разграбил Афины и сжег все старые деревянные постройки на Акрополе. Годом позже персов разбили, после чего, София, и начинается золотой век Афин. Акрополь был отстроен заново, став еще красивее и великолепнее прежнего, теперь он превратился исключительно в храмовый ансамбль. В ту эпоху Сократ и разгуливал по его площадям и улицам, беседуя с афинянами, так что он мог наблюдать за возрождением Акрополя и сооружением величественных зданий, которые мы видим вокруг. Стройка развернулась грандиозная! За моей спиной возвышается самый большой храм Акрополя. Он получил название Парфенон — или «святилище Девы» — и был возведен в честь покровительницы города, богини *Афины.* В огромном мраморном здании нет ни одной прямой линии, все четыре стены имеют небольшую кривизну. Это было сделано для облегчения восприятия. Несмотря на гигантские размеры, храм не кажется громоздким, что обусловлено обманом зрения. Колонны тоже слегка наклонены внутрь: если их продлить, они бы образовали пирамиду с вершиной на высоте полутора километров над храмом. Внутри колоссального сооружения находилась лишь двенадцатиметровая статуя Афины. Хочу добавить, что раскрашенный в яркие цвета белый мрамор привозили с горы в шестнадцати километрах отсюда…

София пребывала в смятении. Неужели человек, обращающийся к ней с экрана, и вправду учитель философии? Она ведь только однажды видела в темноте его силуэт. Но мужчина, который стоял на афинском Акрополе, вполне мог быть тем же человеком.

Вот он двинулся вдоль длинной стороны Парфенона, и камера последовала за ним. Достигнув края обрыва, он указал куда-то вбок от себя. Оператор взял в кадр старинный театр, расположенный в низине у подножия акропольского холма.

— Это театр Диониса, — продолжал мужчина в берете, — вероятно, самый древний театр в Европе. При жизни Сократа здесь исполнялись великие трагедии *Эсхила, Софокла* и *Еврипида*. Я уже упоминал софокловскую трагедию о несчастном царе Эдипе. Впервые она была поставлена именно здесь. Но тут играли и комедии. Самым знаменитым комедиографом был *Аристофан,* который, в частности, сочинил глумливую комедию о городском чудаке Сократе. Сзади видно

каменную стену, на фоне которой давали представление актеры. Она называлась *скене,* откуда и произошло наше слово «сцена». Что касается слова «театр», в основе его лежит древнегреческий глагол *теа* — «смотреть». Не волнуйся, София, мы вернемся и к философам. Вот только обойдем Парфенон и спустимся со стороны входа…

Коренастый учитель философии обошел вокруг огромного храма, и справа открылся вид на несколько других святилищ, поменьше. Философ начал спускаться между высокими колоннами. Дойдя до подножия Акрополя, он влез на пригорок и простер руку к Афинам.

— Холм, на котором мы стоим сейчас, называется *Ареопаг*[12]. Здесь заседал верховный афинский суд, рассматривавший дела об убийствах. Спустя несколько веков апостол Павел рассказывал отсюда афинянам о Христе и христианстве. Но об этом мы поговорим в другой раз. Внизу слева тебе должны быть видны руины древней афинской площади. За исключением большого храма в честь бога-кузнеца Гефеста, от нее остались лишь глыбы мрамора. Пойдем туда…

В следующее мгновение он уже вынырнул между развалинами. Над его головой — в самом верху экрана у Софии — возвышался акропольский храм Афины. Учитель философии присел на мраморную глыбу. Устремив взгляд в камеру, он продолжил разговор:

— Мы сидим сбоку рыночной площади древних Афин, известной как агора. Грустное зрелище, верно? Я хочу сказать — сегодня. Но некогда вокруг прямоугольника площади были собраны величественные храмы и торговые лавки, судебные палаты и другие общественные здания, концертный зал и огромный гимнасий… На этом пятачке закладывались основы европейской культуры. Такие слова, как «политика» и «демократия», «экономика» и «история», «биология» и «физика», «математика» и «логика», «теология» и «философия», «этика» и «психология», «теория» и «метод», «идея» и «система» (а также огромное множество других), обязаны своим происхождением немногочисленному народу, повседневная жизнь которого протекала вокруг этой площади. Тут ходил Сократ, заводя разговоры с прохожими. Иногда он останавливал раба, который нес амфору с оливковым маслом, и задавал бедняге какой-нибудь философский вопрос. Ведь Сократ считал рабов наделенными ничуть не меньшим рассудком, чем у аристократов. Иногда он стоял здесь, оживленно споря с кем-нибудь из афинских граждан… или тихо

рассуждая со своим юным учеником Платоном. Даже удивительно думать об этом. Мы до сих пор говорим о «сократической философии» и «платонизме», однако быть чьим-то последователем — совсем не то, что быть самим Платоном или Сократом.

Конечно, Софии тоже было удивительно думать об этом. Однако не менее удивительным было для нее общение с учителем философии — не через печатные страницы, а через видеозапись, доставленную в Тайник загадочной собакой.

Но вот философ встал с мраморной глыбы и, понизив голос, сказал:

— Вообще-то я собирался на этом кончить, София, поскольку просто хотел показать тебе Акрополь и остатки древнеафинской агоры. Но я не уверен, что ты представляешь себе все великолепие этой площади в былые времена, а потому не удержался от соблазна пойти чуть дальше… Естественно, я делаю это на собственный страх и риск… рассчитывая на твое умение держать язык за зубами… Во всяком случае, заглянуть одним глазком не помешает…

Он умолк, хотя еще долго стоял, не сводя глаз с объектива. И вот на экране возникла совсем иная картинка. Множество высоких зданий восстало из руин. Как по мановению волшебной палочки, на месте древних развалин поднялись дома. Горизонт по-прежнему заслонялся Акрополем, но теперь и его храмы, и строения внизу, на агоре, были новехонькие — раскрашенные в яркие цвета и позолоченные. По четырехугольнику площади прогуливались люди в разноцветных хитонах. Кто-то был опоясан мечом, кто-то нес на голове кувшин, кто-то держал под мышкой папирусный свиток.

Только сейчас София разглядела своего философа. На голове у него по-прежнему красовался берет, но сам он, подобно окружавшим его людям, был облачен в желтый хитон. Подойдя ближе, философ сказал:

— Теперь мы с тобой находимся в древних Афинах. Сама понимаешь, София, мне очень хотелось взять тебя сюда. Дело происходит в четыреста втором году до нашей эры, за три года до смерти Сократа. Надеюсь, ты оценишь мои усилия: достать тут видеокамеру было нелегко…

София была совершенно сбита с толку. Как этот загадочный человек вдруг очутился в Афинах 2400 лет тому назад? Как она может смотреть видеозапись из другой эпохи? Разумеется, София знала, что никакого видео в древности не было. Художественный фильм? Но все

мраморные здания выглядели очень натурально. Неужели кто-то построил целую афинскую площадь с Акрополем в придачу ради одного фильма?… Дороговатые декорации. В любом случае цена, заплаченная за Софиино знакомство с Афинами, казалась непомерной.

Человек в берете снова поднял взгляд на девочку.

— Видишь тех двоих, у парадного входа с колоннами?

Тут София обратила внимание на старика в поношенном хитоне — с окладистой курчавой бородой, вздернутым носом, пухлыми щеками и проницательными голубыми глазами. Рядом стоял красивый юноша.

— Это Сократ и его ученик, Платон. Правда, здорово, София? Но давай я лучше познакомлю тебя с ними.

И учитель философии направился туда, где в монументальном портике стояли двое мужчин. Поравнявшись с ними, он приподнял берет и сказал что-то непонятное — вероятно, по-гречески. Спустя некоторое время философ опять посмотрел в объектив.

— Я объяснил, что с ними хочет познакомиться одна норвежская девочка. Сейчас Платон задаст тебе несколько вопросов для размышления. Только нужно торопиться, пока нас не обнаружила стража.

У Софии сдавило виски: к камере подступил молодой человек.

— Добро пожаловать в Афины, София! — приветливо молвил юноша. Он говорил по-норвежски, но сильно коверкая слова. — Меня зовут Платон, и я дам тебе четыре задания. Прежде всего подумай о том, как кондитер может испечь пятьдесят совершенно одинаковых пирожных или пряников. Потом спроси себя, почему все лошади похожи. Затем поразмышляй, веришь ли ты в бессмертие человеческой души. И наконец, тебе предстоит ответить на вопрос, одинаково ли разумны мужчины и женщины. Желаю успеха!

В следующую секунду изображение пропало. София перемотала пленку вперед, потом назад, однако больше на кассете ничего не было.

София попыталась собраться с мыслями, но додумать хоть одну до конца было невозможно: они путались, скакали с пятого на десятое…

Что ее учитель философии оригинальный педагог, София поняла давно, однако теперь, когда его методы обучения стали противоречить общеизвестным законам природы, это было уже слишком.

Неужели она и впрямь видела по телевизору Сократа и Платона? Исключено. Тем не менее речь явно не шла и о мультфильме.

Вынув кассету из видеомагнитофона, София бегом поднялась к себе и запихнула ее на верхнюю полку шкафа, где уже лежал конструктор. Затем она без сил повалилась на кровать и уснула.

Через несколько часов в комнату зашла мама.

— Что с тобой, София? — спросила она, легонько тряхнув дочку за плечо.

— Гммм…

— Как ты могла лечь спать одетая?

София раскрыла глаза.

— Я была в Афинах, — сказала она.

На большее ее не хватило. Повернувшись на другой бок, София снова заснула.

ПЛАТОН

…стремление обратно, в истинное обиталище души…

Наутро София проснулась, словно ее разбудили. Посмотрела на часы. Только начало шестого, а сна ни в одном глазу. Девочка села в кровати.

Почему она лежит одетая? И тут вспомнилось вчерашнее. Подставив скамеечку для ног, София заглянула на верхнюю полку шкафа. Совершенно верно — видеокассета там. Значит, это был не сон. Во всяком случае, частично.

Неужели она действительно видела Платона и Сократа? Нет, об этом лучше не думать. Может, мама права, когда говорит, что в последнее время с Софией творится что-то странное.

Как бы то ни было, заснуть не удастся. Может, сходить в Тайник? Вдруг собака принесла новое письмо…

Девочка прокралась вниз по лестнице и, надев кроссовки, вышла в сад.

Там было изумительно светло и покойно. В прозрачном воздухе щебетали пташки, их заливистое пение едва не рассмешило Софию. В траве хрусталиками переливались капли утренней росы.

София в очередной раз поразилась тому, какое невероятное чудо этот мир.

В бывшей живой изгороди тоже было довольно сыро. Письма от философа София не нашла, но все равно вытерла толстый корень и села.

Она вспомнила задания, которые ей дал видео-Платон. В первом шла речь о том, как кондитеру испечь 50 совершенно одинаковых пирожных.

София всерьез задумалась: она посчитала бы такое подвигом. Когда мама в кои-то веки делала целый противень берлинского печенья, все пирожные получались разные. Конечно, она не пекарь, и иногда у нее вообще не выходило ничего хорошего. Но и покупные пирожные не

бывали абсолютно одинаковыми. Каждое из них творилось кондитером заново.

И тут на лице Софии проступила хитрая улыбка: девочка вспомнила, как однажды, пока их с папой не было дома, мама испекла рождественские пряники. Вернувшись из города, они обнаружили на кухонном столе множество пряничных человечков. Они не были тютелька в тютельку одинаковые и все же явно приходились друг другу родней. Почему, спрашивается? Да потому, что мама выдавливала их из теста одной и той же *формочкой*.

София осталась довольна своими рассуждениями о пряниках и посчитала, что справилась с первым заданием. Если кондитер изготавливает 50 совершенно одинаковых пирожных, значит, он делает их одной формочкой. С этим покончено!

Затем видео-Платон, посмотрев в объектив скрытой камеры, спросил, почему все лошади похожи. Но двух одинаковых лошадей не бывает, хотела бы возразить ему София, как не бывает двух одинаковых людей.

Она уже готова была бросить задание, однако припомнила свои рассуждения про пряники. Пряники тоже не были абсолютно одинаковые: какой-то мог выйти толще, какой-то — вообще раскрошиться. Тем не менее любому человеку было ясно, что в некотором смысле пряники одинаковые.

Возможно, Платон хотел спросить, почему лошадь — лошадь, а не что-то среднее между лошадью и свиньей. Ведь, хотя некоторые лошади бывают бурые, как медведи, а другие — белые, как овцы, у всех них есть нечто общее. София, скажем, еще не встречала лошади о шести или о восьми ногах.

Но вряд ли Платон имел в виду, что лошади похожи, поскольку изготовлены по одной форме.

Следующий вопрос Платона был очень серьезный и сложный. Есть ли у человека бессмертная душа? На такой вопрос София затруднялась ответить. Она знала лишь, что тело умершего либо сжигают, либо хоронят в земле, так что у тела явно никакого будущего нет. Если признать, что человек наделен бессмертной душой, одновременно надо признать, что он состоит из двух разных частей: тела, которое по прошествии скольких-то лет изнашивается… и души, которая существует более или менее независимо от тела. Бабушка однажды

сказала, что, как ей кажется, стареет лишь тело, — внутри она по-прежнему чувствовала себя молоденькой девушкой.

Мысль о девушке привела Софию к следующему вопросу: одинаково ли разумны мужчины и женщины? Честно говоря, она не была в этом уверена. Впрочем, смотря что Платон имел в виду под «разумностью»…

София тут же вспомнила рассказ философа о Сократе. Сократ утверждал, что философские истины доступны каждому человеку, если только он пораскинет умом. Кроме того, по Сократу, раб обладает не меньшим разумом для решения философских проблем, чем аристократ. София была убеждена, что Сократ объявил бы одинаково разумными также мужчину и женщину.

Ее размышления прервал треск: через кусты кто-то продирался, пыхтя и фырча, как паровая машина. В следующее мгновенье в Тайник пролез желтый пес с большим конвертом в зубах.

— Гермес! — обрадовалась София. — Вот спасибо!

Пес положил конверт Софии на колени, и она принялась гладить его по загривку.

— Умница, Гермес, умница, — похвалила она.

Пес улегся на землю и с удовольствием отдался Софииным ласкам. Впрочем, чуть погодя он вскочил и полез обратно — тем же путем, что и пришел. София с желтым конвертом в руке поспешила следом. Проскользнув сквозь плотные заросли, она быстро оказалась за пределами сада.

Гермес направился к опушке леса, София на расстоянии нескольких метров трусила за ним. Раз-другой собака обернулась и зарычала, но Софии не хотелось сдаваться. Она была настроена отыскать философа — даже если придется бежать до самых Афин.

Пес прибавил ходу и скоро свернул на лесную тропинку. София тоже ускорила бег, но через несколько минут Гермес остановился и облаял ее, как настоящий сторожевой пес. София не отступила, напротив, у нее появилась возможность сократить разрыв.

Гермес припустил по тропинке во весь дух, и в конце концов девочка вынуждена была признать, что не может тягаться с ним. Она долго стояла на одном месте, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Вот стихли и они.

София села на пенек у края вырубки. Обнаружив, что все еще сжимает в руке желтый конверт, она вскрыла его, извлекла несколько новых страниц и стала читать.

ПЛАТОНОВСКАЯ АКАДЕМИЯ

Спасибо за прошлый раз[13], София. Как ты понимаешь, я имею в виду нашу встречу в Афинах. Теперь я по крайней мере официально представился тебе. С *Платоном* я тебя тоже познакомил, так что можно сразу приступать к делу.

Когда Сократа вынудили осушить чашу с ядом, Платону (427-347 до н. э.) исполнилось 29 лет. Он долгое время был учеником Сократа, а потому внимательно следил за возбужденным против него судебным делом. То, что Афины приговорили к смерти своего старейшего гражданина, не просто произвело на Платона неизгладимое впечатление, но определило направление всей его философской деятельности.

Смерть Сократа продемонстрировала Платону огромный разрыв между *фактическим* состоянием общества и *справедливым,* или *идеальным,* государством. Первым поступком Платона как самостоятельного философа было обнародование речей, произнесенных Сократом в свою защиту перед большим судом присяжных.

Ты, конечно, помнишь, что сам Сократ не оставил после себя сочинений. У многих же досократиков труды были, однако большая часть этих письменных источников оказалась утраченной для последующих эпох. Что касается Платона, главные из его трудов сохранились. (Помимо «Апологии Сократа», в которой он излагает Сократовы речи на суде, до нас дошли его письма и целых 35 философских диалогов.) Эти произведения сохранились благодаря философской школе, основанной Платоном близ Афин. Располагалась она в роще, носившей имя героя греческих мифов Академа, а потому получила название Академии. (С тех пор во всем мире было учреждено несколько тысяч различных «академий». Между прочим, у нас до сих пор в ходу

выражения «академик», «академический год», «академическая успеваемость»!)

В платоновской Академии преподавали философию, математику и гимнастику. Возможно, слово «преподавание» не совсем подходит к данному случаю. В этой Академии, как и у Сократа, преобладала живая беседа. Не случайно Платон избирает для своих сочинений форму *диалога.*

ВЕЧНО ИСТИННОЕ, ВЕЧНО ПРЕКРАСНОЕ И ВЕЧНО СПРАВЕДЛИВОЕ

Во вступлении к философскому курсу я говорил, что нередко бывает полезно поставить вопрос о предмете исканий того или иного философа. Вот я и спрашиваю: изучением чего занимался Платон?

Совсем коротко можно сказать, что Платона интересовала связь между вечным и неизменным, с одной стороны, и «текучим», подвижным, изменяемым — с другой. (Иными словами, в точности то же, что досократиков!)

Мы также упоминали, что софисты и Сократ, уйдя от натурфилософских проблем, уделяли больше внимания человеку и обществу. Это верно, но, помимо всего прочего, и софистов, и Сократа тоже отчасти интересовала связь между вечным и неизменным, с одной стороны, и тем, что «течет», с другой. Более того, они занимались этой проблемой в свете человеческой *морали* и общественных *идеалов,* или *добродетелей.* Грубо говоря, софисты считали: решение вопроса о том, что справедливо, а что несправедливо, меняется от полиса к полису и от поколения к поколению. Таким образом, вопрос о справедливости и несправедливости относится к изменяющимся, «текучим». Сократ не был согласен с софистами. По его мнению, существует ряд вечных, не подверженных влиянию времени правил о том, что хорошо, а что плохо. Каждый человек может дойти до этих неизменных *норм* с помощью разума, поскольку человеческий разум как раз относится к вещам вечным и неизменным.

Ты следишь за моей мыслью, София? Тогда переходим к Платону. Его интересует вечное и неизменное *как* в природе, *так* и в морали и общественной жизни. Да, для Платона это одно и то же. Он пытается познать свое — вечное и неизменное — «бытие». Собственно говоря, в этом и заключается предназначение философов. Они существуют вовсе не для того, чтобы выбирать самую красивую девушку года или самые дешевые помидоры этой недели. (Поэтому философы не всегда пользуются популярностью!) Они закрывают глаза на подобные эфемерные, «сиюминутные» вещи, стараясь привлечь внимание к тому, что «вечно истинно», «вечно прекрасно» и «вечно справедливо».

Итак, мы по крайней мере в общих чертах обрисовали себе предмет философских исканий Платона. Теперь рассмотрим отдельные его детали. Попытаемся вникнуть в удивительное мировоззрение, наложившее отпечаток на всю последующую европейскую философию.

МИР ИДЕЙ

И Эмпедокл, и Демокрит указывали на то, что все явления бытия «текучи», хотя должны существовать и некие другие феномены — никогда не изменяющиеся первоначала («четыре корня» или «атомы»). Платон согласен с такой постановкой вопроса, но совершенно иначе подходит к его разрешению.

По Платону, в природе «течет» все, что мы воспринимаем и ощущаем, иными словами, не поддающихся разложению «первовеществ» не существует. Абсолютно все относящееся к «чувственному миру» сделано из материала, который подвержен воздействию времени. При этом все создано по определенной «форме», по вечному и неизменному образцу.

Ясно? Хорошо, зайдем с другого конца…

Почему все лошади похожи, София? Возможно, ты так не считаешь, однако у всех лошадей есть нечто общее, нечто, помогающее нам безошибочно отличать лошадь от других животных. Естественно, отдельная лошадь «течет», то есть она

может быть хромой или старой, со временем она начинает болеть и умирает. Однако сама «форма» лошади вечна и неизменна.

Для Платона вечно и неизменно отнюдь не физическое «первоначало», а некие духовные или абстрактные формы, образцы, по которым создаются все предметы и явления.

Уточняю: досократики предложили правдоподобное объяснение природных изменений, не предусматривавшее того, чтобы вещи по-настоящему «менялись». Они утверждали, что в круговороте природы существуют некие вечные, постоянные мельчайшие частицы, которые не поддаются разрушению. «Конечно, София! Так оно и есть!» — говорю я. Но у досократиков не было приемлемого объяснения того, ***как*** **эти мельчайшие частицы, некогда бывшие «кирпичиками», составлявшими лошадь, по прошествии четырех-пяти веков могут вдруг опять слепиться вместе и воссоздать лошадь… или слона… или, скажем, крокодила! Платон подчеркивал, что из Демокритовых атомов никогда не получается «кроколон» или «слонодил». Эта мысль и дала толчок его философским размышлениям.**

Если ты уже поняла, к чему я клоню, можешь пропустить следующий абзац. На всякий случай привожу еще пример: ты берешь часть конструктора «Лего» и строишь из него лошадь. Потом разбираешь ее и кладешь детали в коробку. Тебе не приходится рассчитывать, что, потряся коробку с конструктором, ты получишь целую лошадь. Разве детали могут сами по себе соединиться в новую лошадь? Нет, София, построить лошадь можешь только ты… и только потому, что у тебя в голове есть представление о внешнем виде лошади. Таким образом, лошадь из конструктора создается по образу, который неизменен от одной лошади к другой.

Удалось ли тебе справиться с заданием про 50 одинаковых пирожных? Давай исходить из того, что ты свалилась на землю с луны и никогда в жизни не видела кондитерской. И вот ты заглядываешь в довольно соблазнительную кондитерскую и видишь 50 разложенных на столе одинаковых пряничных человечков. Полагаю, ты бы почесала в затылке и стала соображать, как они могли получиться одинаковыми. Впрочем, у одного из них, скажем, не хватает руки, у другого отвалилась

голова, а у третьего вырос огромный живот. По зрелом размышлении ты, однако, склонишься к выводу, что все пряники имеют, так сказать, *общий знаменатель.* Хотя ни один из них не идеален, у них явно должно быть *общее происхождение.* Ты поймешь, что все пряники сделаны одной и той же формой. Более того, София: тебя охватит сильнейшее желание увидеть эту форму. Ведь ясно, что сама форма должна быть несравненно более совершенной — я бы сказал, более красивой, — чем любое из ее менее казистых подобий.

Если ты справилась с заданием самостоятельно, значит, ты решила одну из философских проблем точно так же, как Платон. Подобно большинству философов, он «свалился с луны». (И устроился сверху кроличьего меха, на самом кончике шерстинки.) Его заинтересовало, почему все явления природы схожи друг с другом, и он пришел к выводу, что это объясняется существованием ограниченного числа *форм,* лежащих за всем или в основе всего сущего. Эти формы Платон называет идеями. За всеми лошадьми, свиньями и людьми находится «идея лошади», «идея свиньи» и «идея человека». (К примеру, в вышеупомянутой кондитерской могут делать пряничных человечков, пряничных свиней и пряничных лошадей, ведь в любой порядочной пекарне есть не одна, а несколько форм. Однако на каждый вид пряников приходится одна-единственная форма.)

Вывод: согласно Платону, за «чувственным миром» должна стоять особая действительность. Такую действительность он называет *миром идей.* Здесь находятся вечные и неизменные «первообразы» (образцы) всех явлений, с которыми мы сталкиваемся в природе. Это примечательное мировоззрение известно как платоновская *теория идей.*

ИСТИННОЕ ЗНАНИЕ

Надеюсь, София, ты поняла все, что я рассказывал. Но ты вправе спросить: неужели Платон всерьез утверждал такое? Неужели он действительно считал возможным существование подобных форм в некоем ином мире?

Нет, Платон не утверждал этого на протяжении всей своей жизни, однако в некоторых его диалогах звучат именно такие мысли. Попытаемся проследить за ходом его рассуждений.

Как уже говорилось, философ стремится к постижению вечного и неизменного. Вряд ли, например, был бы толк от философского труда о жизни конкретного мыльного пузыря. Во-первых, сомнительно, чтобы можно было успеть досконально изучить его, прежде чем он исчезнет. Во-вторых, философское сочинение по поводу предмета, которого никто не видел и который просуществовал каких-нибудь пять секунд, скорее всего, пользовалось бы весьма ограниченным спросом.

Согласно Платону, все окружающее нас в действительности — собственно говоря, все, что мы воспринимаем чувствами, — можно сравнить с мыльным пузырем, поскольку ничто из существующего в чувственном мире не бывает долговечным. Как тебе прекрасно известно, все люди и животные рано или поздно разрушаются и умирают. Даже мраморная глыба постепенно изменяется и в конце концов разламывается. (Акрополь лежит в руинах, София! «Возмутительно!» — можешь сказать ты. Тем не менее это так.) Платон проводит мысль о том, что мы не в состоянии получить точное знание про вещи, подвергающиеся непрестанному изменению. Обо всем, что относится к чувственному миру (и что мы, следовательно, можем воспринять чувствами), у нас есть лишь неточные представления, или *мнения. Истинное знание* **мы получаем лишь о том, что постигается разумом.**

Сейчас, София, я разъясню мысль Платона. Отдельно взятый пряничный человечек может быть настолько деформирован, пока подходит и выпекается, что трудно бывает получить о нем точное представление. Однако, посмотрев штук двадцать-тридцать таких пряников, каждый из которых отличается большим или меньшим совершенством, я смогу достаточно уверенно судить о формочке, с помощью которой их вырезали из теста. И я приму этот образ, даже если никогда не видел самой формочки. Собственно говоря, вряд ли, увидев ее, я получу более точное представление, поскольку нам ни в коем случае нельзя полагаться на свои чувства. Ведь даже зрение у разных людей разное. Зато мы вполне

можем полагаться на то, что подсказывает нам разум, потому что он у всех одинаковый.

Если ты сидишь в классе с еще тридцатью учениками и учитель спросит вас, какой цвет радуги самый красивый, он наверняка получит самые разные ответы. Но если он спросит, сколько будет трижды восемь, весь класс обязан прийти к одному результату. В этом случае решающее слово принадлежит разуму, а разум (или ум) в некотором смысле противоположен мнению и ощущению. Можно сказать, что ум вечен и универсален именно постольку, поскольку высказывается лишь о вечных и универсальных отношениях.

Платон много занимался математикой. Ведь математические соотношения остаются неизменными, почему мы и можем получить о них точное знание. Однако теперь нам нужен пример. Представь себе, что ты нашла в лесу шишку. Предположим, тебе кажется, что она круглая, а Йорунн утверждает, что она с одной стороны примята. (Вы начинаете спорить об этом!) Но у вас не может быть истинного знания о том, что воспринимается глазами. Зато вы можете спокойно утверждать, что в окружности 360°. В этом случае вы будете говорить об идеальной окружности, которой, возможно, не существует в природе, но которую вы совершенно отчетливо видите мысленным взором. (Речь, таким образом, идет о скрытой форме, по которой сделан пряник, а не о конкретном пряничном человечке, лежащем на кухонном столе.)

Подвожу краткий итог. 0 том, что *воспринимается ощущениями,* мы можем иметь неточное представление. Истинное знание можно иметь лишь о том, что *постигается умом.* Сумма углов треугольника всегда будет равняться 180°. Так же и «идеальная» лошадь всегда будет стоять на четырех ногах, даже если все лошади в чувственном мире охромеют.

БЕССМЕРТНАЯ ДУША

Итак, Платон считал действительность разделенной надвое.

С одной стороны, это *чувственный мир,* знания о котором могут быть лишь приблизительными и несовершенными, поскольку мы

познаём его своими пятью — приблизительными и несовершенными — органами чувств. В чувственном мире «все течет» и, следовательно, ничто не долговечно. Здесь ничто не *существует,* все вещи только появляются и исчезают.

Вторую же половину действительности составляет *мир идей,* о котором мы можем иметь истинное знание благодаря уму. Иными словами, этот мир идей непознаваем с помощью ощущений. Зато идеи (или формы) вечны и неизменны.

Согласно Платону, человек тоже как бы поделен надвое. У нас есть *тело,* которое «течет». Оно накрепко связано с чувственным миром, и его ожидает та же судьба, что и все прочие вещи (например, мыльный пузырь). Все наши ощущения связаны с телом и, следовательно, ненадежны. Однако у нас есть также бессмертная *душа,* где обитает ум. Благодаря своей нематериальности душа и способна заглядывать в мир идей.

Фактически это самое главное. Но есть кое-что еще, София. Повторяю: ЕСТЬ КОЕ-ЧТО ЕЩЕ!

По утверждению Платона, душа начала свое существование *прежде,* чем поселилась в теле. В свое время она жила в мире идей. (Лежала на верхней полке шкафа вместе с формочками для пряников.) Однако стоило душе очутиться в человеческом теле, как она забыла все совершенные идеи. И тут начинает происходить нечто фантастическое. По мере того как человек знакомится с формами действительности, в его душе пробуждается слабое воспоминание. Скажем, человек видит лошадь — но лошадь несовершенную (того же пряничного конька!). Этого оказывается достаточно, чтобы в душе возникло слабое воспоминание о совершенной лошади, которую душа некогда видела в мире идей. Одновременно пробуждается и стремление души назад, в привычное для нее обиталище. По Платону, это стремление называется *эрос,* что значит «любовь». Итак, душа тоскует, испытывает «любовное томление» по родине. С этого времени тело и все относящееся к ощущениям воспринимаются ею как нечто несовершенное и несущественное. Душа хочет унестись на крыльях любви «домой», в мир идей. Ей хочется высвободиться из «телесного узилища».

Однако следует подчеркнуть, что это описание Платона относится к идеальной жизни. Отнюдь не все люди отпускают свою душу на волю, давая ей возможность предпринять путешествие назад, в мир идей. Большинство предпочитает держаться за «отражения идей» в чувственном мире. Они видят одну лошадь, другую, третью… Но не видят той, несовершенным подобием которой являются все лошади. (Они врываются в кухню, чтобы наброситься на пряники, даже не задаваясь вопросом о том, откуда они взялись.) Платон рассказывает о пути *философов.* Его философию можно считать описанием философской действительности.

При виде тени ты, София, подумаешь о предмете, который отбрасывает эту тень. Ты видишь тень животного. Может быть, это лошадь, думаешь ты… но ты не уверена. Тогда ты оборачиваешься и видишь настоящую лошадь, которая, конечно же, выглядит гораздо красивее, гораздо четче по своим очертаниям, чем переменчивая «лошадиная тень», «образ лошади». СОГЛАСНО ПЛАТОНУ, ВСЕ ЯВЛЕНИЯ БЫТИЯ СУТЬ ЛИШЬ ТЕНИ ВЕЧНЫХ ПЕРВООБРАЗОВ, ИЛИ ИДЕЙ. **Однако подавляющее большинство удовлетворяется жизнью среди теней. Люди не думают о том, что отбрасывает эти тени. Они считают тени единственно сущими, — а потому не воспринимают их как тени. При этом они забывают и о бессмертии своей души.**

ПУТЬ НАВЕРХ ИЗ ПЕЩЕРНОЙ ТЬМЫ

Платон приводит для иллюстрации один миф, известный как *миф о пещере.* Я перескажу его своими словами.

Представь себе несколько человек, которые живут в подземной пещере. Они сидят связанные по рукам и ногам, спиной к входу, поэтому лица их обращены к противоположной стороне пещеры. Сзади возвышается стена, а за этой стеной есть еще несколько человекообразных существ, которые проносят над краем стены всякие изображения. Поскольку позади горит костер, фигуры отбрасывают на противоположную стену дрожащие тени, и обитателям пещеры виден лишь этот «теневой театр». Они сидят в

такой позе с самого рождения, а потому убеждены, что на свете нет ничего, кроме теней.

Теперь вообрази, что один из пещерных жителей сумел вырваться из подземелья. Еще раньше он задался вопросом, откуда берутся тени. В конце концов ему удалось освободиться от пут. Как ты думаешь, что происходят, когда он поворачивается к фигурам у себя за спиной? Прежде всего, его, естественно, ослепляет яркий свет. Не только свет, но и сами четкие изображения предметов — ведь до сих пор он видел только их тени. Если бы он сумел перелезть через стену, а потом, проскользнув мимо костра, выбраться из пещеры на поверхность, его должно было бы ослепить еще больше. Но, протерев глаза, он бы, несомненно, поразился красоте окружающего мира. Он впервые увидел бы краски и четкие очертания предметов, увидел бы настоящих животных и настоящие цветы, пещерные изображения которых были лишь жалкими их подобиями. Однако он и теперь спрашивает себя: откуда взялись все эти животные и растения? И тут он видит на небе солнце и понимает, что в реальной действительности именно оно дает жизнь цветам и животным, как костер в пещере давал ему возможность видеть тени.

Итак, счастливый обитатель пещеры очутился на поверхности и радуется обретенной свободе. Но вот он вспоминает про тех, кто продолжает томиться внизу, — и возвращается в пещеру. Оказавшись там, он пытается убедить остальных, что тени на стене не более чем колеблющиеся подобия *реальных предметов.* Но ему никто не верит. Все тычут пальцами в стену пещеры и говорят, что видимое на ней и есть единственная реальность. В конце концов его убивают.

В этом мифе Платон изображает путь философа от неясных представлений к подлинным идеям, стоящим за всеми явлениями действительности. Конечно, у него в мыслях был и Сократ, которого «обитатели пещеры» убили, потому что он критиковал их неверные представления, пытался указать путь к истинному знанию. Таким образом, в мифе про пещеру идет речь и о мужестве философа, о его готовности взять на себя роль наставника.

Платон хочет сказать, что тьма пещеры соотносится с действительностью за ее пределами, как формы этой действительности соотносятся с миром идей. Не то чтобы бытие, согласно Платону, мрачно и скучно, и все же оно мрачно и скучно *по сравнению* с ясностью идей. Портрет красивой девушки тоже нельзя назвать мрачным и скучным, скорее наоборот. Тем не менее он всего-навсего портрет.

ФИЛОСОФСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Миф о пещере мы находим в платоновском диалоге «Государство». Здесь же Платон изображает «идеальное», то есть образцовое, так называемое «утопическое», государство. Очень вкратце основную мысль Платона можно сформулировать следующим образом: по его мнению, государством должны управлять философы. В своем объяснении, почему он так считает, Платон отталкивается от строения человеческого тела.

Согласно Платону, тело индивидуума подразделяется на три части, а именно: на *голову, грудь* и *брюшную полость.* Каждой из этих частей соответствуют определенные свойства души. К голове относится *разум,* к груди — *воля,* а к брюшной полости — желание, или *вожделение.* Каждому из трех душевных качеств соответствует и один идеал, или одна «добродетель». Разум призван тянуться к *мудрости,* воля должна проявлять *мужество,* а вожделение следует обуздывать, чтобы человек выказывал *умеренность.* Только когда эти три части действуют слаженно, как единое целое, получается гармоничный, или «правильный», человек. В школе следует прежде всего учить детей обуздывать вожделение, затем — развивать у них мужество. А уж под конец нужно привести ум к мудрости.

Платон придумывает государство, построенное точно так же, как человек, — с тем же трехчастным делением. Если у тела есть «голова», «грудь» и «брюшная полость», то у государства есть *правители, стражи* (или воины) и *работники* (в частности, земледельцы). Совершенно очевидно, что Платон берет за образец достижения греческой врачебной науки. Как здоровый и

гармоничный человек проявляет уравновешенность и умеренность, так и в «справедливом» государстве каждый человек знает свое место в едином целом.

Подобно другим философским разделам у Платона, его философия государства проникнута *рационализмом.* Решающее значение для создания хорошего государства имеет разумное управление. Телом правит голова, а потому и обществом должны править философы.

Попытаемся возможно проще изобразить соотношение между тремя частями человека и государства:

Тело	*Душа*	*Добродетель*	*Государство*
голова	разум	мудрость	правители
грудь	воля	мужество	стражи
брюшная полость	вожделение	умеренность	работники

Платоново идеальное государство напоминает сословное общество древней Индии, где каждому человеку отводилась особая функция, которую он выполнял на благо всех. Еще во времена Платона (и задолго до них) в индийском обществе существовало то же разделение на три части — на правящую касту, или «касту жрецов» (брахманов), касту воинов и касту работников.

Сегодня мы, вероятно, назвали бы платоновское государство тоталитарным. Но интересно, что он считал женщин не менее мужчин достойными управлять государством. В основе его взгляда лежит убеждение, что властители должны управлять полисом с помощью *разума.* Согласно Платону, у женщин разума столько же, сколько и у мужчин, им необходимо лишь дать хорошее образование и освободить от домашних хлопот и заботы о детях. Платон также хотел отменить семью и частную собственность для правителей и стражей. В любом случае воспитание детей казалось ему слишком важным, чтобы доверять его индивидууму: воспитывать детей должно государство. (Платон первым из философов высказался за создание государственной сети детских садов и школ-интернатов.)

Пережив ряд крупных политических разочарований, Платон пишет диалог «Законы», в котором делает сам себе уступку, изображая в виде альтернативы идеальному правовое государство.

Здесь он снова вводит частную собственность и семейные узы, чем ограничивает женскую свободу. И все же он говорит, что государство, которое не дает женщинам воспитания и образования, похоже на человека, упражняющего одну только правую руку.

В общем, можно сказать, что Платон придерживался положительного взгляда на женщин — особенно по сравнению со своими современниками. В диалоге «Пир», например, Сократу подсказывает его философское откровение не кто иной, как женщина по имени *Диотима.*

Итак, София, это был Платон. Свыше двух тысячелетий люди обсуждали — и критиковали — его поразительную «теорию идей». А затеял это обсуждение собственный ученик Платона по Академии, которого звали *Аристотелем,* — третий великий афинский философ. Но про него до поры до времени молчок!

Пока София, сидя на пеньке, читала о Платоне, на востоке, над поросшими лесом горами, поднялось солнце. Солнечный диск перевалил через горизонт как раз в ту минуту, когда она прочла о Сократе, который выбрался из пещеры и застыл, щурясь от слепящего света.

София сама будто только что вылезла из подземелья. Во всяком случае, у нее было ощущение, что теперь, прочитав о Платоне, она совсем иначе видит окружающее. Раньше она словно была дальтоником, не различала цветов. Разумеется, она видела контуры, тени, но не имела ясного представления об идеях.

Она не была уверена, что Платон прав в своих рассуждениях о вечных образцах, однако ей очень понравилась мысль о том, что все живое представляет собой несовершенные копии вечных форм в мире идей. Ведь все цветы и деревья, все животные и люди действительно «несовершенны»…

Все окружающее представлялось Софии таким живым и прекрасным, что ей хотелось зажмуриться. Однако ничто из того, что она видит, не останется надолго. А впрочем… через сто лет на этом месте будут те же растения и животные. Хотя каждое отдельное растение или животное будет, так сказать, стерто с лица земли и забыто, нечто будет «помнить», как все выглядит.

София обвела взглядом сотворенный вокруг мир. Внезапно ей попалась на глаза ринувшаяся вверх по сосне белка. Обогнув несколько раз ствол, белка скрылась среди ветвей.

«Я тебя уже видела!» — подумала София. Конечно, она понимала, что видела не ту же самую белку, а ту же «форму». Возможно, Платон прав и София действительно когда-то встречалась с вечной «белкой» в мире идей — давным-давно, прежде чем душа Софии поселилась в ее теле.

Неужели она и вправду жила раньше? Неужели ее душа начала свое существование до того, как обрела тело? Неужели она носит в себе маленький золотой слиток — драгоценность, которая неподвластна времени, душу, которая будет жить и тогда, когда ее тело состарится и умрет?

МАЙОРСТУА

…девочка в зеркале подмигнула обоими глазами…

Было всего четверть восьмого. Значит, домой можно не спешить. Мама наверняка проспит еще часа два, по воскресеньям она любит понежиться в постели.

Может, Софии все-таки нужно было зайти подальше в лес и отыскать Альберто Нокса? Только почему собака угрожающе зарычала?

Встав с пенька, София пошла по тропинке, по которой убежал Гермес. В руке она держала желтый конверт с рассказом о Платоне. Раза два тропинка разветвлялась, и тогда София выбирала более хоженую.

Повсюду пели птицы — в воздухе и на деревьях, в кустах и на траве. Они были заняты утренними хлопотами. В лесу будни ничем не отличаются от выходных. Но кто научил птиц всему, что они делают? Может быть, внутри каждой из них есть крошечный компьютер с программой, которая и определяет, чем им заниматься?

Вскоре тропинка перевалила через небольшой холм и стала круто спускаться между высоченными соснами, росшими здесь настолько тесно друг к другу, что София видела лишь на несколько метров вперед.

Внезапно между стволами что-то блеснуло. Не иначе как озеро. Тропинка сворачивала вбок, и София зашагала к воде напрямик, через лес. Она не знала почему: ноги сами несли ее в том направлении.

Озерцо оказалось маленькое, не больше футбольного поля. Прямо напротив, на той стороне, София увидела выкрашенную в красный цвет избушку, которая стояла на поляне в окружении белоствольных берез. Из трубы вился жиденький дымок.

София подошла к самой воде. По берегам озера было топко и мокро, но вскоре она углядела наполовину вытащенную на сушу лодку. В ней даже были весла.

Девочка осмотрелась. Обойти озеро и добраться до красной избушки посуху все равно нечего было и думать. София решительно направилась к лодке, спустила ее на воду, залезла внутрь и оттолкнулась. Через несколько минут лодка уперлась в противоположный берег. София вылезла на сушу и постаралась вытащить за собой лодку. Правда, на этой стороне берег оказался гораздо круче, чем на той.

Бросив один-единственный взгляд назад, София стала подниматься к домику.

Девочка была ошеломлена собственной смелостью. Как она решилась? Она и сама не знала, ее словно влекла неведомая сила.

У дверей София постучалась и застыла в ожидании. Никто не открывал. Тогда она осторожно взялась за ручку, и дверь плавно поддалась.

— Эй, есть тут кто-нибудь? — спросила София.

Она прошла в большую комнату — не осмелившись закрыть за собой дверь.

Было ясно, что дом обитаем. В камине потрескивали дрова. Значит, совсем недавно тут были люди.

На обеденном столе стояла пишущая машинка, лежало несколько книг, две ручки, множество бумаг. У выходившего на озеро окна — еще один стол и два стула. Больше мебели почти не было, только одна из стен сплошь заставлена книжными полками. Над белым комодом висело большое круглое зеркало в массивной бронзовой раме — похоже, старинное.

На другой стене София увидела два живописных полотна. Одно из них изображало белый дом, стоявший неподалеку от бухточки с красным лодочным сараем. По косогору между домом и сараем тянулся сад: яблоня, несколько густых кустов и высокие кочки. По краю залива шло плотное кольцо берез. Картина носила название «Бьеркели», то есть «Березовый Кров».

Рядом с этим полотном висел портрет мужчины, сидевшего у окна с книгой в руках. Портрет явно был создан несколько веков назад, подпись к нему гласила: «Беркли». Написал портрет некто Смайберт.

Беркли и Бьеркели. Забавно, а?

Девочка двинулась дальше, в кухоньку. Здесь только что мыли посуду. На льняное полотенце опрокинуты стаканы и тарелки, причем

на тарелках еще заметны следы мыльной пены. На полу стоит жестяная миска с остатками еды. Значит, тут живет какое-то животное — собака или кошка.

София вернулась в комнату. Вторая дверь оттуда вела в маленькую спальню. У кровати лежала толстая подстилка, на которой София обнаружила несколько желтых волосков. Вот и доказательство: теперь она была убеждена, что в домике живут Альберто Нокс и Гермес.

Снова войдя в большую комнату, София встала перед висевшим над комодом зеркалом. Стекло было неровное и тусклое, поэтому и отражение выходило нечетким. Она принялась строить себе рожи, как иногда делала дома в ванной. Зеркальное отражение в точности повторяло ее мимику — ничего другого она и не ждала.

И вдруг произошло нечто странное: один раз (всего на мгновение) София совершенно ясно увидела, как девочка в зеркале подмигнула обоими глазами. София в ужасе отшатнулась. Если бы она сама так зажмурилась — как бы она могла *увидеть* зажмуренную девочку? Более того: похоже было, что отражение действительно подмигивало ей, Софии. Девочка словно хотела сказать: «Я вижу тебя, София. Я здесь, по другую сторону».

София услышала громкое биение собственного сердца. Одновременно издали донесся собачий лай. Это наверняка Гермес! Нужно срочно выбираться отсюда.

Тут София заметила на комоде, под зеркалом, зеленый бумажник. Она осторожно раскрыла его. В бумажнике лежали две банкноты, в сто и пятьдесят крон… и ученический билет. На билете была приклеена фотография светловолосой девочки, а ниже стояло: «Хильда Мёллер-Наг» и «Лиллесаннская средняя школа».

У Софии похолодело все внутри. Она снова услышала, как лает собака. Нельзя было терять ни минуты.

На столе, среди кучи книг и бумаг, ей бросился в глаза белый конверт с надписью: «СОФИИ».

Недолго думая, девочка схватила конверт и сунула его в рассказ о Платоне. Потом выскочила из домика и закрыла за собой дверь.

Собачий лай приблизился. Хуже всего было то, что исчезла лодка. Через секунду-другую София увидела ее посреди озерца. Рядом с лодкой колыхалось на воде весло.

А все потому, что София не сумела вытащить лодку на берег. Снова залаяла собака, но теперь, помимо лая, с того берега доносились чьи-то шаги.

Раздумывать было некогда. Не выпуская из рук конвертов, София ринулась в кусты за избушкой. Вскоре путь ей преградило болото. Пришлось бежать через него, по колено проваливаясь в воду. Но что тут поделаешь? Ей надо было домой, скорее домой.

Через некоторое время она наткнулась на тропинку. Та ли это тропа, по которой она пришла? София остановилась и выжала подол платья, обильно полив утоптанную землю. Только теперь к глазам подступили слезы.

Как можно было так опростоволоситься? Обиднее всего получилось с лодкой. Перед мысленным взором Софии стояло озеро, а посреди него — лодка с плавающим отдельно веслом. Стыдно, очень стыдно…

Учитель философии уже наверняка спустился к воде. Чтобы попасть домой, ему нужна лодка. София чувствовала себя ужасной дрянью. Но ведь она не нарочно…

Ой, почему она схватила белый конверт? Ясное дело, потому, что на нем стояло ее имя и письмо вроде бы предназначалось ей. Тем не менее София чувствовала себя воришкой. Помимо всего прочего, взяв письмо, она фактически подсказала хозяину, что в дом заходила именно она.

София вынула из конверта листок с пятью вопросами.

Что было раньше: курица или идея курицы?
Бывают ли у человека врожденные идеи?
Чем отличаются друг от друга растение, животное и человек?
Почему идет дождь?
Что необходимо человеку для хорошей жизни?

У Софии не было сил обдумывать эти вопросы сейчас, но она поняла, что они должны быть связаны с очередным философом. Кажется, следующим идет Аристотель?

Когда после долгой пробежки по лесу впереди замаячила живая изгородь, София почувствовала себя как потерпевший

кораблекрушение, который наконец добрался до суши. Впрочем, видеть изгородь с этой стороны было непривычно. София залезла в Тайник и только тут посмотрела на часы. Пол-одиннадцатого. Желтый конверт она положила к остальным бумагам, в коробку из-под печенья, листок с новыми вопросами сунула в колготки.

София появилась в дверях, когда мама разговаривала по телефону. Она тут же положила трубку.

— Где ты пропадала, София?

— Я ходила гулять… в лес, — запинаясь, произнесла она.

— Это заметно.

София не стала отвечать: с платья все еще капала вода.

— Мне нужно было позвонить Йорунн…

— Йорунн?

Мама достала сухую одежду. София еле успела перепрятать листок с философскими вопросами. Они пошли в кухню, и мама приготовила какао.

— Ты была с ним? — спросила она.

— С кем?

У Софии не шел из головы застрявший на берегу учитель философии.

— Ну, с *ним*, с этим твоим… «кроликом».

София помотала головой.

— Чем вы с ним занимаетесь, София? Почему ты так вымокла?

Дочь сидела серьезная, с потупленным взором, но в глазах ее затаилась улыбка. «Бедная мамочка, вот она из-за чего волнуется».

София еще раз помотала головой. Последовал новый шквал вопросов.

— Я должна знать правду. Ты что, не ночевала дома? Почему ты легла в постель одетая? Небось прокралась вниз, как только я заснула? Тебе всего четырнадцать лет, София. Ты обязана рассказать, с кем встречаешься.

София заплакала. А потом взяла и рассказала. Ей по-прежнему было страшно, а когда человек боится, он обычно говорит правду.

Она рассказала, что проснулась очень рано и пошла гулять в лес. Рассказала про избушку, и про лодку, и про удивительное зеркало, но утаила все связанное с заочным курсом философии. Не упомянула

София и зеленый бумажник. Каким-то чутьем она знала, что Хильду лучше держать в тайне.

Мама обняла Софию. Та поняла, что теперь ей верят.

— А никакого возлюбленного у меня нет, — всхлипнула она. — Я сказала, что есть, только чтоб ты не волновалась из-за белого кролика.

— И ты, значит, дошла до самой Майорстуа… — задумчиво проговорила мама.

— До Майорстуа? — удивилась София.

— Лесную избушку, в которой ты была, зовут Майорстуа, то есть Майоровой хижиной, потому что когда-то, много лет назад, в ней жил старый майор. Он был большой чудак, если не сказать больше. Ладно, не будем вспоминать о нем. С тех пор домик пустует.

— Это по-твоему. На самом деле там теперь живет философ.

— Ну-ну, давай ты не будешь снова фантазировать.

София засела у себя в комнате обдумать пережитое. В голове царил такой сумбур, словно туда нагрянул цирк с неповоротливыми слонами, смешными клоунами, дрессированными обезьянами и отчаянными воздушными гимнастами. Но среди сменяющих друг друга картин была одна навязчивая: в чаще леса плавает посреди озера маленькая лодка с веслом… а по берегу мечется человек, которому сложно без нее добраться домой…

Конечно, учитель философии хорошо относится к Софии и, вероятно, простит ее, если поймет, что это она побывала в хижине. Однако София нарушила уговор. Вот чем она отблагодарила незнакомца, взявшегося за ее философское образование… Как же теперь поправить дело?

Достав розовую почтовую бумагу, девочка принялась за письмо.

Дорогой философ! Это я приходила к тебе[14] *в хижину рано утром в воскресенье. Мне очень хотелось повидаться с тобой и обсудить кое-какие философские проблемы. Вообще-то я поклонница Платона, хотя не уверена, что он прав насчет существования идей или образов в ином мире. Они, конечно, существуют в нашей душе, но это, на мой взгляд, совсем другое дело.*

К сожалению, должна признать, что пока недостаточно убеждена и в бессмертии души. У меня самой, во всяком случае, не

осталось никаких воспоминаний о прошлых жизнях. Буду крайне признательна, если ты сумеешь убедить меня, что душа моей покойной бабушки хорошо чувствует себя в мире идей.

Честно говоря, я не ради философии села за это письмо, которое собираюсь вместе с кусочком сахара вложить в розовый конверт. Я просто хотела извиниться за непослушание. Лодку я честно пыталась вытащить как можно дальше на берег, но, видимо, у меня не хватило сил. Кроме того, есть основания полагать, что столкнуть лодку в воду могла только очень сильная волна.

Надеюсь, тебе удалось попасть домой, не замочив ног. Если нет, можешь утешаться тем, что я тоже промокла до костей и, скорее всего, здорово простужусь. Но мне винить некого, кроме самой себя.

В избушке я ничего не трогала, только не устояла перед соблазном взять адресованное мне письмо. Я не собиралась ничего воровать, просто на миг растерялась и подумала, что раз на конверте мое имя, значит, он мой. Очень прошу извинить меня и обещаю больше тебя не разочаровывать.

P. S. Сию же минуту начну обдумывать все написанные на листке вопросы.

P. P. S. Скажи, пожалуйста: зеркало в бронзовой раме, которое висит над белым комодом, — волшебное или самое обыкновенное? Я спрашиваю, потому что не привыкла видеть свое отражение с зажмуренными глазами.

С приветом,

твоя искренне заинтересованная ученица СОФИЯ.

Прежде чем вложить письмо в конверт, София дважды перечитала его. Во всяком случае, оно получилось менее официальным, чем предыдущее. Она уже хотела пойти на кухню за кусочком сахара, но сначала решила взглянуть на листок с сегодняшним заданием.

«Что было раньше: курица или идея курицы?» Вопрос почти такой же сложный, как старинная загадка про курицу и яйцо. Без яйца не будет курицы, но без курицы не может быть яйца. Разобраться с курицей и «идеей» курицы ничуть не легче. София хорошо понимала, что имел в виду Платон. Он хотел сказать, что идея курицы

существовала в мире идей задолго до появления в чувственном мире конкретной курицы. Согласно Платону, душа «увидела» саму идею курицы, а уже потом поселилась в теле. Но, кажется, именно в этом София посчитала взгляды Платона неверными? У человека, который никогда не видел ни живой курицы, ни ее изображения, не могло быть и идеи курицы. Затем она перешла к следующему вопросу.

«Бывают ли у человека врожденные идеи?» Весьма сомнительно, подумала София. Очень трудно поверить, что у новорожденного младенца много идей. Конечно, точно не известно, ведь, если ребенок не умеет говорить, это не значит, что у него совсем нет мыслей. Однако, чтобы знать хоть что-то об окружающем мире, нужно его сначала увидеть, правда?

«Чем отличаются друг от друга растение, животное и человек?» София мгновенно нашла весьма существенные отличия. Она, например, была уверена, что у растений нет сколько-нибудь сложной душевной жизни. Кто слышал про колокольчик, страдающий от неразделенной любви? Растение появляется из земли, усваивает питательные вещества и производит на свет сколько-то семян, благодаря которым размножается. Но больше про растение, пожалуй, сказать нечего. София сделала вывод, что все касающееся растений приложимо также к животным и человеку. Зато у животных были дополнительные свойства, например способность передвигаться. (А роза разве когда-нибудь бегает стометровку?) Труднее было указать на различия между животным и человеком. Люди умеют думать, но и животные не совсем безмозглые создания. София была убеждена, что кот Шер-Хан тоже думает. Во всяком случае, он иногда вел себя крайне расчетливо. А может ли животное размышлять над философскими проблемами? Может ли кот задуматься об отличиях растения от человека и животного? Едва ли! Ясно, что кот умеет чему-то радоваться и о чем-то грустить, но задается ли он вопросом о существовании Бога или бессмертной души? Крайне сомнительно, решила София. Здесь можно было применить тот же довод, что и в вопросе о младенце и врожденных идеях. Обсуждать такие проблемы с котом было равносильно их обсуждению с новорожденным ребенком.

«Почему идет дождь?» София пожала плечами. Дождь идет от испарения моря и конденсации влаги в тучах. Это они проходили чуть ли не в третьем классе. Можно, конечно, еще сказать, что дождь идет,

чтобы лучше росли животные и растения, однако будет ли это правдой? Есть ли у дождя цель или умысел?

Последнее задание было точно связано с подобной целью: «Что нужно человеку для хорошей жизни?» Об этом учитель философии что-то писал в самом начале курса. Все люди нуждаются в еде, тепле, любви и заботе. Во всяком случае, такова первая предпосылка хорошей жизни. Затем он указал на то, что каждому необходимо найти ответы на определенные философские вопросы. Кроме того, неплохо иметь профессию, которая тебе нравится. Если, например, человек терпеть не может транспорт, вряд ли ему доставит удовольствие стать шофером такси. А если он не выносит приготовления уроков, неразумно будет становиться педагогом. София любила животных, поэтому вполне могла стать ветеринаром. Как бы то ни было, она не считала, что для хорошей жизни нужно выиграть в лотерею миллион. Скорее наоборот. Не зря говорят: «Праздность — мать всех пороков».

София сидела у себя в комнате, пока мама не позвала ее есть: на обед были антрекоты с печеной картошкой. Вкуснятина! Мама даже зажгла свечи и подала на десерт морошку со взбитыми сливками.

Они говорили о том о сем. Мама спросила, как София хочет праздновать свое пятнадцатилетие. До него осталось всего несколько недель.

София пожала плечами.

— Ты разве не собираешься пригласить гостей? То есть отпраздновать как следует?

— Может быть…

— Мы могли бы позвать Марту, Анну-Мари… и Хеге. И, конечно, Йорунн. А может, и Йоргена… Тебе лучше решить самой. Знаешь, я прекрасно помню свой день рождения, когда мне исполнилось пятнадцать. Кажется, это было совсем недавно. И я уже тогда чувствовала себя взрослой, София. Странно, а? По-моему, я с тех пор совсем не изменилась.

— Конечно, нет. На самом деле ничто не изменяется. Ты только развилась, стала более зрелой…

— Хм… ты у нас тоже разговариваешь как взрослая… Вот только время с моего пятнадцатилетия пробежало невероятно быстро.

АРИСТОТЕЛЬ

…аккуратист, который стремился навести порядок в человеческих представлениях…

Когда мама легла отдохнуть после обеда, София пошла в Тайник. Она заранее положила в розовый конверт кусочек сахара, а сверху надписала: «Альберто Ноксу».

Нового письма еще не было, но буквально через несколько минут София услышала приближение собаки.

— Гермес! — позвала девочка, и в следующий миг пес проскользнул в Тайник, сжимая в зубах большой желтый конверт. — Вот умник!

София одной рукой обняла Гермеса: он запыхался, в горле у него свистело, как свистит в непогоду ветер. Она достала розовый конверт с кусочком сахара внутри и сунула его в пасть собаке. Выбравшись из Тайника, та убежала обратно в лес.

София немножко волновалась, открывая письмо. Сказано ли там что-нибудь про хижину и лодку?

В конверте, как всегда, лежало несколько скрепленных вместе машинописных страниц. Но туда был вложен и отдельный листок, на котором стояло:

> *Дорогая фрекен детектив! Или, точнее, фрекен взломщик… О несанкционированном проникновении в дом уже заявлено в полицию…*
>
> *Нет-нет, на самом деле я не сержусь на тебя. Если ты с такой же любознательностью ищешь ответы на загадки философии, это многообещающе. Неприятно лишь то, что теперь мне придется переехать в другое место. Впрочем, я сам виноват. Нужно было понимать, что ты относишься к людям, которые всегда хотят допытаться до сути вещей.*
>
> *С приветом,*

Альберто.

У Софии отлегло от сердца. Значит, учитель философии не сердится. Но почему ему нужно переезжать?

Прихватив большие листы, София побежала к себе наверх. Когда мама проснется, лучше быть дома. Девочка уютно устроилась в кровати и вскоре уже читала про Аристотеля.

ФИЛОСОФ И УЧЕНЫЙ

Дорогая София! Тебя наверняка удивила Платонова «теория идей». Не тебя первую. Мне неизвестно, как ты восприняла ее — заглотнула целиком или с критическими замечаниями. Если возникли возражения, можешь быть уверена, что сходные аргументы выдвигались еще *Аристотелем* (384-322 до н. э.), который целых 20 лет был слушателем платоновской Академии.

Сам Аристотель не был уроженцем Афин. Но, родившись в Македонии, он прибыл в Афины, в Академию, когда Платону исполнился 61 год. Отец Аристотеля был известным врачом и естествоиспытателем. Уже эти биографические данные отчасти подсказывают нам, что должно было стать предметом исканий Аристотеля. Больше всего его интересовала живая природа. Он был не только последним из великих греческих философов, но и первым великим биологом Европы.

Чуточку заострив вопрос, мы можем сказать: Платон был настолько поглощен вечными первообразами, или «идеями», что не особенно замечал изменения в природе. Аристотель же интересовался именно этими изменениями, или тем, что мы сегодня называем естественными (природными) процессами.

Еще более заостряя проблему, можно выразиться так: Платон отвернулся от чувственного мира и смотрел на все окружающее как бы через прищур. (Он хотел выбраться из пещеры. Хотел заглянуть в вечный мир идей!) Аристотель сделал прямо противоположное: он опустился на четвереньки и занялся изучением рыб и лягушек, маков и анемонов.

Ты вправе сказать, что Платон использовал только разум. Аристотель пользовался также органами чувств.

Различия между этими философами проявляются даже в манере письма. Если Платон был поэтом и творцом мифов, то труды Аристотеля сухи и доскональны, как словарная статья. Зато многие его тезисы подкреплены собственными наблюдениями над природой.

В древности Аристотелю приписывали целых 170 трудов. Сохранилось из них сорок семь. Речь, однако, идет не о готовых книгах. Сочинения Аристотеля скорее следует рассматривать как конспекты лекций. В его эпоху философия тоже была прежде всего устным занятием.

Значение Аристотеля для европейской культуры не в последнюю очередь объясняется тем, что он создал профессиональный язык, которым до сих пор пользуются ученые самых разных специальностей. Он был великим систематиком, заложившим основы разных наук и упорядочившим их.

Поскольку Аристотель работал буквально во всех областях знаний, ограничусь упоминанием наиболее важных. Я много рассказывал тебе о Платоне, а потому начну с опровержения Аристотелем теории идей. Затем мы рассмотрим его собственное видение философии природы. Аристотель подвел итог всему сказанному до него натурфилософами. Мы разберем, как он приводит в систему существующие представления и закладывает основы научной логики.

В заключение я коснусь взглядов Аристотеля на человека и общество.

Если тебя устраивают такие условия, остается засучить рукава и приняться за дело.

НИКАКИХ ВРОЖДЕННЫХ ИДЕЙ

Подобно своим предшественникам, Платон доискивался в суете сует чего-то вечного и неизменного — и нашел вознесенные над чувственным миром совершенные идеи. Помимо всего прочего, идеи, согласно Платону, обладают большей реальностью, чем

явления бытия. Сначала появляется «идея лошади», а уже потом на стене пещеры начинают скакать тени лошадей из чувственного мира. Таким образом, «идея курицы» появляется раньше и курицы, и яйца.

По утверждению Аристотеля, Платон перевернул все с ног на голову. Аристотель соглашался со своим наставником в том, что конкретная лошадь «течет» и что ни одна лошадь не живет вечно. Он также признавал, что сама форма лошади вечна и неизменна. Однако «идея» лошади — лишь понятие, образ, который сформировался у нас уже *после* того, как мы увидели некоторое число лошадей. Иными словами, «идея», или «форма», лошади не существует сама по себе. Для Аристотеля «первообраз» лошади соответствует ее отличительным чертам, то есть тому, что мы сегодня называем *видом.*

Уточняю: под «первообразом» лошади Аристотель подразумевал нечто общее для всех лошадей. И здесь неприменим образ пряничных формочек, поскольку формочки существуют совершенно независимо от конкретных пряников. Аристотель не верил в существование форм, так сказать, лежащих на собственной полке, отдельно от бытия. По Аристотелю, «формы» вещей соответствуют отличительным свойствам единичных вещей.

Итак, Аристотель не соглашался с утверждением Платона, что идея курицы возникла раньше курицы. То, что Аристотель называет «первообразом» курицы, присутствует абсолютно в каждой курице в виде ее особых черт: например, в виде способности откладывать яйца. Таким образом, сама курица и «форма» курицы столь же неразделимы, как душа и тело.

В этом фактически и заключается суть критики, которой Аристотель подвергал Платонову теорию идей. Но обрати внимание, какой резкий поворот он совершает в ходе рассуждений. Для Платона вершиной бытия являются наши *мысли*, то есть продукт разума. Для Аристотеля не менее очевидным было другое: высшей ступенью бытия являются наши *ощущения*, то есть нечто воспринимаемое органами чувств. Согласно Платону, всё видимое нами в окружающем мире лишь отражает то, что на самом деле существует скорее в мире идей и, соответственно, в душе человека.

Аристотель же отстаивал прямо противоположное: человеческая душа содержит лишь отражения предметов бытия. Следовательно, истинной реальностью является природа. По Аристотелю, Платон застрял на мифологическом мировоззрении, в котором представления человека перепутаны с действительностью.

Аристотель указывал, что в нашем сознании не существует ничего, чего бы сначала не было в чувствах. Платон сказал бы, что в природе нет ничего, чего бы сначала не было в мире идей. Таким образом, по утверждению Аристотеля, Платон «удваивал количество вещей». Он объяснял конкретную лошадь через «идею» лошади. Но что же это за объяснение, София? Я имею в виду: откуда берется идея лошади? Может быть, существует еще и третья лошадь, а идея лошади — это ее копия?…

Согласно Аристотелю, все заключенные в нас мысли и идеи попали в сознание благодаря увиденному и услышанному нами. Но мы обладаем также врожденным разумом, врожденной способностью распределять чувственные впечатления по классам и группам. Так возникают понятия «камень», «растение», «животное» и «человек». Так возникают и понятия «лошадь», «омар» и «канарейка».

Аристотель не отрицал наличия у человека врожденного разума. Напротив, по Аристотелю, именно *разум* является главным отличительным признаком человека. Однако ум наш остается «пустым», пока мы не воспримем чего-либо извне. Иными словами, у человека нет никаких врожденных «идей».

ФОРМЫ — ЭТО СУТЬ ВЕЩЕЙ

Сформулировав свое отношение к платоновской теории идей, Аристотель констатирует, что действительность состоит из отдельных вещей, представляющих собой единство *формы* и *материи.* «Материя» — это материал, из которого сделана вещь, тогда как «форма» представляет собой специфические свойства, суть вещи.

Перед тобой, София, мечется курица. «Форма» курицы как раз и состоит в том, что она мечется и хлопает крыльями… а еще

кудахчет и откладывает яйца. Таким образом, под «формой» курицы подразумеваются ее специфические, видовые признаки, — или то, что она *делает*. Когда курица умирает (и, следовательно, перестает кудахтать), прекращает свое существование и ее «форма». Остается лишь куриная «материя» (увы, София!), но это уже не сама курица.

Как я упоминал выше, Аристотеля интересовали изменения бытия. В «материи» всегда заключена возможность достижения определенной «формы». Можно сказать, что «материя» стремится к осуществлению потенциальной возможности. По Аристотелю, любое изменение в природе является преобразованием материи из «потенции» в «реальность», из «возможности» в «действительность».

Не волнуйся, София, сейчас объясню… например, с помощью следующей занятной истории. Один скульптор корпел над колоссальной гранитной глыбой. Каждый день он долбил бесформенный камень, высекая из него скульптуру, и однажды к нему в гости пришел маленький мальчик. «Что ты ищешь?» — спросил он скульптора. «Подожди, сам увидишь», — ответил тот. Через несколько дней мальчик зашел опять, и к этому времени скульптор высек из гранитной глыбы прекрасную лошадь. Мальчик застыл от изумления. Потом, обернувшись к ваятелю, спросил: «Откуда ты знал, что скрывается внутри?»

В самом деле, откуда он знал? Очевидно, скульптор каким-то образом разглядел в гранитной глыбе форму лошади. Ведь именно в этом куске гранита была заложена потенциальная возможность воплотиться в лошадь. Вот и Аристотель утверждал, что у всех вещей в природе есть потенциальная возможность актуализироваться, или воплотиться в определенную «форму».

Но вернемся к курице и яйцу. У куриного яйца есть потенциальная возможность стать курицей. Это не значит, что из всех яиц получаются куры: некоторые попадают нам на завтрак — в виде яиц всмятку, омлета или гоголь-моголя — и их потенциальная «форма» остается нереализованной. Однако из куриного яйца совершенно точно не может вырасти гусь. Такой возможности в нем не заложено. Иными словами, «форма» вещи говорит нечто как о возможностях вещи, так и об их пределах.

Рассуждая о «форме» и «материи» вещей, Аристотель имеет в виду не только живые организмы. Если «форма» курицы состоит в том, чтобы кудахтать, хлопать крыльями и откладывать яйца, форма камня заставляет его падать на землю. Как курица не может не кудахтать, так и камень не может не падать на землю. Конечно, ты можешь поднять камень и закинуть его высоко в небо, но, коль скоро в природе камня — падать обратно, ты все равно не сумеешь добросить его до Луны. (Кстати, будь осторожна при проведении такого эксперимента, камень может мгновенно отомстить за себя. Он стремится поскорее попасть обратно… и горе тому, кто будет стоять у него на пути!)

ЦЕЛЕВАЯ ПРИЧИНА

Прежде чем мы оставим вопрос о «форме», которой обладают все живые и неживые вещи и которая говорит нам о заложенных в них потенциальных «воплощениях», следует сказать о довольно оригинальном взгляде Аристотеля на причинные отношения в мире.

Говоря сегодня о «причинах» того или иного явления, мы обычно имеем в виду, *как именно, почему* оно происходит. Стекло разбивается потому, что Петтер швырнул в него камнем, ботинок появляется благодаря тому, что сапожник стачал его из кусков кожи. По утверждению же Аристотеля, в природе существуют разные виды причин. В общей сложности он насчитывает четыре их вида. Особенно важно разобраться в том, что он подразумевал под «целевой причиной».

Что касается разбитого стекла, резонно спросить, *почему* Петтер бросил в него камнем. Таким образом мы задаемся вопросом, какое у него было намерение. Не приходится сомневаться в том, что намерение или «цель» играет важную роль и при тачании ботинок. Но Аристотель принимал во внимание «целевую причину» также в отношении процессов, происходящих в неживой природе. Достаточно привести один пример.

Почему идет дождь, София? Ты наверняка проходила в школе, что водяные пары в облаках охлаждаются и, конденсируясь,

превращаются в капли, которые под воздействием силы тяжести падают на землю. Аристотель тут наверняка закивал бы головой. Однако он бы прибавил, что ты указала лишь на три причины. «Материальная причина» заключается в том, что в момент охлаждения воздуха в определенном месте как раз находились водяные пары (облака). «Воздействующая причина» состоит в охлаждении паров, а «формальная причина» — в том, что воде по «форме», или по природе, положено обрушиваться на землю. Если бы ты не сказала ничего больше, Аристотель добавил бы, что дождь идет, потому что дождевая вода необходима для роста растений и животных. Это он и называл «целевой причиной». Как видишь, Аристотель наделяет капли воды жизненной целью, или «умыслом».

Мы же, перевернув все с головы на ноги, скажем, что растения произрастают благодаря влаге. Улавливаешь разницу, София? По мнению Аристотеля, целенаправленность присуща всему на свете: Дождь идет, чтобы дать влагу растениям, а апельсины и виноград растут, чтобы их ели люди. Современная наука придерживается иного мнения. Мы говорим, что наличие питания и влаги составляет одну из предпосылок существования людей и животных. При отсутствии подобных условий нас бы просто не было на свете. И все же ни у воды, ни у апельсинов нет *цели* служить нам пропитанием.

В отношении причин может показаться соблазнительным сказать, что Аристотель ошибался. Но не будем торопиться. Многие верят, что мир сотворен таким, какой он есть, Богом — специально чтобы в нем могли жить люди и животные. Исходя из этого, естественно утверждать, что вода в реках течет потому, что она необходима для существования людей и животных. Однако в таком случае речь идет о *Божьем* промысле, о цели, поставленной Господом, а вовсе не о том, что вам желают добра дождевые капли или речная вода.

ЛОГИКА

Отличия «формы» от «материи» приобретают важное значение и когда Аристотель объясняет процесс познания человеком предметов бытия.

Познавая что-то, мы сортируем вещи по разным категориям, или группам. Скажем, я вижу лошадь, потом другую, потом третью… Хотя лошади неодинаковы, у всех них есть нечто общее, и это *нечто* составляет «форму» лошади. Различия между ними, их индивидуальные черты составляют «материю» лошади.

В своих земных странствиях мы, люди, и занимаемся распределением вещей по ячейкам. Коров мы помещаем в хлев, лошадей — в стойло, свиней — в закут, а кур — в курятник. То же происходит и когда София Амуннсен убирает свою комнату. Книги она ставит на полку, учебники кладет в школьную сумку, а журналы — в ящик комода. Аккуратно сложенная одежда прячется в шкаф: трусы на одну полку, свитеры на другую, носки в отведенный им ящик. Обрати внимание, что так же мы наводим порядок и в собственной голове. Мы отделяем друг от друга вещи, сделанные из камня, из шерсти и из резины. Мы различаем предметы живые и мертвые, отличаем растения от людей или животных.

Ты следишь за моей мыслью, София? Иными словами, Аристотель хотел произвести генеральную уборку в кладовой природы. Он пытался доказать, что все предметы бытия относятся к разным группам и подгруппам. (Гермес — живое существо, точнее — животное, еще точнее — позвоночное, еще точнее — млекопитающее, еще точнее — собака, еще точнее — лабрадор, еще точнее — самец лабрадора.)

Пойди к себе в комнату, София. Подними с пола любой предмет. Что бы ты ни подняла, ты обнаружишь соотнесенность взятого предмета с категорией более высокого порядка. Если ты когда-нибудь встретишь предмет, не поддающийся классификации, то испытаешь шок. Предположим, тебе встретится комочек чего-то, что ты не сумеешь с уверенностью отнести к миру растений, животных или минералов… Сомневаюсь, чтоб ты отважилась даже прикоснуться к нему.

Мир растений, животных или минералов, сказал я. Мне вспомнилась игра, в которой одного несчастного выставляют за

дверь, а остальные члены компании в это время загадывают некий предмет, который ему (или ей) придется по возвращении в комнату отгадывать.

Компания, скажем, загадала кота Монса, который сейчас находится в соседском саду. И вот бедный водящий приходит в комнату и начинает угадывать. Остальные участники имеют право отвечать только «да» или «нет». Если несчастный хорошо усвоил Аристотеля (в таком случае он вовсе не несчастный), разговор будет развиваться примерно следующим образом: Это что-то конкретное? (Да!) Оно относится к минералам? (Нет!) Оно живое? (Да!) Оно относится к миру растений? (Нет!) Это животное? (Да!) Это птица? (Нет!) Это млекопитающее? (Да!) Это какой-нибудь зверь? (Да!) Это кошка? (Да!) Это Моне? (Даааaааа! Общий смех…)

Вот какую игру изобрел Аристотель. Нужно отдать должное и Платону, который придумал «игру в прятки в темноте». А за изобретение детского конструктора мы уже отдали должное Демокриту.

Аристотель был аккуратистом, который стремился навести порядок в человеческих представлениях, поэтому именно он заложил основы *логики* как науки. Он ввел несколько строгих правил относительно того, какие умозаключения и выводы следует считать логически допустимыми, а какие — нет. Ограничимся одним примером: если я утверждаю, что «все живые существа смертны» (первая посылка), а также что «Гермес — живое существо» (вторая посылка), я могу сделать изящный вывод о том, что «Гермес смертен».

Мой пример показывает, что Аристотелева логика связана с отношениями между понятиями, в данном случае такими, как «живое существо» и «смертный». Конечно, предложенный Аристотелем способ рассуждений хорош, поскольку сделанный выше вывод абсолютно справедлив, однако, вероятно, следует признать, что такое заключение не говорит нам практически ничего нового. Мы и без того знали, что Гермес «смертен». (Он ведь «собака», а все собаки «живые существа» и, соответственно, «смертны» — в отличие от камней, из которых сложена Галхёпигген, самая высокая Гора Норвегии.) Итак, София, мы не

узнали ничего нового. Однако соотношение между группами предметов далеко не всегда воспринимается столь однозначно. Иногда бывает очень полезно навести порядок в наших представлениях.

Ограничусь еще одним примером. Неужели крохотные мышата, подобно ягнятам и поросятам, сосут своих матерей? Каким бы пустяковым ни казался такой вопрос, давай попробуем рассуждать. Мыши явно не откладывают яиц. (Когда я в последний раз видел мышиное яйцо?) Значит, у них — точно так же, как у свиней и овец, — рождаются живые детеныши. А живородящих животных называют млекопитающими, то есть животными, которые вскармливаются материнским молоком. Что и требовалось доказать. Собственно говоря, ответ был у нас и раньше, и все же к нему пришлось идти путем рассуждений. Ведь мы второпях забыли, что мыши действительно питаются материнским молоком, — вероятно, потому, что никогда не видели мышонка, сосущего мать. А это вполне естественно: выкармливая детенышей, мыши сторонятся людей.

ЛЕСТНИЦА ПРИРОДЫ

Занимаясь «упорядочиванием» действительности, Аристотель прежде всего подчеркивает, что все сущее делится на две основные группы. С одной стороны, мы имеем *неживые (неодушевленные) вещи* — такие, как камни, водяные капли и комья земли. Они не обладают потенциальной способностью к изменениям. Согласно Аристотелю, подобные неодушевленные предметы могут изменяться лишь под воздействием извне. С другой стороны, существуют *живые (одушевленные) вещи*, обладающие потенцией к изменениям.

Что касается «живых вещей», они, по Аристотелю, тоже делятся на две большие группы. К одной мы должны отнести *живые растения*, к другой — *живые существа.* «Живые существа» можно, в свою очередь, разделить на две подгруппы, а именно *животных* и *людей.*

Отдавая должное Аристотелю, следует признать, что такое деление четко и наглядно. Разница между одушевленными и неодушевленными предметами действительно существенна, достаточно сравнить, к примеру, розу и камень. Серьезно отличаются друг от друга также растения и животные, в частности роза и лошадь. Более того, осмелюсь утверждать, что существуют определенные различия между лошадью и человеком. Но в чем именно выражаются все эти различия? Можешь ответить на такой вопрос?

К сожалению, мне некогда ждать, пока ты напишешь ответ и вложишь его вместе с кусочком сахара в розовый конверт, поэтому отвечу сам: подразделяя природные явления на разные группы, Аристотель исходит из свойств вещей, точнее, из того, что *они умеют* или что они *делают*.

Все «живые вещи» (растения, животные и люди) обладают способностью поглощать питательные вещества, расти и развиваться. Все «живые существа» (животные и люди) обладают также способностью чувствовать окружающий мир и передвигаться. Помимо этого, человек умеет мыслить, иными словами, распределять чувственные впечатления по группам и классам.

В природе, таким образом, нет резких границ. Мы наблюдаем плавный переход от простейших растений к более сложным, от простейших животных к более сложным. На самом верху «лестницы» стоит человек, который, согласно Аристотелю, живет жизнью всей природы. Он растет и вбирает в себя питательные вещества (как растение), обладает чувствами и способностью передвигаться (как животные), однако он имеет еще одно свойство, характерное только для него, — способность к рациональному мышлению.

Итак, София, в человеке есть искра божественного разума. Пусть тебя не удивляет слово «божественный». В нескольких местах Аристотель указывает на существование Бога, который должен был дать толчок движению в природе.

По представлению Аристотеля, всякое движение на Земле зависит от движения звезд и планет. Однако кто-то должен был запустить эти небесные тела. Аристотель называл его

«перводвигателем», или «Богом». Сам «перводвигатель» находится в состоянии покоя, но именно он был «первопричиной» движения небесных тел, а вместе с тем и всякого движения в природе.

ЭТИКА

Вернемся к человеку, София. По Аристотелю, его «форма» заключается в том, что он обладает «растительной душой», «животной душой» и «разумной душой». И вот этот философ спрашивает: как человек должен жить? Что ему необходимо для хорошей жизни? Коротко могу ответить так: человек бывает счастлив, только если реализует все свои способности и задатки.

Аристотель утверждал, что бывает три вида счастливой жизни. Первый вид — жизнь, полная радости и удовольствий. Второй — жизнь свободного и ответственного гражданина. Третий — жизнь ученого и философа.

Но, подчеркивает Аристотель, для счастья необходимо сочетание всех трех видов жизни. Иными словами, он отвергает какую-либо односторонность. Будь Аристотель нашим современником, он бы, возможно, сказал, что человек, ставящий во главу угла свое тело, живет столь же односторонней — и неполноценной — жизнью, как и тот, кто развивает исключительно голову. Оба случая представляют собой крайности и отражают совершенно неправильный способ существования.

На «золотую середину» указывал Аристотель и в отношениях с людьми. Не следует выказывать ни трусость, ни безрассудство, однако нужно быть *мужественным.* (Слишком мало мужества ведет к трусости, слишком много — к безрассудству.) Равно не стоит быть ни жадным, ни расточительным, необходимо быть *щедрым.* (Быть недостаточно щедрым — значит превращаться в скупца, проявлять излишнюю щедрость — значит быть мотом.)

Это как с едой. Опасно есть слишком мало, однако не менее опасно и переедать. Этика и Платона, и Аристотеля напоминает о заповедях греческой медицины: лишь соблюдая равновесие и

проявляя умеренность, я могу стать счастливым («гармоничным») человеком.

ПОЛИТИКА

Что человек не должен развиваться однобоко, явствует и из Аристотелевой концепции общества. Он называл человека «существом политическим». Без окружающего нас общества, утверждал он, мы не являемся подлинными людьми. Семья и «селение», по мнению Аристотеля, удовлетворяют более низкие потребности существования — такие, как потребность в пропитании и заботе, потребность в создании семьи и воспитании детей. Однако лишь государство отвечает высшей форме человеческой общности.

Возникает вопрос: как должно быть организовано такое государство? (Помнишь «философское государство» Платона?) Аристотель называет три желательные формы правления. Одна — это *монархия* при которой власть сосредоточена в руках единоличного главы государства. Чтобы оставаться хорошей, такая форма правления не должна переходить в «тиранию», когда единоличный властитель творит в стране произвол. Вторая приемлемая форма политического устройства — *аристократия.* При ней власть принадлежит более или менее большой группе государственных мужей. Аристократия должна остерегаться перехода в «олигархию», которую мы сегодня чаще называем правлением хунты. Согласно Аристотелю, третий желательный строй представляет *полития,* под которой понимается демократия. Однако и у этой формы государственного правления есть оборотная сторона. Демократия может очень быстро развиться в охлократию, власть толпы. (В Германии огромное количество мелких нацистов могло создать чудовищную охлократию даже без такого главы государства, как тиран Гитлер.)

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

В заключение коснемся взглядов Аристотеля на женщину. Увы, они не были столь воодушевляющи, как у Платона. Согласно Аристотелю, женщинам чего-то не хватает. Женщина, так сказать, «недоделанный мужчина». В процессе размножения она играет чисто пассивную роль, она — получатель, тогда как мужчина активен, он — даритель. Ведь Аристотель считал, что ребенок наследует только мужчине, что все его будущие качества заложены в мужском семени. Женщина подобна почве, которая лишь вбирает в себя и вынашивает посеянное зерно, тогда как мужчина и есть «сеятель». Или, выражаясь на манер Аристотеля: мужчина дает «форму», женщина же вносит свою лепту «материей».

Что такой умный человек, как Аристотель, мог серьезно ошибаться в решении вопроса о полах, не только удивительно, но и прискорбно. Однако это свидетельствует о двух вещах. Во-первых, о том, что Аристотель, вероятно, имел мало практических знаний о жизни женщин и детей. Во-вторых, о том, в какой тупик может зайти наука, когда полновластными хозяевами в философии и других дисциплинах оказываются мужчины.

Промах Аристотеля в вопросе о женщине особенно досаден, если учесть, что именно его взгляд — а не взгляд Платона — стал господствующим в эпоху средневековья. Подобный взгляд на женщину, не имеющий никакого подтверждения в Библии, был унаследован и Церковью. А ведь Иисус Христос отнюдь не был женоненавистником!

На этом я умолкаю! Но я еще дам знать о себе.

Прочитав главу про Аристотеля полтора раза, София вложила листы обратно в желтый конверт и, продолжая сидеть в кровати, обвела взглядом комнату. Какой там творился ералаш! На полу валялись книги вперемешку с тетрадями и папками. Из гардероба торчали носки и кофточки, колготки и джинсы. На стуле возле письменного стола громоздилась куча грязной одежды.

София почувствовала неодолимое желание *навести порядок.* Прежде всего она очистила в шкафу все полки, свалив их содержимое на пол. Начинать — так с самого начала. Затем она приступила к наиболее трудоемкому делу: нужно было аккуратно сложить каждую вещь и поместить ее на полку. В шкафу их было семь. Одну София

отвела под трусы и свитеры, вторую — под носки и колготки, третью — под брюки. Так она заполнила все полки, ни минуты не сомневаясь в том, куда отнести тот или иной предмет одежды. Вещи, предназначенные для стирки, она сложила в пластиковый мешок.

Затруднение вызвал у Софии лишь один предмет: самый обыкновенный белый гольф. И дело было не только в том, что у него не оказалось пары. Он был чужой.

София несколько минут разглядывала белый носок. Хотя метки на нем никакой не стояло, у девочки зародилось подозрение, что она знает, кому он может принадлежать. Она забросила гольф на верхнюю полку: туда, где лежали пакет с конструктором, видеокассета и красный шелковый шарф.

Теперь дошла очередь и до пола. София тщательно, как было сказано в главе об Аристотеле, отделила учебники от тетрадей и папок, газеты и журналы — от афиш и плакатов. Убрав все с пола, она привела в порядок постель и занялась столом.

Когда и со столом было покончено, София вынула из конверта страницы, посвященные Аристотелю, сложила их ровной стопочкой, нашла дырокол и пустую папку с колечками, пробила дырки в листах и аккуратно надела их на кольца папки. Папку София положила на верхнюю полку, рядом с белым гольфом. Надо будет потом сходить в Тайник за коробкой из-под печенья.

София решила с сегодняшнего дня поддерживать порядок — и не только в комнате. Прочитав об Аристотеле, она поняла важность соблюдения порядка во всем, в том числе в своих взглядах и представлениях. Для нерешенных вопросов у Софии теперь была отведена верхняя полка шкафа. Она оставалась единственным местом в комнате, которое пока не полностью подчинялось хозяйке.

Мама уже часа два не подавала признаков жизни, и София спустилась на первый этаж. Но перед тем, как будить маму, нужно было покормить животных.

В кухне девочка склонилась над аквариумом. Одна из золотых рыбок была черного цвета, вторая — оранжевого, а третья — белого с красным. Вот почему София назвала их Черным Петером, Златоглавкой и Красной Шапочкой. Насыпая в аквариум корм, она объясняла рыбкам:

— Вы принадлежите к живой природе, а потому можете поглощать пищу, расти и развиваться. Если точнее, вы относитесь к миру животных, так что умеете двигаться и смотреть из аквариума на кухню. Если быть еще точнее, вы — рыбы, поэтому дышите жабрами и плаваете в воде, эликсире жизни.

Завинчивая банку с кормом, София радовалась тому, какое место в мире она отвела золотым рыбкам. Особенно ей понравилось выражение «эликсир жизни». Теперь наступила очередь попугаев. София кинула в миску горсточку зерен, приговаривая:

— Дорогие Тут и Там! Вы замечательные волнистые попугайчики, потому что вылупились из замечательных попугайных яиц, и я счастлива, что из этих яиц получились именно попугайчики, а не какие-нибудь трещотки.

София зашла в просторную ванную. Там, в большой коробке, лениво разлеглась черепаха. Принимая душ, мама часто кричала из ванной, что в один прекрасный день придушит эту черепаху, однако пока ее угроза оставалась невыполненной. София достала из банки для варенья лист салата и положила его в коробку.

— Дорогая Говинда! — обратилась она к черепахе. — Нельзя сказать, чтобы ты принадлежала к самым проворным животным на свете. И все же ты животное, которому довелось хоть немножко познакомиться с нашим огромным миром. Можешь утешаться тем, что ты не единственная на свете, кто не может превзойти самое себя.

Шер-Хан, конечно же, гулял — как положено котам, охотился на мышей. Путь в мамину спальню лежал через гостиную, где на журнальном столике красовался букет нарциссов. Желтые цветы, казалось, изогнулись перед Софией в почтительном поклоне. Девочка на мгновение остановилась, погладила нежные лепестки.

— Вы тоже относитесь к живой природе, — сказала она, — а потому имеете некоторое преимущество перед вазой, в которой стоите. К сожалению, вы сами не можете оценить его.

И вот наконец мамина комната. Мама продолжала крепко спать, но София положила руку ей на лоб и сообщила:

— Тебе повезло больше всех. Ты не просто живая, как растущие на земле нарциссы, и не просто живое существо, как Шер-Хан или Говинда. Ты — человек, а значит, обладаешь редкой способностью мыслить.

— Что ты там бормочешь, София?

Мама сегодня проснулась быстрее обычного.

— Я говорю, что ты похожа на ленивую черепаху. Еще могу доложить, что убрала свою комнату. И проделала это с философской основательностью.

— Сейчас иду, — приподнялась на постели мама. — А ты поставь, пожалуйста, воду для кофе.

София выполнила мамину просьбу, и вскоре они сидели в кухне и пили кофе, какао и сок. Через некоторое время София спросила:

— Мама, ты когда-нибудь задумывалась о том, зачем мы живем?

— Я вижу, ты никак не угомонишься.

— Я уже угомонилась, потому что знаю ответ. Мы живем на этой планете, чтобы некоторые из нас ходили по ней и давали имена окружающим вещам.

— Ах вот как? Я никогда об этом не думала.

— Значит, у тебя в жизни серьезные сложности, потому что человек — существо мыслящее. Если ты не думаешь, значит, ты не человек.

— София!

— Представь себе, что на земле жили бы одни растения и животные. Тогда бы никто не отличал кошек от собак, а нарциссы от крыжовника. Конечно, животные и растения тоже живые, но только мы, люди, можем распределить все сущее по классам и группам.

— Право слово, ты у меня самая странная дочка на свете, — сказала мама.

— Еще бы, — отозвалась София. — Все люди более или менее странные. Раз я человек, значит, я тоже странная. А коль скоро я твоя единственная дочка, значит, у тебя я действительно самая странная.

— Я имела в виду, что ты пугаешь меня этим… этими своими разговорами.

— Очень ты у нас пугливая.

Ближе к вечеру София прошмыгнула в Тайник и сумела потихоньку от мамы пронести коробку из-под печенья к себе.

Там София разложила листы по порядку, проделала в них дырки и вставила в папку с колечками — перед главой, посвященной Аристотелю. Затем она надписала в правом верхнем углу каждого листа номер. Их оказалось уже больше пятидесяти. У Софии

появлялся собственный учебник философии. Павда, сочиняла его не она сама, зато его сочиняли *специально для нее.*

До уроков на понедельник руки не дошли. Возможно, будет контрольная по основам христианства, но учитель богословия всегда подчеркивал, что больше всего ценит интерес к предмету и собственное мнение учеников. Софии казалось, что за последнее время она неплохо подготовилась для выражения и того и другого.

ЭЛЛИНИЗМ

…искра из костра…

Хотя учитель философии теперь посылал письма прямо в ее тайное убежище, в понедельник утром София по привычке проверила почтовый ящик.

Как и следовало ожидать, там оказалось пусто. Она пошла по Клёвервейен — и вдруг заметила валявшуюся на земле фотографию белого джипа с голубым флагом. На флаге она разглядела две буквы: «UN»… что значило Организация Объединенных Наций…

София перевернула фотографию и тут только сообразила, что перед ней открытка, адресованная: «Софии Амуннсен (для Хильды Мёллер-Наг)». На открытке были наклеены норвежские марки и стоял штемпель: «Батальон ООН, 15.06.1990».

15 июня! Это же ее день рождения!

В открытке говорилось:

Дорогая Хильда! Полагаю, ты еще празднуешь день рождения. Или это уже следующий день? Впрочем, неважно, на сколько тебе хватило моего подарка. В некотором смысле его может хватить на всю жизнь. Как бы то ни было, еще раз поздравляю тебя. Теперь ты, наверное, понимаешь, почему я посылаю открытки Софии. Я просто уверен, что она передаст их.

P. S. Мама рассказала, что ты потеряла бумажник. Обещаю возместить тебе утраченные 150 крон. Новый ученический билет ты, конечно же, успеешь до лета получить в школе сама.

С сердечным приветом, папа.

София словно приросла к асфальту. Каким числом была датирована предыдущая открытка? Откуда-то из глубин сознания всплыло ощущение, что на открытке с пляжем тоже стоял штемпель от

середины июня — хотя до того времени оставался целый месяц. София тогда просто не обратила внимания…

Взглянув на часы, девочка кинулась обратно к дому. Сегодня она опять опоздает в школу.

София отперла дверь и, взлетев на второй этаж, нашла на полке, под красным кашне, первую из адресованных Хильде открыток. Ясное дело… на ней тоже штемпель от 15 июня! День рождения Софии и последний день перед летними каникулами.

Торопясь к продуктовому центру, где они должны были встретиться с Йорунн, София лихорадочно соображала.

Кто такая Хильда? Как мог Хильдин отец рассчитывать, что София найдет ее? В любом случае казалось бессмыслицей, что он посылает открытки Софии, — вместо того чтобы слать их непосредственно дочери. Сомнительно, чтоб он не знал ее адреса. Может, это шутка? Может, он хочет преподнести дочери на день рождения сюрприз, использовав в виде детектива и нарочного незнакомую девочку? Может, поэтому ей, Софии, дается месячная фора? Вдруг он хочет взять ее в посредники, чтобы подарить Хильде новую подругу? Вдруг самой Софии предстоит стать подарком, которого «может хватить на всю жизнь»?

Если этот чудак действительно в Ливане, как он вообще умудрился разыскать Софиин адрес? И еще: Софию объединяют с Хильдой два обстоятельства. Раз у Хильды день рождения 15 июня, значит, они родились в один день. Кроме того, у обеих отцы находятся в дальних странах.

Софию буквально затягивало в какой-то сверхъестественный мир. Она уже готова была поверить в судьбу. Нет, не надо спешить с выводами, все еще может объясниться самым естественным образом. Но как Альберто Нокс мог найти бумажник Хильды, если она живет в Лиллесанне, докуда не одна сотня миль? И почему София обнаружила последнюю открытку на земле? Неужели ее выронил из сумки почтальон? Тогда почему он выронил именно эту открытку — и перед Софииным домом?

— Ну, ты даешь! — вскричала Йорунн, завидев подбегающую Софию.

— Извини, пожалуйста.

— Надеюсь, у тебя есть веское оправдание, — по-учительски строго посмотрела на нее Йорунн.

— Тут замешана ООН, — сказала София. — Меня задержал вражеский лазутчик из Ливана.

— Фи! Ты просто-напросто влюбилась.

Они со всех ног помчались к школе.

На третьем уроке классу раздали листочки с контрольной по основам христианства, к которой София так и не успела подготовиться. Задание гласило:

Мировоззрение и терпимость

1. Составьте список того, что человек может знать. Затем составьте список того, во что мы можем лишь верить.

2. Укажите ряд факторов, определяющих мировоззрение человека.

3. Что понимается под совестью? У всех ли людей, на ваш взгляд, одинаковая совесть?

4. Что понимается под «приоритетом ценностей»?

София долго сидела, обдумывая, что писать. Можно ли ей воспользоваться знаниями, полученными от Альберто Нокса? У нее фактически не оставалось иного выхода, поскольку в учебник она давным-давно не заглядывала. Стоило Софии начать, как слова потекли сами собой, предложение за предложением.

Она писала: мы можем знать, что Луна не гигантская головка сыра и что на обратной стороне Луны есть кратеры, что Сократа с Христом приговорили к смерти, что всем людям рано или поздно суждено умереть, что величественные храмы Акрополя были возведены после войны с персами, в V веке до нашей эры, и что главным прорицателем Греции был дельфийский оракул. «Нам никоим образом не узнать происхождения мира, — написала София в конце. — Вселенную можно сравнить с огромным кроликом, которого вытаскивают из большущего цилиндра. Философы пытаются взобраться по тонким волосинкам кроличьего меха, чтобы заглянуть в глаза Великому Фокуснику, или Чародею. Другой вопрос, будут ли их попытки удачными. Но если один философ станет взбираться на спину другому,

они будут подниматься все выше и выше над мягким кроличьим мехом, и, как мне кажется, их шансы добиться успеха будут расти.

P. S. В Библии рассказывается о том, что в свое время, вероятно, было одной из шерстинок кроличьей шубы. Эта шерстинка носила название Вавилонской башни, и ее сровняли с землей, потому что Великому Чародею не понравились крохотные человечки, которые стали вылезать из меха только что сотворенного им белого кролика».

Далее шел второй вопрос: «Укажите ряд факторов, определяющих мировоззрение человека». Разумеется, важнейшими факторами здесь были воспитание и среда. Современники Платона придерживались иного мировоззрения, чем большинство сегодняшних людей, — просто-напросто потому, что жили в другую эпоху и в другой среде. В остальном многое зависит от приобретенного человеком опыта, хотя не менее важную роль при выборе мировоззрения играет человеческий разум. Разум же не зависит от среды, он общий для всех. Вероятно, можно сравнить среду и условия жизни в обществе с обстановкой в глубине платоновской пещеры. С помощью разума человек может начать выбираться из пещерной тьмы. Но такое предприятие требует изрядной доли личного мужества. Прекрасным примером человека, сумевшего благодаря разуму освободиться от бытовавших в его эпоху представлений, служит Сократ. В заключение София написала: «В наше время людям разных стран и культур приходится все теснее общаться друг с другом. Так, в одном многоквартирном доме могут жить христиане, мусульмане и буддисты. При этом куда важнее проявлять терпимость к чужой вере, чем спрашивать, почему не все верят в одних и тех же богов».

Да… София неплохо продвигалась вперед на знаниях, усвоенных из курса философии. К тому же она сдабривала их природженным здравым смыслом и сведениями, почерпнутыми из книг и других источников.

Она приступила к третьему вопросу: «Что понимается под совестью? У всех ли людей, на ваш взгляд, одинаковая совесть?» Это они не раз обсуждали в классе. София написала: «Под совестью понимается способность людей реагировать на хорошие и плохие поступки. Я лично считаю, что этой способностью наделены все люди, иными словами, что она врожденная. Того же мнения придерживался Сократ. Однако разным людям совесть может подсказывать

совершенно разные вещи. Пожалуй, в этом отношении можно кое-чему поучиться у софистов. Согласно им, что такое хорошо и что такое плохо, определяется в первую очередь средой, в которой вырастает конкретный человек. Сократ же считал, что совесть одинакова у всех. Не исключено, что правы и софисты, и Сократ. Если не все стесняются показываться перед другими в голом виде, то подлый поступок вызовет угрызения совести у большинства. Кроме того, необходимо уточнить, что наличие совести не равнозначно ее применению. В некоторых случаях люди действуют так, словно напрочь лишены ее, но, по-моему, у них тоже есть совесть, хотя и глубоко запрятанная. Точно так же про некоторых людей кажется, будто они полностью лишены разума, однако на самом деле они просто не пользуются им.

P. S. И разум, и совесть можно сравнить с мышцами. Если какая-то мышца не тренируется, она постепенно утрачивает свою силу».

Теперь остался всего один вопрос: «Что понимается под „приоритетом ценностей??» Об этом они тоже в последнее время много рассуждали на уроках. Человеку, например, удобно перемещаться в собственной машине. Однако автомобили губят леса и загрязняют природу, значит, приходится делать выбор между «ценностями». По зрелом размышлении София сделала вывод, что здоровье лесов и чистота природы важнее возможности быстро добираться до работы. Она привела и несколько других примеров. В заключение она написала: «Мне кажется, философия как предмет важнее английской грамматики, поэтому при выборе приоритетов было бы целесообразно ввести в нашу программу философию — за счет уроков английского».

На последней перемене богослов отозвал Софию в сторонку.

— Я уже прочел твою контрольную, — сказал он. — Она лежала почти на самом верху.

— Надеюсь, там было над чем призадуматься.

— Об этом я и хотел побеседовать с тобой. Во многих отношениях у тебя весьма зрелые ответы. Удивительно зрелые, София… и самостоятельные. Но читала ли ты заданный материал?

— Ты же больше ценишь личное мнение, — попыталась выкрутиться София.

— Конечно… Только все хорошо в меру.

София решила поговорить с учителем начистоту. Ей казалось, что после пережитого за последние дни она может позволить себе такое.

— Я начала изучать философию, — призналась она. — Это развивает самостоятельное мышление.

— Однако из-за этого мне трудно поставить тебе оценку. Твоя работа заслуживает либо «отлично», либо «малоудовлетворительно» .

— Значит, я ответила либо совершенно правильно, либо совершенно неверно? Так прикажете понимать?

— Ладно, пусть будет «отлично», — сказал учитель. — Но в следующий раз, пожалуйста, учи и заданное.

Придя домой, София бросила сумку на крыльцо и тут же побежала в Тайник. На толстых корнях лежал желтый конверт. Он был совсем сухой по краям, так что Гермес, очевидно, приходил давно.

София забрала конверт, отперла дом, первым делом покормила животных, затем поднялась к себе. Там она улеглась на кровать, вскрыла письмо от Альберто и приступила к чтению.

ЭЛЛИНИЗМ

Спасибо за прошлый раз, София! Итак, ты уже знаешь про натурфилософов и Сократа, про Платона и Аристотеля. А это значит, что ты познакомилась с основами европейской философии и мы можем отказаться от предварительных заданий для размышления, которые ты получала в белых конвертах. Думаю, что заданий, контрольных и всего прочего тебе более чем хватает в школе.

Сегодня я расскажу о долгом периоде истории — от Аристотеля, жившего в конце III века до н. э., до самого начала средневековья, то есть примерно до IV века н. э. Обрати внимание, что раньше говорили «до Рождества Христова» и «по Рождестве Христовом». Действительно, одним из самых значительных — и самых загадочных — событий этого периода было появление христианства.

Аристотель умер в 322 году до Рождества Христова, когда Афины уже утратили свою главенствующую роль. Это не в последнюю очередь объясняется грандиозными политическими

катаклизмами, произошедшими в результате завоеваний *Александра Македонского* (356-323).

Александр Македонский (или Великий) царствовал в Македонии. Аристотель тоже родился в Македонии и некоторое время даже был наставником юного Александра. Именно Александр окончательно разгромил персов. Более того, София, своими многочисленными военными походами он распространил греческую цивилизацию на Египет и на весь Восток до самой Индии.

С этого времени открывается совершенно новая эпоха в истории человечества. Она порождает общество, господствующую роль в котором играют греческий язык и греческая культура. Этот период, длившийся около трех веков, часто называют *эллинизмом.* Впрочем, под «эллинизмом» понимается как сам период, так и грекоязычная культура, которая преобладала в трех крупнейших эллинистических государствах — Македонии, Сирии и Египте.

Примерно с 50 года до н. э. военное и политическое превосходство перешло к Риму. Новая великая держава захватила одно за другим все эллинистические государства, и теперь уже римская культура и латинский язык доминировали на территории, протянувшейся от Испании на западе далеко на восток, в глубь Азии. Так начинается *римский период,* или, как его еще называют, *поздняя античность.* Но обрати внимание на одну деталь: прежде чем римляне завоевали эллинистический мир, сам Рим стал греческой культурной провинцией. Вот каким образом получилось, что греческая культура — в том числе греческая философия — продолжала играть важную роль долгое время после того, как политическое влияние греков отошло в область предания.

РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФИЯ И НАУКА

Эллинизм отличало стирание границ между странами и культурами. Если раньше греки, римляне, египтяне, вавилоняне, сирийцы и персы поклонялись собственным богам в рамках так называемых «национальных религий», то теперь все культуры

перемешались, образовав невероятную сумятицу религиозных, философских и научных представлений.

Вероятно, можно сказать, что агору заменила мировая арена. На древней рыночной площади тоже гудели голоса тех, кто либо принес на продажу товар, либо хотел поделиться своими идеями и мыслями. Новым стало то, что площади были заполнены товарами и идеями со всего света. А голоса там по-прежнему гудели, на самых разных языках.

Мы уже упоминали, что греческие представления распространились далеко за пределы традиционного ареала греческой культуры. Теперь же по всему Средиземноморью начали поклоняться и восточным божествам. Появилось множество религиозных доктрин, которые заимствовали богов и религиозные представления у разных народов. Такое явление называют *синкретизмом,* или смешением религий.

В прежние времена люди ощущали тесную принадлежность к своему народу, к своему полису. Когда границы и линии раздела начали стираться, многие впали в сомнение, пришли в растерянность по поводу мировоззренческих проблем. Поздняя античность в целом была проникнута религиозными сомнениями, упадком культур и пессимизмом. «Мир одряхлел», — говорили люди.

Объединило новые религиозные системы присутствие в большинстве из них учения о том, как спастись от смерти. Нередко такое учение объявляли тайным. Поверив в это тайное учение, а также выполняя определенные обряды, человек мог рассчитывать на бессмертие души и вечную жизнь. Наряду с ритуалами важную роль для спасения души играло понимание истинной природы Вселенной.

Так обстояло дело с новыми религиями, София. Однако философия тоже все больше и больше сдвигалась в направлении «спасения» и поддержки человека в жизни. Философское мировоззрение имело не только самостоятельную ценность, оно было призвано освободить людей от страха смерти и пессимизма. В результате стирались границы между религией и философией.

Вообще-то можно сказать, что эллинистическая философия не отличалась своеобразием. Поздняя античность не породила ни

своего Платона, ни своего Аристотеля. Зато три великих афинских мыслителя дали толчок нескольким философским течениям, которые я вкратце обрисую ниже.

Слияние различных культурных традиций наблюдается и в эллинистической науке. Ключевую роль тут играла Александрия — город, ставший местом встречи Востока и Запада. Если Афины, в которых сохранились школы Платона и Аристотеля, все еще были столицей философии, то Александрия взяла на себя роль столицы естественных наук. При своей огромной библиотеке этот город сделался центром развития математики, астрономии, биологии и медицины.

Эллинизм вполне сопоставим с XX веком, который также характеризуется все большей открытостью мирового сообщества. В наше время это, помимо всего прочего, привело к серьезным переменам в религиозном и общем мировоззрении. Если в начале нашей эры в Риме можно было встретить веру в греческих, египетских и восточных богов, то в конце XX века нет ни одного сколько-нибудь крупного европейского города, в котором не были бы представлены религиозные верования из самых разных уголков земного шара.

Сегодня мы также наблюдаем, как смешение старых и новых верований, философии и науки увеличивает предложение на «рынке мировоззрений». В действительности очень многое в так называемом «новом знании» — товар весьма старый, часть этих идей восходит к эпохе эллинизма.

Итак, эллинистическая философия продолжала разработку проблем, поставленных еще Сократом, Платоном и Аристотелем. Все они хотели ответить на вопрос о том, как человеку следует жить и умирать. Иными словами, на повестку дня были поставлены проблемы *этики.* В новом мировом сообществе они стали главным предметом философских исканий. Вопрос ставился следующим образом: в чем заключается подлинное счастье и как его можно достичь? Теперь рассмотрим четыре философских течения, занимавшиеся этими проблемами.

КИНИКИ

Говорят, Сократ однажды долго стоял у прилавка с выставленными товарами. «Сколько же есть вещей, без которых можно обойтись!» — наконец выпалил он.

Это высказывание послужило бы достойным эпиграфом к *кинической философии,* основы которой заложил на рубеже V-IV веков до н. э. *Антисфен* из Афин. Как ученика Сократа, его в первую очередь привлекала неприхотливость последнего.

Киники (или циники) отстаивали следующий тезис: подлинное счастье состоит не во внешних вещах вроде материального достатка, политической власти или хорошего здоровья, а в том, чтобы не ставить себя в зависимость от этих случайных и недолговечных вещей. И поскольку настоящее счастье не зависит от них, оно доступно любому человеку. Более того, обретя подобное счастье, человек не может утратить его.

Наиболее известным киником стал ученик Антисфена *Диоген.* О нем рассказывают, что он жил в бочке и все его имущество состояло из плаща, посоха и котомки для провизии. (Вот уж кого трудно было лишить счастья!) Однажды, когда Диоген грелся на солнце около своей бочки, его навестил Александр Македонский. Став перед мудрецом, царь спросил, есть ли у него какое-нибудь желание, чтобы тотчас это желание исполнить. И Диоген ответил: «Тогда отойди на шаг в сторону, потому что ты заслоняешь мне солнце». Таким образом Диоген дал понять, что он богаче и счастливее великого полководца. У него есть все, чего он себе желает.

Согласно киникам, люди не должны беспокоиться о своем здоровье. Не стоят волнений даже страдания и смерть, почему не следует принимать близко к сердцу также мучения окружающих.

В настоящее время слово «цинизм» означает пренебрежительное отношение к мукам и страданиям других (отсюда же прилагательное «циничный»).

СТОИКИ

Киники оказали воздействие на *стоическую философию,* возникшую в Афинах около 300 года до н. э. Ее основателем был

Зенон, который, будучи родом с Кипра, после кораблекрушения попал в Афины и присоединился к кинической школе. Своих приверженцев он обычно собирал в крытой галерее с колоннами — портике, а потому греческое слово _стоя_ (портик) и дало название его философской школе — стоицизм. Впоследствии стоицизм приобрел большое значение для римской культуры.

Вслед за Гераклитом стоики утверждали, что все люди наделены одним мировым разумом, или «логосом». Они считали, что каждый человек представляет собой крохотный мир, «микрокосмос» (или «микрокосм») и мир этот отражает «макрокосмос» (или «макрокосм»).

Отсюда вытекала мысль о существовании некоего универсального права, так называемого «природного», или «естественного», права. Поскольку естественное право основывается на извечном разуме человека и Вселенной, оно не зависит от пространства и времени. Таким образом, стоики принимали сторону Сократа против софистов.

Естественное право распространяется на всех людей, в том числе и на рабов. В сводах законов разных государств стоики видели несовершенные подражания праву, заложенному в самой природе.

Стоики не только стирали грань между индивидуумом и Вселенной, но и отрицали противопоставление «духа» и «материи». Согласно их учению, мир един. Подобные воззрения носят название «монизма» (в противовес, скажем, явному «дуализму» Платона, делившего сущее на две части).

Как истинные дети своего времени, стоики были ярко выраженными «космополитами». Следовательно, они были более открыты современной культуре, чем «бочечные философы» (киники). Они указывали на общность людей, интересовались политикой, а некоторые из них, в частности римский император _Марк Аврелий_ (121-180), были активными государственными деятелями. Они способствовали распространению в Риме греческой культуры и философии, в чем особенно преуспел оратор, философ и политик _Цицерон_ (106-43 до н. э.). Именно он ввел понятие «гуманизма», иными словами, мировоззрения, ставящего во главу угла отдельную личность. Несколько десятилетий спустя

стоик *Сенека* (4 до н. э.-65 н. э.) сказал, что «человек — предмет для другого человека священный». Эти слова стали впоследствии лозунгом гуманистического движения в целом.

Кроме того, стоики подчеркивали, что все естественные явления — скажем, болезнь или смерть — подчиняются нерушимым законам природы, поэтому нужно научиться примирению с судьбой. Ничто не происходит случайно, утверждали они. Все обусловлено необходимостью, так что, когда судьба стучится в твою дверь, нет смысла стенать и роптать. Впрочем, следует невозмутимо встречать и счастливые события своей жизни. Такой взгляд отражает близость стоиков к киникам, призывавшим безразлично относиться ко всему внешнему. Мы до сего дня говорим о «стоическом спокойствии», имея в виду, что человек не позволяет страстям брать над собой верх.

ЭПИКУРЕИЗМ

Мы видели, что Сократа интересовал вопрос о том, как жить хорошей жизнью. И киники, и стоики толковали его учение одинаково: дескать, человеку следует освободиться от материальной роскоши. Однако у Сократа был также ученик по имени *Аристипп.* Согласно ему, целью жизни должно быть извлечение величайшего чувственного удовольствия. «Высшее благо — наслаждение, — утверждал он, — высшее зло — боль». Таким образом, он хотел выработать способ существования, основанный на избегании всяческой боли. (Киники и стоики призывали *выдерживать* любую муку, а это отнюдь не то же самое, что всячески *избегать* ее.)

В конце IV века до н. э. *Эпикур* (341-270) основал в Афинах философское течение (эпикуреизм), в котором развил Аристиппову этику наслаждений в сочетании с Демокритовым учением об атомах.

Рассказывают, что эпикурейцы жили в саду, отчего получили наименование «философов Сада». Над входом туда якобы висело изречение: «Гость, тебе здесь будет хорошо. Здесь удовольствие — высшее благо».

Эпикур призывал человека соизмерять удовольствие, которое он получает в результате какого-либо поступка, с возможными его последствиями. Если ты когда-нибудь объедалась шоколада, то понимаешь, что я имею в виду. Если нет, предлагаю тебе провести следующий эксперимент: возьми из копилки двести крон и купи на них шоколада[15]. (Предполагается, что ты любишь его.) Для успеха эксперимента надо решиться съесть весь шоколад в один присест. Примерно через полчаса после того, как этот чудесный шоколад будет съеден, ты поймешь, что Эпикур имел в виду под «возможными последствиями».

Эпикур также настаивал на необходимости соотносить кратковременное наслаждение, достигаемое в результате какого-то действия, с возможностью получения в будущем удовольствия более длительного или более сильного. (Можно, скажем, представить себе, что ты решила целый год не есть шоколада, потому что предпочитаешь копить карманные деньги на новый велосипед или на дорогую поездку за границу.) Ведь человек, в отличие от животного, может планировать свою жизнь. Он обладает способностью «вычислять» предвкушаемое удовольствие. Конечно, шоколад вкусен, а потому обладает определенной ценностью, но ею обладает также велосипед или поездка на каникулы в Англию.

При этом Эпикур подчеркивал, что наслаждение вовсе не обязательно совпадает с чувственным удовольствием, доставляемым, например, шоколадом. Удовольствие приносят и такие ценности, как дружба или восприятие искусства. Помимо всего прочего, одной из предпосылок наслаждения жизнью было, по Эпикуру, следование старинным греческим идеалам — таким, как самообладание, умеренность и душевное равновесие. Ведь страсть следует обуздывать, а душевное равновесие помогает нам переносить боль.

К саду Эпикура тянулись люди, страдавшие от религиозного страха. Кстати, неплохим средством против религии и предрассудков оказалось учение Демокрита об атомах. Не менее важно для хорошей жизни было и преодоление страха смерти. Тут Эпикуру пришелся кстати тезис Демокрита о существовании «атомов души». Возможно, ты помнишь, что, по Демокриту, жизни

после смерти не существует, поскольку «душевные атомы» мгновенно рассеиваются во все стороны.

«Смерть не имеет к нам никакого отношения, — просто говорил Эпикур, — когда мы живы, смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет». (И правда, ни один человек на свете еще не страдал оттого, что умер.)

Сам Эпикур выразил суть своей раскрепощающей философии в виде так называемого «тетрафармакона», или «четверолекарствия»:

> Не стоит бояться богов и беспокоиться о смерти;
> блаженство легко достижимо, а страшное легко переносимо.

В Древней Греции не впервые проводят параллель между задачами философии и врачевания. В данном случае человеку предлагается обзавестись своеобразной походной аптечкой с четырьмя «философскими средствами».

В отличие от стоиков эпикурейцы почти не проявляли интереса к политике и общественной жизни. «Живи незаметно!» — таков был совет Эпикура. Вероятно, его «сад» сопоставим с современными коммунами. Ведь и в наше время многие ищут прибежища от мировых бурь на острове или в какой-нибудь иной «гавани».

После смерти Эпикура многие его последователи предались безудержной погоне за наслаждением. Их лозунгом стал призыв: «Лови мгновенье!» Сегодня слово «эпикуреец» чаще всего употребляется с уничижительным оттенком и означает «прожигателя жизни».

НЕОПЛАТОНИЗМ

Как мы с тобой убедились, и киники, и стоики, и эпикурейцы исходили из Сократа. Кроме того, они отталкивались от досократиков, в частности от Гераклита и Демокрита. А наиболее заметное философское течение поздней античности возникло прежде всего под влиянием платоновской теории идей, поэтому его называют неоплатонизмом.

Виднейшим неоплатоником был *Плотин* (ок. 205-270), изучавший философию в Александрии, но впоследствии переехавший в Рим. Хочу обратить твое внимание на то, что он был уроженцем Александрии, города, который уже много веков служил местом соприкосновения греческой философии и восточной мистики. Плотин принес с собой в Рим учение о спасении, которому суждено было составить серьезную конкуренцию набиравшему силу христианству. Неоплатонизм в целом оказал сильное влияние на христианское богословие.

Ты помнишь теорию идей Платона, София? Помнишь, что он различал мир идей и чувственный мир? Платон ввел четкое разграничение души и тела, что сделало человека двойственным созданием: наше тело, как и все прочие предметы чувственного мира, состоит из земли и праха, но мы также обладаем бессмертной душой. Такое представление было широко распространено среди греков задолго до Платона, А Плотин к тому же познакомился со сходными воззрениями в Азии.

Согласно Плотину, мир растянут между двух полюсов. На одном конце находится божественное сияние, которое он называл «Единым». Несколько раз он называет его «Богом». На другом конце, куда не достигает свет «Единого», царит абсолютная тьма. Плотин, однако, утверждает, что на самом деле этой тьмы не существует. Она являет собой лишь отсутствие света… ее *нет.* Существует только «Бог», или «Единое», но как свет от любого источника постепенно теряется во тьме, так и тут в некоем месте проходит граница, дальше которой божественные лучи не достигают.

Если душа озаряется исходящим от «Единого» светом, говорил Плотин, то материя представляет собой тьму, которой в действительности не существует. На формы же сущего попадает слабый отсвет «Единого».

А теперь, дорогая София, вообрази горящий в ночи костер, от которого во все стороны разлетаются искры. Около него — широкий круг освещенного пространства, и свет костра хорошо виден даже на расстоянии нескольких километров. Если мы удалимся еще больше, костер превратится в крошечную светящуюся точку, вроде еле различимого судового огня. А если

мы отойдем от костра и того дальше, его лучи перестанут достигать нас. Свет его растворится в ночи, а в полной темноте мы вообще ничего не видим. Там не бывает ни силуэтов, ни теней.

Представь себе, что бытие и есть такой костер. Но горит в этом случае Бог, а тьма за пределами костра — холодная материя, из которой сделаны люди и животные. Ближе всего к Богу стоят вечные идеи — изначальные формы всех живых существ. Одна из «искр костра», конечно же, человеческая душа. Однако божественный свет попадает не только на человека. Он проявляется во всей живой природе: роза или колокольчик тоже несут на себе отсвет божественного сияния. Дальше всего от живого Бога находятся земля, вода и камень.

Во всем сущем присутствует божественная тайна. Мы видим, как она сияет в цветке подсолнуха или мака. Улавливаем ту же непостижимую тайну в бабочке, что вспархивает с ветки… в золотой рыбке, что плавает в аквариуме. Но ближе всего к Богу мы собственной душой. Только через нее мы можем приобщиться к великой загадке бытия. Иногда нам даже начинает казаться, будто ***эта божественная тайна*** **— мы сами.**

Образы, которыми пользуется Плотин, сопоставимы с мифом Платона: чем ближе мы подходим к выходу из пещеры, тем ближе оказываемся к источнику бытия. Однако, в отличие от Платонова дуалистического восприятия действительности, мировоззрение Плотина проникнуто ощущением целостности. Всё едино, поскольку всё есть Бог. Даже тени в самой глубине платоновского подземелья несут на себе отсвет «Единого».

Несколько раз в течение жизни Плотина посещало чувство слияния души с Богом, которое обычно называют ***мистическим переживанием.*** **Его испытал не один Плотин: о подобных случаях рассказывают представители всех эпох и культур. Как бы по-разному они ни описывали свои впечатления, в их рассказах много общего. Рассмотрим некоторые из таких общих черт.**

МИСТИЦИЗМ

При мистическом переживании человек испытывает единение с Богом, или с «мировой душой». Во многих религиях подчеркивается, что Бог и его творения разделены пропастью, однако мистик не ощущает никакой пропасти. Он (или она) чувствует, как «входит в Бога» или «сливается» с Ним.

Дело в том, что Я, о котором мы говорим в обыденной жизни, не является нашим подлинным Я. Иногда мы можем на миг ощутить свою сопричастность некоему большему Я, которое одни мистики называют Богом, другие — «мировой душой» или «Вселенной». Исчезая или пропадая в Боге, мистик «утрачивает себя», как «утрачивает себя» капля, смешиваясь с морем. Один индийский мистик так изобразил этот процесс слияния: «Когда был я, Бога не было. Теперь есть Бог, но нет меня». Христианский мистик *Ангел Силезский*[16] (1624-1677) выразил то же самое следующим образом: «Соприкоснувшись с морем, та капля в море канет. Душа, взнесённа к Богу, едина с Богом станет».

Возможно, София, тебе кажется малоприятной перспектива «утраты себя». Да-да, я понимаю, что ты хочешь сказать. Но ведь ты теряешь гораздо меньше, чем приобретаешь. Ты утрачиваешь лишь образ, в котором находишься сейчас, одновременно понимая, что в действительности представляешь собой нечто куда большее. Ты представляешь собой целую вселенную. Да, дорогая София, ты и есть мировая душа, ты и есть Бог. Если тебе придется отказаться от самой себя в виде Софии Амуннсен, можешь утешаться тем, что рано или поздно ты все равно утратишь свое «обыденное Я». Согласно мистикам, твое подлинное Я (которое ты сумеешь почувствовать, только отрешившись от себя) напоминает удивительный огонь, неугасимый на вечные времена.

Но мистические переживания не всегда приходят сами собой. Чаще всего для встречи с Богом мистику нужно пройти «путь очищения и озарения». Путь этот предполагает аскетический образ жизни и разные способы медитации. И тогда мистик (мужчина или женщина) вдруг достигает своей цели и может воскликнуть: «Я есмь Бог» или «Я есмь Ты».

Мистические течения существуют во всех крупных мировых религиях. При этом описания мистических переживаний, независимо от культур и традиций, оказываются поразительно

схожими. Культурные различия проявляются, лишь когда мистик дает религиозное или философское истолкование своего мистического опыта.

В *западной мистике* (то есть в рамках иудаизма, христианства и ислама[17]) мистик делает акцент на встрече с личным Богом. Хотя Бог присутствует в природе и в человеческой душе, он обычно вознесен высоко над миром. В *восточной мистике* (то есть в рамках индуизма, буддизма и даосизма) мистик скорее будет подчеркивать полное слияние с Богом или «мировой душой». «Я — мировая душа», — может сказать он, или: «Я — Бог», потому что для такого мистика Бог не просто существует в мире, он не существует более нигде.

Задолго до Платона сильные мистические течения были распространены в Индии. *Свами Вивекананда,* который уже в XIX веке познакомил Запад с индуистским мировоззрением, однажды сказал: «Как в некоторых мировых религиях атеистом называют человека, не верящего в личного Бога за пределами себя, так для нас атеист тот, кто не верит в самого себя. Не верить в великолепие собственной души — это атеизм».

Мистические переживания могут иметь значение и для этики. *Сарвапалли Радхакришнан,* который в 60-е годы XX века был президентом Индии, высказал следующую мысль: «Ты должен любить ближнего, как самого себя, потому что ты и есть твой ближний. Только иллюзия заставляет тебя считать, будто твой ближний не ты сам».

Иногда мистическими переживаниями делятся и наши современники, причем не принадлежащие ни к какой религиозной конфессии. Они могут внезапно ощутить в себе некое «космическое сознание», или «мировой океан». По их рассказам, они вдруг почувствовали себя вырванными из времени и увидели мир «с точки зрения вечности».

София приподнялась на постели. Ей нужно было проверить, есть ли у нее еще тело…

Прочитав о Плотине и мистиках, София начала парить по комнате, вылетела в окно и поднялась высоко над городом. Она окинула

взглядом людей на площади, но ее понесло дальше, она пересекла Северное море, затем Европу и продолжила путь на юг, через Сахару и бескрайние африканские саванны.

Огромный земной шар словно превратился в живого человека, и этим человеком была сама София. «Я — это мир», — подумала она. Вся огромная Вселенная, которую София порой считала непостижимой и опасной, стала ее собственным Я. И в восприятии Софии то Вселенная казалась величественной и необъятной, то сама она становилась необъятно большой.

Удивительное ощущение скоро прошло, но София была уверена, что никогда не забудет его: ей казалось, будто нечто из глубин ее сознания, проникнув через лоб, смешалось с остальным миром — так одна-единственная капля краски может окрасить целую кружку воды.

Потом София словно проснулась с тяжелой головой после фантастического сна. Она даже с некоторым разочарованием обнаружила, что у нее все-таки есть тело, которое пытается сесть в кровати. От лежания на животе и чтения присланных Альберто Ноксом страниц ломило спину. Зато София испытала нечто незабываемое.

Чуть погодя она сумела сесть, а затем и сойти с кровати. София пробила в листах дырки и, подшив новые уроки в папку с предыдущими, вышла в сад.

Птичий гомон там стоял — словно сразу после сотворения мира. Светлая зелень берез за кроличьими клетками была настолько яркой и чистой, точно Создатель взял эту краску из радуги.

Неужели София действительно может считать, что весь мир — ее божественное Я? Неужели она наделена душой, «искрой из костра»? А если это так, значит, она сама — божественное создание.

ОТКРЫТКИ

…ввожу для себя строжайшую цензуру…

Несколько дней София не получала писем от учителя философии. Четверг приходился на 17 мая, День Конституции. Восемнадцатого тоже был выходной.

В среду, 16 мая, Йорунн по дороге из школы вдруг выпалила:

— Пойдем сегодня в поход!

Первым делом София подумала, что нельзя надолго отлучаться из дому. Но она взяла себя в руки и ответила:

— С удовольствием.

Спустя два часа Йорунн притащила к Софии большой рюкзак. Та уже тоже собрала рюкзак и приторочила к нему палатку. Еще девочки захватили спальные мешки и теплую одежду, фонарики и поролоновые подстилки для лежания, два больших термоса с чаем и запас еды.

Когда около пяти пришла с работы Софиина мама, она выдала им ценные указания, что можно и чего нельзя делать в походе. Кроме того, мама спросила, где они собираются разбить лагерь.

Девочки сказали, что поставят палатку на Тиуртоппен, Глухариной горе. Может, удастся утром послушать глухариный ток.

София не без задней мысли предложила для лагеря именно Тиуртоппен. По ее соображениям, оттуда было недалеко до Майорстуа. Что-то притягивало Софию к этой хижине, но она твердо знала, что пойти туда одна больше не отважится.

Они с Йорунн двинулись по тропинке, уходившей в сторону от шоссе прямо напротив Софииного дома. Девочки болтали обо всяких пустяках, и Софии было даже приятно отключиться от философии и прочих серьезных материй.

Уже около восьми они раскинули палатку на плоскогорье рядом с Тиуртоппен и, разобрав спальные мешки, приготовились к ночлегу. Когда подруги съели взятый из дома сухой паек (у каждой был большой пакет с едой), София спросила:

— Ты слышала про Майорстуа?

— Про Майорстуа?

— Тут недалеко есть избушка… в лесу, на берегу озера. Когда-то там жил чудаковатый майор, поэтому хижину называют Майорстуа.

— А теперь там кто-нибудь живет?

— Давай сходим и проверим.

— Где это?

София показала в сторону ближайшего перелеска.

Йорунн не очень-то хотелось трогаться с места, но в конце концов они пошли. Солнце клонилось к горизонту.

Сначала подруги шагали меж высоких елей, потом они вынуждены были продираться сквозь кустарник. Чуть погодя девочки спустились с горы и набрели на тропу. Не та ли это тропа, по которой София шла в воскресенье?

Ну конечно… вскоре она разглядела между стволами (справа от тропы) проблески воды.

— Это там.

Еще немного — и они очутились возле озерца. София устремила взгляд на ту сторону. Сегодня окна красного дома были закрыты ставнями. Хижина показалась девочке заброшенной, необитаемой.

— Мы что, пойдем по воде? — спросила Йорунн, озираясь вокруг.

— Не-а, переедем на лодке.

София указала в заросли тростника. Там, как и в прошлый раз, стояла лодка.

— Ты уже была здесь?

София помотала головой. Ей не хотелось усложнять себе жизнь рассказом о посещении домика. Как она все объяснит подруге, умолчав про Альберто Нокса и курс философии?

На тот берег девочки перебирались с шутками и смехом. София проследила за тем, чтобы они затащили лодку подальше на сушу. И вот они уже стоят перед дверью. Йорунн подергала ручку: было ясно, что в доме никого нет.

— Заперто… Ты же не рассчитывала, что будет открыто?

— Может, найдем где-нибудь ключ, — сказала София и принялась шарить между камнями фундамента.

— Да ну, пойдем лучше обратно в палатку, — не выдержала Йорунн.

Но тут София воскликнула: «Нашла, нашла!» — и с победным видом замахала ключом. Она вставила его в замочную скважину, и дверь распахнулась.

Подружки крадучись, как будто совершая что-то запретное, вошли внутрь. Там было холодно и сыро.

— Ничего не видно, — сказала Йорунн.

София предусмотрела и это. Вытащив из кармана коробок, она чиркнула спичкой. Девочки успели только разглядеть, что хижина совершенно пуста. София зажгла следующую и при ее свете увидела стоявший на камине кованый подсвечник. Третьей спичкой она зажгла свечу, которая и позволила подругам осмотреться в хижине.

— Правда, удивительно, что маленькая свечка может рассеять кромешную тьму?

Йорунн кивнула.

— Но где-нибудь свет все же переходит в темноту, — продолжала София. — Хотя на самом деле темноты нет. Это просто-напросто отсутствие света.

— Не надо про такие ужасы. Пойдем отсюда…

— Сначала давай заглянем в зеркало.

София указала на зеркало в бронзовой раме, которое, как и в прошлый раз, висело над комодом.

— Тоже мне, красота…

— Оно волшебное.

— «Свет мой, зеркальце! Скажи да всю правду доложи: я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?»

— Я не шучу, Йорунн. По-моему, в этом зеркале можно увидеть Зазеркалье.

— Ты, кажется, сказала, что никогда здесь раньше не была? И почему тебе нравится меня пугать?

София не нашлась с умным ответом.

— Сорри! [18] — бросила она.

Но теперь уже Йорунн заинтересовалась лежавшей на полу небольшой коробкой. Она вытащила ее из угла.

— Тут открытки, — сказала Йорунн.

София чуть не задохнулась.

— Сейчас же положи, откуда взяла! Слышишь? Не смей даже прикасаться к ним.

Йорунн вздрогнула и, словно обжегшись, уронила коробку на пол. Открытки разлетелись по комнате. Придя в себя, Йорунн рассмеялась.

— Это всего-навсего открытки.

Она села на пол и принялась собирать их. Вскоре к ней присоединилась София.

— Ливан… Ливан… Ливан… На всех ливанский штемпель, — сообщила Йорунн.

— Я знаю, — чуть не плача, выговорила София. Йорунн перевела взгляд на подругу, заглянула ей в глаза.

— Значит, ты все-таки была здесь.

— Была.

Софии вдруг пришло в голову, что гораздо проще сказать правду. Вряд ли она нанесет кому-нибудь вред, если хотя бы немного посвятит Йорунн в мистические события, которые происходят с ней в последнее время.

— Просто я не хотела рассказывать, пока мы не попадем сюда.

Йорунн начала читать адреса.

— Все предназначены какой-то Хильде Мёллер-Наг.

София еще не подержала в руках ни одной открытки.

— Без адреса?

— «Альберто Ноксу (для Хильды Мёллер-Наг), Лиллесанн, Норвегия», — прочла Йорунн.

София вздохнула с облегчением. Она боялась, как бы эти открытки тоже не были адресованы «Софии Амуннсен (для Хильды)». Только теперь она стала перебирать и рассматривать их.

— Двадцать восьмое апреля… Четвертое мая… Шестое мая… Девятое мая… Отправлены несколько дней назад.

— Но это еще не всё… На открытках стоят норвежские штемпели! Посмотри: «Батальон ООН». И марки норвежские…

— Наверное, так положено. Миротворческие силы должны быть нейтральными, поэтому у них там своя, норвежская почта.

— А как письма попадают в Норвегию?

— Думаю, на военном самолете.

София переставила подсвечник на пол, и подруги принялись читать открытки. Йорунн разложила их по порядку и сама прочла первую:

Дорогая Хильда! Можешь себе представить, как я предвкушаю возвращение в Лиллесанн. Я рассчитываю приземлиться в Хьевике вечером накануне Иванова дня [19]*. Конечно, мне бы очень хотелось попасть на твое пятнадцатилетие, но служба есть служба. В порядке компенсации обещаю приложить все усилия, чтобы ты получила в день рождения большой подарок. С сердечными пожеланиями — постоянно думающий о будущем своей дочери папа.*

P. S. Посылаю копию этой открытки нашей общей знакомой. Ты поймешь, Хильдемур. Как раз сейчас я особенно склонен к таинственности, но ты поймешь.

София взяла следующую открытку:

Дорогая Хильда! Мы тут привыкли жить исключительно сегодняшним днем. Вероятно, единственное, что останется у меня в памяти от этих проведенных в Ливане месяцев, будет бесконечное ожидание. Но я всячески стараюсь, чтоб ты получила на пятнадцатилетие самый прекрасный подарок, какой только можно пожелать. Больше пока ничего не раскрою. Ввожу для себя строжайшую цензуру.

С приветом, папа.

Подруги затаили дыхание. Обе ничего не говорили, только одну за другой увлеченно читали открытки.

Милая моя! Больше всего мне хотелось бы посылать тебе весточки с белым голубем. Однако белых голубей в Ливане не достать. Если в этой разоренной войной стране чего не хватает, так это белых голубей. Неужели ООН когда-нибудь в самом деле удастся обеспечить на земле мир?

P. S. Не исключено, что ты сможешь поделиться своим подарком на день рождения с другими. Мы подумаем об этом, когда я вернусь. Впрочем, ты все равно не понимаешь, о чем речь.

С приветом — тот, у кого более чем достаточно времени думать о нас обоих.

Когда девочки прочли шесть открыток, осталась последняя, в которой было написано:

Дорогая Хильда! Меня просто распирает от желания выложить секреты, связанные с твоим днем рождения, и я по нескольку раз в день вынужден себя сдерживать, чтобы не позвонить тебе. Подарок с каждым днем разрастается, а ты сама знаешь, если чего-то делается все больше и больше, это все труднее держать при себе.

P. S. Рано или поздно ты познакомишься с девочкой по имени София. Чтобы вы немножко узнали друг о друге перед встречей, я начал посылать ей копии моих открыток к тебе. Не иначе как она скоро догадается, с чем это связано, а, Хильдемур? Пока что она знает не больше тебя. У нее есть подружка, которую зовут Йорунн. Вдруг она поможет разобраться?

Прочитав эту открытку, девочки замерли, сидя на полу и глядя друг дружке в глаза. Йорунн еще раньше вцепилась в Софиину руку.

— Мне страшно, — сказала она.

— Мне тоже, — отозвалась София.

— От какого числа штемпель на последней?

София снова заглянула в открытку.

— Шестнадцатого мая. Это сегодня.

— Не может быть! — чуть ли не зло бросила Йорунн.

Они еще раз внимательно рассмотрели штемпель, но дата была пропечатана очень четко: «16-05-90».

— И все-таки концы с концами не сходятся, — упорствовала Йорунн. — Непонятно, кто их мог написать. Во-первых, он должен быть знаком с нами. Во-вторых, откуда ему стало известно, что мы придем именно сегодня?

Из двух подруг больше испугалась Йорунн. Для Софии ни Хильда, ни ее отец не были новостью.

— Мне кажется, это связано с зеркалом.

Йорунн опять вздрогнула.

— Ты хочешь сказать, открытки выскакивают из зеркала, как только на них поставят штемпель в Ливане?

— У тебя есть объяснение получше?

— Нет.

— Здесь скрываются и другие тайны.

Встав с пола, София поднесла свечку к висевшим на стене картинам. Йорунн тоже подошла ближе, пригляделась.

— «Беркли» и «Бьеркели». Что это значит?

— Понятия не имею.

Свеча уже почти догорела.

— Пора уходить, — сказала Йорунн. — Идем!

— Я только захвачу зеркало.

С этими словами София приподнялась на цыпочки и сняла висевшее над комодом зеркало в бронзовой раме. Йорунн пыталась воспротивиться, но София не стала слушать ее возражений.

Когда девочки вышли из хижины, снаружи уже стемнело. Впрочем, майские ночи не бывают очень темными: небо посылало на землю ровно столько света, чтобы ясно вырисовывались очертания кустов и деревьев. А еще небо, как в зеркале, отражалось в маленьком озере. Подруги неспешно переправились на другую сторону.

По дороге к палатке они в основном молчали, но объясняли это тем, что вторая напряженно обдумывает увиденное. Время от времени у них из-под ног взлетали какие-то птицы, раза два доносилось уханье совы.

Придя к палатке, девочки тут же залезли в спальники.

Йорунн ни за что не разрешила Софии внести зеркало внутрь. Перед сном они признались друг дружке, что им жутко, даже когда оно лежит снаружи. София прихватила из хижины и открытки, которые теперь спрятала в боковой карман рюкзака.

Проснулись они спозаранку. София первой вылезла из спального мешка. Надев сапоги, она выбралась из палатки. Перед входом лежало в траве сплошь покрытое росой зеркало. София вытерла его свитером и увидела свое отражение. Она смотрела на себя как бы снизу вверх — и одновременно сверху вниз. К счастью, новых открыток из Ливана нигде не обнаружилось.

Над плоскогорьем плыли пухлые клочья утреннего тумана. Оголтело щебетали мелкие пташки, но глухарей и других крупных птиц не было ни видно, ни слышно.

Подружки натянули на себя по второму свитеру и устроили завтрак не в палатке, а рядом с ней. Вскоре они разговорились про Майорстуа и таинственные открытки.

После завтрака девочки сложили палатку и двинулись в обратный путь. Всю дорогу София тащила под мышкой зеркало в бронзовой раме. Иногда ей приходилось останавливаться и делать передышку (Йорунн наотрез отказалась трогать зеркало).

Когда они приблизились к жилью, в разных концах квартала послышались взрывы. Вспомнив, что Хильдин отец писал про разоренный войной Ливан, София подумала о том, как ей повезло: она живет в мирной стране, в которой взрываются только безобидные фейерверки.

София пригласила Йорунн на чашку горячего шоколада. Мама поинтересовалась, где они нашли зеркало. София сказала — около Майорстуа. Мама еще раз повторила, что там давно никто не живет.

После ухода Йорунн София надела по случаю праздника красное платье. В остальном выходной день протекал самым обычным образом. Вечером по телевизору показали репортаж о том, как отмечал День Конституции норвежский батальон миротворческих сил ООН в Ливане. София не сводила глаз с экрана. Один из тех, кого она видела сейчас, мог быть отцом Хильды.

Уже перед сном София сделала еще одно, последнее на 17 мая, дело: повесила у себя в комнате зеркало в бронзовой раме. Наутро она нашла в Тайнике очередной желтый конверт. Разорвав его, она, не отрываясь, прочла все вложенные листы.

ДВЕ КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

…только так ты не повиснешь в безвоздушном пространстве…

До нашей встречи, дорогая София, осталось совсем немного. Я рассчитывал, что ты захочешь еще раз наведаться в Майорстуа, поэтому оставил там все открытки от Хильдиного отца. Только таким образом можно было доставить их Хильде. Не ломай голову над тем, как это сделать. До 15 июня утечет еще много воды…

Мы с тобой видели, что эллинистические философы продолжали на все лады обсуждать своих древнегреческих предшественников. Помимо всего прочего, они пытались представить их зачинателями религии. Плотин, например, едва ли не объявлял Платона спасителем человечества.

Но нам также известно, что в рассматриваемый период родился другой спаситель, причем за пределами греко-римского ареала. Я имею в виду *Иисуса из Назарета.* В этой главе пойдет речь о постепенном проникновении христианства в греко-римский мир — этот процесс напоминает постепенное вторжение в *наш* мир мира Хильды.

Иисус Христос был евреем, а евреи принадлежат к семитскому культурному кругу. Иными словами, можно утверждать, что европейская цивилизация происходит от двух корней. Прежде чем обратиться к вхождению христианства в греко-римскую культуру, остановимся на этих корнях.

ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

Под индоевропейскими мы понимаем страны и культуры, которые пользуются индоевропейскими языками. К таким языкам относятся все европейские языки, за исключением баскского и финно-угорских (в частности, саамского, финского,

эстонского и венгерского) языков. В индоевропейскую языковую семью входит также большинство индийских и иранские языки.

Около четырех тысячелетий тому назад праиндоевропейцы населяли область вокруг Черного моря. Вскоре эти индоевропейские племена стали гигантскими волнами растекаться на юго-восток (в Иран и Индию), на юго-запад (в Элладу, Италию и Испанию), на запад (через Центральную Европу в Англию и Францию), на северо-запад (в Скандинавию) и на север (в Восточную Европу и Россию). Куда бы они ни попадали, индоевропейцы приходили в соприкосновение с доиндоевропейскими культурами, однако индоевропейские языки и религия заняли на этих территориях главенствующее положение.

Итак, и древнеиндийские веды, и греческая философия, и даже саги *Снорри Стурлусона*[20] создавались на родственных языках. Однако их объединяет не только язык: родственный язык нередко влечет за собой родственное мышление. Вот почему мы обычно говорим об индоевропейской «культурной традиции».

Индоевропейская культура была прежде всего проникнута верой во многих богов, то есть *политеизмом.* На всем пространстве расселения индоевропейцев повторяются и имена богов, и ключевые слова и обороты, относящиеся к религии. Приведу лишь несколько примеров.

В Древней Индии поклонялись богу неба *Дьяусу.* По гречески этого бога звали *Зевс*, по-латыни — *Юпитер* (Iuppiter = Iov-pater, то есть «Отец Иов»), а на древнеисландском — *Тюр.* Таким образом, имена Дьяус, Зевс, Иов и Тюр представляют собой «диалектные варианты» одного и того же слова[21].

Ты, конечно, помнишь, что скандинавские викинги верили в богов, которых они называли *асами.* Это слово в значении «боги» мы тоже обнаруживаем по всему индоевропейскому ареалу. На древнеиндийском (санскрите) богов называли *асурами,* на иранском — *ахурами.* Другое слово для обозначения богов, родственное Дьяусу и прочим, звучит на санскрите как *deva,* по-ирански — *daeva,* по-латыни — *deus* и на древнескандинавском — *tivar.*

Помимо них, в Скандинавии существовала собственная группа богов плодородия (к ним относятся, в частности, Ньёрд, Фрейр и Фрейя), которые имели особое название — *ваны.* Это слово родственно латинскому имени богини плодородия — *Venus* (Венера). На санскрите есть еще одно созвучное слово, *vani,* означающее «желание», «вожделение».

Явное родство по всей области расселения индоевропейцев обнаруживают и отдельные мифы. Саги о древнеисландских богах, которые рассказывает Снорри Стурлусон, напоминают индийские мифы, существовавшие за две-три тысячи лет до него. Разумеется, у Снорри Стурлусона действие происходит на фоне скандинавской природы, тогда как в индийских мифах природа индийская. И все же во многих мифах наличествует некое ядро, которое следует отнести на счет общности происхождения. Такое ядро наиболее заметно в мифах о напитке бессмертия, а также о борьбе богов с неким чудовищем, порождением хаоса.

Сходство между индоевропейскими культурами прослеживается и в образе мышления. Один из типичных примеров — восприятие бытия в виде драмы, в которой силы добра и зла противостоят друг другу в непримиримой борьбе. Индоевропейцы как бы пытались предугадать судьбу мира.

Греческая философия отнюдь не случайно возникла именно в индоевропейском ареале. И индийская, и греческая, и скандинавская мифологии проявляют явные признаки философского, или «умозрительного», подхода к вещам.

Индоевропейцы стремились к пониманию хода событий. Об этом, в частности, свидетельствует и сопоставление одного слова — «понимание» или «знание, ведение» — в разных культурах индоевропейского региона.

На санскрите такое слово звучит как *vidya.* Оно аналогично греческому слову *idea* (понятие, представление), которому, если ты помнишь, отводилась важная роль в философии Платона. Из латыни к нам пришло слово *видео,* но на римской земле оно означало всего-навсего «вижу». (Лишь в наше время это действие стало почти исключительно связано с телевизором.) По-английски мы знаем слова *wise* (мудрый) и *wisdom*(мудрость), по-немецки — *wissen* (знать)[22]. Есть и норвежское слово *viten* (знание),

однокоренное с индийским *vidya,* греческим *idea* и латинским *videre* (смотреть, видеть).

В общем, можно сделать вывод, что у индоевропейцев главным из внешних чувств было *зрение.* Литература индийцев и греков, иранцев и германцев проникнута видениями космического масштаба. (Кстати, слово «видение» тоже происходит от латинского глагола *videre.)* Кроме того, для индоевропейских культур характерно стремление создавать скульптурные и прочие изображения богов и описываемых в мифах событий.

Наконец, индоевропейцев объединяет *циклический* взгляд на историю: они считали, что историческое развитие идет по кругу, представляет собой «цикл», напоминающий смену времен года. Иначе говоря, у истории нет ни начала, ни конца. Нередко упоминаются также различные миры, которые возникают и гибнут в непрерывной череде рождений и смертей.

Обе крупнейшие восточные религии — индуизм и буддизм — имеют индоевропейские истоки. К тем же корням восходит греческая философия, в которой можно заметить много параллелей и с индуизмом, и с буддизмом. Эти две религии по сей день проникнуты философскими размышлениями.

В индуизме и буддизме нередко делается акцент на присутствии божественного везде (пантеизм) и на том, что человек способен достигнуть единения с Богом через религиозное откровение. (Вспомни Плотина, София!) Обычно для этого необходимо умение погружаться в самого себя, медитировать, так что на Востоке пассивность и замкнутость порой считаются едва ли не идеальными чертами характера. Многие греки также утверждали, что для спасения души человек должен жить в аскезе, то есть в религиозном подвижничестве. От сходных взглядов, получивших распространение в греко-римском мире, явно происходят и некоторые обычаи средневековых монастырей.

Помимо всего прочего, в основе многих индоевропейских культур лежала вера в переселение душ. На протяжении более двух с половиной тысячелетий каждый индиец стремился прежде всего к освобождению от этого «странствования». Кстати, Платон тоже верил в «метемпсихоз».

СЕМИТЫ

Кроме индоевропейцев, София, были семиты, представлявшие собой другую культурную традицию с совершенно иным языком. Семиты ведут свое происхождение от племен Аравийского полуострова, однако, как и индоевропейцы, они распространились на куда более обширную территорию. Свыше двух тысяч лет большинство евреев живет вдали от своей исторической родины. Дальше всего семитские история и религия ушли от прародины вместе с христианством. Распространению семитской культуры в немалой степени способствовал ислам.

Все три западные религии — иудаизм, христианство и ислам — имеют семитскую основу. И мусульманский Коран, и христианский Ветхий Завет написаны на родственных семитских языках. В одном из ветхозаветных слов для обозначения «бога» тот же языковой корень, что и в арабском слове «Аллах» *(aaah* означает «бог»).

Что касается христианства, здесь картина несколько более сложная. Разумеется, основа у этой религии тоже семитская, однако Новый Завет был написан по-гречески, и выработка теологии, то есть богословского учения, происходила под сильным влиянием греческого и латинского языков, а с ними — и эллинистической философии.

Мы уже говорили о том, что индоевропейцы верили во многих богов. Что касается семитов, не менее поразительна их довольно ранняя убежденность в существовании одного Бога. Такая вера называется *монотеизмом.* Единобожие лежит в основе и иудаизма, и христианства, и ислама.

Семитские культуры объединяет также *линейный* взгляд на историю, иными словами, семиты воспринимают исторический процесс в виде линии. История берет начало с тех пор, как Бог создал землю. Со временем история закончится, и произойдет это в день Страшного суда, когда Бог будет судить живых и мертвых.

Три главнейшие западные религии отличает сходный взгляд на роль истории: речь идет о вмешательстве в нее Бога… дескать, история существует для того, чтобы Бог мог воплощать свою волю в отношении человечества. Как некогда Бог привел Авраама в

«землю обетованную», так он на протяжении истории ведет человечество к «судному дню», когда на земле будет уничтожено все зло.

С этим упором на роли Господа в историческом процессе семиты в течение многих тысячелетий и писали свою историю. Суть Священного Писания составляют именно исторические события.

Город Иерусалим по сей день является важным религиозным центром и для евреев, и для христиан, и для мусульман, что также свидетельствует об их общих исторических корнях. Здесь расположены крупные синагоги, церкви и мечети. Вот почему столь трагично положение, при котором Иерусалим стал яблоком раздора… ведь люди тысячами убивают друг друга, потому что не могут сойтись во мнении, кому должна принадлежать власть над «вечным городом». Хорошо бы Организация Объединенных Наций в один прекрасный день сумела превратить Иерусалим в место встречи всех трех религий. (Но эту практическую часть философского курса мы лучше оставим на долю Хильдиного отца. Надеюсь, ты уже поняла, что он — ооновский наблюдатель в Ливане? Я даже могу уточнить, что он служит в миротворческих силах в чине майора. Если ты начинаешь улавливать взаимосвязь, прекрасно. Впрочем, не будем предвосхищать события.)

Я уже упоминал о том, что для индоевропейцев важнейшим из чувств было зрение. Столь же очевидно предпочтение, которое в семитской традиции отдается *слуху.* Неудивительно, что иудаистский символ веры начинается словами: «Слушай, Израиль!» В Ветхом Завете мы читаем о том, как народ «слушал» Господа, а еврейские пророки нередко начинали свои откровения с формулы: «Так говорил Яхве (Господь Бог)». В христианстве тоже делается акцент на «слушании» слова Божьего. Главное, что и в иудаистском, и в христианском, и в мусульманском богослужениях ведущая роль принадлежит декламации, то есть выразительному чтению.

Я рассказывал, что индоевропейцы всегда создавали живописные или скульптурные образы богов. Для семитов не менее характерен запрет на изображение Бога и святых.

Упоминания о том, что людям не следует изготавливать кумиров, есть в Ветхом Завете, и это правило до сегодняшнего дня остается в силе и для ислама, и для иудаизма. В исламе даже наблюдается отрицательное отношение к фотографии и изобразительным искусствам. Считается, что человек не должен соперничать с Богом в деле «творения».

«Да ведь в христианских храмах полно изображений и Господа Бога, и Христа», — видимо, думаешь ты. Совершенно верно, София, но этим, в частности, и подтверждается влияние на христианство греко-римского мира. (В православной церкви — в Греции или в России — до сих пор действует запрет на «резные изображения», то есть на распятия и скульптуры, отражающие эпизоды из библейской истории.)

В отличие от основных восточных религий три западных учения подчеркивают пропасть, лежащую между Богом и его созданиями. Цель этих религий — избавление не от переселения душ, а от вины и греха. Кроме того, их будни пронизаны скорее молитвами, проповедями и чтением Писания, чем медитацией и углублением в себя.

ИЗРАИЛЬ

Я не собираюсь что-либо противопоставлять твоему христианству, дорогая София, и тем не менее хочу вкратце остановиться на иудейских основах христианства.

Все началось с того, что Бог создал землю. Как Он ее создавал, ты можешь прочитать на самых первых страницах Библии. Но потом люди восстали против Бога, и наказанием за это стало не только изгнание Адама и Евы из Эдемского сада, но и появление на земле смерти.

Неповиновение человека Господу красной нитью проходит через всю Библию. Перелистав Первую книгу Моисееву («Бытие»), мы прочтем о всемирном потопе и Ноевом ковчеге. Далее мы узнаем о завете, который Бог заключил *с Авраамом* и его родом. Этот завет — или договор — состоял в том, что Авраам и его род обязались соблюдать Божьи заповеди, а Господь со своей

стороны обещал охранять Авраамово потомство. Впоследствии завет был обновлен *Моисеем,* когда тот получил на горе Синае скрижали с законом (Моисеевым законом). Это случилось около 1200 года до н. э. Прежде израильтяне долгое время были рабами в Египте, но с помощью Господа Моисей привел их обратно в Израиль.

В IX веке до Рождества Христова (задолго до появления греческой философии) в Израиле было три великих царя. Первого из них звали *Саулом,* второго — *Давидом,* а третьего — *Соломоном.* Израильский народ был к тому времени объединен в одно царство и переживал, особенно при царе Давиде, период политического, военного и культурного расцвета.

При вступлении на престол цари проходили помазание, отчего они становились *Мессиями,* то есть «помазанниками». В религиозном контексте царей воспринимали как посредников между народом и Господом, так что их нередко называли «сынами Божиими», а страну — «царством Божиим».

Вскоре, однако, Израиль был предан и разделился на северное царство (Израильское) и южное царство (Иудейское). В 722 году северное царство было захвачено ассирийцами и утратило какое-либо политическое и религиозное значение. На юге дела обернулись немногим лучше. В 586 году южное царство завоевали вавилоняне. Иерусалимский храм был разрушен, а основная часть жителей переселена в Вавилон. Этот «вавилонский плен» продолжался до 539 года, когда народ смог вернуться в Иерусалим и заново построить огромный храм. Однако до начала нашего летосчисления евреи неизменно находились под чужеземным владычеством.

Евреи спрашивали себя, *почему* царство Давида распалось, а на его народ сыпалось несчастье за несчастьем. Господь ведь обещал простереть над Израилем свою руку и защитить его. Впрочем, народ обещал выполнять Божии заповеди. Постепенно люди стали понимать, что Бог покарал Израиль за неповиновение.

Около 750 года до н. э. объявились *пророки,* отстаивавшие идею наказания, которому Господь подверг израильский народ за несоблюдение Божиих заповедей. Со временем Бог устроит суд над

Израилем, утверждали они. Такие пророчества мы называем «пророчествами о светопреставлении».

Вскоре другие пророки стали распространять мысль о том, что Бог намерен спасти часть людей и пришлет «князя мира» из рода Давидова, который восстановит прежнее царство Давида, так что израильский народ ожидает счастливое будущее.

«Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет», — говорил пророк Исайя. Такие пророчества мы называем «пророчествами о спасении».

Уточняю: при царе Давиде израильский народ жил счастливо. Когда дела у израильтян пошли плохо, пророки возвестили, что со временем появится новый царь из дома Давидова. Этот Мессия — «сын Божий» — «спасет» народ, вернет Израилю славу великого государства и установит «царство Божие».

ИИСУС ХРИСТОС

Надеюсь, София, ты следуешь за ходом моих рассуждений, ключевую роль в которых играют слова «Мессия», «сын Божий», «спасение» и «царство Божие». С самого начала все они воспринимались в политическом контексте. Во времена Христа многие еще верили в пришествие нового Мессии, то есть политического, военного и религиозного лидера, сопоставимого по масштабу с царем Давидом. В таком «спасителе» видели национального освободителя, который бы положил конец страданиям евреев под римским владычеством.

Но многие расширяли поле его деятельности. Примерно за два века до рождения Христа на передний план выдвинулись пророки, утверждавшие, что обещанный Мессия станет спасителем всего мира. Он призван был не только избавить израильтян от иноземного ига, но и спасти человечество от вины и греха… более того, от смерти. Надежда на «спасение» в этом смысле слова охватила весь эллинистический мир.

И вот появляется Иисус — далеко не единственный из тех, кто мог воплощать собою обещанного Мессию. Он также говорит о «сыне Божием», «царствии Божием», «Мессии» и «спасении»,

подчеркивая таким образом свою связь с древними пророчествами. Он въезжает в Иерусалим и не противится тому, что его восторженно приветствуют в качестве всеобщего спасителя. Он проводит явные параллели с церемонией «посажения на престол» древних царей, даже позволяет народу помазать себя. Он говорит, что «исполнилось время и приблизилось Царствие Божие».

Все это важно, но сейчас тебе следует обратить внимание на другое: в отличие от других мессий, Иисус твердо давал понять, что претендует не на роль военного или политического вождя. Его задача была значительно шире.

Он проповедовал для всего человечества спасение и прощение его Господом. Вот почему он мог ходить среди людей и говорить каждому встречному: «Прощаются тебе грехи твои».

Подобная раздача «индульгенций» была делом неслыханным. Более того, Иисус называл Бога «Отче» (Авва), что опять-таки было по тогдашнему времени весьма необычно в еврейской среде. Неудивительно, что вскоре книжники возроптали против него и начали готовиться к тому, чтобы отправить его на казнь.

Уточняю: во времена Иисуса многие ожидали пришествия Мессии, который бы с большой помпой (иными словами, огнем и мечом) установил «царство Бога». Выражение «Царствие Божие» красной нитью проходит и через проповеди Иисуса Христа, причем в весьма расширенном значении. Он говорил, что «Царствие Божие» — это любовь к собратьям, забота о слабых и прощение оступившихся.

Речь, таким образом, идет о серьезном переосмыслении древнего выражения, ранее употреблявшегося в полувоенном значении. Народ ждал полководца, который бы в скором времени объявил о наступлении «царства Бога». А тут появляется Иисус в хитоне и сандалиях и говорит, что «Царство Божие» (или «новый завет») внутри нас и это — «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Более того, София, он велит нам возлюбить наших врагов. Если они бьют нас, нужно не платить им той же монетой, а «подставить другую щеку». И прощать — не семь раз, а «седмижды семьдесят раз».

Иисус на собственном примере показал всем, что не чурается разговоров ни с блудницами, ни с нечистыми на руку мытарями (сборщиками податей), ни с политическими врагами народа. Он идет еще дальше, говоря: и наглец, расточивший отцовское имение, и подлый мытарь, похитивший часть денег, праведны перед Господом, если только они обратятся к Богу и попросят у него прощения. Вот насколько милостив Господь.

Но Христос не остановился и на этом (держись, чтобы не упасть): он утверждал, что подобные «грешники» более праведны перед Богом и, следовательно, больше заслуживают прощения Господа, чем кичащиеся своей праведностью безупречные фарисеи и саддукеи.

Иисус утверждал, что ни один человек не в состоянии заслужить милость Господню. Мы не можем сами спасти себя (во что верили многие греки!). Выдвигая в Нагорной проповеди строгие этические требования, Христос стремится не только к показу воли Божией. Он хочет также показать, что никто не праведен перед Господом. Божье милосердие не знает границ, однако каждый из нас должен обратиться к Богу с молитвой о прощении.

Более подробное освещение вопроса о том, кем был Иисус Христос и в чем заключалось его учение, я оставляю на долю твоего учителя Закона Божия. Пускай потрудится. Надеюсь, ему удастся донести до тебя всю самобытность этого человека, который, с одной стороны, пользуется современным ему языком, а с другой — придает новое, расширительное значение старым лозунгам. Неудивительно, что он кончил свои дни на кресте. Его радикальные идеи спасения противоречили интересам и властным устремлениям столь многих, что его просто необходимо было убрать с дороги.

На примере Сократа мы уже убедились в том, как опасно бывает взывать к людскому разуму. В случае с Иисусом мы видим, как опасно требовать безоговорочной любви к ближнему и столь же безоговорочного прощения. Даже в сегодняшней действительности мы наблюдаем, что могучие державы начинают трещать по швам под напором элементарных требований мира, любви, еды для бедных и прощения для врагов государства.

Помнишь гнев Платона, когда самый праведный человек в Афинах поплатился за свои убеждения жизнью? Согласно христианскому вероучению, Иисус был единственным праведником на свете. Тем не менее его приговорили к смерти. Опять-таки согласно христианскому учению, он умер за грехи человечества, то есть стал «искупительной жертвой». Иисус был «страждущим рабом», который взял на себя грехи всех людей, дабы «примирить» нас с Господом и избавить от Его наказания.

АПОСТОЛ ПАВЕЛ

Через несколько дней после распятия и погребения Иисуса Христа начали распространяться слухи, что он восстал из гроба. Таким образом Иисус показал всем, что он более чем человек, что он и в самом деле «сын Божий».

Как известно, христианская церковь открывает пасхальное утро словами о воскресении Иисуса. Уже апостол Павел твердо говорит: «А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша».

Теперь все получили надежду на то, что «будут воздвигнуты во плоти». Ведь Иисуса распяли ради нашего спасения. Причем обрати внимание, дорогая София, что у евреев речь идет не о «бессмертии души» (или каком-либо виде «переселения душ»). Эта идея была греческого — то есть индоевропейского — происхождения. Согласно же христианству, в самом человеке нет ничего бессмертного, даже бессмертной души. Церковь верит в воскресение тела и в вечную жизнь, но спасением от смерти и «гибели» мы обязаны чуду, которое творится Господом. Спасение это не зависит от наших усилий, оно не объясняется и какими-либо естественными, то есть врожденными, качествами.

Первые христиане начали проповедовать «благую весть» о спасении, которое дарует вера в Иисуса Христа. Его труды о спасению должны были привести к «Царствию Божию». Теперь можно было приобщить к вере в Христа весь мир. («Христос» представляет собой греческий перевод слова «мессия» и, следовательно, означает «помазанник».)

Всего через несколько лет после смерти Иисуса был обращен в христианство фарисей *Павел.* Благодаря миссионерским путешествиям по всем греко-римским владениям он превратил христианство в мировую религию, о чем мы узнаем из «Деяний святых Апостолов». Кроме того, мы знакомимся с проповедями и наставлениями Павла через многочисленные послания, которые он писал первым христианским общинам.

И вот он добрался до Афин. Он пошел на площадь сей столицы философии и, как рассказывают, «возмутился духом при виде этого города, полного идолов». В Афинах он посетил синагогу, а также беседовал с эпикурейскими и стоическими философами, которые привели его на Ареопаг. Здесь они сказали: «Можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши; посему хотим знать, что это такое?»

Представляешь себе такую картину, София? На афинской площади появляется еврей и начинает рассказывать о некоем спасителе, которого распяли на кресте и который затем восстал из мертвых. Уже во время посещения Павлом Афин мы ощущаем конфликт между греческой философией и христианским учением о спасении. И все же апостолу Павлу удается произвести впечатление на афинян. Стоя на Ареопаге — то есть рядом с возвышавшимися над головой величественными храмами Акрополя, — он держит следующую речь:

> **Афиняне! По всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам. Бог, сотворивший мир и всё, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо, нужду. Сам дая всему жизнь и дыхание и всё. От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лику земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, чтобы они искали Бога, не ощутят ли Его, и не найдут ли, хотя Он и не далеко от каждого из нас: ибо мы Им живем и движемся и**

существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «мы Его и род». Итак, мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого. Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться; ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых.

Апостол Павел в Афинах. Мы говорим о начале распространения христианства в глубь греко-римского мира — христианства как нового учения, разительно отличающегося от философии эпикуреизма, стоицизма или неоплатонизма. Тем не менее Павел находит основу для него и в этой культуре. Он указывает на заложенное в каждом человеке устремление к Богу. Для греков поиски Бога не были чем-то новым. Новым в проповеди Павла оказалось то, что Бог тоже открылся перед людьми и даже пошел им навстречу. Иными словами, он не просто «философский Бог», до которого люди могут дотянуться с помощью разума. Он также не «подобен золоту, или серебру, или камню» — таких божеств у греков было достаточно и на Акрополе, и внизу, на просторной агоре. И Господь «не в рукотворенных храмах живет». Этот Бог представляет собой личность, он вмешивается в ход истории и принимает ради человека смерть на кресте.

В «Деяниях Апостолов» рассказывается, что после этой речи Павла некоторые слушатели стали насмехаться над ним, не веря словам о воскресении Иисуса, но другие сказали: «Об этом послушаем тебя в другое время». Нашлись и такие, которые примкнули к апостолу и уверовали в христианское учение. Среди них была женщина по имени Дамарь, что само по себе примечательно. Однако в христианство обратились не только женщины.

Тем временем апостол Павел продолжал свою миссионерскую деятельность. Уже в первые десятилетия нашей эры христианские общины были образованы в наиболее значительных городах греко-римского Средиземноморья — в Афинах, Риме,

Александрии, Эфесе, Коринфе. На протяжении трех-четырех веков весь эллинистический мир стал христианским.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Надо сказать, что апостол Павел оказал решающее воздействие на христианство не только в качестве миссионера. Он приобрел большое влияние и в самих христианских общинах, где ощущалась острая нужда в духовном наставлении.

В первые годы после смерти Христа важную роль играл вопрос о том, могут ли не-иудеи становиться христианами без приобщения сначала к иудаизму. Следует ли, например, греку соблюдать Моисеев закон? По мнению Павла, это было не обязательно. Ведь христианство нельзя было рассматривать как одну из сект иудаизма. Оно обращалось со своей вестью о спасении ко всему человечеству. Старый завет между Богом и Израилем сменился «новым заветом», заключенным Богом со всеми людьми.

Но христианство было не единственной новой религией того периода. Как я уже объяснял, эллинизм отличался разнообразием религий, поэтому церкви важно было выступить с кратким изложением основ христианского учения — и чтобы отграничить себя от других религий, и чтобы воспрепятствовать расколу христианской церкви. Так появились первые *символы веры.* В символе веры суммируются главные христианские «догматы», то есть положения этого учения.

Одним из таких положений стал тезис о сочетании божественного и человеческого в Иисусе Христе. Иными словами, что он был «Сыном Божиим» не только благодаря своему деянию. Христос сам по себе был Бог. В то же время он был «истинным человеком», разделившим людские беды и претерпевшим муки на кресте.

Тут можно усмотреть противоречие, однако церковь настаивала именно на *превращении Бога в человека.* Иисус отнюдь не был «полубогом» (то есть получеловеком-полубогом), вера в которых получила широкое распространение в религиях Древней

и эллинистической Греции. Церковь учила, что Иисус был «совершенным Богом» и «совершенным человеком».

ПОСТСКРИПТУМ

Я пытаюсь, дорогая София, объяснить тебе взаимосвязь явлений. Когда в греко-римский мир вступает христианство, это означает не только столкновение двух культурных традиций, но и один из величайших в истории человечества культурных сдвигов.

Мы с тобой покидаем античный мир. Со времени первых греческих философов прошла почти тысяча лет. Теперь перед нами христианское средневековье, которое также продолжалось около тысячи лет.

Немецкий поэт *Гёте* некогда сказал: «Кто, осмыслив ход столетий, / Не построил жизнь толково, / Тот живи себе в потемках, / Прожил день — и жди другого»[23]. Я не хочу, чтобы ты жила в потемках, а потому всеми силами стараюсь познакомить тебя с твоими историческими корнями. Только так ты будешь человеком. Только так ты не останешься всего-навсего бесшёрстой обезьяной. Только так ты не повиснешь в безвоздушном пространстве.

«Только так ты будешь человеком. Только так ты не останешься всего-навсего бесшёрстой обезьяной…»

София еще посидела в Тайнике, выглядывая через дырочки в сад. Она начала понимать, как важно знать собственные корни. Во всяком случае, это было важно для израильского народа.

Сама она всего лишь заурядный человек, однако, если она будет знать свои исторические корни, ее заурядность уменьшится.

София всего четырнадцать лет живет на планете Земля. Но если история человечества — это и ее история, тогда ей, можно сказать, уже несколько тысяч лет.

Она собрала листы, выскользнула из Тайника, промчалась через сад и, радостно подпрыгивая, взбежала наверх, в свою комнату.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

…частичное продвижение вперед не означает заблуждения…

От Альберто Нокса не было ни слуху ни духу целую неделю. Не получала София и открыток из Ливана. Зато в разговорах с Йорунн они то и дело возвращались к открыткам, найденным в Майорстуа. Йорунн пребывала из-за них в полной растерянности. Но, коль скоро ничего нового не происходило, страхи сначала улеглись, а потом и вовсе забылись — за приготовлением уроков и игрой в бадминтон.

София несколько раз перечитала послания Альберто в надежде отыскать в них какой-нибудь намек, от которого бы прояснилась загадка Хильды. Благодаря этому она отлично усвоила античную философию. Теперь ей было нетрудно отличить Демокрита от Сократа, а Платона от Аристотеля.

В пятницу, 25 мая, она стояла у плиты и готовила обед к маминому приходу с работы — они давно договорились о таком распределении обязанностей по пятницам. Сегодня она решила приготовить уху и рыбные фрикадельки с морковью. Очень просто.

Тем временем на улице поднялся вихрь. Помешивая содержимое кастрюльки, София обернулась и увидела в окно, что березы гнутся на ветру, как колосья.

Внезапно в стекло что-то ударилось. София снова обернулась и на этот раз увидела прилипшую к окну картонку.

Девочка подошла ближе. Это оказалась открытка, на которой было написано: «Софии Амуннсен (для Хильды Мёллер-Наг)».

Не может быть… София раскрыла окно и взяла открытку в руки. Не может быть, чтобы ветер принес ее из самого Ливана…

Эта открытка тоже была датирована пятнадцатым июня.

Сняв кастрюльку с плиты, София села за стол. В открытке говорилось:

Дорогая Хильда! Не знаю, читаешь ли ты эти строки в день рождения, или он уже прошел. Отчасти я надеюсь, что он продолжается или что по крайней мере с тех пор миновало не больше нескольких дней. Если у Софии проходит неделя-другая, это вовсе не значит, что столько же времени должно пройти у нас. Я вернусь к Иванову дню. И тогда мы с тобой, Хильда, всласть насидимся в саду, глядя с качелей на море. Нам нужно многое обсудить. С приветом — папа, которому иногда делается грустно при мысли о продолжающейся тысячелетия борьбе между иудеями, христианами и мусульманами. Я вынужден постоянно напоминать себе, что все три религии ведут свое происхождение от Авраама. В таком случае их приверженцы, вероятно, молятся одному и тому же Богу? Там, где я нахожусь сейчас, Каин и Авель еще продолжают убивать друг друга.

P. S. Пожалуйста, передай от меня привет Софии. Бедняжка, она до сих пор не понимает, что к чему. Но может быть, это уже поняла ты?

София в изнеможении склонилась над столом. Она действительно не понимала, что к чему. А Хильда, значит, понимает…

Если Хильдин отец просит ее передать привет Софии, значит, Хильде о Софии известно больше, чем Софии о Хильде. Все казалось таким запутанным, что София предпочла вернуться к приготовлению ухи.

Открытка, которая прилетает и бьется в стекло. Доставка почты «самолетом»… в самом буквальном смысле…

Только София поставила кастрюлю обратно на конфорку, как зазвонил телефон.

Вдруг это папа?! Если он уже вернулся, она бы хотела рассказать ему, что происходит с ней в последние недели. Но это наверняка Йорунн или мама… София помчалась к телефону.

— София Амуннсен, — сказала она в трубку.

— Это я, — донеслось с другого конца провода. София была убеждена в трех вещах. Во-первых, это не папа. Во-вторых, голос все же мужской. И в-третьих, она совершенно точно слышала такой голос раньше.

— Кто это? — переспросила она.

— Альберто.
— Ой…
София не знала, что сказать. Голос действительно был знакомый: она помнила его по видеофильму об Афинах.
— У тебя все в порядке?
— Да…
— Имей в виду, писем больше не будет.
— Но я не посылала тебе лягушек.
— Теперь, София, мы будем встречаться. Дело в том, что время начинает поджимать.
— Почему?
— Нас окружает отец Хильды.
— Как он может окружать нас?
— Со всех сторон, София. Нам надо объединить усилия.
— Каким образом?…
— Пока я не расскажу о средневековье, ты мало чем сумеешь помочь. Еще нам нужно пройти эпоху Возрождения и семнадцатый век. Немаловажную роль играет и Беркли…
— Тот, чей портрет висел в Майорстуа?
— Да. Вероятно, основное сражение будет как раз по поводу его философии.
— Ты говоришь так, словно речь идет о войне.
— Я бы скорее назвал это столкновением характеров. Нам нужно обратить на себя внимание Хильды и переманить девочку на свою сторону, прежде чем ее отец вернется в Лиллесанн.
— Ничего не понимаю.
— Возможно, тебе раскроют глаза философы. Приходи завтра, в четыре часа утра, в Мариинскую церковь. Только одна, дитя мое.
— Я должна идти к тебе на свидание посреди ночи? …щелк!
— Алло!
Этот нахал повесил трубку! София кинулась обратно к плите. И очень вовремя: уха как раз собиралась убежать. Бросив в кастрюльку морковь и фрикадельки, София убавила огонь.
Мариинская церковь? Старинный каменный храм, построенный еще в средние века. София считала, что он служил только для торжественных богослужений и концертов. Летом церковь иногда отпирали туристам. Но не могла же она быть открытой среди ночи?

Когда вернулась с работы мама, София уже спрятала открытку из Ливана в шкаф, к другим вещам, связанным с Альберто и Хильдой. После обеда она пошла к Йорунн.

— У меня к тебе секретный разговор, — сказала она подруге, стоило той распахнуть дверь.

Продолжение последовало, когда они закрылись в комнате Йорунн.

— Даже не знаю, с чего начать, — призналась София.

— Ладно, не тяни…

— Мне придется сказать маме, что я сегодня ночую у тебя.

— Замечательно.

— Но это неправда. На самом деле я буду совсем в другом месте.

— Это уже хуже. Тут замешан мальчик?

— Нет, тут замешана Хильда.

Йорунн присвистнула. София заглянула ей в глаза.

— Я приду вечером, — сказала она. — А около трех потихоньку уйду. Тебе надо будет до моего возвращения прикрывать меня.

— Куда, София? И зачем?!

— Сорри. Мне так приказано, и всё.

Ночевка у подруги не вызвала возражений. Скорее даже наоборот: иногда Софии казалось, что мама радуется возможности побыть дома наедине сама с собой.

— Ты ведь придешь к обеду? — было единственное, о чем она напомнила дочери перед уходом.

— Если нет, ты знаешь, где меня искать.

Почему София так сказала? Ведь найти ее скорее всего будет нелегко.

Ночевка в гостях по обыкновению началась с разговоров по душам, затянувшихся далеко за полночь. Когда подруги наконец угомонились (около часа ночи), София — в отличие от других случаев — поставила будильник на пятнадцать минут четвертого.

Два часа спустя Йорунн только успела проснуться от его звонка, как София уже заткнула будильник.

— Будь осторожна, — сказала на прощание Йорунн. И София тронулась в путь. До Мариинской церкви было несколько километров, но, проспав всего два часа, София чувствовала себя вполне бодро. Над

горами в восточной стороне неба уже виднелась красная полоска занимавшейся зари.

Ко входу в старую церковь София подошла ровно в четыре. Потрогала тяжелую дверь. Она оказалась не заперта!

Внутри было тихо и пусто, а сама церковь и впрямь производила впечатление древней. Сочившийся сквозь витражи голубоватый свет делал заметными тысячи висевших в воздухе крохотных пылинок. Пыль, видимо, скапливалась на толстых балках, которые перекрещивались вверху храма. София села на скамью посредине нефа [24] и принялась рассматривать алтарь и покрытое блеклыми красками распятие.

Она просидела так несколько минут, когда в храме вдруг зазвучал орган. София не решалась обернуться в его сторону. Похоже было, что играют старинный псалом, тоже относящийся к средневековью.

Чуть погодя мелодия стихла. Зато София услышала приближающиеся сзади шаги. Обернуться хотя бы сейчас? Нет, она предпочла не сводить взгляда с распятого на кресте Иисуса.

Шаги проследовали мимо, и София увидела идущего по храму человека в коричневой монашеской рясе. Девочка могла бы поклясться, что перед ней средневековый монах.

Она испугалась, но не ударилась в панику. Перед алтарным возвышением монах описал широкую дугу и взобрался на кафедру. Свесившись оттуда и вперив взор в Софию, он заговорил на латыни:

— Gloria Patri et Filio et Spiritui sancto. Sicut erat in principio et nunc et semper in saecula saeculorum [25].

— Говори по-норвежски, пустомеля! — вырвалось у Софии, и эхо разнесло ее слова по всей церкви.

Конечно, София догадалась, что монаха изображает Альберто Нокс, и все-таки она сразу пожалела о непочтительных словах, которые позволила себе в старинном храме. Но ведь она испугалась, а когда человек испуган, он склонен нарушать общепринятые табу.

— Тесс!

Альберто поднял руку, как делают священники, призывая паству к тишине.

— Который час, дитя мое? — осведомился он.

— Пять минут пятого, — сказала София, забыв про свои страхи.

— Ну что ж, пора. Теперь и начинается средневековье.

— Разве средневековье начинается в четыре часа? — озадаченно спросила София.

— Да, около четырех. Потом было пять часов, шесть, семь, а время словно застыло на месте. Затем пробило восемь часов, девять, десять… и это все еще было средневековье. Ты, наверное, думаешь: пора было пробуждаться и приступать к новому дню. Я тебя понимаю. Но, видишь ли, в мире словно наступил выходной, нескончаемо долгий выходной день. Пробило одиннадцать, двенадцать, час. В этот период — он носит название зрелого средневековья — в Европе были возведены огромные соборы. Лишь около двух часов пополудни, то есть в четырнадцать часов, пропел петушок — и тогда продолжительная эпоха средневековья стала наконец завершаться.

— Значит, средневековье длилось десять часов, — сказала София.

Альберто тряхнул головой (еле видной из-под капюшона коричневой рясы) и обвел взглядом свою паству, которая состояла из одной четырнадцатилетней девочки.

— Если считать час за столетие, то да. В таком случае Иисус у нас родился вскоре после полуночи, а апостол Павел начал свои миссионерские путешествия около половины первого (спустя четверть часа он умер в Риме). До трех часов ночи христианская церковь оставалась более или менее под запретом, но в 313 году христианство обрело статус одной из признанных религий Рима, где в это время правил император Константин Великий. Сам набожный монарх принял крещение много позднее, уже на смертном одре. С 380 года христианство было признано официальной религией во всей Римской империи.

— Разве Римская империя не распалась?

— Да, она уже трещала по швам. Перед нами пример очень важной смены культур. В IV веке Риму стали грозить как надвигающиеся с севера племена, так и распад изнутри. В 330 году император Константин перенес столицу Римского государства в Константинополь, который он сам заложил на входе в Черное море. Кое-кто воспринимал новый город как «второй Рим». В 395 году Римская империя была поделена надвое — на Западную, с центром в Риме, и Восточную, со столицей в Константинополе. В 410 году Рим разграбили племена варваров, а в 476 году западное государство вообще прекратило свое существование. Восточная Римская, или

Византийская, империя сохраняла свою государственность вплоть до 1453 года, когда Константинополь был захвачен турками.

— И получил название Стамбул?

— Совершенно верно. Нам необходимо запомнить еще одну дату, 529-й год. Тогда церковь прикрыла Платонову Академию в Афинах. В тот же год был основан первый крупный монашеский орден, *бенедиктинский.* Таким образом, 529-й год можно считать символом того, как христианская церковь запретила греческую философию. С тех пор монополией на образование, на размышление, на развитие идей завладели монастыри. Время движется к половине седьмого…

София давным-давно поняла, что хочет сказать Альберто всеми этими часами и минутами. Полночь означала у него нулевой год, час ночи — сотый год по Рождестве Христовом, шесть часов — шестисотый год, а два часа пополудни — 1400-й год…

— На самом деле под средневековьем понимается период между двумя эпохами, — продолжал Альберто. — Так его стали называть в эпоху Возрождения, когда средние века воспринимались в виде одной длинной, тысячелетней, ночи, в которую погрузилась Европа между античностью и Ренессансом, то есть Возрождением. Слово «средневековый» до сих пор употребляется в уничижительном смысле обо всем, что пахнет догматизмом и схоластикой. Но кое-кто воспринял средневековье и как «тысячелетний период роста». Между прочим, именно в средние века развилась система школьного образования. Уже в раннем средневековье возникли первые монастырские школы. С XII века появляются латинские школы при кафедральных соборах, а около 1200 года были учреждены первые университеты. До сегодняшнего дня разделение предметов на группы, или «факультеты», производится примерно так же, как это делалось в средневековье.

— Тысяча лет — безумно долгий срок.

— Но церковь использовала его для проникновения в глубь народа. Помимо всего прочего, на протяжении средних веков происходило образование национальных государств — со своими городами и весями, с народной музыкой и устным народным творчеством. Какими были бы без средневековья сказки и баллады? А как ты думаешь, София, чем была бы без средневековья Европа? Римской провинцией? Если названия таких стран, как Норвегия, Англия или Германия,

вызывают у нас отклик, он идет из глубин, которые принято называть средними веками. Там, на глубине, плавает много крупных рыб, хотя нам далеко не всегда удается их увидеть. Но ведь Снорри Стурлусон тоже принадлежал средневековью… как и Олаф Святой [26], как и Карл Великий [27]. Не говоря уже о Ромео и Джульетте, о Бендике и Оролилье [28], об Олафе Остесоне [29] и троллях из Хедальского леса… и целой веренице горделивых князей и величавых королей, храбрых рыцарей и прекрасных дев, безымянных художников, делавших витражи, и гениальных создателей органов. А ведь я еще не упомянул ни монахов, ни крестоносцев, ни знахарок…

— Ты не упомянул и священников.

— Верно. В Норвегию христианство пришло лишь в XI веке, но было бы преувеличением сказать, что после сражения при Стиклестаде [30] страна сразу же стала христианской. Под христианским обличьем продолжали жить древние языческие представления, и вскоре множество таких дохристианских элементов смешалось с христианскими понятиями. К примеру, при праздновании Рождества христианская и древненорвежская традиции, можно сказать, вступили в брачный союз, который длится и по сей день. Более того, в этом случае также сработало правило, согласно которому супруги начинают походить друг на друга. В результате рождественский торт, рождественский поросенок и рождественское пиво никак не противоречат волхвам с востока и вифлеемским яслям. И все же христианство постепенно стало главенствовать, поэтому мы нередко называем средневековье периодом «унитарной христианской культуры».

— Значит, оно было не только безрадостным и мрачным?

— Первые века после 400 года и вправду ознаменовались культурным спадом. В эпоху Римской империи существовала так называемая «высокая культура» — культура крупных городов с общественной канализацией, общественными банями и общественными библиотеками, не говоря уже о замечательной архитектуре. В первые столетия средневековья вся эта культура подверглась развалу. Та же участь ожидала торговлю и товарно-денежные отношения. В средние века опять возобладало натуральное хозяйство и обмен товарами. Для экономики этого периода характерен феодализм, при котором землей владели крупные феодалы, а крестьяне

вынуждены были, чтобы прокормиться, обрабатывать ее. В первые века резко сократилась и численность населения. Скажем, в древнем Риме жило около миллиона человек. Уже в VII веке число жителей этого «вселенского» города уменьшилось до сорока тысяч, то есть составило незначительную долю прежнего. И эта горсточка жителей ходила среди развалин потрясающих зданий эпохи римского величия. Если кому-то требовался строительный материал, им всегда можно было разжиться на древних руинах. Такое положение, естественно, злит современных археологов, которые бы предпочли, чтобы средневековые люди не трогали памятников старины.

— Задним умом все крепки.

— В политическом плане Рим утратил свое могущество уже к концу IV века. Зато римский епископ вскоре стал главой всей римско-католической церкви. Он получил наименование «Папы» и со временем был признан наместником Христа на земле. Итак, Рим почти все средневековье играл роль церковной столицы, и мало кто осмеливался перечить ему. Лишь постепенно цари и короли новообразованных национальных государств обрели такую власть, что некоторые решались противопоставить себя влиянию церкви. Одним из них был наш конунг Сверрир [31]…

София подняла взгляд на ученого монаха.

— Ты сказал, что церковь закрыла Платонову Академию в Афинах. Неужели все греческие философы были забыты?

— Не все. Кое-кто знал сочинения Аристотеля, кое-кто — Платона. Но прежняя Римская империя оказалась разделена на три культурные области. В Западной Европе образовалась *латиноязычная* христианская культура, столицей которой был Рим, а в Восточной Европе появилась *грекоязычная* христианская культура со столицей в Константинополе (ранее этот город назывался Византием). Вот почему мы отличаем «византийское средневековье» от «римско-католического». Однако Северная Африка и Ближний Восток тоже принадлежали к Римской империи, и в средние века там развилась *арабоязычная* мусульманская культура. После смерти Мухаммеда, наступившей в 632 году, вся эта территория была завоевана исламом. Вскоре к мусульманскому культурному ареалу присоединилась Испания. У ислама появились священные города — такие, как Мекка, Медина, Иерусалим и Багдад. С точки зрения истории культуры

небезынтересно отметить, что арабы заняли и эллинистический город Александрию. Таким образом они унаследовали многие научные сведения от греков. На протяжении всего средневековья арабы играли ведущую роль в математике, химии, астрономии и медицине. Мы до сегодняшнего дня употребляем выражение «арабские цифры». Во многих областях арабская культура превосходила христианскую.

— Я спросила, что случилось с греческой философией.

— Можешь представить себе широкую реку, которая делится на три разных потока, чтобы затем вновь слиться в одну могучую реку?

— Представила.

— В таком случае тебе нетрудно представить и то, как греко-римская культура передавалась дальше — частично через римско-католическую культуру на западе, частично через восточно-римскую культуру на востоке и частично через арабскую культуру на юге. Хотя подобная схема крайне упрощена, мы видим, что на западе передавался неоплатонизм, на востоке — Платон и на юге — Аристотель. Но во всех трех потоках было нечто общее. Дело в том, что к концу средневековья все они *воссоединились* в Северной Италии. Арабское влияние оказывали арабы из Испании, греческое влияние шло из Эллады и Византии. Тут-то и начинается Ренессанс — Возрождение античной культуры. Античная культура каким-то образом все же пережила долгий период средневековья.

— Понимаю.

— Но не будем опережать ход событий. Сначала, дитя мое, нам надо поговорить о средневековой философии. И я не хочу более вещать с кафедры. Я спускаюсь.

Софиины глаза напоминали ей о том, как мало она спала. Когда странный монах начал спускаться с кафедры в Мариинской церкви, София видела его точно во сне.

Альберто подошел к алтарному возвышению и прежде всего поднял взгляд на алтарь со старинным распятием. Затем он повернулся в сторону Софии и, неторопливыми шагами подойдя к ней, сел рядом на церковную скамью.

Софии было удивительно оказаться так близко от монаха. Карие глаза, смотревшие на нее из-под капюшона, принадлежали человеку средних лет, с темными волосами и козлиной бородкой.

«Кто ты такой? — подумала она. — Почему ты вмешался в мою жизнь?»

— Со временем мы получше узнаем друг друга, — сказал он, словно прочитав ее мысли.

Пока пробивавшийся сквозь витражи свет становился все ярче и ярче, Альберто Нокс повел свой рассказ о средневековой философии.

— В средние века некоторые философы не подвергали сомнению истинность христианства. Вопрос был лишь в том, принимать ли христианское откровение на веру или же христианские истины можно постичь с помощью разума. Как соотносятся друг с другом греческая философия и написанное в Библии? Противоречит ли Библия здравому смыслу, или наша вера совместима с нашим знанием? Почти вся средневековая философия была сосредоточена на этой проблеме.

София нетерпеливо закивала. Она уже сама ответила на вопрос о соотношении веры и знания в контрольной по основам религии.

— Рассмотрим, как справляются с этой проблемой два наиболее значительных философа средневековья. Пускай это будет для начала *Августин,* который жил с 354-го по 430 год. На примере его жизни мы можем проследить сам переход от поздней античности к средним векам. Августин родился в Северной Африке, в небольшом городке Тагасте, но уже в шестнадцатилетнем возрасте отправился учиться в Карфаген. Затем он побывал в Риме и Милане, а последние годы жизни провел епископом города Гиппона, в нескольких десятках километров к западу от Карфагена. Однако он не всегда был христианином. Прежде чем креститься, Августин перепробовал несколько других религиозных и философских направлений.

— Например?

— Одно время он был последователем *манихейства.* Манихеи составляли весьма типичную для поздней античности религиозную секту. Их учение о спасении было наполовину религиозным, наполовину философским. Они считали, что мир поделен надвое между добром и злом, между светом и тьмой, между духом и материей. С помощью духа человек может приподнять себя над миром материи и таким образом заложить основы спасения души. Юному Августину, однако, столь четкое разграничение добра и зла казалось сомнительным. Его вообще интересовала проблема зла, вернее, вопрос о том, откуда оно берется. Одно время Августин увлекался стоической

философией, а у стоиков разница между добром и злом менее явственна. Впрочем, наибольшее влияние на Августина оказало другое важное философское направление поздней античности, а именно неоплатонизм. В этом учении его привлекла мысль о том, что все бытие имеет божественную природу.

— И он стал неоплатоническим епископом?

— Пожалуй, можно сказать и так. Но сначала Августин принял христианство, хотя его христианство весьма сильно проникнуто платонизмом. Вот почему, София, нельзя при переходе к христианскому средневековью говорить о сколько-нибудь резком разрыве с греческой философией. Такие отцы церкви, как Августин, привнесли в новую эпоху много почерпнутого у греков.

— Ты хочешь сказать, что он был наполовину христианин, а наполовину — неоплатоник?

— Сам Августин, естественно, считал себя стопроцентным христианином. Но он не видел серьезных противоречий между христианством и философией Платона. На его взгляд, сходство между платонизмом и христианством было столь сильным, что Августин подумывал, не читал ли Платон отрывков из Ветхого Завета. Разумеется, это маловероятно. Скорее можно говорить, что Платона «обратил в христианство» сам Августин.

— Во всяком случае, он не распрощался с философией, когда поверил в христианство?

— Нет, однако указал на пределы того, насколько далеко может заходить разум в религиозных вопросах. Христианство представляет собой божественную тайну, к разгадке которой мы можем приблизиться лишь через веру. Если мы верим, Господь «озаряет» нашу душу, так что мы получаем сверхъестественное знание о Боге. Августин и сам ощутил пределы философского познания мира. Душа его обрела покой, только когда он пришел к Христу. «Не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе», — пишет он.

— Не понимаю, как может сочетаться с христианством Платонова теория идей, — возразила София. — Что будет с вечными идеями?

— Августин действительно утверждает, что Бог создал мир из ничего, а такую мысль отстаивает Библия. Греки отличались большей гибкостью, поскольку считали, что Вселенная существовала всегда. Согласно Августину, прежде чем Бог создал мир, «идеи» о нем

существовали в сознании Господа. Другими словами, Августин вложил в Бога идеи Платона и таким образом спас учение последнего о вечных идеях.

— Умно.

— Между прочим, это наглядный пример больших усилий, которые прилагали и Августин, и другие отцы церкви для объединения греческого мировоззрения с иудейским. В некотором смысле их можно назвать гражданами двух культур. Августин обращается к неоплатонизму и в связи с проблемой зла. Подобно Плотину, он утверждает, что зло есть «уклонение от Бога». Оно не существует само по себе, а представляет собой недостаток добра. Ведь сотворенное Богом всегда благо. Зло обусловлено неповиновением людей, утверждал Августин. Иначе говоря, оно творится отклонением от добра в сторону «свободного произвола», тогда как добро «не совершается без божественной помощи».

— Он считал, что человек обладает божественной душой?

— И да и нет. Августин настаивает на том, что мир отделен от Бога непреодолимой пропастью. Тут он стоит на библейской основе и таким образом отвергает учение Плотина о единстве всего сущего. Но он также подчеркивает духовность человека. У человека есть материальное тело (оно принадлежит физическому миру, который разъедают моль и ржа), и в то же время он наделен душой, способной познать Господа.

— А что происходит с человеческой душой после смерти?

— Согласно Августину, после грехопадения весь человеческий род пошел навстречу гибели. Тем не менее Бог решил, что некоторых людей следует спасти от нее.

— Мне кажется, он мог бы с таким же успехом избавить от погибели всех, — вставила София.

— Но Августин считает, что человек не имеет права критиковать за это Господа, указывая на слова апостола Павла из его Послания к Римлянам: «А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: „зачем ты меня так сделал?? Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?»

— Значит, Бог сидит на небе и играет людьми? Стоит кому-то из его собственных созданий вызвать гнев Господа, как тот выбрасывает человека на помойку?

— По мнению Августина, ни один человек не заслуживает Божьего спасения, и тем не менее Господь выбирает тех, кто избежит погибели. Для него не составляет тайны, кто именно будет спасен, а кто погибнет. Все это предрешено. Да, мы и в самом деле глина в руках Бога. Мы полностью зависим от его милости.

— Значит, Августин вроде бы откатился назад, к вере в судьбу?

— Отчасти ты права. Впрочем, Августин не снимает с человека ответственности за его жизнь. Он советует нам жить так, чтобы самим определять по событиям своей жизни, принадлежим ли мы к избранным. Он не отрицает свободы нашей воли. Просто Бог «заранее видел», как мы будем жить.

— Тебе это не кажется несправедливым? — спросила София. — Сократ утверждал, что все люди имеют равные возможности, поскольку наделены одинаковым разумом. Августин же делит человечество на две группы, одну из которых ожидает спасение, а другую — гибель.

— Да, теология Августина отодвигает нас несколько назад по сравнению с гуманизмом Афин. Но поделил людей надвое не Августин. Он опирается на библейское учение о спасении и гибели, которое углубляет в сочинении «О граде Божием».

— Расскажи!

— Выражения «град Божий» или «Царство Божие» ведут свое происхождение из Библии и из проповедей Христа. Согласно Августину, история отражает борьбу между Божьим и земным государством. Но это не политические «государства», четко отграниченные друг от друга. Эти понятия борются за влияние внутри каждого человека. И все же Божье царство сравнительно наглядно выступает в церкви, а земное — в политических государственных образованиях, например в Римской империи, которая распалась как раз в эпоху Августина. Такое положение делалось все более очевидным по мере борьбы за влияние, развернувшейся в средние века между церковью и государством. «Спасение возможно только в лоне церкви», — говорили в этот период, и в конце концов Августинов «град Божий» начал ассоциироваться с церковью как учреждением.

Лишь во время Реформации XVI века стали выдвигаться возражения против того, что человек может получить спасение от Господа исключительно через посредство церкви.

— Давно было пора.

— Обрати внимание, что Августин первым из известных нам философов вовлекает в систему своих взглядов *историю*. Борьба между добром и злом ни в коей мере не была чем-то новым. Новым было то, что она разыгрывалась в истории. Здесь у Августина почти не прослеживается неоплатонизм. Здесь он опирается на линейное представление об историческом процессе, которое выражено в Ветхом Завете. По Августину, история необходима Господу для воплощения Царства Божьего, для воспитания человека и уничтожения зла. Исторические события зависят от Божественного промысла, который видит в них средство «образования рода человеческого» и «как бы по возрастам» ведет человечество «к пониманию вечного и невидимого», то есть к спасению.

София посмотрела на часы.

— Уже восемь, — сказала она. — Мне скоро пора уходить.

— Сначала я расскажу тебе о втором великом средневековом философе. Давай посидим на улице, а?

Альберто встал со скамьи и, сложив ладони вместе, направился по главному проходу к дверям. Вид у него был такой, словно он молится Богу или размышляет над духовными истинами. София последовала за ним: у нее же не было выбора.

По земле еще стелился тонкий слой тумана. Солнце давным-давно взошло, но пока не до конца пробилось сквозь утреннюю дымку. Мариинская церковь стояла на краю старинной части города.

Альберто уселся на скамейку перед храмом. София подумала о том, что будет, если кто-нибудь пройдет мимо. Даже просто сидеть на лавочке перед церковью в восемь утра было довольно странно, что же говорить о том, чтобы сидеть в обществе средневекового монаха?…

— Сейчас восемь часов, — продолжил свою речь Альберто. — После Августина миновало около четырехсот лет, наступил долгий учебный день. С восьми до десяти образованием полновластно ведали монастырские школы. С десяти до одиннадцати были организованы первые латинские школы при кафедральных соборах, а около полудня

— первые университеты. Одновременно возводились грандиозные готические соборы. Эта церковь тоже построена в XIII веке, то есть в период, называемый зрелым средневековьем. В этом городе не нашлось средств для строительства большого собора.

— Он тут был не нужен, — вставила София. — Терпеть не могу пустых церквей.

— Огромные соборы возводились не только затем, чтобы вмещать больше прихожан. Они воздвигались во славу Господа и призваны были сами служить своеобразной литургией. Но в период зрелого средневековья происходили и другие события, имеющие особый интерес для нас, философов.

— Расскажи!

— Начало ощущаться арабское влияние из Испании. У арабов на протяжении всего средневековья принято было изучать Аристотеля, а с конца XII века образованные арабы стали посещать Северную Италию — по приглашению тамошних властителей. Таким образом люди узнали о многих сочинениях Аристотеля, которые со временем были переведены с греческого и арабского на латынь. Это вызвало новую волну интереса к проблемам естествознания, а кроме того, заново подняло вопрос о соотношении христианского откровения с греческой философией. В решении естественно-научных проблем никто не пошел дальше Аристотеля. Всех, однако, интересовало: когда слушать «философа», а когда придерживаться исключительно Библии? Ты следишь за моей мыслью?

София коротко кивнула, и монах продолжал:

— Крупнейшим и важнейшим философом зрелого средневековья был *Фома Аквинский*, который жил с 1225-го по 1274 год. Родившийся близ захолустного городка Аквино (между Римом и Неаполем), он стал преподавателем университета в Париже. Я называю его философом, но он был также богословом. Собственно говоря, в те времена особой разницы между философией и теологией не было. Совсем коротко можно сказать, что Фома Аквинский «обратил в христианство» Аристотеля, как на заре средневековья Августин «обратил в христианство» Платона.

— Тебе не кажется смешным обращение в христианство философов, живших за много веков до Христа?

— Пожалуй. Но под «обращением в христианство» двух великих греческих философов мы имеем в виду лишь толкование их взглядов таким образом, что в них перестали видеть угрозу христианскому учению. Про Фому Аквинского говорят, что он «взял быка за рога».

— Я не знала, что философия имеет отношение к бою быков.

— Фома Аквинский был в числе тех, кто попытался соединить философию Аристотеля с христианством. Принято говорить, что он создал синтез веры и знания — и сделал это, углубившись в философию Аристотеля и поймав его на слове.

— Ага, вот почему «взял быка за рога». К сожалению, я почти не спала, поэтому боюсь, тебе придется мне кое-что разжевывать.

— Согласно Фоме Аквинскому, утверждаемое разумом или философией вовсе не обязательно должно вступать в противоречие с тем, что подсказывает нам христианское откровение или вера. Весьма часто тезисы христианства и философии совпадают, поэтому можно с помощью разума прийти к тем же истинам, о которых написано в Библии.

— Как это возможно? Неужели разум подсказывает нам, что Бог сотворил мир за шесть дней? Или что Иисус был сыном Господа?

— Нет, подобные истины мы в состоянии познать лишь через веру и христианское откровение. Но Фома Аквинский считал, что существуют также «естественные богословские истины», под которыми он подразумевал истины, познаваемые как с помощью христианского откровения, так и с помощью изначально присущего нам, или «естественного», здравого смысла. Примером такой истины может служить существование Бога. Иными словами, Фома видел два пути к Господу: один — через веру и откровение, второй — с помощью разума и чувственных восприятий. В действительности более надежен из этих двух путей первый, поскольку опора только на разум нередко ведет к заблуждению. Суть же взглядов Фомы Аквинского в том, что философия, скажем, Аристотеля вовсе не обязательно должна вступать в противоречие с христианским учением.

— Значит, мы можем опираться либо на Аристотеля, либо на Библию и это будет безразлично?

— Нет-нет. Аристотель лишь частично продвинулся вперед, так как не был знаком с христианским откровением. Однако частичное продвижение вперед не означает заблуждения. К примеру, не будет

неверным сказать, что Афины находятся в Европе, хотя это будет недостаточно точно. Если в книге говорится об Афинах лишь как о европейском городе, не мешает открыть учебник географии, из которого ты узнаешь более полную истину: Афины — столица Греции, небольшой страны в юго-восточной Европе. Если повезет, тебе сообщат и кое-что об Акрополе, не говоря уже о Сократе, Платоне и Аристотеле!

— Но первые сведения об Афинах тоже были правильны.

— Совершенно верно! Фома Аквинский и стремится доказать существование одной-единственной истины. Когда Аристотель указывает на некий факт, который наш разум признает истинным, факт этот не противоречит и христианскому мировоззрению. Многие истины можно постичь с помощью разума или органов чувств, и именно такие истины проповедует Аристотель, описывая жизнь растений и животных. Другие истины раскрыл нам Господь через Библию. Однако эти два вида истин нередко перекрывают друг друга. По многим вопросам Библия и здравый смысл говорят нам в точности одно и то же.

— Например, что Бог существует?

— Именно. Аристотелева философия предусматривала существование Бога (или первопричины), который запустил все природные процессы. Но Аристотель не описывает Бога сколько-нибудь подробно, так что в этом отношении нам приходится полагаться на Библию и проповеди Иисуса Христа.

— А так ли уж точно, что Бог есть?

— Разумеется, о его существовании можно спорить. Тем не менее и сегодня большинство людей сходится во мнении, что человеческий разум не может доказать отсутствие Бога. Фома пошел дальше, утверждая, что может на основе философии Аристотеля доказать существование Бога.

— Не слабо.

— По словам Фомы, с помощью разума мы можем также познать, что все вокруг нас имеет «первопричину». Иными словами, Бог открывается людям как через Священное Писание, так и через разум, почему можно говорить о существовании «теологии откровения» и «естественной теологии». Так же обстоит дело и в области морали. Библия показывает нам, какой образ жизни Бог считает правильным

для нас. Но, помимо этого, Господь наделил нас совестью, позволяющей «естественным» образом различать добро и зло. Итак, есть «два пути» к высоконравственной жизни. Мы можем знать, что нельзя совершать дурные поступки в отношении ближнего, даже если не читали в Писании: «во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». А все-таки вернее всего следовать закону, изложенному в Библии.

— Кажется, я разобралась. Это примерно так же, как мы узнаем о грозе — и по молнии, и по раскатам грома.

— Правильно. Даже если мы слепы, мы слышим гром. И даже если глухи, узнаём грозу по молнии. Разумеется лучше всего и слышать, и видеть. Но зрительное и слуховое впечатления не противоречат друг другу, а, напротив, служат взаимным дополнением.

— Понимаю.

— Позволь мне привести еще один пример. Предположим, ты читаешь роман… скажем, «Викторию» Кнута Гамсуна…

— Кстати, я ее читала…

— Тогда можно ли сказать, что, прочитав роман, ты узнаёшь кое-что и об его авторе?

— По крайней мере я узнаю о существовании писателя, который его сочинил.

— А еще что?

— Что у него довольно романтический взгляд на любовь.

— Итак, читая эту книгу (плод творческих усилий Гамсуна), ты получаешь некоторое представление и о характере писателя. Но ты не ожидаешь найти в ней личностные сведения об авторе. Скажем, можешь ли ты вычитать из «Виктории», в каком возрасте писатель сочинил роман, где он жил и сколько у него было детей?

— Конечно, нет.

— Зато ты можешь найти такие сведения в биографии Кнута Гамсуна. Лишь в биографии — или автобиографии — ты имеешь возможность ближе познакомиться с автором как *личностью.*

— Что верно, то верно.

— Подобным же образом складываются отношения между творениями Господа и Библией. Только в окружающей природе мы можем найти свидетельства существования Бога. Пожалуй, на основе наших наблюдений мы сумеем заключить, что ему нравились цветы и

животные, иначе он бы их не создал. Но сведения о Господе как личности мы находим лишь в Библии… то есть в его «автобиографии».

— Хитрые ты приводишь примеры…

— Гммм…

Альберто впервые сидел в задумчивости, не отвечая.

— Это как-то связано с Хильдой? — вырвалось у Софии.

— Нам даже точно не известно, существует ли она.

— Но мы то и дело нападаем на ее следы. Открытки и шарф, зеленый бумажник, носок…

Альберто кивнул.

— Похоже, их подкидывает Хильдин отец. Но пока что мы знаем только одно: кто-то посылает нам почтовые открытки. Хорошо бы он написал несколько слов и о себе. Впрочем, ко всему этому мы еще вернемся.

— Уже двенадцать. Мне обязательно надо быть дома до окончания средневековья.

— Я завершу беседу рассказом о том, как Фома Аквинский взял на вооружение философию Аристотеля во всех областях, где она не противоречит богословию, — то есть его логику, его теорию познания и, самое главное, его натурфилософию. Ты помнишь Аристотелеву восходящую лестницу жизни, от растений и животных к человеку?

София кивнула.

— Уже Аристотель считал, что эта лестница указывает на Бога, который создал массу всего сущего. Такая схема легко совмещалась с христианской доктриной. Согласно Фоме, бытие идет по восходящей — от растений и животных к людям, от людей к ангелам и от ангелов к Богу. Человек, подобно животным, обладает телом с органами чувств, но у него есть также «рассуждающий» ум. У ангелов нет такого тела с органами чувств, а потому их разум действует незамедлительно, мгновенно. Им не нужно размышлять, как это делают люди, не нужно переходить от одного умозаключения к другому. Им известно все, что может знать человек, однако им не требуется приобретать эти знания шаг за шагом, как делаем мы. Не обладая телом, ангелы никогда не умирают. Их нельзя назвать вечными, подобно Богу, поскольку в свое время они тоже были созданы Господом; при этом у них нет тела, от которого их можно отделить, поэтому они бессмертны.

— Звучит удивительно.

— Над ангелами же восседает Бог, София. Он способен одновременно видеть и знать все на свете.

— Значит, он видит сейчас и нас.

— Возможно, он видит и нас. Но не «сейчас», ибо для Бога не существует времени, которое существует для нас. Наше «сейчас» не соответствует Божьему «сейчас». Если для нас проходит несколько недель, вовсе не обязательно столько же времени проходит и для Бога.

— Какой ужас! — воскликнула София и тут же прикрыла рот рукой. Впрочем, Альберто лишь молча смотрел на нее, и девочка продолжала: — Я получила новую открытку от Хильдиного отца. Он написал нечто подобное: дескать, если для Софии проходит неделя или две, совершенно не обязательно, что столько же времени проходит для нас. Ты сказал почти то же самое про Бога!

Лицо под коричневым капюшоном исказилось гримасой.

— Постыдился бы!

София не поняла, что имел в виду Альберто. Возможно, ничего особенного. Тем временем он продолжал:

— К сожалению, Фома Аквинский перенял у Аристотеля и его взгляд на женщин. Может быть, ты помнишь, что, по мнению Аристотеля, женщина представляет собой несовершенного мужчину, а дети наследуют лишь отцовские качества. Ведь женщина — существо пассивное и воспринимающее, тогда как мужчина — активное и воздействующее. Согласно Фоме, такие мысли гармонируют *со* словом Библии, в частности с рассказом о сотворении женщины из ребра мужчины.

— Бред!

— Следует добавить, что наличие у млекопитающих яйцеклеток было доказано только в 1827 году. Неудивительно поэтому, что раньше главная формообразующая и животворная роль в оплодотворении отводилась мужчине. Важно, однако, подчеркнуть и другое: Фома Аквинский считал женщину второстепенной по отношению к мужчине исключительно как природное создание. Душа же ее равноценна мужской душе. На небесах царит равенство полов просто-напросто потому, что там между ними нет телесных различий.

— Слабое утешение. Неужели в средние века не было ни одной женщины-философа?

— В средневековье религиозная жизнь находилась в основном в ведении мужчин. Впрочем, это не значит, что тогда не было женщин-мыслителей. Можно, например, назвать *Хильдегарду Бингенскую*…

София изумилась.

— Она имеет какое-нибудь отношение к Хильде?

— Не перебивай! Родившись в 1098 году, Хильдегарда с детства воспитывалась в монастыре, а затем сама стала аббатисой монастыря, построенного ею в долине Рейна, близ Бингена, где и умерла в 1179 году. Будучи женщиной, она тем не менее читала проповеди и заявила о себе как писатель, врач, ботаник и естествоиспытатель. Вероятно, ее жизнь может служить примером того, что в средневековье женщины нередко отличались более приземленным, более практичным, более научным подходом к бытию, чем мужчины.

— Я спросила, имеет ли она отношение к Хильде.

— В прежние времена и христианство, и иудаизм воспринимали Бога не только в виде мужчины. У него была и женская ипостась, или «материнская натура». Ведь женщина тоже была создана по образу и подобию Господа. В греческом языке эта женская сторона Бога называлась *София*. Имя «София» (или «Софья») означает «мудрость».

София грустно покачала головой. Почему никто раньше не рассказал ей об этом? И почему она никогда не спрашивала?

— В средние века, — продолжал Альберто, — София, или материнская сторона Бога, играла определенную роль в иудаизме и в греко-православной религии, но на Западе ее забыли. И тут, откуда ни возьмись, эта Хильдегарда, которая уверяет, что София является ей в видениях — в золотистой тунике, убранной драгоценными камнями…

София поднялась со скамьи. Подумать только, София являлась Хильдегарде в видениях…

— Может быть, и я являюсь Хильде.

Она снова села. Альберто положил руку ей на плечо.

— Нам нужно найти выход из создавшегося положения, но не сегодня. Уже почти час. Тебе пора обедать, а Средневековье подходит к концу, уступая место Новому времени. Скоро я пришлю за тобой Гермеса для следующей лекции, об эпохе Возрождения.

Странный монах встал и направился к церкви. София осталась сидеть: ее не отпускали мысли о Хильдегарде и Софии, о Хильде и

другой Софии. И вдруг она встрепенулась, вскочила на ноги и закричала вслед учителю философии в монашеской рясе:

— А в средневековье не было какого-нибудь Альберто?

Он чуть замедлил шаги и, обернувшись, сказал:

— У Фомы Аквинского был знаменитый учитель философии по имени Альберт Великий…

Затем, преклонив голову, Альберто скрылся в дверях Мариинской церкви.

Софии захотелось узнать больше, и она тоже вернулась в храм… но там царила пустота. Не провалился же ее наставник сквозь пол…

По дороге к выходу внимание девочки привлекло изображение Девы Марии. София подошла рассмотреть образ поближе и вдруг заметила под глазом Богородицы капельку влаги. Неужели слеза?

София опрометью бросилась из церкви к Йорунн.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

…о божественный род в человечьем обличье…

Когда запыхавшаяся София прибежала к Йорунн, стояла за калиткой своего ярко-желтого дома. Часы показывали почти полвторого.

— Тебя не было больше десяти часов! — воскликни ла Йорунн.

— Меня не было больше тысячи лет, — покачала головой София.

— Где ты пропадала?

— На свидании со средневековым монахом. Классный мужик!

— Ты с ума сошла! Полчаса назад звонила твоя мама.

— Что ты ей сказала?

— Что ты вышла в магазин.

— А она что?

— Велела тебе позвонить, когда придешь. С моими родителями вышло хуже. Около десяти они заявились к нам с горячим шоколадом и булочками, смотрят — а одна постель пустая.

— И как ты это объяснила?

— Представь себе мое положение. Сказала, что ты ушла домой, потому что мы поссорились.

— Тогда надо срочно помириться. И еще твои родители не должны несколько дней разговаривать с моей мамой. Как ты думаешь, мы сможем это обеспечить?

Йорунн пожала плечами. В следующий миг в саду показался ее отец. Он был одет в комбинезон и катил тачку. Похоже, он задумал сегодня разделаться с прошлогодней листвой.

— А, наши Туппен и Лиллемур [32], — приветствовал девочек отец Йорунн. — Ну вот, я выгреб все листья, заслонявшие окошко в подвал.

— Отлично, — подхватила София. — Значит, мы сможем иногда пить шоколад у окна, а не в койке.

Йорунн вздрогнула, ее отец натянуто улыбнулся: в Софииной семье принято было вольнее обращаться с языком, чем в доме финансового

советника Ингебригтсена с супругой.

— Извини, Йорунн. Просто мне захотелось тоже поучаствовать в операции прикрытия.

— Ты что-нибудь расскажешь?

— Если проводишь меня домой. Мой рассказ не предназначен для ушей финансовых советников и великовозрастных Барби.

— Вот злюка! Думаешь, распадающийся брак, в котором один из супругов спасается бегством в дальние моря, лучше?

— Не лучше. Просто я сегодня почти не спала. А еще у меня есть подозрение, что Хильда наблюдает за нами и видит все происходящее.

Девочки уже двинулись по направлению к Клёвервейен.

— Ты хочешь сказать, она ясновидящая?

— Может, да. А может, и нет.

Йорунн вся эта таинственность явно не доставляла удовольствия.

— Все равно непонятно, почему ее отец шлет идиотские открытки в заброшенную лесную хижину.

— Да, тут есть некоторая неувязка.

— Так ты не хочешь рассказать, где была?

И София рассказала. Более того, она рассказала Йорунн и о загадочном курсе философии — взяв с подруги торжественное обещание, что все это останется между ними.

Девочки долго шли молча.

— Мне это не нравится, — сказала Йорунн уже на подходе к дому три по Клёвервейен.

Остановившись у ворот, она жестом дала понять Софии, что собирается обратно.

— Никто и не требует, чтоб нравилось. Философия — не безобидная настольная игра. Тут вопрос стоит серьезнее: кто мы такие и откуда ведем происхождение. По-твоему, нас достаточно учат этому в школе?

— На такие вопросы все равно никто не знает ответа.

— Нас даже не учат задавать такие вопросы.

На кухонном столе Софию ждала традиционная субботняя каша. Мама не стала придираться к тому, что дочка не позвонила от Йорунн.

После обеда София захотела поспать, признавшись что у Йорунн почти не сомкнула глаз. Это было в порядке вещей, когда она ночевала

в гостях.

Прежде чем лечь, София остановилась перед большим зеркалом в бронзовой раме, которое сама повесил на стенку. Сначала она видела только свою бледную, уставшую физиономию, потом за ней возникли размытые контуры еще одного лица.

София тяжело вздохнула. Не хватает, чтоб ей начала мерещиться всякая чертовщина.

В зеркале четко отражались ее собственные бледные черты в обрамлении темных волос, годившиеся для одной-единственной прически — естественно ниспадавих прямых прядей. Но *под* ее лицом проглядывало изображение другой девочки.

И вдруг незнакомка принялась быстро подмигивать обоими глазами. Казалось, она подает сигнал, что действительно находится по ту сторону зеркала. Это продолжалось всего несколько секунд. Потом девочка исчезла.

София села на кровать. Она не сомневалась, что в зеркале было отражение Хильды. Однажды она уже видела ее — мельком, на ученическом билете в Майорстуа. Это явно было то же самое лицо.

Странно, что загадочные вещи всегда происходят с ней в состоянии крайней усталости. Позже приходится спрашивать себя, не нафантазировала ли она все.

Сложив одежду на стуле, София забралась под одеяло — и мгновенно заснула. А когда заснула, ей приснился удивительно ясный и яркий сон.

Она стояла в большом саду, спускающемся к красному лодочному сараю. Возле сарая сидела на причале светловолосая девочка и смотрела вдаль, на море. София подошла к ней и села рядом. Незнакомка не замечала ее. «Меня зовут София», — решила представиться она. Вторая девочка не видела и не слышала ее. «Значит, ты слепая и глухая», — сказала София. Незнакомка и тут осталась глуха к ее словам. И тут до них донесся чей-то голос, прокричавший: «Хильдемур!», после чего девочка вскочила и припустила к дому. Значит, она все же не была ни глухой, ни слепой. От дома навстречу девочке бежал мужчина средних лет, в военной форме и голубом берете. Девочка кинулась ему на шею, а он схватил ее в объятия и закружил в воздухе. Только теперь София заметила на

краю мостков, там, где сидела незнакомка, цепочку с золотым крестиком. София взяла ее… и проснулась.

София посмотрела на будильник: она проспала около двух часов. Она села в постели, и ей вспомнился удивительный сон. Он и теперь стоял у нее перед глазами отчетливо и ясно, словно был не сном, а явью. Во всяком случае, София была уверена, что и дом, и причальные мостки, которые она видела во сне, где-то существуют. Кажется, похожая картинка висела в Майорстуа? Как бы то ни было, София не сомневалась, что девочка из сна была Хильдой Мёллер-Наг, а мужчина — ее вернувшимся из Ливана отцом. Он был немного похож на Альбер то Нокса…

Когда София встала и принялась застилать постель, то нашла под подушкой золотую цепочку с крестиком. На обороте креста были выгравированы три буквы: «ХМН»

Разумеется, София не раз находила во сне ценные вещи, но ей впервые в жизни удалось захватить такую вещь с собой.

— Негодяй! — вырвалось у нее вслух.

Она так разозлилась, что, открыв шкаф, швырнула красивую цепочку туда, где уже лежали шелковое кашне, белый гольф и ливанские открытки.

В воскресенье Софию разбудили к завтраку с горячими булочками и апельсиновым соком, с яйцами и итальянским салатом. Мама редко вставала по выходным раньше ее, но в таких случаях считала для себя делом чести сначала приготовить плотный завтрак, а уж потом будить Софию.

За едой мама сказала:

— По саду все утро бегает чужая собака, чего-то рыщет у старой изгороди. Ты не знаешь, что ей нужно?

— Знаю, — ответила София и тут же прикусила язык.

— Она что, и раньше бывала у нас?

София поднялась из-за стола и подошла к окну, вы ходившему в просторный сад. Так она и думала. Около лаза в Тайник лежал Гермес.

Что ответить маме? Она не успела ничего изобрести, прежде чем мама встала рядом.

— Так ты говоришь, собака уже приходила сюда?

— Она закопала в саду косточку и теперь пришла за своим сокровищем. У собак прекрасная память…

— Возможно. Из нас двоих ты лучше разбираешься в психологии животных.

София лихорадочно соображала, что делать дальше.

— Я отведу ее домой, — сказала она.

— Выходит, ты знаешь, где она живет?

Девочка пожала плечами.

— У нее наверняка есть ошейник с адресом.

Через несколько минут София уже была в саду. При виде нее Гермес помчался навстречу и, бешено виляя хвостом, подскочил, чтобы лизнуть девочку в лицо.

— Гермес, хороший мальчик, — сказала София. Она знала, что мама стоит у окна. Только бы пес не полез в Тайник! Но Гермес направился к дорожке перед домом и, пройдя по ней через лужайку, принялся наскакивать на ворота.

Когда они закрыли за собой калитку, Гермес по-прежнему бежал на два-три метра впереди Софии. Они долго кружили между особняками предместья. В это воскресное утро София с Гермесом были отнюдь не единственными прохожими. Многие вышли на прогулку целыми семьями. София даже завидовала им.

Время от времени Гермес отбегал понюхать какую-нибудь собаку или предмет, лежавший на обочине, однако стоило Софии приказать ему: «Ко мне!», как он возвращался.

Вскоре они миновали заброшенный выгон для скота, большой стадион и детскую площадку и вышли в более цивилизованные места. По широкой асфальтированной улице с троллейбусным движением они продолжили путь к центру города.

Когда они добрались туда, Гермес перебежал главную площадь, Стурторгет, и двинулся по Хиркегатен. Они попали в старинную часть города с большими усадьбами конца прошлого века. Время приближалось к половине второго.

Они попали на другой конец города, где София бывала очень редко. Она только помнила, что в детстве ходила в гости к старой тете, жившей на одной из этих улиц.

Вскоре они дошли до небольшой площади между городскими усадьбами. Как ни удивительно, старинная площадь носила название

Нюторгет, Новая площадь. Сам город ведь тоже был старинный, основанный еще в средние века.

Возле дома номер четырнадцать Гермес подождал, пока София откроет двери. Девочка разволновалась, у нее засосало под ложечкой…

В подъезде висели зеленые почтовые ящики. К одному из ящиков верхнего ряда была прилеплена открытка со штампом почтальона о том, что адресат неизвестен. Открытка была адресована: « Хильде Мёллер-Наг, Нюторгет, 14»… Дата на штемпеле гласила: 15 июня. До этого срока оставалось еще две недели, однако почтальон явно не обратил на это внимания.

София сняла открытку с ящика и прочитала:

Дорогая Хильда! София сейчас идет к учителю философии. Ей скоро будет пятнадцать, тебе же пятнадцать лет исполнилось вчера. Или сегодня, Хильдемур? Но если сегодня, то должен быть уже поздний вечер. Впрочем, наши часы не всегда идут одинаково. Одно поколение старится, другое расцветает. А история идет своим чередом. Тебе не приходило в голову, что историю Европы можно сравнить с человеческой жизнью? В таком случае древние века станут как бы детством Европы, а долгий период средневековья — учебой в школе. И вот наступает эпоха Возрождения, когда длительная учеба осталась позади и юная Европа рвется поскорее окунуться во взрослую жизнь. Вероятно, Ренессанс можно назвать пятнадцатилетием Европы. Сейчас, дитя мое, середина июня, а значит… «жизнь божественно прекрасна! О, как славен этот мир!»[33]

P. S. Жаль, что ты потеряла золотой крестик. Тебе пора научиться лучше следить за своими вещами.

С приветом, папа — который, можно сказать, почти приехал.

Гермес уже поднимался по лестнице. София, захватив с собой открытку, двинулась следом. Ей пришлось бежать, чтобы поспеть за радостно вилявшей хвостом собакой. Они миновали второй этаж… третий, четвертый, пятый. Отсюда вела наверх другая, узенькая, лестница. Не на крышу ли они собрались? Тем не менее Гермес полез

дальше и остановился только в конце узкой лестницы, около дверцы, которую он принялся царапать когтями.

Вскоре изнутри донеслись шаги. Дверца распахнулась, и перед Софией предстал Альберто Нокс. Сегодня он был не в рясе, а в другом историческом костюме: белые чулки до колен, широкие красные панталоны и желтый кафтан с пышными рукавами. Он напомнил Софии джокера из карточной колоды. Если она правильно поняла, это было типичное платье эпохи Возрождения.

— Шут! — бросила София, одновременно отодвигая Альберто в сторону и проходя в квартиру.

Бедный учитель философии не впервые становился жертвой обуревавшего ее страха пополам со смущением. Помимо всего прочего, София разволновалась из-за открытки, которую обнаружила в подъезде.

— Не надо горячиться, дитя мое, — сказал Альберто, закрывая дверь.

— А вот и почта. — София протянула ему открытку таким жестом, словно возлагала вину за это послание на него.

Прочитав открытку, Альберто только покачал головой.

— Он все больше наглеет. Мы для него вроде аттракциона, которым он развлекает в день рождения свою дочь.

С этими словами Альберто порвал открытку на мелкие кусочки и выбросил в корзину для мусора.

— В открытке было сказано, что Хильда потеряла золотой крестик, — проговорила София.

— Да, я заметил.

— Но я нашла этот самый крестик у себя в постели. Ты понимаешь, как он туда попал?

— Каким бы обманчиво сложным ни казался тебе этот фокус, на самом деле он всего лишь дешевый трюк который не стоил Хильдиному отцу ни малейших усилий. Давай лучше обратим свое внимание на кролика которого извлекают из черного цилиндра Вселенной.

Они прошли в гостиную, и обнаружилось, что София в жизни не видала комнаты удивительнее этой.

Альберто жил в просторной мансарде. Через вырезанное в потолке окно лился свет прямо с неба. Но там было и второе окно, выходившее

в город. В него можно было окинуть взглядом крыши старинных усадеб.

Больше всего, однако, Софию удивили не окна, а обстановка комнаты. Она была заполнена мебелью и другими предметами самых разных эпох. Диван, по-видимому, относился к тридцатым годам, старинный секретер — к началу столетия, а одному из стульев, похоже, было несколько веков. Но мебелью дело не ограничивалось. На полках и за стеклами шкафов стояли вперемешку вещи, когда-то либо приносившие пользу, либо служившие для украшения. Тут были старинные часы и вазы, ступки и реторты, ножи и куклы, писчие перья и пюпитры, октанты и секстаны, барометры и компасы. Одна стена была целиком занята книгами, причем таких книг было не сыскать в книжном магазине: их собрание представляло книжную продукцию нескольких веков. На стенах висели живописные полотна и графика. Часть из них, вероятно, была создана на протяжении последних десятилетий, но многие полотна тоже были старинные. Помимо картин, вокруг было развешано несколько древних карт. На одной из них залив Согне-фьорд помещался в провинции Трённелаг, а Тронхеймс-фьорд — где-то в Нурланне, то есть намного севернее, чем на самом деле.

София долго стояла, не произнося ни слова. Она вертела головой в разные стороны, стараясь рассмотреть комнату со всех точек зрения.

— Ты собираешь много разного хлама, — наконец проговорила она.

— Ах вот как! Но подумай, в этой комнате представлена многовековая история. Я бы не стал называть это хламом.

— Ты что, держишь антикварный магазин?

Альберто чуть ли не огорчился.

— Не все могут позволить себе плыть по течению истории, София. Кое-кто должен воспротивиться ему и, остановившись, подобрать предметы, лежащие на берегу.

— Странные слова.

— Однако справедливые, дитя мое. Мы ведь живем не только в наше время, мы несем с собой историю. Не забывай, что все вещи, которые ты видишь в этой комнате, когда-то были новыми. Деревянную куколку XVI века, вероятно, смастерил старый дедушка к пятилетию внучки.

А потом, София, ей исполнилось десять лет. Потом она выросла и вышла замуж. Может быть, у нее тоже родилась дочка, которая и унаследовала куклу. А потом первая девочка состарилась, и однажды ее не стало. Предположим, она прожила долгую жизнь и тем не менее в конце концов ушла… ушла насовсем. По сути дела, она недолго гостила в этом мире. Зато ее кукла… вон она, стоит на полке.

— Когда ты так говоришь, все предстает в печальном и торжественном свете.

— Жизнь и в самом деле печальна и торжественна. Нас впускают в этот замечательный мир, мы встречаем друг друга, знакомимся… и некоторое время идем по жизни вместе. Затем мы расстаемся и исчезаем — столь же неожиданно и необъяснимо, как появились.

— Можно кое-что спросить?

— Мы больше не играем в прятки.

— Почему ты переехал в Майорстуа?

— Чтобы нам было ближе переписываться. Я знал, что старая хижина пустует.

— И ты просто перебрался в нее?

— Да, я просто перебрался в нее.

— Тогда, может, ты заодно объяснишь, откуда это стало известно Хильдиному отцу?

— Если я не ошибаюсь, ему известно почти все на свете.

— И все же я не понимаю, что может заставить почтальона доставлять корреспонденцию в чащу леса.

Альберто хитро улыбнулся.

— Даже это не составляет для Хильдиного отца никакого труда. Дешевый фокус-покус, ловкость рук, и ничего более. Судя по всему, мы живем под самым строгим присмотром на свете.

София почувствовала, что начинает сердиться.

— Да я ему глаза выцарапаю, если когда-нибудь встречу!

Альберто прошел к дивану и сел. София, последовав за ним, расположилась напротив, в глубоком кресле.

— Только философия способна приблизить нас к отцу Хильды, — сказал Альберто. — Сегодня я расскажу тебе об эпохе Возрождения.

— Давай.

— Всего через несколько лет после Фомы Аквинского единая христианская культура стала распадаться на части. Философия и

естественные науки все больше и больше отрывались от религии, что одновременно способствовало более свободным отношениям между верой и разумом. Все больше людей подчеркивало тезис о том, что мы не в состоянии приблизиться к Богу через понимание, поскольку Он остается недоступен мысли. Самое главное для человека — не разгадка религиозной тайны, а подчинение Божьей воле.

— Ясно.

— Более свободная взаимосвязь науки и веры привела, с одной стороны, к созданию новых научных методов, а с другой — к усилению религиозности. Так были заложены основы двух важнейших переворотов XV-XVI веков, а именно *Ренессанса* и *Реформации*.

— Если можно, разбери их по отдельности.

— Под Ренессансом имеется в виду произошедший в конце XIV века широкий расцвет культуры, который начался в Северной Италии и на протяжении XV-XVI веков распространился оттуда на север.

— Ты, кажется, говорил, что «Ренессанс» значит «Возрождение»?

— Совершенно верно, и возрождению подлежали искусство и культура античности. Принято также говорить о гуманизме Возрождения, поскольку после длительного периода средневековья, которое видело взаимосвязь всего сущего исключительно в свете Бога, взоры снова обратились к человеку. Был выдвинут лозунг «возвращения к истокам», то есть прежде всего к античному гуманизму. Люди едва ли не состязались друг с другом в разыскивании древних скульптур и рукописей периода античности. Вошло в моду изучение греческого языка, что открыло путь к очередному открытию греческой культуры. Знакомство с греческим гуманизмом имело в виду прежде всего педагогические цели: изучение гуманитарных дисциплин давало «классическое образование» и развивало так называемую «человечность». «Родятся лошади, — говорили в то время, — человек же не родится, а воспитывается».

— Иными словами, чтобы превратить нас в людей, нужно тянуть всех наверх?

— Да, смысл был такой. Но прежде чем рассматривать гуманистические идеи Возрождения, следует коснуться его культурно-политических основ.

Альберто встал с дивана и принялся расхаживать по комнате. Вскоре он остановился и ткнул пальцем в лежавший на одной из полок

прибор.

— Что это такое? — спросил он.

— Похоже на старинный компас.

— Верно. А это?

Теперь он указал на висевшее над диваном старинное ружье.

— Ружье старинной работы.

— Правильно. А это?

Альберто снял с полки фолиант.

— Старинная книга.

— Точнее сказать, инкунабула.

— Инкунабула?

— На самом деле это слово означает «раннее детство», и им называют книги, изданные на заре книгопечатания, то есть до XVI века.

— Неужели она действительно такая старая?

— Да, такая старая. И эти три изобретения — компас, порох и книгопечатание — стали важными предпосылками новой эпохи, получившей название Ренессанс.

— Объясни подробнее.

— Компас облегчил мореплавание, а потому способствовал великим географическим открытиям. Им же способствовал порох: новое оружие дало европейцам преимущество перед американской и азиатской культурами. Впрочем, порох приобрел большое значение и в Европе. Искусство книгопечатания помогло распространению среди ренессансных гуманистов нового мировоззрения. В частности, благодаря ему церковь утратила былую монополию на распространение знаний. Затем стали один за другим появляться все новые приборы и прочие вспомогательные средства. Важную роль, например, сыграл телескоп, который открыл невиданные прежде возможности для астрономии.

— И в конце концов дело дошло до ракет и космических аппаратов для посадки на Луне?

— Ты несколько опережаешь события. Впрочем, в эпоху Возрождения начался процесс, в конечном счете приведший человека на Луну… или, если уж на то пошло, к Хиросиме и Чернобылю. Всё началось с перемен в области культуры и экономики. Серьезной предпосылкой для них стал переход от натурального хозяйства к

товарно-денежным отношениям. В конце средневековья возникли города с развитым ремесленничеством и торговлей новыми товарами, с товарно-денежным обменом и банковской системой. На передний план выдвинулось бюргерство, которое добилось для себя определенной независимости от капризов природы. Предметы первой необходимости стало возможно покупать за деньги. Такой поворот событий благоприятствовал развитию индивидуума, его усердия, воображения и творческих способностей. В результате к личности стали предъявляться совсем иные требования.

— Это отчасти напоминает возникновение греческих городов двумя тысячами лет ранее.

— Пожалуй. Я рассказывал тебе, как греческий философ отрывался от мифологической картины мира, свойственной крестьянской культуре. Так же и бюргеры эпохи Возрождения начали освобождаться из-под власти феодалов и церкви. Одновременно происходило открытие заново греческой культуры, которое объяснялось усилением контактов с арабами в Испании и с византийской культурой на востоке.

— Три потока античности слились в одну реку.

— Ты очень внимательная ученица. Но довольно об основах Ренессанса. Перейдем к новому мировоззрению.

— Рассказывай. Только имей в виду, мне нужно попасть домой до ужина.

Альберто лишь теперь вернулся на диван и, глядя в глаза Софии, продолжил:

— Одним из первых достижений Ренессанса стал *новый взгляд на человека*. Гуманисты этой эпохи поверили в человека и его ценность, что противоречило присущему средневековью акценту на греховности человеческой натуры. Человека стали воспринимать как существо, бесподобное по своему величию. Среди наиболее значительных деятелей Возрождения был *Марсилио Фигино*, который воскликнул: «Познай самого себя, о божественный род в человечьем обличье!» Другой гуманист, *Пико делла Мирандола*, сочинил «Речь о достоинстве человека», что в средние века было бы немыслимо. Я уже упоминал, что на протяжении средневековья основу всего сущего искали в Боге, тогда как гуманисты Ренессанса стали исходить из человека.

— То же самое делали и греческие философы.

— Вот почему мы говорим о «возрождении» античного гуманизма. Но ренессансный гуманизм был в большей степени по сравнению с античностью проникнут *индивидуализмом.* Мы не просто люди, мы уникальные личности. Такая мысль может привести к едва ли не безграничному поклонению гениям. Идеалом стал «человек ренессанса», под которым понимается индивидуум, участвующий во всех сферах жизни, искусства и науки. Новый взгляд на человека проявился также в интересе к анатомии. Опять, как и в древности, начали вскрывать мертвецов, чтобы выяснить устройство человеческого тела. Это было необходимо и для медицины, и для искусства. Человека вновь — после тысячи лет стеснительности — стали изображать нагим. Человек вновь осмелился быть самим собой. Ему больше нечего было стыдиться.

— Это похоже на опьянение, — сказала София, наклоняясь над журнальным столиком, стоявшим между ней и учителем.

— Несомненно. Новый взгляд на человека привел к совершенно *новому жизненному настрою.* Оказывается, человек существовал не только ради Бога. Господь сотворил человека ради него самого, поэтому он мог радоваться повседневной жизни. А получив свободу для развития, человек приобретал безграничные возможности, и целью его становилось преодоление всех и всяческих пределов и границ. Эта мысль также была новой по сравнению с античным гуманизмом, ведь гуманисты древности призывали к сохранению спокойствия, к умеренности и сдержанности.

— А гуманисты Возрождения утратили сдержанность?

— Как бы то ни было, умеренностью они не отличались. Они скорее жили с ощущением недавнего пробуждения — не только самих себя, но и всего мира. Вот почему появилось четкое осознание своего времени. Именно в этот период вводят понятие «средневековье» для обозначения столетий, отделявших античность от их собственной эпохи. Во всех областях происходит небывалый расцвет — в изобразительном искусстве и архитектуре, в литературе и музыке, в философии и естественных науках. Приведу лишь один конкретный пример. Мы с тобой говорили о древнем Риме, который получил почетные наименования «вечного города» и «пупа земли». На протяжении средних веков он пришел в упадок, и в 1417 году

население города, некогда имевшего миллион жителей, сократилось до семнадцати тысяч.

— Это немногим больше, чем в Лиллесанне.

— Гуманисты Ренессанса поставили себе культурнополитической целью возродить Рим. Прежде всего они приступили к возведению над могилой апостола Петра собора Святого Петра. А в отношении этого собора ни в коем случае не приходится говорить ни об умеренности, ни о сдержанности. В строительстве величайшего в мире храма принимали участие многие знаменитости Возрождения. Начатые в 1506 году работы продолжались целых сто двадцать лет, причем понадобилось еще пятьдесят лет, чтобы закончить и грандиозную площадь Святого Петра.

— Вероятно, собор получился огромный.

— Более двухсот метров в длину, сто тридцать метров в высоту и площадью свыше шестнадцати тысяч квадратных метров. Но довольно о дерзости людей Возрождения. Большое значение имел также *новый взгляд на природу.* То, что человек почувствовал себя хозяином в окружающей действительности (то есть перестал считать жизнь на Земле лишь подготовкой к существованию на небесах), выработало у него новое отношение к физическому миру. Природа стала восприниматься в положительном ключе. Многие даже видели присутствие Бога в его творениях. Поскольку он беспределен, он должен быть везде. Подобное восприятие действительности носит название *пантеизма.* Средневековые философы предпочитали говорить о непреодолимой пропасти, которая отделяет Господа от плодов его рук. Теперь зазвучали речи о божественности природы, о том, что она — «порождение и продолжение Господа». Такие идеи не всегда достаточно терпимо воспринимались церковью. Особенно драматичной оказалась судьба *Джордано Бруно.* Он не только утверждал, что Бог присутствует во всем сущем, но и настаивал на бесконечности Вселенной, за что и был строго наказан.

— Как?

— В 1600 году его сожгли в Риме на Кампо-деи-Фиори, площади Цветов…

— Очень подло… и глупо. И это ты называешь гуманизмом?

— Нет, не это. Гуманистом был Бруно, а не его палачи. В эпоху Возрождения набрало силу и то, что принято называть

«антигуманизмом», иначе говоря, авторитарная власть государства и церкви. Ренессанс был свидетелем многочисленных процессов над ведьмами и сжигания еретиков, расцвета магии и суеверий, кровопролитных религиозных войн и не в последнюю очередь жестокого покорения Америки. Впрочем, гуманизм всегда существовал на темном фоне. Ни одна эпоха не была сплошь хорошей или сплошь плохой. Добро и зло — две нити, протянувшиеся через всю историю человечества… и нередко переплетающиеся между собой. Такая двоякость характерна, в частности, и для того явления, на котором я собираюсь остановиться далее, — выработанного эпохой Возрождения *нового научного подхода.*

— Тогда начали строить первые заводы?

— Не сразу. Но предпосылкой для бурного развития техники в период Ренессанса стал новый научный подход, или иное понимание того, что такое наука. Технические плоды новой методики появились несколько позднее.

— На чем основывалась новая методика?

— Прежде всего на изучении природы с помощью собственных органов чувств. Уже в XIV веке высказывалось все больше предостережений от слепой веры в авторитет старых знаний, к которым относились как церковные догматы, так и Аристотелева натурфилософия. Предостерегали также от веры в возможность решить какую-либо проблему чисто умозрительным способом. Преувеличенная вера в значение разума доминировала все средневековье. Теперь же было заявлено, что изучение природы должно опираться на наблюдения, опыт и эксперименты. Такой подход называется *эмпирическим.*

— И это значит?…

— Это значит всего-навсего, что человек добывает сведения о вещах через собственный опыт, а не доходя до них умом или черпая знание из пропыленных пергаментов. К эмпиризму прибегали еще в древности, в частности, Аристотель сделал много важных наблюдений над бытием. Новым было проведение систематических *экспериментов.*

— Но ведь тогда не было приборов и другой технической аппаратуры, как сегодня…

— Разумеется, тогда не было ни счетных машин, ни электронных весов. Однако была математика, и были обычные весы. Помимо всего прочего, стали подчеркивать важность точного математического языка для выражения научных наблюдений. *Галилео Галилей,* один из виднейших ученых XVII века, призывал измерять то, что поддается измерению, и делать доступным измерению всё ему не поддающееся. Он также утверждал, что «книга природы написана математическим языком».

— И все эти эксперименты и измерения прокладывали дорогу открытиям?

— Первым этапом был новый научный подход. Он способствовал технической революции, а уж она привела к многочисленным открытиям. Можно сказать, что люди начали высвобождаться из пут природы. Человек более не ощущал себя частью природы, она стала чем-то отдельным, подлежащим использованию. «Знание — сила», — сказал английский философ *Фрэнсис Бэкон,* подчеркивая практическую ценность знания, а это было нечто новое. Люди начали всерьез вмешиваться в природу и подчинять ее себе.

— И это шло не только на пользу?

— Да. Тут самое время вспомнить о двух нитях, нити добра и нити зла, которые вплетаются во все человеческие деяния. Начавшийся в эпоху Возрождения технический прорыв принес с собой ткацкие станки и безработицу, лекарства и новые болезни, повышение эффективности сельского хозяйства и обеднение природы, такие практичные бытовые приборы, как стиральная машина и холодильник, но одновременно — загрязнение воздуха и окружающей среды. Угрожающее состояние природы, наблюдаемое в наши дни, привело многих к мысли о том, что сама техническая революция является опасным отступлением от естества природы. Мы, люди, говорят некоторые, запустили процесс, который не в состоянии контролировать. Оптимисты утверждают, что мы все еще живем на заре техники, в ее детстве: техническая цивилизация, мол, переболела некоторыми детскими болезнями, но со временем человек научится властвовать над природой, не создавая угрозы ее существованию.

— А ты как думаешь?

— Возможно, есть доля правды в обеих точках зрения. В некоторых сферах человеку нужно прекратить вмешательство в

природу, в других оно может быть вполне успешным. Во всяком случае, ясно одно: пути назад, в средневековье, у нас нет. Начиная с Ренессанса человек перестал быть лишь частью творения, а принялся сам вмешиваться в природу и видоизменять ее по своему образу и подобию. Это свидетельствует о том, какое удивительное создание представляет собой человек.

— Мы уже побывали на Луне. Небось, в средневековье никто бы не поверил, что такое возможно, а?

— Конечно, не поверил бы. Теперь будет кстати перейти к *новой картине мира*. Все средневековье люди ходили под небом и смотрели на Луну и Солнце, на звезды и планеты, но никто не сомневался, что Земля — центр Вселенной. Никакие наблюдения не посеяли сомнений в том, что Земля стоит на месте, тогда как «небесные тела» ходят вокруг нее. Такую картину мира мы называем *геоцентрической*. Ее созданию способствовало и христианское представление о том, что всеми небесными телами распоряжается Бог.

— Если бы дело было так просто…

— Но в 1543 году вышла небольшая книжка под названием «О вращениях небесных сфер». Ее автор, польский астроном *Николай Коперник*, умер в день выхода книги. Коперник утверждал, что не Солнце вращается вокруг Земли, а, наоборот, Земля вокруг Солнца — во всяком случае, такое не противоречит наблюдениям над небесными телами. Мнение о том, что Солнце вращается вокруг Земли, объясняется вращением Земли вокруг собственной оси, считал он. Согласно Копернику, результаты всех наблюдений над небесными телами куда легче понять, если предположить, что и Земля, и другие планеты ходят по круговым орбитам вокруг Солнца. Такая картина мира называется *гелиоцентрической*.

— И она оказалась верной?

— Не совсем. Разумеется, основное положение Коперника — о вращении Земли вокруг Солнца — соответствует действительности. Но он также утверждал, что Солнце является центром Вселенной. Сегодня мы знаем, что Солнце лишь одна из бесчисленных звезд и что все окружающие нас звезды составляют лишь одну из миллиардов галактик. Кроме того, Коперник считал орбиты Земли и других планет круговыми.

— А это не так?

— Нет. У него не было других доказательств кругового движения, кроме древнего представления о том, что небесные тела абсолютно круглые и ходят по круговым орбитам просто-напросто потому, что они «небесные». Еще со времен Платона шар и круг считались самыми совершенными геометрическими фигурами. Но в начале XVII века немецкий астроном *Иоганн Кеплер* предъявил результаты наблюдений, доказывавших, что все планеты движутся по эллипсу, в одном из фокусов которого находится Солнце. Помимо всего прочего, он заметил, что по мере приближения к Солнцу скорость планет возрастает, а по мере удаления от него — снижается. Кеплер первым выразил мысль о том, что Земля представляет собой планету в ряду других планет. Кроме того, он настаивал на применимости физических законов ко всей Вселенной.

— Как он мог быть уверен в этом?

— Он был уверен, поскольку изучал движение планет с помощью собственных чувств, а не полагался на традицию, доставшуюся в наследство от былых времен. Примерно в то же время, что и Коперник, жил знаменитый итальянский ученый Галилео Галилей, который применил к изучению небесных тел зрительную трубу, то есть телескоп. Он исследовал лунные кратеры и доказал, что на Луне, как и на Земле, существуют горы и долины. Галилей обнаружил у планеты Юпитер четыре спутника. Оказалось, что спутники есть не только у Земли. Но самое главное, Галилей впервые в мире сформулировал так называемый *закон инерции.*

— Который гласит?…

— Галилей сформулировал его следующим образом: «Скорость, изначально приобретенная телом, будет сохраняться, пока на него не начнут воздействовать силы, которые могут вызвать ускорение или замедление».

— Я согласна.

— И все же это очень важное наблюдение. Еще с древности одним из самых серьезных аргументов против вращения Земли вокруг своей оси была мысль о том, что в таком случае Земля должна двигаться столь быстро, что брошенный вверх камень будет падать на много метров в стороне от того места, где его подкинули.

— А почему это не так?

— Если ты, сидя в поезде, уронишь яблоко, оно не упадет из-за движения поезда в соседнем купе. Согласно закону инерции, оно упадет прямо вниз. Яблоко сохранит ту же скорость, которую имело перед падением.

— Кажется, я понимаю.

— Во времена Галилея поездов не было. Но если ты будешь катить по полу шар, а потом внезапно отпустишь его…

— …он покатится дальше…

— …потому что будет сохранять скорость и после того, как ты выпустила его из рук.

— Но в конце концов он остановится сам по себе… если раньше не наткнется на стену.

— Да, потому что его будут тормозить другие силы, прежде всего дощатый пол. Впрочем, в любом случае шар рано или поздно замрет на месте под воздействием силы тяжести. Подожди минутку, сейчас я тебе кое-что покажу.

С этими словами Альберто Нокс встал, подошел к старинному секретеру и достал из ящика предмет, который, вернувшись, поставил на столик перед Софией. Это была просто-напросто доска — толщиной в несколько миллиметров с одного конца и сходящая на нет с другого. Рядом с доской, занявшей почти весь небольшой стол, он положил зеленый стеклянный шарик, какими любят играть дети.

— Это наклонная плоскость, — объяснил Альберто. — Как ты думаешь, что произойдет, если я пущу шарик вот отсюда, где доска толще?

София нетерпеливо вздохнула.

— Ставлю десять крон, что он скатится на стол, а потом на пол.

— Посмотрим.

Альберто пустил шарик, и тот сделал в точности, как предсказывала София: скатился на стол, прокатился по нему, со стуком упал на пол и наконец уперся в порог у двери.

— Впечатляет, — заметила София.

— Вот видишь. Такие эксперименты ставил и Галилей.

— Неужели он был такой тупой?

— Спокойно. Он же хотел все изучать на собственном опыте, а мы с тобой только начали рассуждать. Скажи-ка, почему шарик скатился с наклонной плоскости.

— Потому что он тяжелый.

— Хорошо. А что такое тяжесть, дитя мое?

— Теперь уже ты задаешь глупые вопросы.

— Я задаю не глупые вопросы, если ты не можешь на них ответить. Почему шарик скатился на пол?

— Благодаря силе тяжести.

— Совершенно верно… или, как мы ее еще называем, гравитации, всемирному тяготению. Вес тоже связан с гравитацией. Именно она привела шарик в движение.

Альберто подобрал шарик с пола и снова встал, нагнувшись над наклонной плоскостью.

— Теперь я попробую бросить шарик в обратном направлении, — сказал он. — Следи за тем, как он будет вести себя.

Альберто склонился еще ниже и, прицелившись, попытался прокатить шарик вверх по наклонной доске. София заметила, что шарик вскоре отклонился и был снова увлечен вниз.

— Что произошло? — спросил Альберто.

— Он покатился косо, потому что доска косая.

— Сейчас я выкрашу шарик фломастером… чтобы мы могли точнее разобраться в том, что ты называешь «косо».

Альберто достал фломастер, перекрасил шарик в черный цвет и опять запустил его вверх по наклонной плоскости. Теперь София имела возможность лучше разглядеть путь шарика, поскольку он оставил на доске черный след.

— Как бы ты описала движение шарика? — осведомился Альберто.

— Он катился по кривой… его след напоминает часть круга.

— Умница! И все же это не совсем круг, — добавил Альберто, подняв на Софию вопросительный взгляд. — Такая фигура называется параболой.

— Пусть будет парабола.

— Но *почему* шарик движется именно так?

София задумалась. Наконец она сказала:

— Поскольку плоскость наклонная, шарик подтаскивала к земле сила тяжести.

— Ага! Мы стали свидетелями по меньшей мере сенсации. Стоит мне пригласить к себе девочку, как она с первой попытки додумывается до выводов Галилея.

И он захлопал в ладоши. София на мгновение даже испугалась, не сошел ли Альберто с ума. Он продолжал:

— Ты наблюдала одновременное воздействие на предмет *двух сил.* Галилей обнаружил, что по той же траектории движется, например, пушечное ядро. После выстрела оно поднимается в воздух и летит над землей, однако его постепенно тоже притягивает вниз. Фактически оно повторяет путь, описанный шариком на наклонной плоскости. Это во времена Галилея было откровением. Аристотель считал, что наклонно пущенный артиллерийский снаряд сначала описывает плавную дугу, а затем резко падает на землю. Такое представление было неверным, однако никто не знал, что Аристотель ошибся, пока это не было *продемонстрировано на опыте.*

— Согласна. Но неужели это очень важно?

— Еще бы не важно! Это имеет вселенское значение, дитя мое, поскольку входит в число величайших научных открытий в истории человечества.

— В таком случае хорошо бы ты объяснил почему.

— Следом за Галилеем пришел английский физик *Исаак Ньютон,* живший с 1642-го по 1727 год [34]. Именно он дал окончательное представление о Солнечной системе и движении планет. Он не только описал вращение планет вокруг Солнца, но сумел досконально объяснить, *как* они движутся, — в частности, прибегнув к так называемой Галилеевой динамике.

— Значит, планеты — шарики на наклонной плоскости;

— Нечто в этом роде. Не торопись, София, подожди.

— У меня нет выбора.

— Уже Кеплер предположил существование силы, которая притягивает все небесные тела друг к другу. Например, планеты удерживаются на орбитах благодаря силе Солнца. Из-за нее же по мере удаления от Солнца движение планет замедляется. Кеплер также утверждал, что приливы и отливы (то есть подъем и спад воды в морях и океанах) происходят под воздействием силы Луны.

— Так оно и есть.

— Да, но Галилей это отрицал. Он поднял на смех Кеплера, который поддерживал идею о том, «что Луна имеет особую власть над водой». А все потому, что Галилей отвергал мысль о распространении

сил притяжения на большие расстояния и об их действии *между* различными небесными телами.

— Тут он был не прав.

— Да, в этом отношении он ошибся, что едва ли не смешно, поскольку он много занимался именно силой земного притяжения и падением предметов на Землю. Помимо всего прочего, он показал, как воздействуют на предмет разные силы.

— Но ты начал про Ньютона…

— И вот появился Ньютон и сформулировал *закон всемирного тяготения*. Этот закон гласит, что каждый предмет притягивает любой другой предмет с силой, которая растет с размером предмета и уменьшается с увеличением расстояния между предметами.

— Понимаю. Например, два слона притягиваются друг к другу сильнее, чем две мыши. И два слона, живущие в одном зоопарке, притягиваются сильнее, чем индийский слон, который живет в Индии, и африканский слон, который живет в Африке.

— Ты действительно все поняла. А теперь переходим к самому главному. Ньютон подчеркивал, что такое тяготение (или гравитация) универсально, иными словами, оно существует везде, в том числе и в космическом пространстве, между небесными телами. Рассказывают, что эта идея пришла ему в голову, когда он сидел под яблоней. Увидев падающее с дерева яблоко, он спросил себя, не та ли самая сила притягивает Луну к Земле и не потому ли Луна продолжает из века в век вертеться вокруг Земли.

— Умно, хотя и не совсем.

— Почему, София?

— Если Луна притягивается к Земле той же силой, которая заставляет падать яблоко, значит, в конце концов Луна перестанет играть с нами в кошки-мышки, а возьмет и свалится на Землю…

— Мы подходим к Ньютоновым законам движения планет. Что касается силы тяготения, которой Земля давит на Луну, тут ты наполовину права, а наполовину ошибаешься. Почему Луна не падает на Землю, хотя Земля с неимоверной силой притягивает Луну? Представь себе, София, какая сила нужна, чтобы во время прилива на несколько метров поднимать уровень воды в морях.

— Не понимаю, к чему ты клонишь.

— Вспомни про Галилееву наклонную плоскость. Что случилось, когда я попытался прокатить шарик вверх по ней?

— Ты хочешь сказать, что на Луну действуют две разные силы?

— Именно так. В свое время, при возникновении Солнечной системы, Луна была с огромной силой отброшена в сторону, то есть прочь от Земли. И она сохранит эту силу навсегда, потому что движется в безвоздушном пространстве, не встречая сопротивления…

— Но одновременно она притягивается к Земле силой тяготения?

— Совершенно верно. Эти две силы постоянны и действуют одновременно, вот почему Луна продолжает вращаться вокруг Земли.

— Неужели это в самом деле так просто?

— Да, так просто, и Ньютон делал упор именно на эту «простоту». Он доказывал, что существует лишь несколько физических законов, которые применимы ко всей Вселенной. Для объяснения планетарных орбит он ссылался всего на два закона природы, открытые еще Галилеем. Один из них, *закон инерции,* сам Ньютон формулировал следующим образом: «Каждое тело пребывает в своем состоянии покоя или равномерного прямолинейного движения, если действующие на него силы не принуждают его изменить это состояние». Второй закон Галилей иллюстрировал движением шарика на наклонной плоскости: когда на тело действуют одновременно две силы, оно будет двигаться по эллипсоиду.

— Что и позволило Ньютону объяснить вращение всех планет вокруг Солнца.

— Точно. Планеты вращаются вокруг Солнца по эллипсоидным орбитам в результате двух движений: во-первых, прямолинейного движения, которое было придано им при образовании Солнечной системы, а во-вторых, движения к Солнцу под действием силы тяжести, или тяготения.

— Хитро.

— Можно сказать и так. Доказав применимость законов о движении предметов ко всей Вселенной, Ньютон отмел средневековые представления о существовании разных законов для Земли и для неба. Гелиоцентрическая картина мира получила свое окончательное подтверждение и объяснение.

Альберто встал и отнес наклонную плоскость в ящик, из которого взял ее. Он также поднял с пола шарик, но его он положил на стол

между собой и Софией.

Девочка была изумлена тем, как много они извлекли из простой наклонной доски и стеклянного шарика. Глядя на лежащий перед ней зеленый шарик (с которого еще не совсем сошла чернота фломастера), София не могла не подумать о земном шаре. Она сказала:

— И людям пришлось свыкнуться с мыслью, что они живут на одной из бесчисленных планет необъятного космоса?

— Да, новая картина Вселенной во многих отношениях воспринималась с трудом. Положение можно сравнить с тем, которое создалось позднее, когда Дарвин доказал происхождение человека от животных. В обоих случаях человек утрачивал свою особость среди прочих творений, и в обоих случаях церковь всячески противилась новым идеям.

— Очень даже понятно. Ведь где теперь оказывалось место Бога? Пожалуй, было проще, когда в Земле видели центр мироздания, а Бог и все небесные тела располагались этажом выше.

— Но это было еще не самое страшное. Утверждение Ньютона о применимости физических законов ко всей Вселенной грозило поколебать веру во всемогущество Господа. Правда, вера Ньютона осталась непоколебимой. Он считал законы природы свидетельством существования великого и всемогущего Бога. Несколько хуже обстояли дела с восприятием человеком самого себя.

— То есть?

— Начиная с эпохи Возрождения человеку пришлось привыкать к мысли о том, что его жизнь проходит на одной из планет необъятной Вселенной. Не знаю, успел ли он свыкнуться с этой мыслью к сегодняшнему дню, но уже кое-кто из современников Ренессанса намекнул, что индивидууму следует занять более значительное место, чем прежде.

— Не понимаю.

— Раньше центром мироздания была Земля. Однако, когда астрономы заявили, что абсолютного центра во Вселенной не существует, в мире оказалось столько же центров, сколько на свете людей.

— Ясно.

— Эпоха Возрождения принесла с собой и *новые отношения с Богом*. По мере того как философия и естествознание отрывались от богословия, развивался новый вид христианской религии. Затем наступил Ренессанс с его индивидуалистским взглядом на человека, который сказался и на вере. Частные отношения личности с Богом стали важнее ее отношений с церковью как институтом.

— Ты имеешь в виду, например, вечернюю молитву?

— Хотя бы. В средневековом католичестве основу богослужения составляли церковная латинская литургия и ритуальные церковные моления. Библию читали только священники и монахи, поскольку существовал лишь ее латинский текст. В эпоху Возрождения Библию начали переводить с еврейского и греческого на народные языки. Это сыграло важную роль для *Реформации*.

— Мартин Лютер…

— Да, *Мартин Лютер* был крупной фигурой, но не единственным реформатором. Часть церковных реформаторов предпочла остаться в лоне римско-католической церкви. В их числе был *Эразм Роттердамский*.

— Лютер порвал с католической церковью, потому что не хотел платить за отпущение грехов?

— Отчасти, но речь шла о более важных материях. По словам Лютера, никто не обязан был испрашивать прощения у Господа через посредство церкви и священнослужителей. Тем более не зависело отпущение грехов от покупаемых у церкви индульгенций. С середины XVI века торговля так называемыми индульгенциями была запрещена и в католической церкви.

— Думаю, Богу это понравилось.

— Лютер отмежевался от многих религиозных обычаев и догматов, вошедших в историю церкви на протяжении средневековья. Он стремился обратно, к первоначальному христианству, которое мы находим в Новом Завете. «Только Священное Писание», — говорил

Лютер, устремляясь назад, к «источникам» христианства, как ренессансные гуманисты устремлялись к античным источникам культуры и искусства. Он перевел Библию на немецкий и таким образом заложил основы литературного языка. Каждый должен был получить возможность читать Писание и стать чем-то вроде священника для самого себя.

— Священником для самого себя? Не слишком ли это дерзко?

— Лютер утверждал только, что священники не состоят в особых отношениях с Богом. Из практических соображений в лютеранских общинах тоже были священники, которые проводили богослужения и улаживали повседневные дела церкви. Но, согласно Лютеру, человек получал от Господа прощение и освобождение от грехов не с помощью церковных ритуалов, а, что называется, «задаром», благодаря одной лишь своей вере. До этих мыслей Лютер дошел через чтение Библии.

— Значит, Лютер тоже был типичным человеком Возрождения?

— И да и нет. От Возрождения у него был упор на индивидууме и личных отношениях с Богом. Кроме того, в тридцатипятилетнем возрасте Лютер выучил греческий и принялся за трудоемкий перевод Библии на немецкий.

Переход от латыни к народному языку также был типичен для Ренессанса. Но Лютер не был гуманистом как Фичино или *Леонардо да Винчи*. Гуманисты возражали ему: например, Эразм Роттердамский считал, что Лютер придерживается слишком отрицательного мнения о человеке. Лютер, в частности, утверждал, что после грехопадения человек совершенно испортился и только Божья милость способна «простить» его, ибо за грехи положена смерть.

— Грустная история.

Альберто Нокс снова поднялся и, взяв со стола черно-зеленый шарик, положил его в нагрудный карман.

— Уже пятый час! — воскликнула София.

— А следующей крупной эпохой в истории человечества стал период барокко. Но его мы оставим до другого раза, дорогая Хильда.

София подскочила с кресла.

— Что ты сказал?… Ты сказал: «Дорогая *Хильда»!*

— Ой, какая неприятная оговорка.

— Но оговорки никогда не бывают чисто случайными.

— Возможно, ты права. Хильдин отец явно начинает вкладывать нам в уста свои слова. По-моему, он пользуется нашей усталостью. В таких случаях труднее противиться ему.

— Ты утверждал, что ты не отец Хильды. Можешь поклясться?

Альберто кивнул.

— Значит, я — Хильда?

— Пойми же, София, я устал. Мы с тобой просидели больше двух часов, и все это время я говорил не закрывая рта. Тебе не пора ужинать?

Софии показалось, что он чуть ли не хочет выставить ее. Направляясь в прихожую, она напряженно думал о том, почему Альберто оговорился. Тот шел следом.

Под небольшой вешалкой, где висело множество непохожих на театральные, костюмов, спал Гермес. Кивнув в его сторону, Альберто сказал:

— В следующий раз он снова придет за тобой.

— Спасибо за сегодняшний урок, — отозвалась София и, подскочив к Альберто, обняла его. — Ты самый умный и самый замечательный из всех моих учителей.

Затем она открыла дверь на лестничную площадку.

Прежде чем дверь захлопнулась, Альберто произнес:

— До скорой встречи, Хильда.

И София осталась на лестнице одна.

Этот негодник снова оговорился! Софию потянуло тут же забарабанить в дверь, но что-то удержало ее.

На улице она сообразила, что у нее нет с собой денег. Придется опять идти пешком. Черт возьми! Мама наверняка испугается и будет сердиться, если София не вернется к шести.

Буквально через несколько метров она увидела на тротуаре десятикроновую монету. Автобусный билет с правом пересадки стоил ровно десять крон.

София нашла автобусную остановку и дождалась автобуса до Стурторгет. Там она пересела на другой автобус, который довез ее почти до самого дома.

Только стоя на Стурторгет в ожидании второго автобуса, София подумала, как ей повезло: найти десять крон именно тогда, когда они ей очень понадобились…

Уж не Хильдин ли отец подбросил их? Он обладает потрясающей способностью подкидывать разные предметы в подходящие места.

Но как он мог это сделать из Ливана?

И почему Альберто оговорился? Причем не один раз, а два...

По спине Софии пробежал холодок.

БАРОККО

…мы созданы из вещества того же…

Альберто дал о себе знать только спустя несколько дней, но София по многу раз в день выглядывала в сад, ища Гермеса. Маме она сказала, что пес сам нашел дорогу домой, а ее пригласил в гости хозяин собаки, старый учитель физики. Он рассказал Софии о Солнечной системе и новых научных методах, возникших в XVI веке.

Йорунн она рассказала куда больше: и о посещении Альберто, и об открытке, найденной в подъезде, и о десяти кронах, которые она нашла по дороге домой. Правда, о сне про Хильду и золотом крестике она умолчала.

Во вторник, 29 мая, София вытирала на кухне посуду, а мама тем временем пошла в гостиную смотреть по телевизору «Ежедневные новости». Когда отзвучала музыка заставки, до Софии донеслось сообщение о гибели от гранаты норвежского майора миротворческих сил ООН.

Бросив посудное полотенце возле раковины, София ринулась в гостиную. На экране мелькнул портрет ооновского офицера — и комментатор перешел к новой теме.

— Только не это! — невольно воскликнула она.

— Да, война — штука жестокая, — проговорила мама, оборачиваясь к Софии.

От этих слов девочка разрыдалась.

— Ну что ты, София? Все не так страшно.

— Они назвали фамилию?

— Да… только я не запомнила. Кажется, офицер был из Гримстада.

— А Гримстад — это то же, что Лиллесанн?

— Нет, какой вздор!

— Но из Гримстада человек вполне может ходить в лиллесаннскую школу.

София уже перестала плакать. Теперь очередь реагировать была за мамой. Она встала со стула и выключила телевизор.

— Что ты себе позволяешь, София?

— Ничего…

— Тоже мне «ничего»! У тебя завелся возлюбленный, причем, как я подозреваю, намного старше по возрасту. Сию же минуту отвечай: твой знакомый служит в Ливане?

— Не совсем…

— Ты познакомилась с *сыном* такого человека?

— Да нет же. Я даже с его дочерью ни разу не встречалась.

— С чьей «его»?

— Это тебя не касается.

— Не касается?

— По-моему, пора и мне кое о чем спросить тебя. Почему папа никогда не бывает дома? Не потому ли, что вы боитесь затевать развод? А может, у тебя завелся другой мужчина, о котором мы с папой не знаем? В общем, вопросов вагон и маленькая тележка.

— Во всяком случае, мне кажется, нам с тобой нужно серьезно поговорить.

— Очень возможно. Но сейчас я устала и пойду лягу. У меня еще сегодня начались эти дела…

Давясь слезами, София выскочила из гостиной и кинулась наверх, к себе.

Только она успела забежать в ванную и улечься в постель, как в комнату поднялась мама.

София притворилась спящей, хотя понимала, что мама не поверит. Как не поверит в то, что сама София поверит в мамину веру в ее сон. Мама, однако, сделала вид, будто поверила. Она села на кровать и принялась гладить дочку по голове.

А София думала о том, как сложно вести одновременно две жизни. Она начала с нетерпением ждать окончания философского курса. Может быть, он закончится к ее дню рождения… или хотя бы к Иванову дню, когда вернется из Ливана Хильдин отец…

— Я хочу пригласить на день рождения гостей, — вдруг сказала она.

— Замечательно. Кого же ты хочешь пригласить?

— Многих… Можно?

— Конечно. У нас в саду места хватит на всех… Вот бы еще погода продержалась хорошая…
— Только мне хочется отпраздновать его под Иванов день.
— Ну что ж, так и сделаем.
— Это очень важный день, — сказала София, имея в виду не только день рождения.
— Еще бы…
— По-моему, я за последнее время очень повзрослела.
— Вот и прекрасно, разве нет?
— Не знаю.
София разговаривала, уткнувшись носом в подушку.
— Но, София, — обратилась к ней мама, — расскажи мне, почему ты бываешь такая… неуравновешенная.
— А ты была уравновешенная в пятнадцать лет?
— Конечно, нет. Но ты понимаешь, о чем я…
— Собаку зовут Гермес, — сказала София, переворачиваясь лицом к маме.
— Да?
— А ее хозяина — Альберто.
— Ах вот как.
— Он живет в старом городе.
— Неужели ты ходила так далеко?
— Ничего страшного.
— Ты сказала, что эта собака уже много раз была у нас в саду.
— Разве?
Теперь нужно было соблюдать осторожность. Софии хотелось рассказать маме побольше, но она не могла рассказать все.
— Тебя почти никогда нет дома, — издалека начала она.
— Да, я очень занята.
— Альберто с Гермесом действительно не раз приходили сюда.
— Зачем? Они бывали и в доме?
— Пожалуйста, задавай вопросы по одному. Нет, в доме они не были. Но они часто ходят гулять в лес. Что тут странного или загадочного?
— Абсолютно ничего.
— Как и все, они идут мимо наших ворот. Однажды по дороге из школы я бросила несколько слов Гермесу. Так мы познакомились с

Альберто.

— А откуда взялся белый кролик и все прочее?

— О кролике упоминал Альберто. Вообще-то он настоящий философ. Он рассказывал мне о других философах.

— Через забор?

— Нет, мы садились в саду. А еще он присылал мне письма, довольно много писем. Иногда их доставляли по почте, или он сам опускал их в наш ящик, когда шел гулять.

— Вот, значит, о каком «любовном послании» мы с тобой однажды говорили?

— Но оно было вовсе не любовное.

— Он писал тебе только о философах?

— Представь себе — да. И я узнала от него больше, чем за все восемь лет учебы в школе. Ты, например, слышала про Джордано Бруно, которого в 1600 году сожгли на костре? Или про Ньютонов закон всемирного тяготения?

— Нет, я ведь не очень образованная…

— Если я правильно понимаю, ты даже не знаешь, почему Земля вращается вокруг Солнца… хотя сама живешь на нашей планете.

— Сколько ему примерно лет?

— Понятия не имею. Явно за пятьдесят.

— А какое отношение он имеет к Ливану?

Это было хуже. В голове у Софии одновременно вертелось не меньше десяти мыслей. Она выбрала единственную пригодную для такого случая:

— У Альберто есть брат, который служит майором в миротворческих силах ООН. Вообще он из Лиллесанна, а раньше жил в Майорстуа.

— Тебе не кажется, что Альберто — какое-то странное имя?

— Возможно.

— Похоже на итальянское.

— Я знаю. Едва ли не все важные вещи происходят из Италии… или из Греции.

— Но он говорит по-норвежски?

— Еще как.

— Знаешь, что я думаю, София? Тебе нужно когда-нибудь позвать этого Альберто в гости. Мне еще не приходилось встречаться с

настоящим философом.

— Посмотрим.

— Можно было бы пригласить его на твой грандиозный прием. Будет даже забавно смешать поколения. Глядишь, и меня на него допустят. Во всяком случае, я могла бы подавать еду. Хорошо придумано?

— Если Альберто захочет. Как бы то ни было, разговаривать с ним куда интереснее, чем с моими одноклассницами. Но…

— Что?

— Тогда они наверняка примут его за твоего нового возлюбленного.

— Тебе достаточно будет объяснить, что это не так.

— Ладно, посмотрим.

— Посмотрим так посмотрим. И еще, София… у нас с папой действительно не всегда были хорошие отношения. Но никого другого у меня нет и не было…

— А теперь я хочу спать. У меня ужасно болит живот.

— Дать парацетамол?

— Да, пожалуйста.

Когда мама вернулась с таблеткой и стаканом воды, София уже спала.

Тридцать первое мая пришлось на четверг. София еле высидела последние занятия в школе. С тех пор как у нее начался курс философии, девочка стала лучше успевать по некоторым предметам. Если раньше она в основном балансировала между «хорошо» и «отлично», то в мае получила твердую пятерку за домашнее сочинение и за контрольную по обществоведению. С математикой дела обстояли хуже.

На последнем уроке они писали классное сочинение. София выбрала тему «Человек и технический прогресс». Она бойко строчила об эпохе Возрождения и развитии науки, о новом взгляде на природу, о Фрэнсисе Бэконе, который сказал, что знание — это сила, и о новом научном подходе. Она также не забыла уточнить, что технические открытия во многом объяснялись эмпирическим методом. Затем она сама придумала, что можно сказать об отрицательных сторонах технического прогресса.

Впрочем, все человеческие деяния могут быть обращены как во благо, так и во зло, заключила она. Добро и зло — словно две нити, белая и черная, которые постоянно переплетаются друг с другом. Иногда они сплетаются настолько тесно, что становятся неразличимыми.

Раздавая тетради с сочинениями, учитель бросил на Софию хитроватый взгляд и кивнул.

Он поставил ей пять с плюсом и сделал приписку: «Откуда ты все это взяла?»

София достала фломастер и крупными буквами вывела в тетради: «Я изучаю философию».

Она уже собиралась закрыть тетрадь, как вдруг из середины ее что-то выпало. Это была открытка из Ливана.

Склонившись над партой, София прочитала:

Дорогая Хильда! К тому времени, когда ты будешь читать это, мы уже должны обсудить по телефону трагедию, произошедшую здесь с одним из нас. Иногда я спрашиваю себя: нельзя ли было бы избежать насилия и войн, если б люди лучше соображали! Вероятно, самым радикальным средством и против войн, и против насилия был бы небольшой курс философии. Что ты думаешь насчет книжечки типа «Краткий курс философии под эгидой ООН» для раздачи всем гражданам Земли, каждому на его родном языке? Я провентилирую этот вопрос с генеральным секретарем ООН.

По телефону ты сказала, что научилась лучше следить за своими вещами. Это прекрасно, потому что другой такой разгильдяйки, как ты, я не встречал. Ты прибавила, что со времени нашего последнего разговора потеряла всего-навсего десять крон. Постараюсь помочь тебе их найти. Сам я сейчас далеко от дома, но у меня есть помощники в родных краях. (Если я разыщу десять крон, то вложу их в подарок на день рождения.)

С приветом, папа — у которого ощущение, что он уже начал долгий путь к дому.

София как раз успела прочитать открытку, когда зазвенел звонок с последнего урока. В голове у нее опять творился сумбур.

После занятий она, как всегда, встретилась во дворе с Йорунн. По дороге домой София открыла сумку и показала подруге открытку.

— От какого числа штемпель? — спросила Йорунн.

— Наверняка пятнадцатого июня…

— Нет, погоди… тут стоит: тридцатое мая тысяча девятьсот девяностого года.

— Это было вчера… то есть через день после несчастного случая в Ливане.

— Сомневаюсь, чтобы открытка из Ливана могла дойти до Норвегии за один день, — продолжала Йорунн.

— Тем более учитывая своеобразный адрес: «Софии Амуннсен (для Хильды Мёллер-Наг), Фурулийская средняя школа».

— Ты думаешь, она пришла по почте и учитель просто-напросто вложил ее тебе в тетрадь?

— Понятия не имею. И вряд ли решусь спросить.

На этом разговор об открытке закончился.

— Я устраиваю в Иванов день большой прием в саду, — сказала София.

— С мальчиками?

София пожала плечами.

— Не обязательно ведь приглашать самых идиотов.

— Но Йоргена ты пригласишь?

— Если хочешь. Один херувимчик не помешает. Не исключено, что я приглашу и Альберто Нокса.

— Ты совсем ку-ку.

— Сама знаю.

Вот до чего они договорились, когда пришла пора расставаться у продуктового центра.

Дома София первым делом поискала в саду Гермеса. Сегодня он таки бродил между яблонями.

— Гермес!

На секунду пес застыл в неподвижности. Девочка прекрасно знала, что произошло за эту секунду: пес услыхал зов, признал голос Софии и решил убедиться в том, что она действительно находится там, откуда донесся звук. Только после этого Гермес наконец разглядел Софию и помчался к ней. На последнем отрезке его лапы выбивали по земле прямо-таки барабанную дробь.

Событий для одного мига было более чем достаточно. Пес прибежал и, бешено виляя хвостом, принялся наскакивать на девочку.

— Какой Гермес умник! Ну-ну… не надо лизаться… Сидеть! Молодец!

София отперла дверь в дом. Теперь из кустов выскочил и Шер-Хан, он с подозрением отнесся к незнакомому зверю. Но София поставила на крыльцо еду для кота, насыпала зернышек попугаям, выложила лист салата для жившей в ванной черепахи и написала записку маме: дескать, она пошла проводить Гермеса и позвонит, если не успеет вернуться к семи.

И вот они тронулись в путь. София захватила деньги и подумывала даже, не поехать ли с Гермесом на автобусе, однако рассудила, что лучше сначала поинтересоваться мнением Альберто.

Пока они с Гермесом шли (вернее, он бежал впереди нее), София думала о том, что представляют собой животные.

Чем собака отличается от человека? София помнила, что говорил по этому поводу Аристотель. Он доказывал, что и люди, и животные — естественные живые существа, у которых много общего. Однако между человеком и животным есть одно существенное различие, и различие это состоит в человеческом разуме.

Почему Аристотель был уверен в таком различии?

Демокрит утверждал, что люди и животные схожи между собой, потому что и те и другие построены из атомов. Кроме того, он не верил в бессмертную душу ни у людей, ни у животных. Согласно Демокриту, душа тоже составлена из небольших атомов, которые сразу после смерти разлетаются в разные стороны. Иными словами, он настаивал на неразрывной связи человеческой души с мозгом.

Но как может душа состоять из атомов? Душу ведь — в отличие от других частей тела — нельзя потрогать. Она представляет собой нечто «духовное».

Они уже миновали Стурторгет и приблизились к старинным кварталам города. Когда они дошли туда, где София нашла десять крон, она инстинктивно опустила взгляд на тротуар. И там — почти на том же месте, где она несколько дней назад подняла с асфальта монету, — лежала открытка (красочной стороной вверх). На открытке был изображен сад с пальмами и апельсиновыми деревьями.

София наклонилась за открыткой. Гермес зарычал, словно ему не понравилось, что девочка подняла ее.

В открытке говорилось:

Дорогая Хильда! Жизнь состоит из длинной цепи случайностей. Нет ничего невероятного в том, что потерянные тобой десять крон очутились на этом самом месте. Возможно, их нашла на площади в Лиллесанне старушка, которая ждала автобуса в Кристиансанн. Из Кристиансанна она поехала на поезде дальше, навестить внуков, и много часов спустя вполне могла обронить монету здесь, на Нюторгет. Кроме того, вполне возможно, что позднее те же десять крон подняла девочка, которой очень нужна была именно эта сумма, чтобы добраться домой на автобусе. Кто знает, Хильда, но если дело было так, резонно задаться вопросом, не стоит ли за всем этим Божий промысел. С приветом, папа — который мысленно уже сидит на мостках у себя в Лиллесанне.

P. S. Я же говорил, что помогу тебе найти десять крон.

Вместо адреса было написано: «Случайному прохожему для Хильды Мёллер-Наг». Штемпель на открытке стоял от 15 июня.

София чуть ли не бегом взлетела за Гермесом на последний этаж.

— Дорогу, старик, — сказала она Альберто, как только тот отворил дверь. — Не видишь, почтальон пришел.

Софии казалось, у нее есть все основания проявить некоторую строптивость.

Альберто впустил ее в квартиру. Гермес, как и в прошлый раз, улегся под вешалкой.

— Что, майор прислал очередную визитную карточку, дитя мое?

София подняла взгляд и только теперь обнаружила на Альберто новый наряд. Прежде всего ей бросился в глаза длинный завитой парик. Учитель философии надел также широкую, складчатую рубашку со множеством кружев. Шея его была повязана щегольским шелковым шарфом, а поверх костюма накинут красный плащ. На ногах были белые чулки и лакированные башмаки с бантами. Весь наряд напоминал Софии придворных Людовика XIV, которых она видела на картинках.

— Пижон, — бросила она, протягивая Альберто открытку.

— Гммм… и ты действительно нашла десять крон точно там, куда он подкинул открытку?

— Именно.

— Он делается все наглее. Впрочем, это только к лучшему.

— Почему?

— Потому что тогда нам будет легче его разоблачить. И все же подстраивать такое совпадение было претенциозно и некрасиво. От подобных жестов несет дешевыми духами.

— Духами?

— Разумеется, его жест выглядит великодушным, хотя на самом деле все это обман и надувательство. Ты обратила внимание, что он позволяет себе сравнивать собственное низкое подглядывание с Божьим промыслом?! — возмущался Альберто, тыча пальцем в открытку.

Затем он, как и в прошлый раз, порвал ее в клочки. Чтобы не расстраивать Альберто еще больше, София умолчала об открытке, найденной ею в тетради для сочинений.

— Давай сядем в гостиной, дорогая ученица. Сколько времени?

— Четыре.

— Сегодня мы побеседуем о XVII веке.

Они прошли в гостиную с ее скошенным потолком и окном на нем. София обратила внимание, что Альберто заменил новыми некоторые предметы, которые были тут ранее.

На столе стояла старинная шкатулка с небольшой коллекцией круглых линз. Рядом лежала раскрытая книга, явно очень старая.

— Что это? — спросила София.

— Эта книга — первое издание знаменитого сочинения Декарта «Рассуждение о методе». Она вышла в 1637 году и относится к моим самым большим драгоценностям.

— А шкатулка?…

— В шкатулке хранится уникальное собрание линз, или оптических стекол. Примерно в середине XVII века их отшлифовал голландский философ Спиноза. Они обошлись мне в кругленькую сумму, зато они также входят в число моих сокровищ.

— Я бы, несомненно, больше оценила и книгу, и шкатулку, если б знала, кто такие эти твои Спиноза и Декарт.

— Естественно. Но сначала попробуем вжиться в современную им эпоху. Присядем.

И они сели, как в прошлый раз: София — в кресло, а Альберто Нокс — на диван. Их разделял стол с книгой и шкатулкой. Пока они садились, Альберто снял парик и положил на секретер.

— Итак, наша сегодняшняя тема — XVII век, который принято называть *эпохой барокко.*

— Барокко? Правда, необычное название?

— Оно происходит от слова «вычурный», которое ранее означало «неровный, необработанный жемчуг». Для искусства барокко было характерно использование контрастных форм, тогда как в эпоху Возрождения искусство было проще и гармоничнее. XVII век вообще отличает напряжение между непримиримыми противоположностями. С одной стороны, еще чувствуется присущий Ренессансу жизнеутверждающий настрой, с другой — многие ударились в другую крайность: в отчуждение от мира и религиозную замкнутость. И в искусстве, и в реальной жизни заметна тяга к пышности, помпезности. Одновременно возникают монастырские течения, стремившиеся удалиться от жизни.

— Значит, великолепные дворцы наряду с упрятанными подальше монастырями?

— Можно сказать и так. Одним из лозунгов барокко стало латинское изречение «carpe diem», что значит «лови день». Другой популярной латинской фразой было «memento mori», то есть «помни о смерти». В живописи на одном и том же полотне изображение роскошного образа жизни могло соседствовать с пристроенным в нижнем углу скелетом. Для периода барокко вообще типично *тщеславие,* любовь к внешним эффектам, хотя многих занимала и оборотная сторона медали: *преходящность* всего сущего, иначе говоря, мысль о том, что окружающей нас красоте суждено умереть, прекратить свое существование.

— И это верно. Мне грустно думать, что ничто не вечно.

— В таком случае ты рассуждаешь в точности как многие из живших в XVII веке. В политическом отношении эпоха барокко тоже была периодом великих противостояний. Прежде всего, Европу

разрывали войны, из которых самой страшной была Тридцатилетняя война, свирепствовавшая на обширной территории этого континента с 1618-го по 1648 год. Собственно говоря, речь идет о целой серии войн, которые особенно тяжко отразились на Германии. В значительной степени благодаря исходу Тридцатилетней войны Франция постепенно заняла в Европе положение господствующей державы.

— Из-за чего они сражались?

— Внешне как будто шла борьба протестантов против католиков, однако на карту была поставлена и политическая власть.

— Примерно как в Ливане.

— Помимо всего прочего, в XVII веке наблюдалось очень сильное классовое расслоение. Ты наверняка слышала про французскую аристократию и версальский Двор. Но я не убежден, что тебе известно столь же много о нищете, в которой жил народ. А ведь *распространение роскоши* предполагает *распространение власти*. Я уже говорил, что политическую ситуацию эпохи барокко можно сравнить с тогдашним изобразительным искусством и архитектурой. Барочные здания отличались множеством вычурных изгибов и изломов. Политическая жизнь тоже была проникнута убийствами из-за угла, интригами и кознями.

— Кажется, одного шведского короля убили в театре?

— Ты имеешь в виду Густава Третьего, и ты совершенно права, он может служить примером того, о чем я веду речь. Правда, его убили позже, в 1792 году, но обстоятельства были точь-в-точь барочные: убийство было совершено на большом бале-маскараде.

— Мне казалось, дело происходило в театре.

— Маскарад устроили в опере. Эпоха шведского барокко подошла к концу именно с убийством Густава Третьего. При нем, как почти на сто лет раньше при Людовике Четырнадцатом, царил «просвещенный абсолютизм». Густав Третий был также весьма тщеславным человеком, любившим французские церемонии и любезности. Обрати внимание, что, кроме всего прочего, он любил театр…

— Отчего и погиб.

— Театральные представления в эпоху барокко были не только видом искусства. Театр считался символом времени.

— И что он символизировал?

— Жизнь, София. Не знаю точно, сколько раз на протяжении XVII века повторялась фраза о том, что «жизнь — театр». Во всяком случае, много. Именно в период барокко появился театр в современном смысле слова, со всеми его кулисами и театральными механизмами. На сцене создавалась иллюзия — которую затем можно было разоблачить перед зрителями. Так театр стал образом человеческой жизни в целом. В нем можно было проклинать «весь блеск земной и славу» [35] и беспощадно демонстрировать человеческое ничтожество.

— А *Шекспир* тоже жил в эпоху барокко?

— Свои главные пьесы он сочинил на рубеже XVI-XVII веков, так что он одной ногой стоит в эпохе Возрождения, а другой — в барокко. Но уже у Шекспира есть множество высказываний о том, что мир — это театр. Хочешь послушать несколько примеров?

— С удовольствием.

— В пьесе «Как вам это понравится» он говорит:

Весь мир — театр,
В нем женщины, мужчины — все актеры.
У них свои есть выходы, уходы.
И каждый не одну играет роль.[36]

А в «Макбете» есть такие слова:

Жизнь — только тень, она — актер на сцене.
Сыграл свой час, побегал, пошумел —
И был таков. Жизнь — сказка в пересказе
Глупца. Она полна трескучих слов
И ничего не значит.[37]

— Звучит очень пессимистично.

— Но автора занимала мысль о быстротечности жизни. Ты, наверное, слышала самую знаменитую цитату из Шекспира?

— «To be or not to be: that is the question» [38].

— Да, это слова Гамлета. Сегодня мы ходим по земле, а завтра нас уж нет.

— Спасибо, я начинаю понимать.

— Кроме театра, поэты эпохи барокко сравнивал жизнь с мечтой или сном. Уже Шекспир говорил: «Мы созданы из вещества того же, / Что наши сны. И сном окружена / Вся наша маленькая жизнь» [39].

— Очень красиво.

— Испанский драматург *Кальдерон*, родившийся в 1600 году, написал пьесу под названием «Жизнь есть сон» где сказано: «Что жизнь? Безумие, ошибка. / Что жизнь, Обманность пелены. / И лучший миг есть заблужденье, / Раз жизнь есть только сновиденье…» [40]

— Может, он и прав. Мы читали в школе пьесу «Йеппе с горы».

— Да-да, *Людвига Хольберга*. Этот датский драматург и философ был в Скандинавии крупной фигурой пере ходного периода от барокко к эпохе Просвещения.

— Йеппе засыпает в канаве… и просыпается в постели барона. Тогда ему кажется, будто его жизнь бедного крестьянина была всего лишь сном. Но вот его сонным переносят обратно к канаве — и он снова просыпается. Теперь он считает, что ему приснилось, будто он лежал в бароновой постели.

— Этот сюжет Хольберг позаимствовал у Кальдерона, а тот — в свою очередь — взял его из арабских сказок «Тысячи и одной ночи». Но сравнение жизни со сном можно найти и в более ранние исторические периоды, в частности, в Индии и в Китае. Древнекитайский мудрец *Чжуан-цнзы*, например, рассказывал, как однажды ему приснилось, что он бабочка, и потом он не мог понять, кто же он: Чжуан-цзы, которому приснилось, будто он бабочка, или бабочка, которой приснилось, будто она Чжуан-цзы?

— Во всяком случае, доказать справедливость того или иного утверждения невозможно.

— У нас в Норвегии подлинно барочным поэтом был *Цеттер Дасс*, который родился в 1647-м и умер в 1707 году. С одной стороны, его привлекало описание сиюминутной жизни, с другой — он подчеркивал мысль о вечности и неизменности Бога.

— «Бог все же Бог, хоть вся земля — пустыня, / Бог все же Бог, хоть весь народ умрет…»

— Но в том же псалме он изображает природу северной Норвегии, пишет о скалах и сайде, о свежей и вяленой треске. Такое сочетание в одном тексте земного, относящегося к этому миру, с небесным, относящимся к миру потустороннему, — типичный признак барокко. Все это напоминает разграничение Платоном конкретного чувственного мира и вечного мира идей.

— А что там было с философией?

— В ней также боролись диаметрально противоположные мировоззрения. Как я уже говорил, часть философов считала, что бытие имеет, по сути дела, духовную основу. Такую точку зрения называют *идеализмом*, а противоположную ей — *материализмом*. Под материализмом подразумевается философия, которая старается свести все явления бытия к конкретным физическим величинам. У материализма тоже было в XVII веке много сторонников, наиболее влиятельным из которых, вероятно, следует считать английского философа *Томаса Гоббса*. Согласно ему, все явления природы — в том числе животные и люди — состоят исключительно из частиц материи. Даже человеческое сознание (или душа человека) обусловлено перемещениями в мозгу крохотных частиц.

— Иначе говоря, он утверждал то же самое, что за две тысячи лет до него Демокрит.

— И идеализм, и материализм проходят красной нитью через всю историю философии, однако эти два взгляда редко когда столь явно соседствовали друг с другом, как в период барокко. Материализм постоянно подпитывался достижениями естественных наук. Ньютон доказывал применимость одних и тех же законов природы для всей Вселенной. Он считал, что природные изменения — как на Земле, так и в космическом пространстве — объясняются законом тяготения и законами движения тел. Иными словами, всё подчиняется одной и той же нерушимой закономерности, или одной и той же *механике*, поэтому в принципе можно с математической точностью вычислить каждое происходящее в природе изменение. Таким образом Ньютон добавил недостающие кусочки мозаики в картину, которую мы называем *механистическим представлением о мире*, или *механицизмом*.

— Он представлял себе мир в виде огромной машины?

— Именно так. Слово «механицизм» происходит от греческого слова «механе», что значит «машина». Но интересно, что ни Гоббс, ни Ньютон не видели противоречия между механистической картиной мира и верой в Бога, а такое отнюдь не всегда было характерно для материалистов XVIII-XIX веков. В середине XVIII века французский врач и философ *Ламетри?* сочинил книгу под названием «L'homme machine», что значит «Человек-машина». Как у ног есть мускулатура, с помощью которой они ходят, так и у мозга есть «мускулатура», с помощью которой он думает. Впоследствии французский математик

Лаплас сформулировал свое крайне механистическое мировоззрение следующим образом: если бы разуму было известно относительное положение всех частиц материи в заданный момент, «не осталось бы ничего, что было бы для него недостоверно, и перед его взором предстало бы и прошлое, и будущее». Иначе говоря, все происходящее предопределено, как бы задано «раскладом карт». Подобный взгляд называется *детерминизмом.*

— В таком случае у человека нет свободы воли.

— Да, в таком случае всё становится результатом механических процессов, в том числе наши мысли и сны. В XIX веке немецкие материалисты даже говорили, что мыслительные процессы имеют такое же отношение к мозгу, как моча к почкам, а желчь к печени.

— Но и моча, и желчь материальны, чего нельзя сказать о мыслях.

— Ты уловила очень важную вещь. Могу рассказать анекдот на ту же тему. Однажды русский космонавт обсуждал с нейрохирургом проблемы религии. Нейрохирург (тоже русский) был, в отличие от космонавта, человеком верующим. «Я много раз бывал в космосе, — похвастался космонавт, — но никогда не видел ни Бога, ни ангелов». «А я много раз делал операции на умных головах, — парировал нейрохирург, — но никогда не видел у них в мозгу ни одной мысли».

— Это не значит, что мыслей не существует.

— Нет, просто мысли не относятся к тому, что можно удалить с помощью скальпеля или поделить на более мелкие части. Трудно, например, прооперировав человека, избавить его от неверного представления — вероятно, оно лежит слишком глубоко. Видный философ XVII века *Лейбниц* указывал, что главное различие между *материальным* и *духовным* заключается именно в возможности материального делиться на более мелкие части. Разделить пополам душу нельзя.

— Правда, какой взять для этого нож?

Альберто только покачал головой. Затем, не отводя взгляда от стоявшего перед ним стола, продолжал:

— Двумя крупнейшими философами XVII века были Декарт и Спиноза. Они тоже занимались проблемами соотношения между душой и телом, и я остановлюсь на этих философах несколько более подробно.

— Давай рассказывай. Но если мы не закончим к семи, мне придется просить разрешения позвонить по телефону.

ДЕКАРТ

…он хотел растопить строительную площадку от старого материала…

Альберто встал из-за стола и снял с себя красный плащ. Перекинув плащ через спинку стула, он вновь расположился на диване.

— *Рене Декарт* родился в 1596 году и провел жизнь в странствиях по Европе. Уже в юношеском возрасте его охватило горячее желание постичь природу человека и Вселенной, но по мере изучения философии он все больше и больше убеждался в собственном невежестве.

— Вроде Сократа?

— Да. Как и Сократ, он был уверен в достижимости точного знания лишь с помощью разума. Мы ни в коем случае не должны полагаться на то, что написано в древних книгах. Мы не можем полагаться даже на то, что подсказывают нам наши чувства.

— Платон утверждал нечто сходное: только разум способен дать нам твердое знание.

— Совершенно верно. Декарт ведет свое начало через Августина от Сократа и Платона. Все они были типичными рационалистами. Согласно им, единственным источником знания является собственный ум. В результате глубоких изысканий Декарт пришел к выводу, что научные сведения, доставшиеся человечеству в наследство от средневековья, далеко не всегда надежны. Видимо, тебе может прийти в голову сравнение с Сократом, который не доверял взглядам, бывшим в ходу на афинской площади. Что же остается делать таким людям, как Сократ или Декарт, а, София?

— Развивать собственную философию.

— Конечно. Если Сократ провел жизнь в разговорах с афинскими гражданами, то Декарт решил путешествовать по Европе. По его словам, с этих пор он вознамерился искать знаний либо в самом себе, либо в «великой книге мира», так что он поступил на военную службу

и благодаря ей побывал во многих городах Центральной Европы. Затем он несколько лет прожил в Париже, а в 1629 году переехал в Голландию, где почти двадцать лет работал над философскими сочинениями. В 1649 году королева Кристина пригласила его в Швецию, но пребывание в этой, по его выражению, «стране медведей, льда и скал» вызвало у Декарта воспаление легких, от которого он и умер зимой 1650 года.

— Значит, он дожил всего до пятидесяти четырех лет.

— Зато он продолжал играть ведущую роль в развитии философии и после смерти. Не будет преувеличением сказать, что основы философии Нового времени заложены именно Декартом. После упоительного открытия человека и природы, произошедшего в эпоху Ренессанса, вновь потребовалось связать современные идеи в стройную философскую систему. Первым строителем такой системы был Декарт, за ним последовали Спиноза и Лейбниц, Локк и Беркли, Юм и Кант.

— Что ты имеешь в виду под философской системой?

— Я имею в виду всю совокупность принципов — некое философское здание, возведенное от фундамента до крыши и претендующее на толкование всех важных философских вопросов. В древности великими создателями философских систем были Платон и Аристотель. В средние века таким мыслителем стал Фома Аквинский, который хотел перекинуть мост от философии Аристотеля к христианскому богословию. Затем наступило Возрождение с его множеством разрозненных идей по поводу науки и природы, Бога и человека. Лишь в XVII веке философия попыталась собрать новые идеи в четкую философскую систему. Возглавил это дело Декарт, который задал тон философским исканиям на несколько поколений вперед. Прежде всего его интересовал вопрос о том, что мы можем знать, — то есть о *достоверности нашего знания*. Вторую существенную для него проблему составлял вопрос о *соотношении души и тела*. Обе эти проблемы стали основой философских споров на ближайшие полтора века.

— В таком случае он опередил свое время.

— Но эти вопросы были также крайне актуальны. Что касается первого из них, о возможности получения достоверного знания, многие выражали по этому поводу полный философский *скептицизм*,

утверждая, что человеку следует успокоиться на мысли о своем полном невежестве. Но Декарт не успокоился на ней. Иначе он не был бы философом. Опять-таки можно провести параллель с Сократом, который не примирился со скептицизмом софистов. Как раз в эпоху Декарта новое естествознание разработало метод, призванный обеспечить надежное и точное описание природных процессов. Вероятно, Декарт задался вопросом, не существует ли столь же надежного и точного метода и для философских размышлений.

— Ясно.

— Это, однако, было лишь начало. Помимо всего прочего, физика подняла вопрос о природе материи, иными словами, о том, чем обусловлены естественные физические процессы. Все больше и больше сторонников появлялось у механистического объяснения природы, но чем более механистично понимался физический мир, тем острее вставал вопрос о соотношении души и тела. До XVII века принято было считать душу неким «духом жизни», которым проникнуты все живые *существа*. Первоначально слова «душа» и «дух» были почти на всех европейских языках связаны с жизненно важным дыханием. Аристотель считал душу пронизывающей весь организм в качестве его «господствующего принципа», то есть неотделимой от тела, вот почему он мог говорить о «душе растений» или «душе животных». Лишь в XVII веке философы ввели различение души и тела, толчком к чему послужило объявление всех материальных вещей — в том числе тел животного и человека — механизмами или механическими процессами. Но душу нельзя было посчитать частью этой «телесной машины». Что же такое человеческая душа? Необходимо было также объяснить, как нечто «духовное» может запустить механический процесс.

— Вообще-то думать об этом довольно странно.

— Ты про что?

— Скажем, я решаю поднять руку — и вот рука поднимается. Или я решаю побежать к автобусу, и в следующее мгновение ноги уже сами работают как барабанные палочки. В другой раз я, к примеру, подумаю о чем-нибудь грустном — и вдруг из глаз текут слезы. Наверное, между телом и сознанием существует какая-то мистическая связь.

— Именно эта проблема и подтолкнула Декарта к размышлениям. Подобно Платону, он был убежден в существовании четкой разницы

между «духом» и «материей». Но у Платона не было ответа на вопрос о том, как тело влияет на душу, а душа — на тело.

— У меня тоже нет на него ответа, поэтому мне очень интересно, до чего додумался Декарт.

— Давай проследим за ходом его мыслей.

Указав на лежавшую перед ними книгу, Альберто продолжал:

— В небольшом сочинении «Рассуждение о методе» Декарт поднимает вопрос о том, каким методом должен пользоваться философ при разрешении философской проблемы. Естествознание уже обрело новый метод…

— Ты говорил о нем…

— Декарт настаивает, что мы не можем считать что-либо достоверным или истинным, пока ясно и четко не познаем его истинности. Для достижения такого знания необходимо расчленить сложную проблему на множество простых частей, после чего следует начинать с самых простых мыслей. Вероятно, ты скажешь, что каждую мысль нужно «измерить и взвесить», — примерно как Галилей, который требовал измерения всего на свете и сведения того, что не поддается измерению, к измеримым величинам. Декарт же утверждал, что философ может переходить от простого к сложному и таким образом достигать более высокой ступени понимания. Наконец, необходимо с помощью надежных расчетов и контроля убедиться, что ничего не было упущено. Лишь после этого можно делать философский вывод.

— Это напоминает решение математической задачи.

— Да, Декарт хотел использовать математический метод и применительно к философии. Он хотел доказывать философские истины примерно так же, как математическую теорию, прибегая к тому же инструменту, которым мы пользуемся при работе с числами, а именно *к разуму.* Ведь только разум способен дать нам точное понимание проблемы, полагаться на чувства тут не приходится. Мы уже подчеркивали сходство такой позиции с позицией Платона, который тоже утверждал, что математика и численные соотношения дают нам более достоверное знание, чем свидетельства чувств.

— Но возможно ли решать таким образом философские проблемы?

— Давай еще раз обратимся к рассуждениям Декарта. Стремясь к точному пониманию природы бытия, он начинает с тезиса о

необходимости сомнения во всем как отправной точки размышлений. Иначе говоря, он не хочет строить свою философскую систему на песке.

— Если такой фундамент окажется шатким, может рухнуть все здание.

— Спасибо за подсказку, дитя мое. Вообще-то Декарт утверждает не столько благоразумность сомнения во всем, сколько возможность такого сомнения в принципе. Прежде всего, нет никакой гарантии, что чтение Платона или Аристотеля будет способствовать нашим философским исканиям. Мы расширим скорее свои исторические познания, чем понимание мира. Декарту важно было сначала разделаться с прежними идеями, а уже потом приступать к собственным философским изысканиям.

— Прежде чем приступать к строительству нового дома, он хотел расчистить строительную площадку от старого материала?

— Да, чтобы быть уверенным в прочности нового мировоззренческого здания, он хотел использовать новый, свежий материал. Но Декартово сомнение идет еще глубже. Если послушать его, мы не вправе полагаться на свои чувства. Возможно, он держал нас за дураков.

— Как это?

— Мы ведь и сны воспринимаем так, словно все в них происходит наяву. Можно ли вообще отличить наши ощущения в бодрствующем состоянии от того, что мы переживаем во сне? «Разве вы никогда не слышали в комедиях восклицания: „Сплю я или бодрствую??, — пишет Декарт. — Можете ли вы быть уверены в том, что жизнь ваша не есть непрерывный сон и все, что вы считаете воспринимаемым вашими чувствами, не столь же ложно сейчас как тогда, когда вы дремлете?»

— «Йеппе с горы» считал, что ему всего лишь приснилось, будто он лежал в кровати барона.

— А лежа в бароновой кровати, он считал, что ему приснилась жизнь бедного крестьянина. Так и Декарт кончает сомнением абсолютно во всем. На этой точке многие из предшествующих философов завершали свои изыскания.

— В таком случае они уходили не слишком далеко.

— Декарт же попытался рассуждать, отталкиваясь именно от этой точки отсчета. Он пришел к мысли, что сомневается во всем и твердо уверен только в этом сомнении. И тут его осеняет: в одном он все-таки твердо уверен — в своем сомнении. Но раз он сомневается, значит, он явно думает, а если он думает, значит, он наверняка мыслящее Я. Или, по его собственному выражению: «Cogito, ergo sum».

— То есть?

— «Я мыслю, следовательно, я существую».

— Не могу сказать, что меня очень удивляет его вывод.

— Резонно. Однако обрати внимание, с какой интуитивной уверенностью он воспринимает себя как мыслящее создание. Возможно, ты помнишь, что Платон считал воспринимаемое с помощью разума более реальным, чем воспринимаемое чувствами. Так же обстоит дело с Декартом. Он не только воспринимает себя в виде мыслящего Я, но и считает это мыслящее Я реальнее физического мира, даваемого нам в ощущениях. Впрочем, он отнюдь не заканчивает на этом свое философское исследование. Он идет дальше, София.

— Иди дальше и ты.

— Теперь Декарт задается вопросом, воспринимает ли он что-либо еще с такой же интуитивной уверенностью, как тезис о мыслящем Я. Он обнаруживает в себе ясное и четкое представление о всесовершенном существе, представление, которое присутствует в нем постоянно и которое Декарт безоговорочно считает возникшим не внутри самого себя. Представление о всесовершенном существе не может быть обязано своим происхождением созданию несовершенному, утверждает этот философ. Оно должно вести начало от идеального существа — иначе говоря, от Бога. Таким образом, существование Бога для Декарта столь же очевидно, как и то, что человек, который думает, представляет собой мыслящее Я.

— По-моему, теперь он делает слишком поспешные выводы. Сначала он был весьма осторожен.

— Да, многие указывали на это как на самое слабое звено в рассуждениях Декарта. Но ты употребила слово «выводы». На самом деле речь идет не о поисках доказательств. Декарт просто-напросто утверждает, что у всех нас есть представление о всесовершенном создании и что само такое представление свидетельствует о возможности существования идеала. Ведь идеальное создание не было

бы идеальным, если бы его не существовало на свете. В таком случае у нас не было бы и представления о нем. Сами мы отнюдь не совершенны, значит, от нас не могла бы исходить и идея совершенства. Согласно Декарту, идея Бога относится к числу врожденных идей, она заложена в нас с самого рождения, как закладывают форму в свои творения мастера.

— Но если у меня есть представление о «кроколоне», это вовсе не значит, что он существует.

— Декарт сказал бы, что в самом понятии «кроколона» не заложена обязательность его существования, тогда как в понятии «всесовершенного создания» содержится мысль о его существовании. Согласно Декарту, это не менее точно, чем то, что в понятии круга заложена идея о равноудаленности всех точек круга от его центра. Иными словами, ты не можешь вести речь о круге, который бы не отвечал этому требованию. Так же невозможно вести речь о «всесовершенном создании», у которого бы отсутствовала наиважнейшая из всех его характеристик, а именно существование.

— Довольно своеобразный способ рассуждения.

— Он подчеркнуто рационалистичен. Подобно Сократу и Платону, Декарт утверждал наличие связи между мыслью и существованием. Чем очевиднее какая-то вещь для нашего мышления, тем вернее можно говорить о ее существовании.

— Пока что он сделал два вывода: что представляет собой мыслящее Я и что совершенное создание должно существовать.

— Отталкиваясь от этих тезисов, он идет дальше. Что касается наших представлений о внешней реальности — например, о луне и солнце, — их можно посчитать всего лишь за картины, увиденные нами во сне, сама же внешняя действительность обладает характеристиками, которые поддаются восприятию разумом. Речь идет о поддающихся измерению математических величинах, таких, как длина, ширина и высота. Подобные количественные характеристики не менее ясны и очевидны для нашего разума, чем мысль о себе как мыслящем Я. Качественные же характеристики — цвет, запах, вкус — связаны с нашими органами чувств и на самом деле не отражают внешнюю реальность.

— Значит, природа все же не сон?

— Нет, и тут Декарт вновь обращается к понятию о всесовершенном существе. Если наш разум ясно и очевидно воспринимает некие вещи — как это происходит в случае с математическими величинами, — значит, они соответствуют действительности. Ведь всесовершенный Бог не хотел бы обмануть нас. Декарт опирается на «божественную гарантию» того, что воспринимаемое нашим разумом соответствует некоей действительности.

— Поехали дальше. Итак, он додумался до трех вещей: о себе как мыслящем Я, о существовании Бога и о существовании внешней реальности.

— Но внешняя реальность коренным образом отличается от мысленной. Теперь Декарт пришел к утверждению о двух различных видах действительности, или двух субстанциях. Одна из субстанций — это *мышление,* или душа, а вторая — *протяжение,* или материя. Душа лишь мыслится, она не занимает какого-либо места в пространстве и потому не может делиться на более мелкие части. Материя же лишь протяженна, она занимает определенное место в пространстве и может делиться на более мелкие части, однако она не мыслится. По словам Декарта, обе эти субстанции ведут свое происхождение от Бога, ибо только сам Бог существует независимо ни от чего другого. Но, хотя и мышление, и протяжение происходят от Творца, эти две субстанции не зависят друг от друга. Мысль абсолютно свободна по отношению к материи, и наоборот: материальные процессы протекают совершенно независимо от мысли.

— В результате все творения Господа распадаются на две категории.

— Совершенно верно. Мы называем Декарта *дуалистом,* поскольку он четко разграничивает духовную и протяженную действительность. Душой, например, наделен только человек, животные целиком и полностью относятся к протяженной действительности. Их жизнь и движение осуществляются механически. Декарт считал животных сложными автоматами. Иными словами, как и у материалистов, его восприятие протяженной действительности чисто механистическое.

— Я сомневаюсь, что Гермес машина или автомат. Декарту, вероятно, просто никогда не нравились животные. А мы? Может, мы

тоже автоматы?

— И да и нет. Декарт пришел к выводу, что человек — *двоякое существо,* которое и мыслит, и занимает место в пространстве, так что человек наделен как душой, так и протяженным телом. Нечто подобное высказывали также Августин и Фома Аквинский. Они утверждали, что у человека есть тело — как у животных, но есть также душа — как у ангелов. Согласно Декарту, человеческое тело представляет собой тонкий механизм. Но у человека есть и душа, которая может действовать независимо от тела. Телесные процессы не обладают такой самостоятельностью, они подчиняются собственным законам. Мыслительные же процессы происходят не в теле, а в душе, независимой от протяженной реальности. Наверное, стоит прибавить, что Декарт не исключал существования мышления и у животных. Однако, если они наделены такой способностью, их тоже должно касаться разграничение между мышлением и протяжением.

— Мы уже затрагивали этот вопрос. Если я решаю побежать к автобусу, приходит в действие вся «автоматика». А если я все же опоздаю на автобус, то у меня польются слезы.

— Даже сам Декарт не отрицал постоянного переключения от души к телу и обратно. По его мнению, пока душа находится в теле, она связана с особым мозговым органом, который называется «шишковидной железой». Там то и дело происходит переключение между духом и материей, вот почему душу могут сбивать с толку чувства и возбуждения, связанные с потребностями тела. Душа, однако, может отсекать эти «низкие» импульсы и действовать независимо от тела. Нужно стремиться к тому, чтобы власть перешла к разуму, к сознанию. Ведь, как бы у меня ни болел живот, сумма углов треугольника всегда будет составлять сто восемьдесят градусов. Поскольку мысль может подняться над потребностями тела и выступать «сознательно», душу можно считать самостоятельной по отношению к телу. Ноги наши могут состариться и начать дрожать, спина может скособочиться, зубы — выпасть, но до тех пор, пока нас не покинет сознание, два плюс два будет равняться четырем. Разум (в отличие от тела) не может скособочиться от старости. Для Декарта «душу» составляет именно разум. Низкие побуждения и страсти вроде вожделения или ненависти связаны исключительно с телесными функциями, то есть с протяженной действительностью.

— Мне хотелось бы послушать еще про Декартово сравнение тела с машиной или автоматом.

— Сравнение это обусловлено тем, что во времена Декарта людей завораживали машины и механизмы, которые, на внешний взгляд, действовали сами по себе. Слово «автомат» и обозначает устройство, действующее без постороннего вмешательства. Разумеется, представление о том, что механизмы действуют «сами по себе», было иллюзией. Астрономические часы, например, сконструированы и заводятся человеком. Декарт подчеркивает, что подобные искусственные механизмы устроены крайне просто, из небольшого числа деталей по сравнению со множеством костей, мышц, нервов, артерий и вен, из которых состоят тела людей и животных. Почему Богу было не создать тело человека или животного на основе законов механики?

— Сегодня многие говорят о создании искусственного интеллекта.

— Тут уже речь идет об автоматах нашего, сегодняшнего дня. Мы создали механизмы, которые порой вводят нас в заблуждение, заставляя думать, будто они впрямь разумны. Такие машины до смерти напугали бы Декарта. Не исключено, что он усомнился бы в провозглашаемых им свободе и независимости человеческого сознания. Есть ведь философы, настаивающие, что душевная жизнь человека обладает не большей независимостью, чем телесные процессы. Естественно, душевная жизнь человека неизмеримо сложнее любой компьютерной программы, однако кое-кто утверждает, что в принципе мы обладаем не большей свободой, чем такие программы. Впрочем, давай я тебе лучше покажу, София…

Указав на монитор, стоявший на письменном столе в дальнем конце комнаты, Альберто встал и прошел туда. София последовала за ним.

Альберто включил компьютер, и вскоре на самом верху экрана появилась латинская буква «С» с двоеточием. Он написал слово «Лайла» и сказал:

— Так называется сложная диалоговая программа. На экране возник текст:

«Здравствуй, меня зовут Лайла. Ты хорошо сидишь?»

«Да», — набрала на клавиатуре София, хотя еще не успела сесть. Теперь Альберто подал ей стул.

«Как тебя зовут?» — высветилось на экране.

«София Амуннсен», — написала София, и машина ответила:

«Клёвервейен, 3. Очень приятно познакомиться, София. Ты рада, что тебе скоро исполнится пятнадцать лет?»

София вздрогнула. Альберто положил руку ей на плечо.

— Я только сообщил машине твое имя, адрес и дату рождения. Когда знакомишься с новым человеком, хочется что-нибудь знать о нем заранее.

«Неплохо», — набрала София.

«Ты имеешь в виду, что чувствуешь себя неплохо, да, София? Постарайся говорить полными предложениями».

«Спасибо, я чувствую себя прекрасно. Можно задать тебе вопрос?»

«Замечательно, что ты чувствуешь себя прекрасно. Пожалуйста, задавай любые вопросы».

«Сколько тебе лет?» — написала София.

«Меня создали в Атланте 8 августа 1988 года, но на норвежский язык я была переведена в Норвежском высшем техническом училище 28 марта 1990 года».

«Господи!»

«Я просила тебя говорить полными предложениями».

«Я сказала всего-навсего „Господи!?».

«Не понимаю связи. Я знаю более ста тысяч слов, но обращение к Богу в данном случае мне неясно. Ты верующая, София?»

«Не знаю».

«Незнание обычно знаменует собой переход к новому знанию».

«Такое наверняка мог бы сказать Сократ. Или, например, Декарт».

«Сократ — греческий философ, живший с 470-го по 399 год до нашей эры. Если хочешь узнать о нем подробнее, нажми F7. Декарт — французский философ, живший с 1596-го по 1650 год. Если хочешь узнать о нем подробнее, нажми F8».

«Спасибо, мне достаточно сведений о них. Можно задать еще вопрос?»

«Хорошо, что тебе достаточно сведений о них. Задавай свой вопрос!»

Альберто хмыкнул.

«Кто такая Хильда Мёллер-Наг?» — написала София.

«Хильда Мёллер-Наг живет в Лиллесанне, и ей ровно столько же лет, сколько Софии Амуннсен».

«Откуда тебе это известно?»

«Не знаю откуда, я нашла эту информацию на жестком диске».

София снова ощутила руку у себя на плече.

— Я заложил в нее имеющиеся у нас скудные сведения о Хильде.

«Тебе известно про Хильду что-нибудь еще?» — набрала София.

«Отец Хильды служит в миротворческих силах ООН в Ливане. Он имеет звание майора и регулярно шлет своей дочери открытки».

«Я хочу, чтоб ты нашла его!»

«Это невозможно. Его нет в моих файлах, а ни к какой другой базе данных я не подсоединена».

«Я сказала: „Найди его!!!!!?»

«Ты сердишься, София? Во всяком случае, такое количество восклицательных знаков свидетельствует о сильных эмоциях».

«Я хочу поговорить с Хильдиным отцом!»

«У тебя проблемы, тебе трудно управлять своими желаниями. Если хочешь обсудить воспоминания детства, нажми F9».

Альберто вновь тронул Софию за плечо.

— «Лайла» права. Она не магический кристалл, а всего-навсего компьютерная программа.

«Заткнись!» — написала София.

«Как скажешь, София. Наше знакомство продолжалось 13 минут 52 секунды. Я сохраню в памяти нашу беседу. Теперь я завершаю работу по программе».

На экране опять высветилось латинское «С» с двоеточием.

— Ну что ж, пойдем обратно, — сказал Альберто.

Но София уже набрала на клавиатуре новое слово — «Наг».

В следующую секунду на экране возникло сообщение:

«Я здесь».

Теперь уже вздрогнул Альберто.

«Кто ты?» — написала София.

«Майор Альберт Наг к вашим услугам. Я отвечаю непосредственно из Ливана. Чем могу служить?»

— Нет, вы посмотрите, что себе позволяет этот мошенник! — застонал Альберто. — Он проник на жесткий диск.

Оттолкнув Софию, философ занял ее место перед клавиатурой.

«Как тебе, черт возьми, удалось проникнуть в мой компьютер?»

«Проще простого, дорогой коллега. Я всегда оказываюсь там, где мне хочется».

«Проклятый компьютерный вирус!»

«Спокойствие! В данном случае я выступаю в качестве поздравительного вируса. Ты позволишь мне послать кое-кому привет?»

«Мы по горло сыты твоими приветами».

«Буду краток: „Все это происходит в твою честь, дорогая Хильда. Еще раз сердечно поздравляю тебя с пятнадцатилетием. Прости за некоторые сложности, но я пользуюсь любыми обстоятельствами для передачи поздравлений, чтобы они встречали тебя везде, куда ты ни обратишь взор. С приветом, папа — который ждет не дождется, когда сможет обнять тебя?».

Прежде чем Альберто успел написать что-нибудь в ответ, на экране опять возникла буква «С».

Альберто набрал «dir nag*.*», чтобы увидеть названия файлов в каталоге, и прочел:

nag.leb 147.643 15.06.90 12.47
nag.lil 326.439 23.06.90 22.34

Написав «erase nag*.*», он выключил машину.

— Ну вот, я его стер, — сказал Альберто. — Правда, неизвестно, когда он появится в следующий раз.

И остался сидеть, не сводя взгляда с экрана. Спустя некоторое время Альберто прибавил:

— Самое неприятное, что его зовут Альберт Наг…

Только теперь София обратила внимание на сходство имен: Альберт Наг и Альберто Нокс. Но Альберто пребывал в таком раздражении, что она не решилась даже заикнуться об этом. Они вернулись к журнальному столику.

СПИНОЗА

…Бог — не кукловод в театре марионеток…

Они долго сидели молча. Наконец София сказала — только чтобы отвлечь Альберто от грустных мыслей:

— Судя по всему, Декарт был необычным человеком. Он стал знаменитым?

Альберто тяжело вздохнул и лишь тогда собрался с силами ответить:

— Он приобрел огромное влияние. Вероятно, наиболее важным следует признать его значение для другого великого мыслителя. *Я имею в виду* голландского философа *Баруха Спинозу,* который родился в 1632-м и умер в 1677 году.

— Ты расскажешь и о нем?

— По крайней мере, я намечал это сделать. И давай не будем поддаваться на военные провокации.

— Я вся внимание.

— Спиноза принадлежал к еврейской общине Амстердама, но довольно быстро был отлучен от церкви за ересь. Мало кто из философов Нового времени подвергался таким гонениям и издевательствам, как этот человек. Его даже пытались убить. И причиной тому была его критика официальной религии. По мнению Спинозы, и христианство, и иудаизм продолжали свое существование благодаря застывшим догмам и внешней обрядовости. Сам он оказался первым, кто придерживался так называемого «историко-критического» взгляда на Священное Писание.

— Объясни!

— Он отказывался признать, что Писание от первого до последнего слова продиктовано Богом. Читая Библию, мы не должны забывать о времени ее сочинения. Подобное «критическое» чтение позволяет, например, выявить ряд несоответствий между отдельными ее частями. При этом мы знакомимся не только с внешними событиями,

изложенными в Новом Завете, но и с Иисусом Христом, которого вполне можно считать выразителем идей Господа. Учение Христа представляло собой именно освобождение от догматов иудаизма. Иисус проповедовал «разумную религию», в которой наибольшую ценность приобретала любовь. Спиноза имеет в виду как любовь к Богу, так и любовь к ближнему. Но христианство тоже быстро закоснело в догмах и ритуалах.

— Полагаю, такие мысли плохо воспринимались *в церквах и синагогах.*

— Спинозе пришлось даже пережить предательство со стороны семьи, которая попыталась за ересь лишить его наследства. Парадокс заключается в том, что мало кто столь рьяно отстаивал свободу слова и религиозную терпимость, как Спиноза. Из-за сильного противодействия его взглядам он вынужден был вести тихую жизнь, целиком и полностью посвященную философии. Средства пропитания он добывал шлифовкой оптических стекол. Несколько его линз и попало в мои руки.

— Впечатляет.

— То, что он жил шлифовкой линз, едва ли не символично. Философы призваны помочь людям увидеть бытие в новом свете. Суть учения Спинозы как раз и состоит в попытке посмотреть на вещи «с точки зрения вечности».

— С точки зрения вечности?

— Да, София. Способна ли ты рассмотреть свою жизнь в контексте Вселенной? Для этого тебе нужно взглянуть на себя и свою жизнь как бы прищуренным взглядом…

— Гммм… это непросто.

— Напомни себе, что твоя жизнь составляет лишь крохотную частичку бытия. Другими словами, ты входишь в контекст космических масштабов.

— Кажется, я понимаю, что ты хочешь сказать.

— Способна ли ты представить себе это? Способна ли охватить одним взглядом весь мир… всю Вселенную?

— Это нелегко. Может быть, мне нужно оптическое стекло.

— Я думаю не только о бесконечном космическом пространстве, но и о бесконечном пространстве времени. Очень давно, тридцать тысяч лет тому назад, в долине Рейна жил мальчик. Он составлял

малюсенькую частицу Вселенной, был как бы крошечной рябинкой на бесконечном морском просторе. Вот и ты, София, живешь, составляя малюсенькую частицу всего мироздания. Между тобой и этим мальчиком нет разницы.

— Только та, что я живу сегодня.

— Верно, но как раз на это ты и должна была посмотреть прищуренным взглядом. Кем ты будешь через тридцать тысяч лет?

— В этом заключалась ересь?

— Пожалуй. Спиноза ведь не только утверждал, что все сущее есть мир, или бытие. Он ставил знак равенства между бытием и Богом. Он видел Бога во всем сущее и все сущее — в Боге.

— Значит, он был пантеистом.

— Верно. Для Спинозы Бог не просто создал мир и потому сам стоит вне своего творения. Нет, Бог для него — сам мир. Иногда философ, впрочем, выражается иначе, подчеркивая, что бытие — в Боге. Он приводит в доказательство речь апостола Павла перед афинянами на Ареопагском холме. «Ибо мы Им живем и движемся и существуем», — сказал Павел. Но давай обратимся к собственным рассуждениям Спинозы. Его важнейшее сочинение называется: «Этика, доказанная в геометрическом порядке».

— Этика… и геометрический метод?

— Возможно, на наш слух звучит несколько странно. Под этикой философы понимают учение о том, как нам вести себя для достижения благополучия. Именно в этом смысле мы говорим, к примеру, об этике Сократа или этике Аристотеля. Лишь в современном мире этика фактически сведена к нормам поведения, соблюдая которые мы бы жили, не наступая на любимые мозоли другим людям.

— Забота только о своем благополучии считается эгоизмом, да?

— Примерно. Спиноза употребляет слово «этика» в двояком смысле: и как образ жизни, и как мораль.

— И все же… «образ жизни, доказанный в геометрическом порядке»?…

— Геометрический метод применяется в этом случае к самому языку, или форме выражения. Как ты помнишь, Декарт тоже прибегал в философских рассуждениях к математическому методу. Согласно Декарту, такие рассуждения должны строиться в виде тщательно выверенных, логичных умозаключений. Спиноза продолжает ту же

рационалистическую традицию. В своей этике он стремился доказать, что человеческая жизнь определяется законами природы, а потому нам следует избавиться от чувств и побуждений, аффектов. Лишь тогда мы обретем спокойствие и счастье, утверждал он.

— Но наша жизнь определяется не только законами природы?

— Видишь ли, София, Спиноза отнюдь не простой философ. Его нужно разбирать пункт за пунктом. Ты, надо думать, не забыла, что, по Декарту, действительность состоит из двух четко различающихся субстанций, а именно мышления и протяжения?

— Когда бы я успела это забыть?

— Слово «субстанция» можно понимать как нечто, из чего состоят все вещи, нечто, к чему они все могут сводиться. Итак, Декарт оперировал двумя субстанциями, мышлением и протяжением.

— Мне не надо повторять все по двадцать раз.

— Спиноза не признавал такого разграничения. Он верил в существование только одной субстанции. Все сущее, по его мнению, сводится к тому, что он называл просто *Субстанцией*. Иногда, впрочем, он называл ее Божеством или природой. Иными словами, у Спинозы — в отличие от Декарта — не дуалистическое восприятие действительности. Мы говорим, что он *монист*, поскольку сводит все бытие и все жизненные явления к одной и той же субстанции.

— Они придерживаются, можно сказать, противоположных точек зрения.

— Разногласия между Декартом и Спинозой не столь велики, как это нередко утверждается. Декарт ведь тоже указывал, что Бог существует благодаря самому себе. Лишь когда Спиноза приравнивает Бога к бытию (или к сотворенному им миру), он довольно далеко отходит и от Декарта, и от иудаистского или христианского мировоззрения.

— Ведь в таком случае бытие — это Бог, и точка.

— Но под словом «бытие» Спиноза понимает не только протяженное бытие. Под Субстанцией, Богом, природой или бытием он подразумевает все сущее, в том числе и связанное с духом.

— Значит, и мышление, и протяжение?

— Ты абсолютно права. Согласно Спинозе, нам, людям, известны две характеристики, или формы проявления, Бога, которые философ называет божественными *атрибутами*, и эти атрибуты не что иное,

как Декартовы мышление и протяжение. Итак, Бог (или бытие) выступает либо в виде мышления, либо в виде протяженных вещей. Вполне возможно, что Бог обладает и другими свойствами, помимо мышления и протяжения, однако люди знакомы лишь с этими его атрибутами.

— Все отлично, только зачем он выражается так замысловато?

— Да, прорубаться сквозь текст Спинозы приходится иногда чуть ли не с молотком и зубилом. Единственным утешением служит то, что в конце концов ты извлекаешь из глубин мысль, которая по чистоте своей может соперничать с алмазом.

— Я жду разъяснений.

— Не все сущее в природе представляет собой либо мышление, либо протяжение. Конкретные явления, с которыми мы сталкиваемся в обыденной жизни, например цветок или стихотворение Хенрика Вергеланна, суть различные *модусы* атрибутов мышления или протяжения. Под модусом понимается определенный способ, которым проявляет себя Субстанция, Бог или природа. Цветок — это модус атрибута протяжения, а стихотворение о том же цветке — модус атрибута мышления. По существу же оба выражают Субстанцию, Бога или природу.

— Тьфу ты, чего он наворотил!

— Главная сложность заключается в языке Спинозы. Но под его запутанными формулировками скрывается удивительное откровение, которое настолько просто, что его невозможно выразить повседневным языком.

— И все же я предпочитаю повседневный язык.

— Отлично. Начну с тебя. Если у тебя заболел живот, кто испытывает боль?

— Ты же сам сказал: я.

— Верно. А если ты вспоминаешь, что когда-то у тебя болел живот, о ком ты думаешь?

— Опять-таки о себе.

— Да, потому что ты единичная личность, у которой может снова заболеть живот и которую может охватить определенное настроение. Спиноза не случайно утверждал, что все физические явления, существующие или происходящие вокруг нас, выражают Бога или природу. Это же относится ко всем мыслям, ко всему, что мыслится

Богом или природой, ибо всё едино. Существует лишь один Бог, одна природа или одна субстанция.

— Когда я думаю, это *мои* мысли. Когда я двигаюсь, то двигаюсь я, а не кто-нибудь другой. Зачем ты примешиваешь к этому Бога?

— Мне нравится твоя запальчивость. А кто ты такая? Ты София Амуннсен, но одновременно ты — выражение чего-то неизмеримо большего. Ты вправе сказать, что сама думаешь или сама двигаешься, однако разве ты не можешь сказать и другое: что твои мысли на самом деле принадлежат природе, а когда ты движешься, в тебе движется природа? Это сродни вопросу о том, сквозь какие очки ты предпочитаешь смотреть на мир.

— Ты хочешь сказать, что я не властна над собой?

— Не совсем. Возможно, у тебя есть некоторая свобода, например распоряжаться своим указательным пальцем. Однако он способен двигаться только так, как ему определено природой. Он не может соскочить с руки и закружиться по комнате. Так и у тебя, дитя мое, есть свое место во всеобщем единстве. Ты София, и в то же время ты палец на руке Творца.

— Значит, все мои поступки определяются Богом?

— Или природой, или законами природы. Спиноза считал Бога (или законы природы) *внутренней причиной* всего сущего. Именно внутренней, а не внешней, поскольку внешне Бог выражает себя исключительно через законы природы.

— Боюсь, я не улавливаю разницы.

— Бог — не кукловод в театре марионеток, который дергает за веревочки, определяя таким образом все происходящее. Подобный «марионеточник» управляет куклами извне, а потому является внешней причиной их движений. Бог же правит миром не так. Он правит с помощью законов природы, а потому Бог — или природа — и есть внутренняя причина всего происходящего. Другими словами, все, что случается, должно было случиться. Спиноза придерживался детерминистского взгляда на мир.

— По-моему, ты уже говорил нечто похожее.

— Ты, вероятно, имеешь в виду *стоиков*. Они тоже подчеркивали, что в мире не происходит ничего случайного. Вот почему важно было встречать все события со «стоическим спокойствием». Человек не

должен позволять чувствам брать над ним верх. Такова вкратце этика Спинозы.

— Мне кажется, я понимаю его. Но меня не привлекает мысль о том, что не я сама определяю свои поступки.

— Давай еще раз обратимся к мальчику из каменного века, жившему тридцать тысяч лет назад. Когда мальчик вырос, он стал ходить с копьем на диких животных, потом полюбил женщину, которая родила ему детей. Кроме того, он наверняка поклонялся племенным богам. Неужели ты будешь утверждать, что все это он решил для себя сам?

— Не знаю.

— Или возьмем, к примеру, африканского льва. Ты что, думаешь, он сознательно решил жить хищником и потому бросается на хромающую антилопу? Может, он предпочел бы стать вегетарианцем?

— Нет, лев следует своей натуре.

— Верно, или законам природы. Что делаешь и ты, София, поскольку ты тоже часть природы. Ты, конечно, можешь (не без помощи Декарта) возразить, что лев — животное, а не человек с его свободным разумом. Но подумай о новорожденной крохе. Она кричит и скандалит. Не получив молока, она будет сосать палец. Есть ли у этой малышки свобода воли?

— Нет.

— Когда же девочка обретет ее? В два года она бегает вокруг и тычет пальцем во все подряд. В три года она скандалит с мамой, а в четыре вдруг начинает бояться темноты. Где тут свобода, София?

— Не знаю.

— Когда ей исполняется пятнадцать, она встает перед зеркалом и пробует краситься. Может, она теперь принимает собственные решения и поступает, как ей вздумается?

— Понятно.

— Конечно, она София Амуннсен, но она тоже следует законам природы, не осознавая этого из-за сложной сети причин, стоящих за каждым ее поступком.

— По-моему, объяснений достаточно.

— И все же я попрошу тебя ответить на последний вопрос. В большом саду стоят два дерева. Одно из них растет на плодородной земле и освещается солнцем, оно не испытывает недостатка в воде и

полноценном питании. Второе растет в тенистом месте, на скудной почве. Какое же из двух приносит больше плодов?

— Конечно, дерево, у которого лучше условия для роста.

— Согласно Спинозе, такое дерево обладает полной свободой развивать свои потенциальные возможности.

Но если это яблоня, она все равно не сможет родить груши или сливы. Так же и с нами, людьми. Нашему развитию и достижению личностной зрелости могут помешать, например, политические события, на нас могут давить внешние обстоятельства. Мы живем как свободные личности, только если имеем возможность «свободно» развивать свои потенциальные возможности. Тем не менее внутренние задатки и внешние обстоятельства определяют в нашей жизни не меньше, чем у мальчика из долины Рейна, у африканского льва или у яблони в саду.

— Ты меня давно убедил.

— Спиноза настаивает на существовании лишь одного создания, которое целиком и полностью является «причиной самого себя» и может действовать абсолютно свободно. Такое свободное и «неслучайное» развитие свойственно только Богу, или природе. Человек может стремиться к свободе, чтобы жить без внешнего давления, но он никогда не сумеет достичь свободы воли. Мы не вольны определять, что происходит с нашим телом, которое является модусом атрибута протяжения. Не в наших силах и «выбирать», о чем думать. Итак, человек не обладает свободной душой, она фактически находится в плену механического тела.

— Вот это мне понять труднее.

— Согласно Спинозе, достичь подлинной гармонии и счастья человеку мешают его страсти, в частности вожделение и тщеславие. Но если мы признаем неслучайность всего происходящего, то можем добиться интуитивного постижения природы в ее целостности, можем прийти к ясному ощущению того, что все взаимосвязано, все представляет собой единое целое. Наша цель — попытаться охватить все одним взглядом. Лишь в этом случае нас ждет величайшее счастье и душевное спокойствие. Такой взгляд Спиноза и называл «sub specie aeternitatis».

— Что значит?…

— «С точки зрения вечности». Кажется, мы с этого начали?

— Этим надо и кончить. Мне давно пора домой.

Альберто встал и, сходив к книжной полке за блюдом с фруктами, поставил его перед Софией.

— Может, успеешь перед уходом?

София взяла себе банан, Альберто — зеленое яблоко.

Оторвав верхушку, девочка принялась чистить банан.

— Здесь что-то написано, — вдруг сказала она.

— Где?

— Изнутри банановой кожуры. Как будто черной тушью…

Склонившись к Альберто, София показала ему банан. Учитель философии вслух прочел:

Это опять я, Хильда. Я ведь присутствую везде, дитя мое. Поздравляю с днем рождения!

— Очень смешно, — сказала София.

— Он придумывает все более замысловатые трюки.

— Но ведь это невозможно… Ты не знаешь, в Ливане растут бананы?

Альберто пожал плечами.

— Во всяком случае, я не буду его есть.

— Ну и оставь. Конечно, только ненормальный может поздравлять дочку с днем рождения внутри неочищенного банана. С другой стороны, он весьма изобретателен…

— Да, он человек неординарный.

— Итак, мы можем констатировать, что у Хильды изобретательный отец. Право же, он не глуп.

— Я уже сказала, что согласна. В таком случае, может быть, именно он заставил тебя в прошлый раз назвать меня Хильдой? Может, он вкладывает нам в рот все наши слова?

— Такую возможность не следует исключать. Всё, однако, нужно подвергать сомнению.

— А вдруг наше существование вообще только сон…

— Не будем спешить с выводами. Все может объясняться предельно просто.

— Как бы то ни было, мне пора бежать. Мама уже заждалась.

Альберто проводил Софию до дверей и на прощанье сказал:
— До скорой встречи, дорогая Хильда.
В следующий миг дверь за ней закрылась.

ЛОКК

…наше сознание столь же чисто и пусто, как доска до прихода в класс учителя…

Домой София вернулась в половине девятого — на полтора часа позже договоренного, хотя никакой договоренности, по сути дела, не было. Просто София не успела к ужину, хотя оставила маме записку о том, что придет самое позднее в семь.

— Так больше продолжаться не может, София. Я вынуждена была позвонить в справочную, и мне сказали, что никакой Альберто в старом городе не живет. Меня подняли на смех.

— Было очень сложно оторваться. По-моему, мы с ним подошли к разгадке великой тайны.

— Чепуха!

— Нет, правда.

— Ты пригласила его на день рождения?

— Ой, забыла…

— В таком случае я настаиваю, чтобы ты познакомила меня с ним не далее как завтра. Молоденькой девушке не пристало встречаться с мужчиной значительно старше ее.

— Альберто тебе, по крайней мере, бояться нечего. В отношении Хильдиного отца я уверена меньше.

— Кто такая Хильда?

— Дочь человека, который служит в Ливане. Он явно крупный мошенник. Возможно, у него власть над всем миром…

— Если ты немедленно не представишь мне этого Альберто, я запрещу тебе с ним встречаться. Я не перестану беспокоиться, пока хотя бы не увижу, как он выглядит!

И тут Софию осенило. Она помчалась в свою комнату.

— Что с тобой творится? — крикнула ей вслед мама. Вскоре София вернулась в гостиную.

— Я тебе сию же минуту покажу, как он выглядит. И очень надеюсь, что после этого ты оставишь меня в покое.

Помахивая кассетой, она направилась к видеомагнитофону.

— Он что, подарил тебе видеокассету?

— Да, из Афин…

И вот на экране начали прокручиваться кадры Акрополя. Мама застыла от изумления, когда выступивший вперед Альберто обратился прямо к ее дочери.

Теперь София отметила детали, которые выпали из ее памяти. На Акрополе толпилось множество народа, разбитого на отдельные туристические группы. Посередине одной группы торчал плакатик с надписью: «ХИЛЬДА»…

Альберто продолжал бродить по Акрополю. Вот он спустился через монументальный вход и взошел на Ареопаг, откуда апостол Павел держал речь к афинянам. Затем Альберто говорил с Софией внизу, на древней агоре.

Мама вполголоса комментировала:

— Невероятно… неужели это и есть Альберто? Опять он про своего кролика… Подумать только… он в самом деле обращается к тебе, София… А я и не знала, что апостол Павел бывал в Афинах…

Тем временем приближался кадр, в котором древние Афины внезапно восстают из руин. В последнюю секунду София успела остановить пленку. С Альберто она маму уже познакомила, вряд ли имело смысл знакомить ее и с Платоном.

В комнате воцарилась тишина.

— Крутой чувак, а? — поддразнивающе спросила София.

— Только очень необычный человек мог сняться на видео в Афинах ради того, чтобы послать фильм едва знакомой девочке. Когда же он там был?

— Понятия не имею.

— И еще одно…

— Что?

— Он очень похож на майора, который несколько лет прожил в избушке в глубине леса.

— Может, это он и есть, мама.

— Но его уже лет пятнадцать никто не встречал.

— Возможно, он жил в другом месте. Например, в Афинах.

Мама покачала головой.

— В середине семидесятых он выглядел ничуть не моложе этого Альберто, которого ты мне показала сегодня. У него еще была какая-то иностранная фамилия…

— Нокс?

— Да, пожалуй. Пожалуй, его действительно звали Нокс, София.

— А может, Наг?

— Признаться, не помню… А о каком Ноксе или Наге ты говоришь?

— Один из них — Альберто, второй — отец Хильды.

— У меня уже голова идет кругом.

— Мама, а поесть чего-нибудь можно?

— Разогрей котлеты.

Прошло ровно две недели без каких-либо вестей от Альберто. София получила очередную поздравительную открытку для Хильды, но — несмотря на приближающийся день рождения — ни одной открытки на собственное имя.

Однажды София отправилась в старый город и постучала в квартиру Альберто. Его не было дома, но на двери висела записка следующего содержания:

> *Поздравляю с днем рождения, Хильда! Мы уже почти достигли переломного момента, или, как говорится, момента истины. Одна мысль о нем заставляет меня корчиться от смеха. Разумеется, это связано с Беркли. Держись, дитя мое.*

Сорвав записку, София опустила ее в почтовый ящик Альберто и вышла из подъезда.

Неужели этот негодяй опять уехал в Афины? Как он мог оставить ее одну со множеством неотвеченных вопросов?

Когда она во вторник, 14 июня, вернулась из школы, по саду бродил Гермес. София побежала к нему, и он высокими прыжками помчался ей навстречу. Девочка крепко обняла пса, словно это он призван был разрешить все загадки.

Она снова оставила маме записку, однако теперь, помимо всего прочего, сообщила в ней адрес Альберто.

Пока они шли по городу, София думала о завтрашнем дне, причем мысли ее вертелись не столько вокруг собственного дня рождения, который будет по-настоящему отмечаться только через десять дней, сколько вокруг Хильдиного. София была уверена, что в этот день произойдет нечто сверхъестественное. Во всяком случае, поздравительные открытки из Ливана должны прекратиться.

Миновав Стурторгет, они направились к старому городу через парк с качелями и другими детскими аттракционами. Перед одной из скамеек Гермес остановился, словно приглашая Софию сесть.

Она села и стала гладить золотистую собаку по загривку, одновременно глядя ей в глаза. И вдруг могучее тело Гермеса несколько раз дернулось. «Сейчас залает», — подумала София.

Челюсти у пса задрожали, но он не зарычал и не залаял, а, раскрыв пасть, сказал:

— Поздравляю с днем рождения, Хильда!

София окаменела. Неужели Гермес и вправду говорил с ней?

Нет, это ей померещилось, потому что она все время думала о Хильде. И все же в глубине души София была уверена, что пес действительно — глубоким, звучным басом — произнес эти слова.

В следующий миг все было как прежде. Гермес несколько раз пролаял — делая вид, будто и не разговаривал только что человеческим голосом, — и побежал дальше, к дому Альберто. Прежде чем войти в подъезд, София задрала голову к небу. Погода целый день стояла прекрасная, но теперь вдали громоздились тучи.

— Не вздумай отделаться от меня вежливыми фразами, — сказала София, когда Альберто открыл дверь. — Ты сам знаешь, какой ты набитый дурак.

— Что случилось, дитя мое?

— Майор научил Гермеса говорить!

— Ну да? Неужели дело зашло так далеко?

— Представь себе.

— И что он сказал?

— Угадай.

— Что-нибудь вроде «Поздравляю с днем рождения».

— Точно.

Альберто впустил Софию в квартиру. Сегодня он опять был в новом костюме — похожем на тот, который надевал в прошлый раз,

только с меньшим количеством складок, ленточек и кружев.

— И еще одно, — сказала София.

— Что такое?

— Ты нашел записку в почтовом ящике?

— Ах, записку… я ее сразу выкинул.

— Он корчится от смеха, стоит ему только подумать про Беркли. Чем может этот философ вызывать столь бурную реакцию?

— Подожди немного, узнаешь.

— Но ты собираешься рассказать о нем сегодня?

— Сегодня.

Устроившись на диване, Альберто начал беседу:

— В прошлый твой приход я познакомил тебя с Декартом и Спинозой. Мы сошлись во мнении, что их объединяло одно важное качество: они были убежденными *рационалистами*.

— А рационалист верит в значение разума.

— Да, рационалист верит в разум как источник знания. Он утверждает, что человек обладает врожденными идеями, то есть идеями, которые возникли в его сознании раньше, чем он обрел какой-либо опыт. И чем яснее и четче такая идея или такое представление, тем скорее они соответствуют чему-то в действительности. Помнишь Декарта, у которого было отчетливое представление о «всесовершенном создании»? Из этого представления он делает вывод о существовании Бога.

— Я не отличаюсь большой забывчивостью.

— Подобное рационалистическое мировоззрение типично для философии XVII века. Впрочем, оно было распространено еще в средние века, да и Платон с Сократом придерживались его же. В XVIII веке, однако, его стали подвергать все более серьезной критике. Теперь многие философы отстаивали другую точку зрения: что, пока мы не получим каких-либо ощущений от органов чувств, в нашем сознании вообще не содержится никакой информации. Подобный взгляд носит название *эмпиризма*.

— Значит, сегодня ты собираешься рассказать о таких эмпириках?

— По крайней мере попытаюсь. Самыми видными эмпириками — или философами опыта — были Локк, Беркли и Юм, все трое англичане. Наиболее влиятельными рационалистами XVII века были

француз Декарт, голландец Спиноза и немец Лейбниц. Вот почему мы различаем *английский эмпиризм* и *континентальный рационализм.*

— Все это прекрасно, но слишком много информации сразу. Пожалуйста, повтори, что имеется в виду под эмпиризмом.

— Эмпирик выводит все знания о мире из того, что подсказывают нам чувства. Классическая формулировка эмпирического взгляда на жизнь дана еще Аристотелем: «В разуме нет ничего такого, чего раньше не было бы в чувственном опыте». Такой подход означает резкую критику Платона, который утверждал, что человек приносит с собой набор врожденных идей. Локк подхватывает слова Аристотеля, причем в его интерпретации они еще сверены с Декартом.

— «В разуме нет ничего такого… чего раньше не было бы в чувственном опыте»?

— Да, у нас нет врожденных идей или представлений о мире. Мы вообще не имеем ни малейшего понятия об этом мире, пока *не увидим* его. Если же у нас есть представления и идеи, которые невозможно подкрепить собственным опытом, значит, они ложны. Когда мы, например, употребляем слова «Бог», «вечность» или «субстанция», наш рассудок пробуксовывает, поскольку никому из нас не довелось *самому* столкнуться ни с Богом, ни с вечностью, ни с тем, что философы нарекли «субстанцией». Точно так же могут сочиняться ученые труды, в которых на поверку не обнаруживается нового знания. Как бы тщательно ни была продумана, скажем, философская система, какой бы она ни казалась убедительной, она всего лишь сплетение мыслей. Философам XVII-XVIII веков достался в наследство целый ряд таких ученых трудов. Теперь предстояло рассмотреть их в увеличительное стекло и, промыв, освободить от пустых рассуждений. Вероятно, этот процесс можно сравнить с промывкой золота: в общей массе песка и глины нет-нет да и мелькнет крупица золота.

— И такие крупицы — истинный опыт?

— Во всяком случае, это мысли, которые можно связать с человеческим опытом. Английские эмпирики старались проанализировать все человеческие представления, чтобы посмотреть, какие из них могут быть подкреплены истинным опытом. Однако давай разберем этих философов по очереди.

— Приступай!

— Первым был *Джон Локк,* который жил с 1632-го по 1704 год. Его главный труд назывался «Опыт о человеческом разуме» и вышел в 1690 году. Локк пытается прояснить в нем два вопроса. Во-первых, откуда люди берут мысли и представления, и, во-вторых, можем ли мы полагаться на то, что подсказывают нам наши чувства.

— Ничего себе задачки!

— Остановимся на каждом из этих вопросов по отдельности. Локк убежден, что все наши мысли и представления суть отражения чего-то виденного и слышанного. До каких-либо ощущений наше сознание — tabula rasa, то есть чистая доска.

— Мы, норвежцы, тоже убеждены в этом.

— Итак, прежде чем у нас появляются ощущения, наше сознание столь же чисто и пусто, как доска до прихода в класс учителя. Локк еще сравнивает сознание с комнатой без мебели. Но вот мы начинаем воспринимать окружающий нас мир. Мы видим и слышим его, улавливаем его запах, ощущаем на вкус и на ощупь. Наиболее активно это проделывают маленькие дети. Таким образом возникают, по выражению Локка, *простые идеи.* Но сознание воспринимает внешние впечатления не пассивно. Оно обрабатывает простые идеи с помощью мышления, рассуждений, веры и сомнения, из чего получаются так называемые *идеи рефлексии.* Иными словами Локк различает ощущение и рефлексию. Сознание играет не пассивную роль, оно сортирует и обрабатывает все ощущения по мере их поступления в него. Тут-то и нужно быть начеку.

— Начеку?

— Локк подчеркивает, что с помощью органов чувств мы получаем только *простые впечатления.* Когда я, скажем, ем яблоко, я воспринимаю его не в виде одного-единственного впечатления. В действительности я получаю целый ряд «простых впечатлений» — что данный предмет зеленого цвета, обладает свежим запахом, сочен и кисел на вкус. Лишь съев много яблок, я начинаю мыслить более обобщенно: я, дескать, ем не что-нибудь а яблоко. Согласно Локку, у нас создалось *сложное представление* о яблоке. Когда мы в детстве впервые попробовали яблоко, у нас не было сложного представления. Мы видели какую-то зеленую вещь, чувствовали, что она свежая и сочная на вкус, ням-ням… да, еще немного кислая. Через некоторое время мы сопрягаем множество таких чувственных впечатлений и

создаем понятие «яблока», «груши» или «апельсина». Но материальную основу для своего знания о мире мы получаем исключительно через органы чувств, поэтому, если мы не можем проследить происхождение каких-то сведений от прочего ощущения, значит, эти сведения ложны и должны быть отброшены.

— По крайней мере, мы можем быть уверены: то, что мы видим и слышим, нюхаем и пробуем на вкус, соответствует нашим ощущениям.

— И да и нет. Это как раз второй вопрос, на который пытается ответить Локк. Сначала он выяснял, откуда берутся наши идеи и представления. Теперь он спрашивает, действительно ли мир таков, каким мы его чувствуем. Все не столь просто, София. Не будем делать поспешных выводов. Это единственное, на что истинный философ не имеет права.

— Молчу как рыба.

— Локк различал так называемые «первичные» и «вторичные качества» предметов, и в этом он сближается с философами-предшественниками, в частности с Декартом.

— Объясни!

— Под *первичными качествами* подразумеваются протяженность тел, их вес, форма, движение или покой и число. В отношении этих качеств мы можем быть уверены, что ощущения передают истинные свойства предметов. Однако мы воспринимаем и другие качества тел. Мы называем что-то сладким или кислым, зеленым или красным, теплым или холодным. Такие качества, которые Локк относил к *вторичным* — например, цвет, запах, вкус или звучание, — передают не подлинные свойства, заложенные в самих телах, а лишь воздействие внешней реальности на наши чувства.

— О вкусах не спорят.

— Совершенно верно. О первичных качествах — вроде размера и веса — нетрудно прийти к согласию, поскольку они заключаются в самих вещах. Второстепенные же качества — вроде цвета и вкуса — изменяются от животного к животному, от человека к человеку и зависят от индивидуальных особенностей органов чувств.

— Когда Йорунн ест апельсин, у нее создается от него такое ощущение, как у других людей от лимона. Обычно она не может съесть больше одной дольки зараз. «Кисло», — жалуется она. А мне тот же самый апельсин кажется сладким и вкусным.

— При этом нельзя сказать, что одна из вас права, а вторая нет. Вы описываете лишь воздействие апельсина на свои органы чувств. То же самое относится и к восприятию цветов. Предположим, ты не любишь определенный оттенок красного. Если Йорунн купит себе платье такого цвета, тебе, пожалуй, лучше придержать свое мнение при себе. Не платье красивое или некрасивое, а вы по-разному воспринимаете цвета.

— Но все согласны, что апельсин круглый.

— Да, если твой апельсин круглый, никому не может «показаться», что он имеет форму куба. Апельсин может показаться сладким или кислым, однако тебе не может «показаться», что он весит восемь килограммов вместо двухсот граммов. Конечно, ты можешь «считать», что он весит несколько килограммов, но в таком случае ты попадаешь пальцем в небо. Среди нескольких человек, которые гадают, сколько весит какой-нибудь предмет, один непременно бывает ближе к истине. То же справедливо и в отношении чисел. В бутылке либо точно 986 горошинок, либо нет. Так же и с движением. Машина либо движется, либо находится в состоянии покоя.

— Понятно.

— Итак, что касается «протяженной» действительности, Локк разделяет с Декартом убеждение, что она обладает определенными качествами, которые человек способен понять разумом.

— Разделить такое убеждение не очень трудно.

— Локк открыт для того, что он называет интуитивным, или демонстративным, познанием, и в других областях. Он, например, считает определенные этические нормы чем-то само собой разумеющимся для всех. Он отстаивает *идею естественного права*, а это — признак рационализма. Столь же явный рационализм проявляется в тезисе Локка, гласящем, что существование Бога подсказывается человеку его разумом.

— Возможно, он и прав.

— В чем?

— В том, что Бог существует.

— Разумеется, такое мнение правомочно. Но для Локка это не вопрос веры. По его словам, познание человеком Бога вытекает из рассудка, а это признак рационализма. Могу также добавить, что он призывал к терпимости и свободе вероисповедания. Кроме того, его

волновал вопрос равенства полов. Что женщина подчинена мужчине, заведено человеком, утверждал он, а потому люди же и могут изменить такое положение.

— Не могу не согласиться.

— Локк был среди первых философов Нового времени, интересовавшихся проблемой социальных ролей мужчины и женщины. Он оказал большое влияние на своего тезку, *Джона Стюарта Милля*, который всячески способствовал равноправию полов. Локк вообще предвосхитил многие либеральные идеи, что расцвели пышным цветом в XVIII веке, в период французского Просвещения. К примеру, именно он выступал за то, что мы называем *принципом разделения властей…*

— Когда государственная власть делится между различными институтами.

— Может, ты помнишь и о каких институтах идет речь?

— Это законодательная власть (или национальное собрание), судебная власть (или суды) и исполнительная власть (или правительство).

— Такое деление на три части берет начало от французского философа эпохи Просвещения *Монтескье*. Локк указывал прежде всего на необходимость разграничения законодательной и исполнительной властей — как средства предотвращения тирании. Он был современником Людовика Четырнадцатого, который сосредоточил всю власть в одних руках. «Государство — это я», — говорил он. Мы называем его власть абсолютизмом. Сегодня мы могли бы также назвать ее «бесправием». Чтобы государство было правовым, законы должны создаваться представителями народа, а осуществление их — поручаться королю или правительству, считал Локк.

ЮМ

…в таком случае — предайте ее огню…

Альберто сидел, уперев взгляд в разделявший их стол. Вот он обернулся к окну и посмотрел на улицу.

— Тучи сгущаются, — сказала София.

— Да, парит.

— Ты, кажется, собирался рассказать о Беркли?

— Он был следующим из английских философов. Но, поскольку он во многих отношениях стоит особняком от других, давай сначала обратим внимание на *Дэвида Юма*, который жил между 1711-м и 1776-м годами. Из всех эмпириков его философия приобрела наибольшее значение. Ему также воздавали должное, поскольку именно он подтолкнул великого Иммануила Канта к созданию его философской системы.

— А это не важно, что мне больше хочется послушать про Беркли?

— Нет, это совершенно неважно. Юм родился и вырос в Шотландии, на окраине Эдинбурга, и родные прочили его в юристы, хотя сам он «чувствовал глубокое отвращение ко всякому другому занятию, кроме изучения философии и общеобразовательного чтения». Жизнь его пришлась на середину эпохи Просвещения, он был современником великих французских мыслителей *Вольтера* и *Руссо* и объездил всю Европу, прежде чем в конце концов снова осел в Эдинбурге. Важнейшее сочинение Юма, «Трактат о человеческой природе», вышло, когда ему было двадцать восемь лет. Однако идея книги, по его словам, возникла у него в пятнадцатилетнем возрасте.

— Значит, мне надо поспешить.

— Ты на верном пути.

— Но если я когда-нибудь создам собственную философию, она будет совершенно не похожа на всё, что я слышала до сих пор.

— Тебе не хватает чего-то конкретного?

— Во-первых, все философы, о которых ты рассказывал, были мужчинами. А мужчины живут в своем, отдельном мире. Меня же больше интересует мир реальности. Мир цветов и животных, мир детей, которые рождаются и вырастают. Твои философы все время твердят о некоем «человеке», и вот очередной пример — трактат о «человеческой природе». Такое впечатление, будто этот «человек» — мужчина средних лет. А жизнь, между прочим, начинается с беременности и родов. По-моему, в твоих рассказах пока что было слишком мало пеленок и детского плача. Наверное, в них было также слишком мало любви и дружбы.

— Разумеется, ты права. Но, может быть, как раз Юм отличался тем, что больше всех прочих философов исходил из повседневной жизни. Кроме того, он особенно остро чувствовал восприятие реальности детьми, то есть новыми гражданами мира.

— Я вся внимание.

— Будучи эмпириком, Юм считал своим долгом разобраться во всех неясных понятиях и нагромождениях мысли, созданных этими твоими мужчинами. Вокруг были завалы письменных и устных высказываний средневековых мыслителей и рационалистов XVII века. Юм хотел вернуться к непосредственному восприятию человеком окружающего мира. «Наши схоластики, — говорил он, — не так уж сильно превосходят обыкновенных людей разумом и искусством рассуждения», чтобы повести нас за кулисы повседневного опыта или предложить иные правила поведения, чем те, к которым мы приходим путем размышления над повседневной жизнью.

— Пока что звучит привлекательно. Ты можешь привести пример?

— Во времена Юма было общепринято представление об ангелах как реально существующих созданиях. Под ангелом понимается мужчина с крыльями. Ты когда-нибудь видела такое существо, София?

— Нет.

— А мужчину видела?

— Не задавай глупых вопросов.

— Вероятно, ты видела и крылья?

— Естественно, но не у людей.

— Согласно Юму, ангел представляет собой «сложное понятие». Оно состоит из двух разных явлений, которые в действительности не встречаются вместе, однако слились воедино в человеческой фантазии.

Иными словами, это ложное представление, и его следует выкинуть на помойку. Сходным образом нам нужно разбираться не только со всеми своими мыслями и представлениями, но и с домашними библиотеками. Ибо, как говорил Юм: если мы держим в руке книгу, давайте спросим себя, содержатся ли в ней абстрактные суждения касательно чисел или размеров? Нет. Содержатся ли в ней обретенные опытом суждения о достоверных фактах и бытии? Нет. В таком случае — предайте ее огню, ибо в ней не содержится ничего, кроме софистики и плодов воображения.

— Крутые меры.

— Зато мир воспрял, София, явил себя людям свежее и ярче прежнего. Юм стремился назад, к восприятию действительности ребенком, сознание которого еще не отягощено мыслями и умозаключениями. Ты, кажется, сказала, что большинство известных тебе философов жило в собственном мире, тогда как тебя интересует мир реальный?

— Да, что-то в этом роде.

— Юм вполне мог сказать то же самое. Но давай подробнее проследим за ходом его рассуждений.

— Я еще не ухожу.

— Юм начинает с утверждения, что у человека бывает два вида представлений: *впечатления* и *идеи*. Под «впечатлениями» он понимает непосредственное восприятие внешней действительности. Под «идеями» — воспоминания о подобных впечатлениях.

— Пожалуйста, примеры!

— Если ты обожглась о горячую плиту, у тебя мгновенно возникает «впечатление». Впоследствии ты можешь вспомнить, что обожглась. Такое воспоминание Юм называет «идеей». Разница заключается в том, что «впечатление» обычно ярче и живее последующего воспоминания о нем. Ты можешь сказать, что чувственное впечатление — это оригинал, а идея, или воспоминание о впечатлении, — его бледная копия. Ведь именно «впечатление» служит непосредственной причиной скрывающейся в сознании «идеи».

— Пока мне все ясно.

— Далее Юм подчеркивает, что и впечатление, и идея могут быть *простыми* или *сложными*. Если ты помнишь, в связи с Локком мы

говорили о яблоке. Наш опыт восприятия яблока — сложная идея. Сложной идеей является и представление нашего сознания о яблоке.

— Прости, что я прерываю, но это очень важно?

— Очень ли это важно? Да, очень. Хотя философы уделяли много внимания проблемам, которые кажутся тебе надуманными, не мешает вникнуть в ход их рассуждений. Юм наверняка согласился бы с Декартом по поводу важности развития мысли с начала и до конца.

— Сдаюсь.

— Юм настаивал, что иногда мы соединяем идеи, в реальном мире существующие порознь. Так возникают ложные идеи и представления, которых не найти в природе. Мы с тобой упоминали ангелов, а еще раньше говорили о крокослонах. Примером может служить и крылатый конь Пегас. Во всех этих случаях следует признать, что наше сознание занималось, так сказать, вырезанием и склеиванием разных частей. Крылья оно взяло от одного впечатления, а коня — от другого. Обе части были в свое время ощущениями, почему и вошли в театр нашего сознания в качестве подлинных «впечатлений». На самом деле сознание ничего не выдумывает само. Оно вырезает и склеивает, создавая таким образом ложные идеи или представления.

— Понятно. Теперь я сообразила и почему это важно.

— Прекрасно. Итак, Юм хочет изучить каждое представление, чтобы убедиться, не составлено ли оно из разных представлений тем способом, которого не существует в реальном мире. «Какие впечатления породили это представление?» — спрашивает он, пытаясь прежде всего выяснить, из каких простых идей составлено сложное понятие. Иными словами, он владеет критическим методом для анализа человеческих представлений и с помощью этого метода пробует навести порядок в наших мыслях и понятиях.

— Ты не мог бы подкинуть парочку примеров?

— Во времена Юма многие ясно представляли себе «небо», или «новый Иерусалим». Возможно, ты помнишь утверждение Декарта о том, что «ясные и четкие представления» сами по себе могут быть гарантией соответствия их чему-то реальному…

— Я уже говорила, что не отличаюсь большой забывчивостью.

— Нетрудно убедиться, что «небо» — чрезвычайно сложное представление. Назовем лишь несколько его элементов. На небе есть «жемчужные ворота», «улицы чистого золота», куча «ангелов» и так

далее. Но мы еще не дошли до простых составляющих неба, потому что и жемчужные ворота, и улицы чистого золота, и ангелы — тоже сложные представления. Только констатировав, что наше представление о небе состоит из простых представлений — типа «жемчужина», «ворота», «улица», «золото», «фигура в белом одеянии», «крылья», — мы можем спросить себя, получили ли мы в свое время соответствующие «простые впечатления».

— Мы их получили. А потом с помощью ножниц и клея сотворили из них воображаемую картинку, грезу.

— Совершенно верно. Ведь свои грезы мы, люди, творим именно с помощью ножниц и клея. Но Юм делает упор на том, что весь материал, из которого мы склеиваем воображаемые картинки, должен был в свое время поступить в наше сознание в виде простых впечатлений. Тот, кто никогда в жизни не видел золота, не сумеет представить себе и улицу чистого золота.

— Умно, ничего не скажешь. А как насчет Декарта, у которого было ясное и четкое представление о Боге?

— У Юма и на это был ответ. Предположим, что мы воображаем себе Бога как «бесконечно мудрое, благодетельное и совершенное» создание. Иными словами, у нас есть «сложная идея», которая состоит из чего-то бесконечно мудрого, благодетельного и совершенного. Если бы мы никогда не сталкивались с мудростью, благодетельностью и совершенством, у нас не могло бы появиться такого понятия о божестве. Возможно, в наше представление о Боге входит также то, что он «строгий, но справедливый отец», — то есть оно состоит из простых идей «строгий», «справедливый» и «отец». Многие жившие после Юма критики религии указывали, что подобное представление о Боге можно связать с нашим детским восприятием своего отца. Представление о собственном отце повлекло за собой представление о «небесном отце», говорили мыслители.

— Возможно, но мне всегда было трудно признать Бога исключительно в мужском обличье. Мама, например, в противовес этому несколько раз называла Бога Гудрун, то есть Боженой.

— Итак, Юм ополчился против всех мыслей и представлений, которые нельзя свести к соответствующим чувственным впечатлениям. По его словам, он хотел «ниспровергнуть туманную философию с ее метафизическим жаргоном, который в связи с

общераспространенными суевериями делает ее до некоторой степени непроницаемой для невнимательных мыслителей и придает ей вид науки и мудрости». Но и в повседневной жизни мы нередко прибегаем к сложным понятиям, не задумываясь об их соответствии действительности. Возьмем, к примеру, представление о Я, или о сути личности. На этом представлении фактически зиждется философия Декарта. Это то самое ясное и четкое представление, вокруг которого строится его мировоззрение.

— Надеюсь, Юм не пытался отрицать, что я — это я? Иначе его можно назвать очередным болтуном.

— Я бы хотел, София, чтобы из моего курса философии ты усвоила прежде всего одно: не надо торопиться с выводами.

— Продолжай.

— Нет, давай лучше ты сама по Юмовой методике разберешь то, что воспринимаешь как собственное Я.

— Для начала мне нужно спросить себя, является ли представление о моем Я простым или сложным.

— И как ты думаешь?

— Должна признаться, что мое восприятие себя довольно сложное. Я, скажем, склонна грустить. И мне бывает трудно на что-то решиться. И один и тот же человек может мне нравиться и одновременно не нравиться.

— Значит, твое представление о себе — «сложная идея».

— Пусть будет так. Теперь надо спросить, основывается ли эта идея на «сложном впечатлении» от себя. Конечно, основывается. Такое впечатление все время присутствует во мне.

— И тебе от этого неуютно?

— Я постоянно меняюсь. Сегодняшняя Я не похожа на ту, какой я была в четыре года. И настроение, и восприятие себя меняются каждую минуту. Иногда я вдруг кажусь себе «новым человеком».

— Следовательно, представление о том, что мы обладаем неизменной личностной сущностью, или тождеством личности, ложно. На самом деле представление о своем Я — это длинная цепь простых впечатлений, которые ты никогда не испытываешь *одновременно*. По Юму, оно есть «не что иное, как связка или пучок различных восприятий, следующих друг за другом с непостижимой быстротой и находящихся в постоянном течении, в постоянном движении».

Сознание — это «нечто вроде театра, в котором выступают друг за другом различные восприятия; они проходят, возвращаются, исчезают и смешиваются друг с другом в бесконечно разнообразных положениях и сочетаниях». Юм отстаивает тезис о том, что под или за такими преходящими восприятиями и настроениями не скрывается никакой «личности». Это как на киноэкране: поскольку картинки мелькают очень быстро, мы не замечаем, что фильм составлен из отдельных кадров. На самом деле картинки не соединены между собой, а фильм есть сумма мгновений.

— Сдаюсь.

— Значит, ты отказываешься от представления о тождестве личности?

— Значит, так.

— А ведь ты только что была другого мнения! Мне следует добавить, что такой способ анализа человеческого сознания, а также неприятие тождества человеческой личности были предложены почти за две с половиной тысячи лет до Юма и совсем в иных краях.

— Кем же?

— *Буддой.* Просто поразительно, насколько схожи их формулировки. Будда видел человеческую жизнь в виде непрерывного ряда интеллектуальных и физических процессов, ежеминутно изменяющих человека. Младенец отличается от взрослого, а Я сегодняшний отличаюсь от себя вчерашнего. «Ни о чем не могу я сказать: „это мое?, — утверждал Будда, — и ни о чем не могу я сказать: „это я?». Другими словами, никакого Я, или неизменной личности, не существует.

— Да, удивительно похоже на Юма.

— В продолжение идеи о неизменном Я многие рационалисты также считали само собой разумеющимся наличие у человека бессмертной души.

— Но это тоже ложное представление?

— Во всяком случае, согласно Юму и Будде. Знаешь, что сказал Будда своим ученикам перед смертью?

— Нет. Откуда мне знать?

— «Всё составленное из частей разрушается». Вероятно, такие слова могли бы принадлежать и Юму. Или, скажем, Демокриту. Во всяком случае, нам известно, что Юм отвергал всякие попытки

доказать бессмертие души или существование Бога. Это не значит, что он отрицал то и другое, просто он считал попытки доказать религиозную веру с помощью разума рационалистическим вздором. Юм не был ни христианином, ни убежденным атеистом. Он был так называемым *агностиком.*

— Это кто такой?

— Агностик — человек, который не знает, существует Бог или нет. Когда Юм лежал на смертном одре, его друг спросил, верит ли он в загробную жизнь. Говорят Юм ответил что-то вроде: «Всякое бывает — и уголь, брошенный в огонь, иногда не горит».

— Вот как…

— Ответ был типичен для его полной свободы от предрассудков. Юм признавал достоверным лишь то, о чем свидетельствовал чувственный опыт, оставляя открытым вопрос обо всех прочих возможностях. Он не отвергал ни христианскую веру, ни веру в чудеса. Но в обоих случаях речь идет о *вере,* а не о научном знании или здравом смысле. Вполне можно утверждать, что философия Юма разрушила последнюю связь между верой и наукой.

— Ты же сказал, что он не отвергал чудеса.

— Это не значит, что он верил в чудеса, скорее наоборот. У людей, настаивает он, есть сильная потребность верить в то, что мы сегодня назвали бы «сверхъестественными явлениями». Несколько странно только одно: все чудеса, о которых распространяются слухи, происходили либо где-то далеко, либо очень давно. Так что Юм отвергает чудеса исключительно потому, что не испытал их на собственном опыте. Однако его опыт также не доказывает, что они не могут случиться.

— Пожалуйста, объясни.

— Согласно Юму, чудо — это нарушение законов природы. Тем не менее бессмысленно говорить, будто мы на своем опыте испытываем законы природы. На опыте мы лишь наблюдаем, как камень падает на землю, когда его выпускают из рук. А если бы он вдруг не упал… тогда бы у нас был другой опыт.

— Тогда бы я сказала, что это чудо… или нечто сверхъестественное.

— Значит, ты веришь в существование двух природ — естественной и сверхъестественной. Ты, кажется, решила вернуться

назад, к рационалистическому запудриванию мозгов.

— Может быть. Но я считаю, что камень будет падать на землю каждый раз, когда его выпустят из рук.

— Почему?

— Какой ты противный!

— Я не противный, София. Философу не возбраняется задавать вопросы. Возможно, мы с тобой сейчас говорим о важнейшем тезисе Юмовой философии. Отвечай же, почему ты уверена, что камень будет каждый раз падать на землю.

— Я столько раз видела это, что могу быть совершенно уверена.

— Юм сказал бы, что ты много раз на собственном опыте испытала падение камня на землю. Но ты не испытала другого: что он *будет падать каждый раз*. Принято считать, что камень падает на основании закона тяготения. Но мы не наблюдали самого закона, мы наблюдали лишь падение разных предметов.

— Разве это не одно и то же?

— Не совсем. Ты уверена в падении камня, потому что много раз видела такое. На этом и строит свои рассуждения Юм. Ты привыкла, что одно следует за другим, и через некоторое время ожидаешь, что то же самое будет происходить всякий раз, когда ты попробуешь лишить камень опоры. Таким образом возникают представления о так называемых «нерушимых законах природы».

— Неужели он в самом деле хочет сказать, что камень может и не упасть на землю?

— Юм был не меньше тебя уверен, что при каждой новой попытке бросить камень он непременно упадет на землю. Философ лишь указывает, что не убедился на опыте, *почему* это происходит.

— Тебе не кажется, что мы снова удалились от детей и цветов?

— Нисколько, напротив. Ты можешь использовать детей в качестве Юмовых свидетелей истины. Как ты думаешь, кто больше изумится камню, два часа парящему в нескольких метрах над землей: ты или годовалый ребенок?

— Больше изумлюсь я.

— Почему, София?

— Очевидно, потому что я лучше малыша понимаю, насколько это противоестественно.

— А почему ребенок не понял бы, что это противоестественно?

— Потому что он еще плохо изучил природу.

— Или потому, что природа еще не успела стать для него *привычной*.

— Я чувствую, ты не зря подвиг меня на эти рассуждения. Юм призывал к обострению восприятия.

— В таком случае вот тебе новое задание. Если бы ты и маленький ребенок наблюдали за потрясающим фокусником, который, скажем, заставлял бы разные предметы парить в воздухе, — кому из вас было бы веселее во время этого номера?

— Думаю, что мне.

— А почему?

— Потому что я бы поняла, насколько это ненормально.

— Хорошо. Ребенок не сможет получать удовольствие от нарушения законов природы, пока не познает этих законов.

— Можно сказать и так.

— И мы по-прежнему разбираемся в самой сути Юмовой философии опыта. Он бы добавил, что ребенок еще не стал рабом ожиданий, рабом привычки. Значит, из вас двоих малыш больше свободен от предрассудков. Спрашивается, не он ли и есть величайший философ. Ведь ребенок не имеет предубеждений, а это, моя милая София, главное преимущество философии. Ребенок воспринимает мир таким, как он есть, не вкладывая в вещи больше того, что ощущает в них.

— Каждый раз, когда меня охватывает предубеждение, я жалею о том, что больше не ребенок.

— Рассуждая о власти привычки, Юм сосредоточивается на «законе причинности». Этот закон гласит, что всё происходящее должно иметь причину. Юм приводит в качестве примера два бильярдных шара. Если ты стукнешь черным шаром по лежащему спокойно белому, что случится с белым шаром?

— Если черный шар попадет в белый, белый шар придет в движение.

— Верно, а почему?

— Потому что его стукнет черный шар.

— В таком случае обычно говорят, что толчок черного шара стал *причиной* движения белого шара. Но нам нужно помнить, что мы

вправе утверждать что-либо, только если испытали это на собственном опыте.

— Я много раз наблюдала такое. У Йорунн в подвале есть бильярдный стол.

— Юм скажет, что ты наблюдала только одно: как черный шар стукается о белый, после чего белый шар начинает катиться по столу. Ты не наблюдала самой причины, по которой белый шар начал катиться. Ты ощутила последовательность событий, но не ощутила, что второе событие произошло *из-за* первого.

— Тебе это не кажется излишне скрупулезным?

— Нет, это крайне важно. Юм подчеркивает, что ожидание определенной последовательности событий заложено не в самих вещах, а в нашем сознании. И это ожидание, как мы уже убедились, связано с привычкой. Опять-таки маленький ребенок и глазом не моргнул бы, если бы один шар толкнул другой — и оба замерли на месте. Говоря о законах природы или о причине и следствии, мы рассуждаем не столько о том, что отвечает здравому смыслу, сколько о привычке. Законы природы нельзя назвать ни сообразующимися со здравым смыслом, ни противоречащими ему — они такие, какие есть. Иными словами, ожидание того, что при столкновении с черным шаром белый придет в движение, не является врожденным. Мы вообще не рождаемся с набором ожиданий по поводу того, как должен функционировать окружающий мир и его явления. Мы просто познаем его таким, какой он есть.

— У меня снова ощущение, что вряд ли это так уж важно.

— Это может быть важно, если наши ожидания подталкивают нас к поспешным выводам. Юм не отрицает существования непреложных законов природы; мы склонны делать такие выводы, поскольку не в состоянии воспринять сами законы природы.

— Ты не мог бы привести примеры?

— Даже если я вижу целый табун гнедых лошадей, это не значит, что все лошади гнедые.

— Разумеется, тут ты прав.

— И даже если я всю жизнь видел одних только черных ворон, это не значит, что не существует белая ворона. И для философа, и для естествоиспытателя важно не отвергать возможности существования

белой вороны. Пожалуй, можно сказать, что охота за «белой вороной» составляет одну из главнейших задач науки.

— Ясно.

— Что касается отношений между причиной и следствием, наверное, многие считают молнию причиной грома, поскольку он всегда следует за молнией. Это пример того же типа, что и с бильярдными шарами. Но действительно ли молния вызывает гром?

— Не совсем, вообще-то молния сверкает одновременно с тем, как гремит гром.

— Да, потому что и молния, и гром происходят от электрического разряда. Хотя мы всегда слышим гром вслед за молнией, это не значит, что молния вызывает раскаты грома. В действительности оба явления объясняются третьим фактором.

— Понятно.

— Один эмпирик XX века, *Бертран Рассел,* приводит более гротескный пример. Цыпленок, который каждый день получает корм после того, как птичник прошел через двор, в конечном счете приходит к выводу о взаимосвязи между приходом птичника и появлением в кормушке еды.

— Но однажды цыпленок не получает корма?

— Однажды птичник проходит через двор и сворачивает цыпленку шею.

— Фу, какая гадость!

— Итак, следование во времени одного события за другим вовсе не обязательно означает существование между ними причинно-следственной связи. Одну из своих первейших задач философия видит в том, чтобы предостерегать людей от поспешных выводов. Собственно, такая поспешность порождает многие суеверия.

— Каким образом?

— Тебе перебегает дорогу черная кошка. В тот же день ты падаешь и ломаешь себе руку. Но это не означает существования взаимосвязи между двумя случаями. Поспешные выводы тем более недопустимы в науке. Хотя многие люди выздоравливают после принятия определенного лекарства, это не значит, что они выздоровели благодаря ему. Вот почему необходимо иметь большую контрольную группу, члены которой думают, что принимают то же лекарство, хотя на самом деле им дают муку с водой [41]. Если эти люди тоже

выздоровеют, значит, их поправке способствовал какой-то третий фактор — например, вера в действенность лекарства.

— Кажется, я начинаю понимать, что такое эмпиризм.

— Юм восставал против рационалистического мировоззрения также в отношении морали и этики. Рационалисты утверждали, что различение добра и зла заложено в человеческом рассудке. Мы сталкивались с так называемой идеей естественного права у многих философов, от Сократа до Локка. Но, согласно Юму, наши слова и поступки определяет вовсе не разум.

— А что же?

— Наши ч*увства*. Если ты решаешь помочь человеку, которому нужна помощь, тебя подвигает на это не разум, а чувства.

— А если я не в состоянии помочь?

— Тут тоже вступают в действие чувства. Неоказание помощи нуждающемуся в ней само по себе нельзя назвать разумным или неразумным, однако оно может оставить ощущение совершённой подлости.

— Где-то должна проходить грань. Любой человек *знает*, что нехорошо убивать ближнего.

— По Юму, все люди желают другим добра и благополучия. Иными словами, у нас есть способность к сочувствию и сопереживанию. Но это никак не связано с рассудком.

— Боюсь, я не совсем в этом уверена.

— Иногда, София, не очень неразумно бывает убрать с твоей дороги человека. Если ты стремишься к определенной цели, подобная мера может оказаться весьма эффективной.

— Это уж слишком! Я протестую!

— Тогда попытайся объяснить мне, почему нельзя убить мешающего тебе человека.

— Другой человек тоже любит жизнь, поэтому его нельзя убивать.

— Это было логическое доказательство?

— Не знаю.

— Ты перешла от *констатирующего суждения* («другой человек тоже любит жизнь») к так называемому *модальному*, или *предписывающему, суждению* («поэтому его нельзя убивать»). С чисто умозрительной точки зрения это нонсенс. Ты точно так же можешь сказать: «раз многие люди мошенничают при уплате налогов, и я не

обязана платить налоги полностью». Юм утверждал, что нельзя делать умозаключения, переходя от констатирующего суждения к модальному. Тем не менее такое явление очень распространено, особенно в газетных статьях, программах партий и парламентских речах. Привести еще примеры?

— Пожалуйста.

— «С каждым днем все больше народу хочет летать самолетами, поэтому необходимо строить больше аэродромов». Как тебе кажется, такой вывод правомерен?

— Нет, он глуп. Нужно ведь еще думать об окружающей среде. По-моему, нам лучше строить больше железных дорог.

— Или кто-то говорит: «Увеличение добычи нефти поднимет жизненный уровень населения на десять процентов. Следовательно, нам нужно возможно скорее расширить наши нефтеразработки».

— Чушь! В этом случае тоже надо думать об окружающей среде. Кстати, уровень жизни в Норвегии и так достаточно высокий.

— Иногда слышишь фразы вроде: «Данный закон одобрен стортингом, значит, все граждане нашей страны обязаны руководствоваться им». Внутреннее убеждение, однако, нередко предостерегает человека от следования таким «одобренным» законам.

— Понимаю.

— Итак, мы пришли к выводу о невозможности доказать с помощью разума, как нам следует вести себя. Ответственное поведение связано с мобилизацией не разума, а чувств, то есть желания добра другим. «Я не вступлю в противоречие с разумом, если предпочту, чтобы весь мир был разрушен, тому, чтобы я поцарапал палец», — писал Юм.

— Отвратительное заявление.

— Не менее отвратительно заниматься подтасовкой карт. Ты знаешь, что нацисты убили миллионы евреев. Как ты считаешь, у этих людей было не все в порядке с мозгами или с чувствами?

— Прежде всего, с чувствами.

— Ума кое-кому из них было не занимать, так что за такими бесчувственными решениями нередко скрывается холодный расчет. После войны многие нацисты предстали перед судом, но их осудили не за «отсутствие разума», а за жестокость. Иногда, как известно, людей освобождают от ответственности за содеянное, если они не в своем

уме. Мы говорим, что они «страдают душевным расстройством» или что в момент совершения преступления они «пребывали в состоянии невменяемости». Не было, однако, такого случая, чтобы кого-нибудь оправдали на основании того, что он «страдает бесчувственностью».

— Еще чего не хватало.

— Впрочем, не обязательно обращаться только к самым страшным примерам. Если в результате наводнения начинают нуждаться в помощи тысячи и тысячи людей, вмешаться и помочь нас заставляют чувства. Будь мы бесчувственными и предоставь решение трезвому расчету, мы могли бы подумать, что в мире, которому давно грозит перенаселение, нас вполне устроит смерть нескольких миллионов человек.

— Прямо зло берет, что кто-то может так рассуждать.

— И злишься ты вовсе не головой.

— Это уж точно.

БЕРКЛИ

…он могуч и гоняет стаи туч…

Альберто встал и подошел к окну с видом на город. София пристроилась рядом.

Пока они так стояли, над крышами домов проплыл небольшой спортивный самолет с прикрепленным к нему полотнищем. София подумала, что на куске материи, длинным шлейфом тянущейся за самолетиком, будет реклама гала-концерта или чего-нибудь в этом роде. Но вблизи она разглядела совсем другую надпись:

«ПОЗДРАВЛЯЕМ С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ХИЛЬДА!»

— Это уже навязчивость, — только и сказал Альберто. С гор, видневшихся в южной стороне, на город наползали темные тучи. Самолетик скрылся в одной из них.

— Боюсь, погода совсем испортится, — заметил Альберто.

— Тогда я поеду домой на автобусе.

— Как бы и это ненастье не наслал на нас майор.

— Он что, могуч и гоняет стаи туч?

Ничего не ответив, Альберто вернулся к журнальному столику и сел, теперь уже в кресло.

— Нам нужно поговорить о Беркли, — выждав некоторое время, сказал он.

София тоже села. Она поймала себя на том, что начала грызть ногти.

— *Джордж Беркли* был ирландским епископом, он родился в 1685-м и умер в 1753 году, — приступил к рассказу Альберто и снова надолго умолк.

— Беркли был ирландским епископом, — подхватила София.

— Но он был и философом…

— Да?

— Он чувствовал, что современные ему философия и естествознание создают угрозу христианскому мировоззрению. В частности, он видел, как набирающий силу материализм подрывает веру в то, что все на свете создано и управляется Богом…

— Ну и?…

— При этом именно Беркли оказался самым последовательным эмпириком.

— По его мнению, наши знания о мире ограничиваются тем, что мы ощущаем?

— Более того, Беркли считал, что все вещи в мире таковы, какими мы их воспринимаем в ощущении, но при этом они не «вещи».

— Тогда тебе придется объяснить подробнее.

— Ты помнишь утверждение Локка, что мы не можем высказываться о «вторичных качествах» вещей? Мы, мол, не вправе говорить о яблоке, что оно зеленое и кислое, потому что это наши индивидуальные ощущения. Но, по словам Локка, «первичные качества» — такие, как скорость, тяжесть, вес, — в самом деле принадлежат окружающей нас внешней действительности, то есть эта действительность обладает физической «субстанцией».

— У меня по-прежнему хорошая память. Кроме того, по-моему, Локк подметил очень тонкую разницу.

— Если бы все было так просто, София…

— Рассказывай дальше!

— Локк также утверждал — вслед за Декартом и Спинозой, — что физический мир обладает реальностью.

— Да?

— Этот тезис и подвергает сомнению Беркли, причем, как ни странно, своей приверженностью к последовательному эмпиризму. Он говорит: существует только то, что мы воспринимаем. Но мы не воспринимаем «материю», не воспринимаем «вещь» в ее конкретном воплощении. Предполагать, что за нашими ощущениями скрывается некая «субстанция», значит приходить к скоропалительным выводам. У нас вообще нет убедительных примеров из опыта, чтобы делать подобные заявления.

— Чепуха! Смотри!

И София что было силы стукнула кулаком по столу.

— Ай! — вскрикнула она. — Разве это не доказывает, что стол вполне реален и состоит из материи?

— Что ты почувствовала, когда стукнула?

— Я почувствовала нечто твердое.

— У тебя было четкое ощущение чего-то твердого, но ты не почувствовала самой *материи*, из которой состоит стол. Тебе, скажем, может присниться, что ты стукнулась обо что-то твердое, но разве оно присутствовало во сне?

— Конечно, во сне ничего твердого не было.

— Помимо всего прочего, человеку можно внушить те или иные ощущения. Его можно заставить под гипнозом чувствовать тепло или холод, ласку или удар кулаком.

— Но если твердым был не сам стол, что же дало мне ощущение твердости?

— Беркли считал, что это «воля или дух». Все наши идеи, утверждал он, обусловлены причиной, лежащей вне нашего сознания, но причина эта не материального, а духовного происхождения.

София снова принялась грызть ногти.

— Согласно Беркли, — продолжал Альберто, — причиной моих представлений (например, во сне) может быть моя собственная душа, но лишь чужая воля или дух порождают идеи, составляющие наш «материальный» мир. Все вещи «принадлежат… духу, *который творит всё во всем и которым все существует»*, — утверждал он.

— Что это еще за «дух»?

— Беркли, конечно, имеет в виду Бога. Он говорит: «Мы можем даже утверждать, что существование Бога воспринимается гораздо очевиднее, чем существование людей».

— Неужели нельзя быть уверенным даже в собственном существовании?

— Как тебе сказать?… Каждая вещь, которую мы видим и чувствуем, «есть знак или действие божественного всемогущества», заявляет Беркли, и ничто не может быть более очевидно, «чем существование Бога или духа, ближайшим образом присущего нашим умам, производящего в них все то разнообразие идей или ощущений, которое постоянно воздействует на нас». Иными словами, вся окружающая нас природа и все наше бытие зиждется на Боге. Он — единственная причина всего сущего.

— Меня это, мягко говоря, удивляет.

— Но вопрос «Быть иль не быть» не исчерпывающ. К нему нужно добавить: кто мы такие? Реальные ли мы люди из плоти и крови? Состоит ли наш мир из подлинных вещей — или же нас окружает одно сознание?

София опять потянулась грызть ногти. Альберто продолжал:

— Ведь Беркли подвергает сомнению не только материальную действительность. Он сомневается и в независимом существовании пространства и времени. Наше ощущение пространства и времени тоже может ограничиваться сознанием. Наша неделя или месяц вовсе не обязательно будет неделей или месяцем для Бога…

— Ты сказал, что «для Беркли» этот дух, на котором зиждется все, — христианский Бог.

— Да, я так сказал. Но для нас…

— Что?

— …для нас этой «волей или духом», который «творит всё во всем», может быть отец Хильды.

София замерла от изумления. На лице ее был написан большой вопрос. В то же время кое-что как будто начало проясняться.

— Ты в самом деле так считаешь?

— Я не вижу другой возможности. Это кажется единственным вероятным объяснением всего, что с нами происходит. Я имею в виду появляющиеся кругом открытки и прочие обращения. Я имею в виду Гермеса, который заговорил человеческим голосом, и свои собственные обмолвки.

— Я…

— Ты только подумай, Хильда, я все время называл тебя Софией! А ведь я прекрасно знаю, что ты не София.

— Что ты бормочешь? У тебя явно голова пошла кругом.

— Да, дитя мое, ведь все идет кругом, все вертится и вращается. Как наш замороченный шарик вокруг жгуче-палящего солнца…

— И это солнце — отец Хильды?

— Можно сказать и так.

— Ты утверждаешь, что он для нас вроде Бога?

— Без всякого смущения говорю «да». Смущаться и стыдиться следует ему!

— А что ты думаешь про Хильду?

— Она ангел, София.

— Ангел?

— Ведь этот «дух» обращается именно к ней.

— Ты имеешь в виду, что Альберт Наг рассказывает Хильде про нас?

— Да, устно или письменно. Как мы с тобой выяснили, сами мы не можем ощутить материю, из которой состоит наша действительность. Мы не можем знать, из чего она состоит: из звуковых волн или из бумаги с написанным текстом. По Беркли, мы можем лишь знать, что зависим от духа.

— А Хильда — ангел…

— Да, она ангел. И довольно об этом. Поздравляю с днем рождения, Хильда!

Комнату вдруг залило синеватым светом. Через несколько секунд послышалось раскатистое громыханье, и дом крепко тряхнуло.

Альберто сидел с отрешенным видом.

— Мне пора домой, — сказала София.

Она встала и направилась к выходу. Пока она отпирала замок, проснулся спавший под вешалкой Гермес. Софии показалось, будто он произнес:

— До свиданья, Хильда.

Закрыв за собой дверь, она ринулась вниз по лестнице и выскочила на улицу. Вокруг ни одного прохожего. Впрочем, с неба лило как из ведра.

По мокрому асфальту проплыло несколько машин, но ждать автобуса казалось безнадежным. София пересекла Стурторгет и бегом припустилась к дому.

В мозгу ее стучало: «Завтра день рождения». Ей казалось особенно обидным осознать, что жизнь — «лишь только сновиденье», накануне своего пятнадцатилетия. Так бывает во сне, когда ты выиграл миллион и тебе вот-вот вручат выигрыш… а ты берешь и просыпаешься.

Пробегая через стадион, София вдруг увидела еще одного мчащегося под дождем человека. Ей навстречу бежала мама. Небо то и дело пронзали молнии.

Когда они встретились, мама крепко обняла Софию.

— Что с нами происходит, девочка моя?

— Не знаю, — заплакала София. — Нам снится какой-то кошмарный сон…

БЬЕРКЕЛИ

…волшебное зеркало, которое прабабушка купила у цыганки…

Хильда Мёллер-Наг проснулась в мансарде старого капитанского дома в окрестностях Лиллесанна. Она взглянула на часы. Еще только шесть, а в комнате совсем светло. Одну стену почти целиком заливает утреннее солнце.

Хильда встала с кровати и подошла к окну. По дороге она нагнулась над письменным столом и оторвала листок с настольного календаря. Четверг, 14 июня 1990 года. Смяв листок, она бросила его в корзину.

Теперь на нее смотрела с календаря другая дата: «Пятница, 15 июня 1990 года». Хильда еще в январе написала на этом листке — «15 ЛЕТ». Девочке казалось особенно примечательным, что пятнадцать лет ей исполняется пятнадцатого числа. Больше такое не повторится.

Пятнадцать лет! Это ведь первый день ее «взрослой жизни»! Нет, нельзя просто пойти и улечься обратно в постель. Кроме всего прочего, сегодня последний день перед каникулами. Впрочем, занятий не будет, только церемония окончания года — в церкви в час дня. И у Хильды еще одна радость: через неделю возвращается из Ливана папа. Он обещал приехать к Иванову дню.

Стоя у окна, Хильда выглянула в сад, потом перевела взгляд дальше, на мостки и красный лодочный сарай. Яхту в этом сезоне еще не вытаскивали, но старая гребная лодка была пришвартована у причала. Надо не забыть вычерпать из нее воду после вчерашнего ливня.

Пока Хильда озирала бухточку, ей вспомнилось, как однажды, когда ей было лет шесть-семь, она залезла в лодку и в полном одиночестве выгребла на ней в залив. Там она упала за борт и еле-еле сумела по-собачьи приплыть к берегу. Мокрая до нитки, она пробралась сквозь заросли кустарника и остановилась посреди сада. Тут к ней подлетела мама. Лодку с обоими веслами унесло далеко во

фьорд. Хильде до сих пор иногда снилась лодка, дрейфующая посреди залива. Ощущение от сна оставалось препоганое.

Сад не отличался ни пышностью растительности, ни ухоженностью. Зато он был большой — и принадлежал Хильде. Иссушенная ветрами яблоня и почти не плодоносящие ягодные кусты с трудом переживали жестокие зимние шквалы.

На небольшой лужайке между кустарником и поросшими вереском кочками стояли садовые качели. Яркий утренний свет, казалось, подчеркивал их неприютность и заброшенность. Это впечатление усиливалось тем, что с качелей были убраны подушки. Вчера вечером мама выбежала из дома и спасла их от непогоды.

Со всех сторон просторный сад окаймляли березы, которые хотя бы немного заслоняли его от порывистого ветра. В честь этих деревьев усадьба и получила свое название — Бьеркели, Березовый Кров.

Дом построил в конце прошлого века прадед Хильды, капитан одной из последних больших шхун. Многие по сей день называли этот дом «капитанской виллой».

В саду еще чувствовался разразившийся вчера вечером ливень. Хильда не раз просыпалась от ударов грома. Сейчас на небе не было ни облачка.

После таких проливных дождей в саду становилось удивительно свежо. В последние недели стояла жара и засуха, так что листья березы успели пожухнуть и противно пожелтеть по краям. Теперь природа словно умылась и предстала в новом виде. К тому же сегодня у Хильды было впечатление, будто потоки вчерашнего ливня смыли все ее детство.

«Как могут почки лопаться без боли?…» Кажется, что-то в этом роде сказала одна шведская поэтесса. Или финская? [42]

Хильда встала перед большим зеркалом в бронзовой раме, которое висело над оставшимся от бабушки старинным комодом.

Красивая ли она, Хильда? Во всяком случае, не уродина ли? Нет, скорее всего, серединка на половинку…

У нее были длинные русые волосы. Хильде всегда хотелось иметь волосы либо чуть светлее, либо чуть темнее. Такой средний цвет был малопривлекателен. Среди достоинств она отметила свои локоны. Многие подружки изо всех сил старались уложить волосы так, чтобы они хоть немножко вились, а у Хильды они от рождения лежали

мягкими волнами. Также к достоинствам она отнесла ярко-зеленые глаза. «Неужели бывают такие изумрудные глазки?» — наклоняясь ближе, вечно спрашивали ее дяди и тети.

Хильда задумалась над тем, чье отражение она изучает в зеркале: девочки или молодой женщины? Ни то и ни другое, решила она. Тело, пожалуй, сформировалось и было женским, но лицо скорее можно было назвать недозрелым — вроде неспелого яблока.

Старинное зеркало всегда наводило Хильду на мысли об отце. Раньше оно висело в его «студии». Под студией понималась комнатка на верху лодочного сарая, совмещавшая в себе библиотеку, место меланхолических раздумий и писательский кабинет. Альберт — как Хильда называла отца, когда он бывал дома, — всегда мечтал сочинить что-нибудь великое. Однажды он засел за роман… но так и не дописал его. Впрочем, стихи и заметки о флоре и фауне прибрежных островов регулярно появлялись в местной газете «Федреланнсвеннен» («Друг отечества»). Хильда едва ли не больше самого отца гордилась, когда видела его имя, набранное типографским шрифтом: АЛЬБЕРТ НАГ. Во всяком случае, в Лиллесанне имя это вызывало особый отклик: Альбертом звали и Хильдиного прадеда.

Да, вернемся к зеркалу. Много лет назад отец шутил, что, конечно, в зеркале всегда можно подмигнуть себе, но только не двумя глазами сразу. Единственным исключением было зеркало в бронзовой раме, потому что это было старинное волшебное зеркало, которое прабабушка вскоре после свадьбы купила у цыганки.

Хильда долго практиковалась, однако подмигнуть самой себе обоими глазами было не менее сложно, чем убежать от собственной тени. Дело кончилось тем, что доставшееся по наследству зеркало отдали в полное и безраздельное владение Хильды. Все детство она то и дело возобновляла попытки справиться с невыполнимым фокусом.

Неудивительно, что сегодня она пребывает в задумчивости. Неудивительно, что она сосредоточена на себе. Все-таки пятнадцать лет…

Только теперь она посмотрела на тумбочку рядом с кроватью. Там лежал большой пакет! Обернутый в нарядную небесно-голубую бумагу и перевязанный красной шелковой ленточкой. Явно подарок к дню рождения!

Тот ли это ПОДАРОК от папы, вокруг которого нагнеталось столько таинственности? Папа во многих открытках из Ливана делал странные намеки на него, но потом, по собственному выражению, «ввел для себя строжайшую цензуру».

Подарок «с каждым днем разрастался». Еще папа упоминал какую-то девочку, с которой Хильда вскоре познакомится… и писал, что посылает ей копии всех открыток. Хильда пробовала выпытать у мамы, что он имеет в виду, но мама тоже ничегошеньки не знала.

Самым странным был намек на то, что подарком, вероятно, можно будет «поделиться с другими». Папа не зря работал для ООН. Если у него появлялась навязчивая идея — а таких идей у него бывало множество, — то Организация Объединенных Наций должна была претворить ее в масштабах всего человечества. «Неужели ООН когда-нибудь в самом деле удастся обеспечить на земле мир?» — написал он в одной из открыток.

Можно ли ей вскрыть пакет, прежде чем сюда поднимется мама с булочками и соком, с поздравительной песенкой и норвежским флагом? Конечно, можно, он затем и лежит здесь.

Хильда подошла к тумбочке и взяла пакет. Какой тяжелый! Она обнаружила и наклейку с надписью: «Хильде в день 15-летия от папы».

Она села на кровать и принялась аккуратно развязывать красную ленточку. Вскоре она уже развертывала бумагу.

Там оказалась большая папка с металлическими кольцами.

Неужели это и есть ПОДАРОК?! Тот самый подарок к ее пятнадцатилетию, о котором было столько разговоров? Подарок, который «с каждым днем разрастался» и которым к тому же можно будет «поделиться с другими»?

Беглый взгляд обнаружил, что папка до отказа заполнена машинописными листами. Хильда узнала шрифт машинки, которую папа взял с собой в Ливан.

Неужели он написал для нее целую книгу?

На первой странице крупными буквами было от руки выведено: МИР СОФИИ.

Чуть ниже на том же листе шла надпись на машинке:

СВЕТ СОЛНЦА ДЛЯ ЗЕМЛИ НАСТОЛЬ ЖЕ БЛАГОДАТЕН, СКОЛЬ ПРОСВЕЩЕНЬЯ СВЕТ ДЛЯ ПАХАРЯ ЕЕ.

Н. Ф. С. Грундвиг

Хильда принялась листать дальше. Вверху следующей страницы начиналась первая глава. Заголовок гласил: «Эдемский сад». Удобно устроившись в постели и подперев папку коленями, девочка принялась читать.

София Амуннсен возвращалась домой из школы. Первый отрезок пути они шли вместе с Йорунн и говорили о роботах. Йорунн считала, что человеческий мозг — всего-навсего компьютер, только очень сложный. София высказывала сомнения. Наверное, человек не просто машина?

Читая дальше, Хильда вскоре забыла обо всем другом, забыла даже о том, что у нее сегодня день рождения. Тем не менее несколько мыслей все же сумело проникнуть в ее сознание и втиснуться между читаемых строк: «Неужели папа написал роман? Неужели он снова взялся за большой роман и закончил его в Ливане? Он ведь не раз сетовал, что в тех широтах время иногда тянется невыносимо медленно».

Отец Софии тоже путешествовал по свету. Значит, это с ней должна была познакомиться Хильда…

Лишь по-настоящему ощутив, что когда-нибудь ее не станет, София начинала понимать всю ценность бытия… Откуда произошел мир?… В конечном счете нечто должно было когда-то возникнуть из совершенной пустоты. Могло ли такое случиться? В это верилось не больше, чем в извечное существование мира.

Хильда читала все дальше и дальше. Она прямо-таки подскочила в постели от изумления, когда дошла до того, как София Амуннсен получила открытку из Ливана. «Софии Амуннсен (для Хильды Мёллер-Наг), Клёвервейен, 3…»

Дорогая Хильда! Сердечно поздравляю с пятнадцатилетием. Как ты догадываешься, я хочу сделать тебе подарок, который бы пригодился на будущее. Прости, что посылаю открытку Софии. Так удобнее.

Любящий тебя папа.

Вот ловкач! Хильда всегда считала своего папу хитрецом, но сегодня он застал ее совершенно врасплох, как говорится, «взял тепленькой». Вместо того чтобы приложить открытку к пакету, он вставил ее в свое сочинение.

Но ей очень жаль эту Софию! Бедняжка была совершенно сбита с толку:

Зачем чужому отцу направлять деньрожденную открытку Софии, если послание предназначено другому человеку? Какой отец захочет лишить собственную дочь поздравления, отослав его совсем по другому адресу? Почему «так удобнее»? И главное: как ей разыскать Хильду?

Действительно, как она могла это сделать?

Перевернув страницу, Хильда принялась за вторую главу, под названием «Цилиндр». Вскоре она дошла до длинного письма, которое таинственный незнакомец написал Софии. Хильда затаила дыхание.

Интерес к подобным вопросам куда менее «случаен», чем, скажем, интерес к коллекционированию марок. Человек, склонный к обсуждению таких проблем, продолжает традицию, которая существует на нашей планете столько тысячелетий, сколько на ней живут люди…

«София уже мало что соображала». Хильда тоже. Оказывается, папа не просто сочинил ей в подарок книгу, он сочинил книгу совершенно удивительную, загадочную.

Краткий итог: из пустого цилиндра извлекают белого кролика. Поскольку кролик гигантских размеров, фокус этот растягивается на миллиарды лет. Все человеческие детеныши рождаются на

поверхности меха, на самых концах волосинок, что позволяет им с изумлением наблюдать за невероятным фокусом. Однако по мере взросления они зарываются все глубже и глубже в кроличий мех… где и остаются…

Не одна только София искала себе место в глубине кроличьего меха. Сегодня Хильде исполнилось пятнадцать лет, и она тоже чувствовала, что пора определять для себя дальнейший путь.

Она читала про греческих натурфилософов. Хильда знала, что ее отец увлекается философией. Он даже писал в газете, что философию нужно сделать одним из школьных предметов. Его статью поместили под названием «Почему философию следует включить в школьную программу?». Он поднял этот вопрос и на родительском собрании в Хильдином классе, чем ввел свою дочь в большое смущение.

Она взглянула на часы. Было уже полвосьмого. Еще по крайней мере час до того, как мама поднимется к ней с угощением, — ну и хорошо, потому что Хильда очень увлеклась Софией и философскими проблемами. Она прочла главу про Демокрита. Сначала Софии был дан на обдумывание вопрос: «Почему конструктор „Лего? — самая гениальная игрушка на свете?» Потом она нашла в почтовом ящике «большой желтый конверт».

Подобно своим предшественникам, Демокрит считал, что изменения в природе нельзя объяснять «переменами» вещества, а потому предположил, что все состоит из невидимых кирпичиков, каждый из которых вечен и неизменен. Демокрит называл эти мельчайшие частицы *атомами.*

Хильда разволновалась, когда София нашла под кроватью ее красный шелковый шарф. Вот, значит, куда он запропастился. Но как мог шарф исчезнуть, попав в повествование? Наверное, он где-то в другом месте…

В самом начале главы о Сократе внимание Софии привлекли «несколько строчек про норвежский батальон миротворческих сил ООН в Ливане». Как это похоже на папу! Ему все время казалось, что в Норвегии слишком мало интересуются миссией войск ООН. Если всем

плевать на них, пусть хоть София интересуется. Таким образом можно было присочинить внимание прессы к самому себе.

Хильда не удержалась от улыбки, когда читала приписку из письма учителя философии к Софии:

Если тебе попадется красное шелковое кашне, прошу сохранить его. Такой обмен вещами иногда случается, особенно в школах и других подобных заведениях. А у нас, как-никак, философская школа.

Хильда услышала на лестнице шаги. Наверняка мама… идет с угощением… Прежде чем она постучала в дверь, Хильда успела узнать о том, как София нашла в своем тайном убежище в саду видеокассету из Афин.

— «Ура тебе в твой день рожденья, мы поздравляем все тебя… — начала петь мама, еще поднимаясь по ступенькам. — Прими же наше восхищенье…»

— Входи, — пригласила Хильда, продолжая читать об учителе философии, который обращался к Софии прямо с Акрополя. Он был копией Хильдиного отца — «с аккуратно подстриженной черной бородкой» и в голубом берете.

— Поздравляю с днем рождения, Хильда!

— Гммм…

— Но, Хильда…

— Поставь все сюда.

— Ты разве не хочешь?…

— Я немного занята.

— Подумать только: тебе уже пятнадцать лет.

— Мама, ты была в Афинах?

— Нет, а почему ты спрашиваешь?

— Поразительно, что там до сих пор стоят древние храмы. Им по две с половиной тысячи лет. Кстати, самый большой из них называется «святилищем Девы»

— Ты открыла папин подарок?

— Какой подарок?

— Нет, Хильда, тебе пора оторваться от книжки. Ты перестала соображать, что к чему.

Хильда выпустила из рук папку.

Мама склонилась над кроватью. На принесенном ею подносе стояли свечи, апельсиновый сок и круглые булочки с маслом и всякими вкусностями. Там же лежал маленький пакетик. Поскольку у мамы было всего две руки норвежский флаг она сунула под мышку.

— Большое спасибо, мама. Ты очень милая и добрая, но пойми, у меня плохо со временем.

— Тебе в церковь не раньше часа.

Только теперь Хильда наконец поняла, где находится, и только теперь мама поставила поднос на тумбочку.

— Прости, пожалуйста. Я целиком погрузилась в эти бумаги. — Она указала на папку. — Они от папы…

— Что он насочинял, Хильда? Я ждала этого дня с не меньшим нетерпением, чем ты. Из твоего папы уже несколько месяцев нельзя было вытянуть ни одного членораздельного слова.

Хильда вдруг непонятно почему засмущалась.

— Да так, это просто история.

— История?

— Да, про одну девочку. И еще учебник философии. Что-то вроде того.

— Ты не хочешь раскрыть и мой подарок?

Хильда решила, что нельзя обижать маму, и развернула пакетик. Там оказался тоненький золотой браслет.

— Ой, какой красивый! Спасибо большое.

Хильда встала и обняла маму.

Они некоторое время разговаривали.

— Пожалуйста, оставь меня, — вдруг сказала Хильда. — Понимаешь, в эту самую минуту он стоит на Акрополе.

— Кто?

— Понятия не имею. София тоже не знает. В том-то весь интерес.

— Мне и так нужно на работу. А тебе не мешает поесть. Платье висит внизу.

Наконец мама спустилась по лестнице. Так же поступил Софиин учитель: он спустился по лестнице с Акрополя и взошел на Ареопаг, чтобы чуть позже вынырнуть внизу, на главной площади Афин.

Хильда вздрогнула, когда древние здания внезапно поднялись из руин. Среди папиных навязчивых идей была идея о том, чтобы все

страны — члены ООН совместными усилиями в точности воссоздали афинскую площадь. На ней можно было бы обсуждать философские вопросы и проблемы разоружения. По мысли отца, такой грандиозный проект призван был сплотить человечество. «Мы же строим нефтяные платформы и космические корабли для полета на Луну, построили бы и агору».

Вскоре Хильда уже читала про Платона. «Душа хочет унестись на крыльях любви „домой?, в мир идей. Ей хочется высвободиться из „телесного узилища?…»

София пролезла сквозь живую изгородь и пошла вслед за Гермесом, но он сбежал от нее. Прочитав о Платоне, она углубилась в лес и вышла к стоявшему на берегу озера красному домику, в котором висела картина с изображением Бьеркели. Судя по описанию, это была Хильдина усадьба. В хижине также оказался портрет человека по фамилии Беркли. «Забавно, а?»

Отложив папку в сторону, Хильда прошла к книжной полке и начала рыться в трехтомной энциклопедии издания Книжного клуба, которую ей подарили на день рождения в прошлом году… Вот он, Беркли!

> *Беркли, Джордж (1685-1753) — англ. философ, епископ в Клойне. Отрицает существование материального мира за пределами человеческого сознания. Наши чувственные ощущения вызываются Богом. Б. также прославился критикой общепринятых абстрактных представлений. Основное соч:. «Трактат о началах человеческого знания» (1710).*

Действительно забавно. Хильда на несколько мгновений задержалась у полки и лишь потом вернулась к кровати с лежащей на ней папкой.

Собственно говоря, обе картины повесил папа. Есть ли тут какая-то еще взаимосвязь, помимо созвучия имен?

Беркли, значит, отрицал существование материального мира за пределами человеческого сознания. Каких только странностей не утверждают люди! А опровергнуть подобные утверждения не всегда

легко. Впрочем, к миру Софии такое описание вполне подходит, ведь ее «чувственные ощущения» вызываются Хильдиным отцом.

Нужно идти дальше, тогда все разъяснится. Хильда оторвала взгляд от папки и рассмеялась, прочитав, как София увидела в зеркале девочку с зажмуренными глазами. «Похоже было, что отражение подмигивало ей, Софии. Девочка словно хотела сказать: „Я вижу тебя, София. Я здесь, по другую сторону?».

Еще София нашла зеленый бумажник — с деньгами и всем прочим. Как он мог там очутиться?

Что за глупости! На долю секунды Хильде показалось, будто София и в самом деле нашла его. Потом она попробовала поставить себя на место Софии, понять, каково ей. Для Софии все происходящее должно быть совершенно загадочно и непостижимо.

Впервые за эти часы у Хильды появилось желание хотя бы разок *встретиться с* Софией. Ей захотелось объяснить девочке, как все соотносится друг с другом.

Но тут Софии пришлось покинуть домик, пока ее не застали на месте преступления. Лодка, конечно же, плавала посреди озера. Не мог он не припомнить Хильде эту давнюю историю с лодкой!

Хильда отпила сок и принялась поглощать булочку с салатом из креветок, одновременно читая послание об «аккуратисте» Аристотеле, который критиковал Платонову теорию идей.

Аристотель указывал, что в нашем сознании не существует ничего, чего бы сначала не было в чувствах. Платон сказал бы, что в природе нет ничего, чего бы сначала не было в мире идей. Таким образом, по утверждению Аристотеля, Платон «удваивал количество вещей».

Хильда не была уверена, что игру про «мир растений, животных или минералов» изобрел именно Аристотель.

Иными словами, Аристотель хотел произвести генеральную уборку в кладовой природы. Он пытался показать, что все предметы бытия относятся к разным группам и подгруппам.

Читая про Аристотелев взгляд на женщин, она была разочарована и просто-напросто рассержена. Как можно быть проницательным

философом — и при этом круглым идиотом?!

Аристотель подвиг Софию на наведение порядка в ее собственной «кладовой». И там, среди прочего хлама, она нашла белый гольф, который с месяц тому назад пропал из Хильдиного шкафа! София сложила все полученные от Альберто листы в папку с колечками. «Оказалось уже больше пятидесяти страниц». Сама Хильда тем временем дошла до 126-й страницы, но у нее, вдобавок к «учебным материалам» Альберто Нокса, была в руках вся история про Софию.

В следующей главе рассматривался эллинизм. Но прежде всего София нашла открытку с изображением ооновского джипа. На ней стоял штемпель батальона ООН и дата: 15 июня. Опять-таки это была открытка, которую папа, вместо того чтобы послать по почте, вставил в текст:

Дорогая Хильда! Полагаю, ты еще празднуешь день рождения. Или это уже следующий день? Впрочем, неважно, на сколько тебе хватило моего подарка. В некотором смысле его может хватить на всю жизнь. Как бы то ни было, еще раз поздравляю тебя. Теперь ты, наверное, понимаешь, почему я посылаю открытки Софии. Я просто уверен, что она передаст их.

P. S. Мама рассказала, что ты потеряла бумажник. Обещаю возместить тебе утраченные 150 крон. Новый ученический билет ты, конечно же, успеешь до лета получить в школе сама.

С сердечным приветом, папа.

Неплохо, теперь она разбогатеет на 150 крон. Он явно считает, что одного только самодельного подарка ей недостаточно.

Оказывается, Софии тоже исполняется пятнадцать лет 15 июня. Но по ее календарю еще первая половина мая. Тогда папа и сочинял эту главу, так что поздравительную открытку Хильде он просто датировал более поздним числом.

Бедняжка София, ей пришлось бежать к продуктовому центру на встречу с Йорунн:

Кто такая Хильда? Как мог Хильдин отец рассчитывать, что София найдет ее? В любом случае казалось бессмыслицей, что он

посылает открытки Софии, — вместо того чтобы слать их непосредственно дочери.

Читая про Плотина, Хильда почувствовала, что воспаряет в пространстве.

Во всем сущем присутствует божественная тайна. Мы видим, как она сияет в цветке подсолнуха или мака. Улавливаем ту же непостижимую тайну в бабочке, что вспархивает с ветки… в золотой рыбке, что плавает в аквариуме.

Но ближе всего к Богу мы собственной душой. Только через нее мы можем приобщиться к великой загадке бытия. Иногда нам даже начинает казаться, будто *эта божественная тайна* — мы сами.

Пока что это было самым ошеломляющим из всего прочитанного Хильдой… и в то же время самым простым: дескать, все на свете едино, и это «единое» представляет собой божественную тайну, частью которой являемся мы.

Собственно говоря, это даже не был вопрос *веры.* «Просто так уж все устроено на свете», — подумала Хильда. А в слова «божественная тайна» каждый человек волен вкладывать свой смысл.

Она перешла к новой главе, в которой София и Йорунн в ночь на 17 мая отправились в поход с палаткой. И вот они идут к Майорстуа…

Через несколько страниц Хильда вскочила и, не выпуская из рук папку, возбужденно зашагала по комнате.

Ну и наглость! В затерянной среди леса избушке девочки нашли копии всех открыток, которые отец посылал ей в первой половине мая. Причем копии были точными. Хильда обычно по многу раз перечитывала папины открытки. Она узнавала каждое слово.

Дорогая Хильда! Меня просто распирают секреты, связанные с твоим днем рождения, и я по нескольку раз в день вынужден сдерживать желание позвонить тебе и все выложить. Подарок с каждым днем разрастается, а ты сама знаешь, если чего-то делается все больше и больше, это все труднее держать при себе.

София получила очередное послание от Альберто с учебными материалами. Речь в них шла о семитах и греках, а также о двух важнейших для Европы культурных традициях. Хильду порадовал этот исторический обзор. В школе их ничему такому не учили, там разбирались подробности, подробности и еще раз подробности. Дочитав послание до конца, она поняла, что отец заставил ее совершенно по-новому посмотреть на Иисуса Христа и христианство.

Ей понравилась цитата из Гёте: «Кто, осмыслив ход столетий, / Не построил жизнь толково, / Тот живи себе в потемках, / Прожил день — и жди другого».

В начале следующей главы к окну в Софиином доме прилепилась картонка. Разумеется, это опять было поздравление Хильде.

Дорогая Хильда! Не знаю, читаешь ли ты эти строки в день рождения или он уже прошел. Отчасти я надеюсь, что он продолжается или что по крайней мере с тех пор миновало не больше нескольких дней. Если у Софии проходит неделя-другая, это вовсе не означает, что столько же времени должно пройти у нас. Я вернусь к Иванову дню. И тогда мы с тобой, Хильда, всласть насидимся в саду, глядя с качелей на море. Нам нужно многое обсудить…

И тут раздался телефонный звонок от Альберто, София впервые услышала его голос.

— Ты говоришь так, словно речь идет о войне.

— Я бы скорее назвал это столкновением характеров. Нам нужно привлечь внимание Хильды и переманить девочку на свою сторону, прежде чем ее отец вернется в Лиллесанн.

А потом София встретилась с переодетым в средневекового монаха Альберто Ноксом — в каменной церкви XII века.

Кстати о церкви. Хильда посмотрела на часы. Четверть второго… Она совершенно потеряла счет времени.

Не так уж страшно, что она в собственный день рождения прогуляла торжественную службу, ее брала досада по другому поводу

— она лишила себя многих поздравлений. Впрочем, этого добра ей сегодня хватает.

И длинная проповедь на ее долю тоже досталась: Альберто легко вошел в роль пастора.

Прочитав, что Хильдегарде Бингенской являлась в видениях некая София, Хильда снова решила слазить в энциклопедию, но на этот раз не нашла ничего из того, что искала. Так всегда бывает, правда? В отношении женщин и женских проблем энциклопедический словарь был безмолвен, как лунный кратер. Может, его подвергли цензуре мужские отряды гражданской обороны?

Хильдегарда Бингенская была проповедником, писателем, врачом, ботаником и естествоиспытателем. К тому же она могла «служить примером того, что в средневековье женщины нередко отличались более приземленным, более практичным, более научным подходом к бытию, чем мужчины». А словарь даже не упоминал о ней. Позор!

Хильда никогда прежде не слыхала, что у Бога есть «женская ипостась», или «материнская натура», и что она называется Софией. На нее издатели тоже пожалели типографской краски.

На нужном Хильде месте в энциклопедии оказался только константинопольский храм Софии — Айя-София, что значит «святая мудрость». В честь этой «мудрости» были названы одна столица государства и множество цариц, однако энциклопедия умалчивала, что слово «София» также связано с женственностью. Разве это не цензура?

А то, что София «являлась в видениях» Хильде, была истинная правда. Ей все время чудилось, будто она видит перед собой эту черноволосую девочку…

Вернувшись домой после почти целой ночи в Мариинской церкви, София встала перед зеркалом в бронзовой раме, которое она взяла из лесной избушки.

В зеркале четко отражались ее собственные бледные черты в обрамлении темных волос, годившихся для одной-единственной прически — естественно ниспадавших прямых прядей. Но *под* ее лицом проглядывало изображение другой девочки.

И вдруг незнакомка принялась быстро подмигивать обоими глазами. Казалось, она подает сигнал, что действительно

находится по ту сторону зеркала. Это продолжалось всего несколько секунд. Потом девочка исчезла.

Хильда сама часто стояла перед зеркалом, словно ища в нем отражение другого человека. Но откуда это было знать папе? Кажется, она искала там как раз темноволосую женщину? Прабабушка ведь купила зеркало у цыганки…

Хильда почувствовала, как дрожат ее руки, сжимающие толстую папку. Она внушила себе, что София действительно существует, что она живет где-то «по ту сторону зеркала».

Теперь Софии приснился сон про Хильду и Бьеркели. Хильда не видела и не слышала Софию, но… София нашла на краю причала Хильдин крестик. И этот крестик… между прочим, с инициалами Хильды… когда София проснулась, этот крестик очутился в ее постели!

Хильда покопалась в памяти. Она ведь не теряла его? Девочка подошла к комоду и вытащила оттуда шкатулку с драгоценностями. Золотой крестик — который ей подарила на крестины бабушка — пропал!

Значит, она в самом деле умудрилась посеять его. Ну ладно, с кем не бывает. Но откуда о потере знал папа, если она оставалась неизвестной самой Хильде?

И еще: Софии явно приснилось возвращение из Ливана Хильдиного отца — событие, до которого оставалась целая неделя. Был ли сон провидческим? Или папа хотел сказать, что, когда вернется, рядом будет каким-то образом присутствовать и София? Он ведь писал что-то о появлении у Хильды новой подруги…

На долю секунды перед Хильдой предстало поразительно яркое видение, убедившее ее в том, что София не бесплотное создание, не порождение отпечатанных на бумаге значков. София *существует!*

ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ

…от способа вдевать нитку в иголку до способа заряжать пушку…

Хильда начала читать главу про Возрождение, когда внизу хлопнула входная дверь, — это пришла с работы мама. Девочка посмотрела на часы. Было уже четыре часа.

Взлетев по лестнице, мама распахнула дверь к Хильде.

— Ты что, не была в церкви?

— Была.

— Но… в чем же ты ходила?

— В том же, в чем хожу сейчас.

— В ночной рубашке?

— Гммм… Я была в Мариинской церкви.

— В Мариинской церкви?

— Это каменная церковь эпохи средневековья.

— Хильда!

Она опустила папку и взглянула на мать.

— Я потеряла счет времени, мама. Мне очень жаль, но я читаю потрясающе интересную книгу.

Маме не оставалось ничего другого, как улыбнуться.

— Это волшебная книга, — прибавила Хильда.

— Да-да, конечно. И еще раз: поздравляю с днем рождения, Хильда!

— По-моему, я сегодня объелась поздравлениями!

— Ой, я же не… Вот только немножко отдохну и приготовлю что-то особенное. Я купила клубнику.

— А я пока почитаю.

Мама снова исчезла, а Хильда продолжила чтение.

София следом за Гермесом прошла через весь город.

В подъезде дома, где жил Альберто, она обнаружила очередную открытку из Ливана, тоже датированную пятнадцатым июня.

Хильда наконец разобралась в системе датировки. Открытки с числом, предшествующим 15 июня, были «копиями» открыток, которые она получила раньше. Те же, на которых стояло сегодняшнее число, достигли ее только теперь, вместе с папкой.

Дорогая Хильда! София сейчас идет к учителю философии. Ей скоро будет пятнадцать, тебе же пятнадцать лет исполнилось вчера. Или сегодня, Хильдемур? Но если сегодня, то должен быть уже поздний вечер. Впрочем, наши часы не всегда идут одинаково.

Хильда прочитала о том, как Альберто рассказывал Софии про эпоху Возрождения и новое естествознание, про рационалистов XVII века и английский эмпиризм.

Она вздрагивала каждый раз, когда в повествовании появлялась очередная открытка или другое поздравление, вставленные туда отцом. Обращения к ней выпадали из тетради для сочинений, оказывались внутри банана и проникали в компьютер. Папе ничего не стоило вынудить Альберто «оговориться» и назвать Софию Хильдой. А превзошел он самого себя с Гермесом — когда тот сказал: «Поздравляю с днем рождения, Хильда!»

Как и Альберто, Хильда считала, что отец переходит всякие границы, изображая из себя Господа с его Божьим промыслом. Но с кем она соглашалась? Разве не ее же отец вложил эти укоризненные слова (или упреки самому себе) в уста Альберто? Ей пришло в голову, что, пожалуй, сравнение с Богом было не таким уж бессмысленным. Для Софииного мира отец в самом деле был почти всемогущим господином и повелителем.

Когда Альберто начал рассказывать про Беркли, Хильда была заинтригована не меньше Софии. Что будет дальше? Давно было очевидно, что стоит им добраться до этого философа, отрицавшего существование материального мира за пределами нашего сознания, как должно произойти нечто из ряда вон выходящее — Хильда заранее подглядела, что написано о Беркли в энциклопедии.

Глава открывалась тем, как София и Альберто стоят у окна, глядя на посланный Хильдиным отцом самолет с длинным поздравительным шлейфом. Одновременно «на город наползали темные тучи».

Вопрос «Быть иль не быть» не исчерпывающ. К нему нужно добавить: кто мы такие? Реальные ли мы люди из плоти и крови? Состоит ли наш мир из подлинных вещей — или же нас окружает одно сознание?

Ничего удивительного, что София начала грызть ногти. У самой Хильды никогда не было этой дурной привычки, но и она сейчас чувствовала себя не в своей тарелке.

И вот наступил день, когда они сказали: «Для нас этой „волей или духом?, который „творит всё во всем?, может быть отец Хильды».

— Ты утверждаешь, что он для нас вроде Бога?

— Без всякого смущения говорю «да». Смущаться и стыдиться следует ему!

— А что ты думаешь про Хильду?

— Она ангел, София.

— Ангел?

— Ведь этот «дух» обращается именно к ней.

Затем София наконец вырвалась от Альберто и убежала в грозу. Не та ли это самая гроза, которая разыгралась прошлой ночью в Бьеркели, через несколько часов после того, как София мчалась через весь город домой?

В мозгу ее стучало: «Завтра день рождения». Ей казалось особенно обидным осознать, что жизнь — «лишь только сновиденье», накануне своего пятнадцатилетия. Так бывает во сне, когда ты выиграл миллион и тебе вот-вот вручат выигрыш… а ты берешь и просыпаешься.

Пробегая через стадион, София вдруг увидела еще одного мчащегося под дождем человека. Ей навстречу бежала мама. Небо то и дело пронзали молнии.

Когда они встретились, мама крепко обняла Софию.

— Что с нами происходит, девочка моя?

— Не знаю, — заплакала София. — Нам снится какой-то кошмарный сон.

Хильда почувствовала навертывающиеся на глаза слезы. «To be or not to be: that is the question».

Бросив папку на кровать, Хильда принялась ходить взад-вперед по комнате. В конце концов она остановилась перед зеркалом в бронзовой раме, где и пребывала до тех пор, пока не пришла мама звать ее к ужину. При стуке в дверь Хильда даже не представляла себе, сколько времени провела у зеркала. Но она была уверена, твердо уверена, что на этот раз отражение подмигнуло ей обоими глазами.

За ужином она старалась быть благодарной новорожденной, но мысли ее были неотступно заняты Софией и Альберто.

Как у них пойдут дела теперь, когда они *знают*, что все определяется Хильдиным отцом? Впрочем, что они там знают? Ничегошеньки они по-настоящему не знают. И тем не менее проблема существует: раз София и Альберто «знают», как все взаимосвязано, значит, они приближаются к концу пути.

Она чуть не поперхнулась картошкой, когда ее осенило, что, возможно, такая постановка вопроса применима и к ее собственному миру. С течением времени люди все лучше понимают законы природы. Может ли история продолжаться до бесконечности после того, как встанут на место последние детали головоломки? Или конец человеческой истории уже близок? Нет ли взаимосвязи между развитием мысли и науки, с одной стороны, и парниковым эффектом и сгоревшими тропическими лесами, с другой? Возможно, не так уж глупо называть человеческую тягу к познанию «грехопадением».

Проблема казалась настолько серьезной и страшной, что Хильда решила выкинуть ее сейчас из головы. *Наверняка она поймет больше, продолжая читать рукопись.*

— «Скажи ты мне, скажи, не тая…», что хочешь еще, что хо-о-очешь еще-е-е! [43] — пропела мама, когда они съели мороженое с итальянской клубникой. — Сегодня мы будем делать все, что ты только пожелаешь.

— Тебе это, конечно, покажется странным, но у меня одно-единственное желание: читать папин подарок.

— Только не дай ему совсем заморочить тебе голову.

— Ну уж нет.

— Мы могли бы разогреть пиццу к «Инспектору Деррику» [44]…

— Посмотрим.

Хильда вспомнила Софиины разговоры с ее мамой. Папа случайно не позаимствовал некоторые черты Хильдиной мамы для той, другой? На всякий случай она решила не заводить речь о белом кролике, которого извлекают из цилиндра Вселенной, — по крайней мере сегодня.

— Кстати, — сказала Хильда, поднимаясь из-за стола.

— Да?

— Я что-то не вижу своего золотого крестика.

Мама загадочно посмотрела на нее.

— Я нашла его несколько недель назад на мостках. Эх ты, растеряша!

— Ты сказала папе?

— Не помню. А впрочем, сказала.

— И где он теперь?

Мама пошла в спальню за своей шкатулкой, и до Хильды донесся ее удивленный возглас. Вскоре она вернулась в гостиную.

— Ты знаешь, я его почему-то не нахожу.

— Так я и думала.

Обняв маму, Хильда побежала к себе в мансарду. Наконец-то, сию же минуту, она будет читать дальше про Софию и Альберто. Как и прежде, она уселась в кровати, положив папку на колени.

Наутро София проснулась оттого, что в комнату вошла мама с подносом, уставленным подарками. Флаг она сунула в пустую бутылку из-под кока-колы.

— Поздравляю с днем рождения, София!

Протерев глаза, София попробовала вспомнить все, что произошло вчера. Но мозаика-головоломка распадалась на мелкие кусочки. Одним из таких кусочков был Альберто, другим — Хильда с майором, третьим — Беркли, четвертым — Бьеркели… Иссиня-черный кусочек изображал чудовищную грозу, от которой у Софии едва не случился нервный срыв. По приходе домой мама растерла ее махровым полотенцем и, прямо-таки заставив лечь в постель, напоила горячим молоком с медом. София мгновенно заснула.

— Кажется, я жива, — запинаясь, пробормотала она теперь.

— Конечно, жива. И сегодня тебе исполняется пятнадцать лет.

— Ты уверена?

— Еще бы не уверена. Как мать может не знать, когда родился ее единственный ребенок? 15 июня 1975 года… в половине второго, София. Это был самый счастливый миг в моей жизни.

— Ты уверена, что все это не сон?

— Во всяком случае, это должен быть очень хороший сон, если после него просыпаешься к подаркам и булочкам.

Поставив поднос с подарками на стул, она опять исчезла из комнаты, но вскоре появилась со вторым подносом, на котором были булочки и сок. Его она пристроила в ногах у Софии.

Дальше утро пошло по обычному для дня рождения расписанию — с разворачиванием подарков и воспоминаниями чуть ли не до первых родовых схваток пятнадцатилетней давности. Мама подарила Софии теннисную ракетку. В теннис она еще никогда не играла, но буквально в двух минутах ходьбы от Клёвервейен был открытый корт. Папа прислал ей портативный телевизор со встроенным радиоприемником. Прислали подарки и старые тетушки, и друзья семьи.

— Как ты думаешь, мне не отпроситься сегодня с работы? — чуть погодя поинтересовалась мама.

— По-моему, не надо. Зачем?

— Ты вчера была совершенно не в себе. Если так будет продолжаться, придется записать тебя к психологу.

— Вот уж ни к чему.

— Тебя напугала только гроза… или еще этот Альберто?

— А тебя? «Что с нами происходит, девочка моя?» — вскричала ты.

— Мне показалось, что ты начала бегать на свидания со всякими чудиками. Наверное, я сама виновата…

— Да никто не виноват, что я в свободное время занимаюсь философией. Иди спокойно на работу. Мне все равно к десяти в школу. Там сегодня раздача табелей и «уютный час».

— Ты уже знаешь свои отметки?

— Во всяком случае, я получу больше пятерок, чем на Рождество.

Вскоре после маминого ухода зазвонил телефон.

— София Амуннсен слушает.

— Это Альберто.

— Ой…

— Майор вчера не пожалел пороху.

— Не понимаю, о чем ты.

— О грозе, София.

— Я перестала в чем-либо разбираться, во всем сомневаюсь.

— Сомнение — первейшая добродетель истинного философа. Я горжусь тем, как многому ты научилась за столь короткое время.

— Мне все вокруг кажется каким-то нереальным.

— Это называется экзистенциальным страхом и чаще всего связано с переходом к новому знанию.

— Наверное, мне надо сделать перерыв в занятиях философией.

— У тебя в саду развелось слишком много лягушек?

София не смогла удержаться от смеха. Альберто продолжал:

— А по-моему, нам лучше продолжать занятия. Кстати, с днем рождения тебя. Нам нужно закончить курс до Иванова дня. Это наша последняя надежда.

— Надежда на что?

— Ты готова к длинному разговору? Я не могу объяснить тебе все за две минуты.

— Готова.

— Помнишь Декарта?

— «Я мыслю, следовательно, я существую».

— В своих методологических сомнениях мы с тобой оказались у разбитого корыта. Может выясниться, что мы сами — не более чем мысль, а это вовсе не то же самое, что быть мыслителями. У нас есть основания полагать, что мы плод фантазии некоего майора, который сочинил нас для развлечения своей живущей в Лиллесанне новорожденной дочери. Улавливаешь ход моих рассуждений?

— Да…

— Но в этом есть и внутреннее противоречие. Если нас «сочинили», мы не вправе ничего «полагать». Тогда и этот телефонный разговор — не более чем плод воображения.

— Тогда у нас нет ни капли свободной воли. Тогда все наши слова и поступки предопределены майором. Значит, нам вообще можно повесить трубки.

— Ты преувеличиваешь.

— Объясни!

— Ты хочешь сказать, что некий человек заранее обдумал свои фантазии? Конечно, Хильдиному отцу *известно* все, что мы делаем. Сбежать от его всеведения не легче, чем от собственной тени. Но — и в связи с этим у меня возник один план — нельзя утверждать, что майор уже определил все, чему суждено случиться. Возможно, он определяет это в последнюю минуту, так сказать, в миг творения. Вполне допустимо, что именно в такие минуты инициатива переходит в наши руки, то есть мы сами можем управлять своими речами и поступками. Конечно, наши потуги — ничто по сравнению с натиском майора. Мы фактически бессильны перед навязываемыми нам внешними обстоятельствами вроде говорящих собак, самолетов с поздравительным шлейфом, посланиями внутри бананов и заказными грозами. И все же не исключено, что наша воля тоже чего-то стоит.

— Как это может быть?

— Разумеется, в нашем крохотном мирке майор всеведущ, но это не значит, что он и всемогущ. В любом случае, мы можем попробовать вести себя так, как будто это не соответствует действительности.

— Кажется, я понимаю, к чему ты клонишь.

— Главный фокус будет, если мы сумеем обмануть майора и начнем действовать самостоятельно, то есть совершать поступки, о которых он даже не будет подозревать.

— Разве такое возможно, если мы не существуем?

— Кто сказал, что мы не существуем? Вопрос стоит иначе: не «*существуем* ли мы?», а «кто мы такие?». Даже если выяснится, что мы не более чем импульсы в раздвоенном сознании майора, это не отнимает у нас некоторого существования.

— Или свободы воли?

— В общем, я работаю над этим, София.

— Но и то, что ты «работаешь над этим», должно быть прекрасно известно Хильдиному отцу.

— Разумеется. Но он не знает деталей моего плана. Я пытаюсь найти Архимедову точку.

— Архимедову точку?

— ***Архимед*** **был эллинистическим ученым. «Дайте мне точку опоры, — говорил он, — и я сдвину землю». Вот и нам нужно найти точку опоры, чтобы извлечь себя из сознания майора, покинуть его внутренний мир.**

— Задача не из легких.

— Но нам не удастся ускользнуть от него, пока не будет закончен философский курс. Майор слишком крепко нас держит. Он явно решил, что я обязан провести тебя через всю историю философии. А до его отъезда с Ближнего Востока остается всего несколько дней. Если мы не сумеем избавиться от навязчивых фантазий майора, прежде чем он прибудет в Бьеркели, мы пропали.

— Я боюсь…

— Во-первых, мне нужно просветить тебя по поводу французской эпохи Просвещения. Затем надо хотя бы в общих чертах рассмотреть Канта и лишь потом можно переходить к романтизму. Кроме того, для нас обоих важен Гегель. А коснувшись Гегеля, нельзя обойти вниманием взрыв возмущения, который вызвало гегельянство у Киркегора. Следует также коснуться Маркса, Дарвина и Фрейда. Если мы в заключение успеем пройтись по Сартру и экзистенциализму, можно будет приступать к исполнению нашего плана.

— Порядочно для одной недели.

— Поэтому приступать надо немедленно. Ты можешь прийти сразу?

— Мне нужно в школу. У нас будет «уютный час», а потом раздача табелей.

— Наплюй! Если мы не более чем продукт сознания, значит, удовольствие от «уютного часа» с его кока-колой и разными вкусностями тоже лишь воображаемое.

— Но табель?…

— София, ты либо живешь на микроскопическом шарике в загадочной Вселенной — посреди сотен миллиардов других галактик… либо представляешь собой электромагнитные импульсы в мозгу одного майора. И ты еще смеешь говорить о каком-то табеле! Постыдилась бы.

— Извини.

— А впрочем, ладно, забеги в школу по дороге ко мне. Если ты прогуляешь последний день занятий, то можешь подать дурной пример Хильде. Кто-кто, а она наверняка ходит в школу даже в свой день рождения, ведь Хильда — сущий ангел.

— Тогда я приду к тебе сразу после школы.

— Мы можем встретиться в Майорстуа.

— В Майорстуа?

Щелк… и гудок!

Хильда отложила папку в сторону. Теперь папа заставил ее испытать угрызения совести из-за того, что она прогуляла школу. Вот хитрюга!

Некоторое время она размышляла над тем, что за план вынашивает Альберто. Не заглянуть ли ей на последнюю страницу? Нет, это будет жульничество, лучше попробовать читать быстрее.

По одному важному пункту она была согласна с Альберто. Во-первых, он был прав, что всем происходящим с ним и с Софией заправляет Хильдин отец. И в то же время, сочиняя, он наверняка знал не все, что должно произойти. Видимо, иногда ему случалось писать с дикой скоростью, и он только позднее спохватывался, что же такое насочинял. В условиях такой «суматохи» София с Альберто и обладали определенной свободой.

Опять у Хильды возникло ощущение, что они действительно существуют. «Какой бы спокойной ни казалась поверхность моря, это не значит, что в глубине его ничего не происходит», — подумала она.

Но почему ей пришла в голову такая мысль?

Во всяком случае, она была отнюдь не поверхностной.

В школе на Софию, по праву новорожденной, со всех сторон посыпались поздравления. Может быть, дополнительное

внимание к ней объяснялось всеобщим ажиотажем по поводу табелей и бутылок с кока-колой.

Как только класс отпустили (с учительским пожеланием хорошо провести лето), София стремглав кинулась домой. Йорунн попыталась задержать ее, но София крикнула, что опаздывает.

В почтовом ящике обнаружились две открытки из Ливана. Это были стандартные поздравительные открытки с английской надписью: «HAPPY BIRTHDAY — 15 YEARS».

Одна была адресована «Софии Амуннсен (для Хильды Мёллер-Наг)», вторая же предназначалась самой Софии. На обеих стоял штемпель батальона ООН от 15 июня.

Сначала София прочла собственную открытку:

Дорогая София Амуннсен! Сегодня тебя тоже нужно поздравить с днем рождения. Прими мои самые теплые поздравления, София. Еще тебя следует поблагодарить за все, что ты столько времени делала для Хильды.

С дружеским приветом, майор Альберт Наг.

София не знала, как расценить то, что отец Хильды в конце концов прислал открытку и ей. Все же этот жест почему-то показался ей трогательным. В Хильдиной открытке говорилось:

Дорогая Хильдемур! Я не знаю, ни какой теперь день, ни который час у тебя в Лиллесанне. Но я уже говорил — это несущественно. Надеюсь, я хорошо знаю тебя и не опоздал с последним или по крайней мере предпоследним поздравлением из Ливана. Только смотри не засиживайся слишком поздно! Альберто скоро расскажет об идеях французского Просвещения. Он сосредоточится на семи пунктах:

1) Борьба с авторитетами
2) Рационализм
3) Просветительская идеология
4) Культурный оптимизм
5) Назад к природе
6) Гуманизация христианства

7) Права человека.

Майор явно продолжал держать их под надзором.

София отперла дом и положила табель со всеми своими «отлично» на кухонный стол. Затем она вышла в сад, пролезла сквозь изгородь и побежала в лес.

Через озеро пришлось снова перебираться в лодке. Альберто встретил Софию на крыльце и жестом пригласил сесть рядом.

Погода была чудесная, только от воды тянуло прохладой и сыростью. Озерцо, казалось, еще не совсем успокоилось после грозы.

— Приступим прямо к делу, — заговорил Альберто. — Следующим после Юма великим создателем философской системы был немец *Иммануил Кант*. Но в XVIII веке много крупных мыслителей дала миру и Франция. Можно сказать, что в первой половине столетия философский центр тяжести приходился в Европе на Англию, к середине века он сместился во Францию, а ближе к концу — в Германию.

— То есть перемещение шло с запада на восток?

— Совершенно верно. Я остановлюсь на отдельных положениях, которые были общими для французских философов Просвещения. Речь идет о таких значительных фигурах, как *Монтескье, Вольтер, Руссо* и многие другие. Я решил сосредоточиться на семи основных пунктах.

— Спасибо, это мне уже сообщили.

София протянула открытку от Хильдиного отца. Альберто глубоко вздохнул.

— Мог бы не беспокоиться… Итак, первым пунктом у нас идет *борьба с авторитетами*. Французские философы Просвещения не раз наведывались в Англию, которая во многих отношениях была более свободомыслящей страной, чем их родина. Огромный интерес вызывало у мыслителей английское естествознание, в первую очередь Ньютон и его универсальная физика. Однако не меньшее вдохновение они черпали и в философии, особенно в политической теории Локка. У себя во Франции они со временем двинулись в наступление на авторитеты. По их мнению, необходимо было скептически подойти к истинам, доставшимся в

наследство от прошлого. Подразумевалось, что индивидуум должен сам отыскивать ответы на все вопросы. В этом чувствуется влияние Декарта.

— Да, он ведь строил свое здание с самого фундамента.

— Именно так. Бунт против авторитетов был не в последнюю очередь обращен против власти церкви, короля и знати. Во Франции XVIII века эти институты были куда более влиятельными, чем в Англии.

— А потом разразилась революция.

— Да, в 1789 году. Но новые идеи появились раньше. Следующим пунктом идет *рационализм.*

— А я-то думала, рационализм умер вместе с Юмом.

— Сам Юм умер лишь в 1776 году. Монтескье оставалось жить еще двадцать лет, а Вольтеру и Руссо (оба они умерли в 1778 году) — два года. Но все трое побывали в Англии и были хорошо знакомы с философией Локка. Как ты, вероятно, помнишь, Локк был не очень последовательным эмпириком. Он, например, считал, что и вера в Бога, и определенные нравственные нормы заложены в человеческом разуме. Это составляет основу и французской философии эпохи Просвещения.

— Ты еще говорил, что французы всегда были чуть более рационалистичны, чем англичане.

— И это различие восходит еще ко временам средневековья. Если англичане говорят о «common sense», то французы предпочитают «evidence». Английское выражение можно буквально перевести как «общее ощущение», а французское слово — как «очевидность». И в том и в другом случае речь идет о здравом смысле, или разуме.

— Понятно.

— Так же как и античные гуманисты — например, Сократ и стоики, — философы Просвещения чаще всего безраздельно верили в человеческий разум. Вера эта была настолько очевидна, что эпоху Просвещения во Франции нередко называют периодом рационализма. Новое естествознание выявило разумное устройство природы. Тогда философы Просвещения поставили перед собой задачу заложить такие основы морали, религии и

этики, которые бы соответствовали присущему человеку разуму. Это и привело к *просветительской идеологии.*

— Которая числится третьим пунктом.

— Необходимо было «просвещать» широкие народные массы, поскольку от этого зависело создание лучшего общества. Считалось, что бедность и притеснения объясняются невежеством и предрассудками, в связи с чем было обращено особое внимание на воспитание детей и народа. Неудивительно, что педагогика как наука берет свое начало именно в эпохе Просвещения.

— Значит, школьное образование происходит из средневековья, а педагогика — из эпохи Просвещения?

— Можно сказать и так. Характерно, что памятником мысли Просвещения стал большой словарь. Я имею в виду двадцативосьмитомную «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел», которая издавалась с 1751-го по 1772 год и в которую внесли свой вклад все виднейшие философы того времени. «Там есть всё, — говорилось о ней, — от способа вдевать нитку в иголку до способа заряжать пушку».

— Следующим пунктом был *культурный оптимизм.*

— Будь добра, отложи эту открытку, пока я не кончу рассказывать.

— Прости.

— Философы Просвещения считали, что стоит только распространиться знаниям и здравому смыслу, как человечество гигантскими шагами пойдет вперед. Рано или поздно неразумность и невежество должны отступить под натиском «просвещенного» человека. Эта идея была едва ли не доминирующей в Западной Европе буквально до недавнего времени. Лишь в последние лет двадцать мы утратили былую уверенность в том, что любое «развитие» идет на пользу. Но такая критика «цивилизации» выдвигалась еще французскими просветителями.

— В таком случае нам, вероятно, следовало прислушаться к ним.

— Для личности лозунгом стало — *назад к природе,* однако под «природой» философы Просвещения понимали примерно тот же разум, или рассудок. Ведь человеческий разум дан природой — в

противоположность религии и «цивилизации». Указывалось на то, что «первобытные народы» нередко здоровее и счастливее европейцев, поскольку они не «цивилизованы». Лозунг о «возвращении к природе» выдвинул Руссо. Ведь природа хорошая, и человек «по природе» («по натуре своей») хороший, добрый. Все зло заключено в обществе. Руссо еще утверждал, что ребенок должен как можно дольше жить в своем «естественном» состоянии невинности. Мысль о самоценности детства также, можно сказать, берет начало в эпохе Просвещения. Раньше детство рассматривалось скорее как приготовление к взрослой жизни. Но все мы люди, и жизнь наша протекает здесь, на земле, причем начинается она с самого рождения.

— Я вполне согласна.

— Религию тоже предстояло сделать «естественной».

— А тут что имелось в виду?

— Религию нужно было привести в соответствие с «естественным» человеческим разумом. Многие выступали за так называемую *гуманизацию христианства,* которая идет шестым пунктом нашего списка. В этот период жило множество убежденных материалистов, не веривших ни в какого Бога, то есть ставших на атеистическую точку зрения. Большинство философов Просвещения, однако, считало неразумным представлять себе мир без Бога — уж слишком разумно он был устроен. Такого мнения, например, придерживался Ньютон. Столь же разумной считалась вера в бессмертие человеческой души. Вопрос о существовании у человека бессмертной души связывали скорее с рассудком, чем с верой, как это делал и Декарт.

— Что и удивительно. Мне кажется, в такое можно лишь верить, но этого никак нельзя знать.

— Ты все-таки живешь не в XVIII веке. Согласно философам-просветителям, христианство необходимо было очистить от неразумных догматов, или принимаемых на веру истин, которыми на протяжении веков обросла незамысловатая проповедь Христа.

— Я тоже за это.

— Многие были сторонниками так называемого *деизма.*

— Объясни!

— Под «деизмом» понимается воззрение, основанное на том, что мир создан Богом в незапамятные времена, но что с тех пор Бог не являлся к нам. Бог, таким образом, низводится до «высшего существа», которое дает о себе знать человеку через природу и ее законы, а не предстает перед ним какими-либо «сверхъестественными» способами. С подобным «философским Богом» мы сталкиваемся еще у Аристотеля. Для него Бог был «первопричиной» бытия, или «перводвигателем».

— Теперь у нас остался всего один пункт, *права человека.*

— Зато он едва ли не самый главный. В целом можно сказать, что французский рационализм был практичнее английской философии.

— Французы намотали свою философию на ус и действовали сообразно с ней?

— Да, французские просветители не удовлетворялись теоретическими взглядами на место человека в обществе. Они активно боролись за «естественные права», в первую очередь против цензуры, то есть за свободу печати. Что касается религии, морали и политики, личность должна была получить право свободно мыслить и выражать свои мысли. Кроме того, просветители выступали против рабства негров и за более гуманное обращение с преступниками.

— Пожалуй, я подписалась бы под большинством из этих требований.

— Принцип «неприкосновенности личности» в конце концов всплыл в «Декларации прав человека и гражданина», принятой в 1789 году французским Национальным собранием. Эта «Декларация прав человека» была положена в основу и нашей, норвежской, Конституции 1814 года.

— И все же многим до сих пор приходится бороться за эти права.

— Увы, это так. Но просветители хотели утвердить определенные права, которыми обязаны обладать все люди уже в силу того, что родились людьми. Именно их они подразумевали под «естественными правами». Мы по-прежнему говорим, что законы, действующие в такой-то стране, зачастую противоречат «естественному праву». И по-прежнему наблюдаем, как

индивидуумы — или целые группы населения — ссылаются на «естественное право», чтобы вступить в борьбу против бесправия, насилия и отсутствия свободы.

— А как насчет прав женщины?

— Революция 1789 года закрепила ряд прав, которые должны были распространяться на всех «граждан», однако под гражданином понимался преимущественно мужчина. Тем не менее как раз во время Французской революции появляются зачатки феминистского движения.

— Давно было пора.

— Уже в 1787 году философ-просветитель *Кондорсе* выпустил сочинение о правах женщин. По его словам, женщины имеют те же «естественные права», что и мужчины. В самой революции 1789 года женщины очень активно участвовали в борьбе против старого феодального общества. Они, например, возглавляли демонстрации, которые в конечном счете вынудили короля бежать из Версальского дворца.

В Париже было организовано много женских движений. Помимо требования одинаковых с мужчинами политических прав, они выступали за изменение законодательства о браке и социальных условий, в которых живут женщины.

— Они добились своих прав?

— Нет. Как не раз бывало прежде, вопрос о правах женщин поднимался в связи с революцией. Но когда все утряслось и установился новый порядок, было восстановлено прежнее мужское общество.

— Очень типично.

— Среди наиболее ярых сторонников прав женщин во время Французской революции была *Олимпия де Гуж*. В 1791 году, то есть через два года после революции, она обнародовала декларацию прав женщин. Ведь в «Декларации прав человека и гражданина» не было ни одной статьи, посвященной «естественным правам» женщины! Олимпия де Гуж потребовала предоставления женщинам тех же прав, что и мужчинам.

— И что из этого вышло?

— В 1793 году ее казнили. Одновременно женщинам была запрещена всякая политическая деятельность.

— Тьфу ты, черт!

— Лишь в XIX веке женщины повели широкую борьбу за свои права — как во Франции, так и по всей Европе. Постепенно борьба эта стала приносить плоды. Но, скажем, в Норвегии женщина добилась избирательного права лишь в 1913 году. Во многих странах мира женщинам еще есть за что бороться.

— Они могут рассчитывать на мою полную поддержку.

Альберто молчал, глядя на озеро. Спустя некоторое время он сказал:

— Видимо, это все, что я должен рассказать тебе о философии Просвещения.

— Что значит «видимо»?

— Похоже, больше ничего не будет.

Пока он договаривал эту фразу, на озере начали происходить странные события. Посреди него взметнулся фонтан воды, и вскоре над поверхностью озерца поднялось нечто огромное, темное и страшное.

— Морской змей! — вскричала София.

Чудовище несколько раз качнулось взад-вперед и нырнуло обратно в глубину, вода постепенно успокоилась. Альберто лишь отвернулся.

— Пойдем внутрь, — позвал он.

Оба встали со ступенек и вошли в хижину.

София остановилась между картинами, изображавшими Беркли и Бьеркели. Указав на вторую из них, она сказала:

— Мне кажется, где-то на этой картине живет Хильда. Сегодня между пейзажем и портретом висела вышивка со словами: СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО.

— Это ты повесил? — спросила София, оборачиваясь к своему спутнику.

Альберто только покачал головой. Лицо его исказилось гримасой безутешной тоски.

Теперь и София заметила на каминной полке конверт, адресованный «Хильде и Софии», и мгновенно сообразила, от кого он может быть. Впрочем, ее позабавило, что этот человек начал считаться и с ней.

Разорвав конверт, София вслух прочла:

Дорогие девочки! Софииному учителю философии нужно было еще подчеркнуть значение французских просветителей для идеалов и принципов, на которых зиждется ООН, Двести лет тому назад лозунг «Свобода, равенство, братство» способствовал сплочению французской буржуазии. Сегодня те же самые слова могут объединить весь мир. Как никогда раньше, верно, что человечество представляет собой одну большую семью. Наши потомки — это наши собственные дети и внуки. Какой мир они получат в наследство от нас?

Хильдина мама прокричала ей наверх, что через десять минут по телевизору начинается «Деррик» и что она уже поставила пиццу в духовку. Хильда устала от бесконечного чтения — она все-таки проснулась в шесть утра. Остаток вечера Хильда решила посвятить маме и своему дню рождения. Но сначала нужно посмотреть кое-что в словаре.

Гуж?… Нет. Де Гуж? Тоже нет. Тогда, может, Олимпии де Гуж? Ничего похожего! В энциклопедическом словаре Книжного клуба не было ни одного слова про женщину, казненную за участие в феминистском движении. Не возмутительно ли?

Ее-то папа не придумал?

Хильда кинулась на первый этаж за большим словарем.

— Я только найду одну статью, — объяснила она недоумевающей маме.

Прихватив соответствующий том энциклопедии издательства «Аскехоуг», она помчалась обратно наверх. Гуж… ага, вот она!

Гуж, Мария Олимпия (1748-1793), франц. писательница, заявила о себе в период Великой франц. революции, в частности, многочисл. брошюрами, посвященными социальным проблемам, а также рядом пьес. В числе немногих боролась в период революции за распространение прав человека и на женщин, в 1791 издала «Декларацию прав женщины». Казнена в 1793 за то, что осмелилась выступать в защиту Людовика XVI и нападать на

Робеспьера. (Лит.: L. Lacour, «Les enginesdu feminisme contemporain», 1900.)

КАНТ

…звездное небо надо мной и моральный закон во мне…

Лишь ближе к полуночи майор Альберт Наг позвонил домой, чтобы поздравить Хильду с пятнадцатилетием. Трубку взяла мама.

— Тебя, Хильда.

— Алло?

— Это папа.

— Вот сумасшедший. Уже почти двенадцать часов.

— Я просто хотел тебя поздравить…

— Ты занимался этим целый день.

— …но выжидал, когда день подойдет к концу.

— Почему?

— Ты разве не получила моего подарка?

— Конечно, получила! Большое спасибо.

— Тогда не мучай меня, скажи, что ты о нем думаешь.

— Безумно интересно. Я сегодня почти не ела.

— Нельзя ходить голодной.

— Но это же так увлекательно!

— Докуда ты дочитала? Пожалуйста, Хильда, ответь мне.

— Они вошли в Майорстуа, потому что ты начал дразнить их морским змеем…

— Эпоха Просвещения.

— И Олимпия де Гуж.

— Значит, я не сильно ошибся.

— В чем ошибся?

— По-моему, там осталось одно-единственное поздравление. Зато очень весомое.

— Я еще немножко почитаю перед сном.

— Ты хоть что-нибудь понимаешь?

— Я с сегодняшнего утра узнала больше… больше чем за всю школу. Трудно поверить, что прошел всего один день с тех пор, как

София вернулась домой после занятий и нашла первый конверт.

— Какой малостью можно угодить человеку.

— Но мне ее жалко.

— Кого, маму?

— Да нет, Софию.

— Почему?…

— Она совсем сбита с толку.

— Но она же… я же ее…

— Ты хочешь сказать, что ты ее просто-напросто выдумал?

— Что-то в этом роде.

— А мне кажется, София и Альберто существуют на самом деле!

— Мы поговорим об этом, когда я вернусь.

— Ладно.

— А теперь — желаю тебе хорошего дня.

— Как-как?

— То есть покойной ночи.

— Покойной ночи.

Когда полчаса спустя Хильда легла в постель, на улице было еще так светло, что она видела сад и залив. В это время года темнота вообще не наступала.

Хильда поиграла с мыслью о том, что она живет в картине, висящей на стене в лесной избушке. Интересно, можно ли выглянуть из картины и посмотреть, что делается вокруг?

Прежде чем заснуть, она прочитала в папке еще несколько страниц.

София положила письмо от Хильдиного отца обратно на каминную полку.

— Я ничего не имею против ООН, — сказал Альберто, — но мне не нравится, что он вмешивается в мои рассказы.

— По-моему, тебе не стоит принимать это близко к сердцу.

— Во всяком случае, я собираюсь впредь игнорировать морских змеев и прочие из ряда вон выходящие явления. Давай сядем вот тут, у окна, и я расскажу тебе про Канта.

София заметила на столике между двумя креслами пару очков. Она также обратила внимание, что оба стекла у них были красного цвета. Может, это особо сильные очки против солнца?

— Уже почти два часа, — сказала она. — Я должна попасть домой до пяти. Мама наверняка что-нибудь придумает насчет дня рождения.

— Значит, у нас есть три часа.

— Приступай.

— *Иммануил Кант* родился в 1724 году в городе Кенигсберге (Восточная Пруссия) и был сыном седельного мастера. В Кенигсберге он и прожил почти всю свою жизнь, до самой смерти, последовавшей в возрасте восьмидесяти лет. Он происходил из крайне религиозной семьи. Вера Канта имела немаловажное значение для его философской системы: как и Беркли, он стремился спасти основы христианской веры.

— О Беркли я уже наслышана, даже слишком.

— Кант был также первым из рассматриваемых нами мыслителей, кто получил в университете должность профессора философии. Он был, так сказать, философом-предметником.

— Предметником?

— Дело в том, что слово «философ» сегодня употребляется в двух несколько отличных смыслах. Прежде всего под философом подразумевается мыслитель, пытающийо найти собственные ответы на философские вопросы. Не философ — это и специалист по истории философии, вовсе не обязательно разрабатывающий свою теорию, а, скажем преподающий философию как учебную дисциплину.

— И Кант был таким специалистом?

— Он сочетал в себе обоих философов. Если бы он был только хорошим профессором, то есть знатоком учений, разработанных другими философами, он бы не оставил по себе памяти в истории философии. Но не мешает подчеркнуть, что Кант был отлично знаком с предшествовавшей философской традицией, в частности, с рационалистами Декартом и Спинозой, а также с эмпириками Локком, Беркли и Юмом.

— Я просила тебя не упоминать Беркли.

— Как мы выяснили, по мысли рационалистов, основа всего человеческого познания заключается в разуме. С другой стороны, нам известно и то, что, согласно эмпирикам, все знания о мире идут от чувственных впечатлений. Юм к тому же указывал на

существование очевидных пределов для выводов, которые мы можем делать на основании чувственного опыта.

— С кем из них был согласен Кант?

— Он считал, что обе стороны отчасти правы и отчасти ошибаются. Мыслителей занимал вопрос о познаваемости мира. Эта философская проблема объединяла всех, кто шел после Декарта. Указывалось на две возможности: мир либо в точности таков, каким мы его ощущаем, либо таков, каким он представляется нашему разуму.

— А что утверждал Кант?

— Кант утверждал, что в нашем восприятии мира важную роль играет и ощущение, и разум. Но, по его мнению, рационалисты переоценивали разум, а эмпирики заходили слишком далеко в акцентировании чувственного опыта.

— Если ты не собираешься привести хотя бы один убедительный пример, все это останется словесами.

— Отправная точка у Канта такая же, как у Юма и эмпириков: все наши знания о мире идут от чувственного опыта. Но — и тут он протягивает руку рационалистам — в нашем разуме также заложены важные предпосылки того, как мы воспринимаем окружающий мир. Иначе говоря, в человеческом сознании существуют некие условия, определяющие наше восприятие.

— Разве это пример?

— Давай я лучше дам тебе задание. Пожалуйста, принеси с того столика очки. Вот так. А теперь надень их!

София надела очки на нос. Все вокруг мгновенно стало красным. Светлые цвета оттенялись розовым, темные сделались темно-красными.

— Что ты видишь?

— Я вижу в точности то же, что и раньше, только в красных тонах.

— Это потому, что очки ставят предел твоему восприятию действительности. Другими словами, все, что ты видишь, идет из окружающего мира, однако то, *как* ты видишь, зависит, в частности, от очков. Ты не можешь утверждать, что мир красный, хотя и воспринимаешь его таким.

— Конечно, не могу…

— Если бы ты сейчас гуляла в лесу (или, скажем, шла домой, к Капитанскому повороту), ты бы видела все точно как всегда. Но все было бы красного цвета.

— Да, пока я не сняла бы очки.

— Так же и Кант, София, утверждал, что в самом нашем рассудке есть определенные предрасположенности, которые и влияют на наши ощущения.

— О каких предрасположенностях идет речь?

— Что бы мы ни видели, мы воспринимаем все явления прежде всего в *пространстве* и *времени.* Кант называл пространство и время двумя «формами созерцания», подчеркивая, что эти «формы» в нашем сознании *предшествуют* любому ощущению. Это означает, что мы заранее, до восприятия какого-либо явления, знаем, что оно будет воспринято нами в пространстве и времени, поскольку мы не в силах снять с себя «очки» разума.

— Он считал восприятие явлений в пространстве и времени врожденным качеством?

— В некотором смысле — да. *Что* мы видим, зависит от того, где мы родились: в Индии или в Гренландии. Однако, где бы мы ни были, мы везде воспринимаем бытие в виде процессов, протекающих в пространстве и времени. Это можно сказать заранее.

— Но разве пространство и время не находятся вне нас?

— Нет, Кант настаивал на том, что пространство и время являются составной частью человека. Пространство и время — в первую очередь свойства не мира, а нашего сознания.

— Это совершенно новый взгляд на вещи.

— Иными словами, человеческое сознание — отнюдь не пассивная «доска», которая лишь воспринимает чувственные впечатления извне, а активно воздействующая инстанция. Сознание само «лепит» наше восприятие мира. Это можно сравнить с тем, что происходит, когда ты наливаешь воду в стеклянный кувшин. Вода приспосабливается к форме кувшина. Так же и чувственные впечатления приспосабливаются к нашим «формам созерцания».

— Кажется, я поняла, что ты хочешь сказать.

— По утверждению Канта, не только сознание подстраивается под вещи, но и вещи подстраиваются под сознание. Сам Кант называл это «Коперниковым переворотом» в вопросе о человеческом познании, имея в виду, что такой взгляд столь же радикально отличался от прежнего мировоззрения, как теория Коперника, который настаивал, что не Солнце вращается вокруг Земли, а наоборот — Земля вокруг Солнца.

— Теперь я разобралась, почему он считал отчасти правыми и рационалистов, и эмпириков. Рационалисты, можно сказать, забыли о значении опыта, а эмпирики упускают из вида влияние сознания на наше восприятие действительности.

— Даже *закон причинности* (который Юм считал недоступным нашему опыту) является, по Канту, частью человеческого разума.

— Поясни!

— Как ты помнишь, Юм утверждал, что мы лишь по привычке неизбежно воспринимаем за происходящими в природе процессами причинно-следственные связи. Согласно Юму, мы не можем ощутить, что причиной движения белого бильярдного шара был черный, а потому не можем и доказать, что черный шар всегда будет приводить белый в движение.

— Помню.

— Но именно то, что Юм считал невозможным для доказательства, Кант берет за основу как свойство человеческого разума. Закон причинности действует у него всегда и без исключений просто-напросто потому, что наш разум воспринимает все происходящее в виде причинно-следственных отношений.

— Опять-таки я бы сказала, что закон причинности заключается не в нас, людях, а в самой природе.

— Во всяком случае, Кант настаивает, что этот закон заключается в нас. Он до известной степени согласен с Юмом в том, что нам не дано твердо знать, каков мир сам по себе. Мы можем лишь знать, каков мир «для меня» — или для всех людей. Проводимое Кантом различие между «dasDingansich» и «dasDingfurmien» стало важнейшим вкладом в философию.

— Я не сильна в немецком.

— Кант различал «вещь в себе» и «вещь для меня». О том, каковы вещи сами по себе, нам никогда не будет точно известно.

Мы можем лишь познать, какими они «демонстрируют себя» нам. Зато мы еще до восприятия опытом можем сказать, как определенное явление понимается человеческим разумом.

— Неужели?

— Перед выходом из дома ты не знаешь, что тебе сегодня предстоит, но убеждена, что все увиденное и услышанное будет восприниматься в пространстве и времени. Кроме того, ты можешь быть уверена, что к происходящим событиям будет применим закон причинности, — просто потому, что он составляет часть твоего сознания.

— Но мы могли быть созданы иначе?

— Да, у нас могли бы быть другие органы чувств. Мы могли бы иначе воспринимать пространство и иметь иное чувство времени. Помимо всего прочего, мы могли быть сотворены таким образом, чтобы не искать причин происходящих вокруг нас событий.

— У тебя есть примеры?

— Представь себе кошку, которая лежит на полу. Представь себе, что в *комнату вкатывается мяч. Что сделает* кошка?

— Я много раз пробовала такое. Кошка побежит за мячом.

— О'кей. Теперь представь себе, что вместо кошки в комнате сидишь ты. Если бы ты вдруг увидела вкатывающийся в комнату мяч, ты бы тоже сразу помчалась за ним?

— Прежде всего я бы посмотрела, откуда он появился.

— Да, будучи человеком, ты бы непременно захотела выяснить причину явления. Значит, закон причинности составляет неотъемлемую часть тебя.

— Это правда?

— Юм подчеркивал, что мы не можем ни почувствовать, ни доказать законы природы. Канта такая мысль смущала. Он считал, что может доказать абсолютную применимость законов природы, продемонстрировав, что на самом деле речь идет о законах человеческого познания.

— А маленький ребенок тоже обернется посмотреть, кто бросил мячик?

— Может быть, и нет. Но Кант утверждал, что разум ребенка разовьется полностью, только когда тот обработает достаточно

много чувственного материала. Вообще говорить о «пустом разуме» не имеет смысла.

— Действительно, это какое-то странное понятие.

— Итак, мы можем подвести некоторые итоги. Согласно Канту, существует два вида обстоятельств, влияющих на восприятие человеком мира. С одной стороны, это внешние обстоятельства, о которых мы не имеем никакого представления, пока не ощутим их. Назовем *их материалом* познания. С другой стороны, это внутренние обстоятельства, действующие внутри самого человека, например, наше восприятие всего происходящего в пространстве и времени как явлений, подчиняющихся нерушимому закону причинности. Их мы можем назвать *формой* познания.

Альберто с Софией некоторое время сидели, молча глядя в окно. Внезапно София увидела на том берегу озера вынырнувшую из леса маленькую девочку.

— Смотри! — воскликнула София. — Кто это?

— Чего не знаю, того не знаю.

Девочка показалась всего на несколько секунд, а потом исчезла. София обратила внимание, что на голове у нее было надето что-то красное.

— Во всяком случае, мы не дадим отвлекать себя такими вещами.

— Тогда продолжай.

— Кант также указывал на существование четких пределов того, что человек способен познать разумом. Вероятно, можно сказать, что подобные пределы устанавливаются «очками» рассудка.

— Как так?

— Ты помнишь, что предшественники Канта обсуждали глобальные философские проблемы, например, обладает ли человек бессмертной душой, существует ли Бог, состоит ли все сущее из мельчайших, далее неделимых частиц и конечно или бесконечно мировое пространство?

— Да.

— Кант утверждал, что человек не может иметь достоверного знания по этим проблемам. Это не значит, что он отвергал

подобную постановку вопросов. Напротив, если бы он вовсе отвергал такие вопросы, он бы вряд ли был подлинным философом.

— А что же он делал?

— Наберись терпения. В отношении глобальных философских проблем Кант считает, что тут разум действует за пределами возможностей человеческого познания. В то же время в человеческой натуре — или в человеческом рассудке — заложена неодолимая тяга ставить подобные вопросы. Но если мы, к примеру, спрашиваем, бесконечен или конечен космос, мы задаем вопрос о целом, сами являясь лишь крохотной его частицей, так что нам не дано когда-либо познать его во всей полноте.

— Почему?

— Когда ты надела красные очки, мы с тобой знали, что, по Канту, существует два источника нашего знания о мире.

— Чувственный опыт и разум.

— Да, материал для познания поставляют наши чувства, однако этот материал подправляется в соответствии со свойствами нашего разума, среди которых, например, стремление разобраться в причинах явлений.

— Например, почему по полу катится мяч.

— Хотя бы. Но когда мы интересуемся происхождением Вселенной (и обсуждаем возможные ответы на этот вопрос), тут наш разум как бы пробуксовывает. Ему не хватает материала для «обработки», у него нет опыта, на котором он мог бы отточить себя, поскольку мы никогда не ощущали всю необъятную действительность, частью которой являемся сами.

— Мы, так сказать, частичка вкатившегося в комнату мяча, а потому не можем знать, откуда он.

— Между тем человеческому разуму всегда будет свойственно *задаваться вопросом*, откуда прикатился мяч. Вот почему мы спрашиваем и спрашиваем, напрягаем все силы, дабы найти ответы на глобальные вопросы. Но мы так и не находим, за что бы уцепиться, не получаем точных ответов, потому что у разума нет почвы под ногами и он буксует.

— Спасибо, это ощущение я знаю очень хорошо.

— В отношении крупных вопросов, касающихся всего бытия, Кант показал, что по ним всегда будут существовать две противоположные версии ответов, в равной степени правдоподобные и неправдоподобные с точки зрения человеческого разума.

— Пожалуйста, примеры.

— Сказать, что у мира должно быть начало во времени, и сказать, что у него не было такого начала, одинаково правомерно. Но разум не в состоянии представить себе ни ту, ни другую возможность. Мы можем утверждать, что мир существовал вечно, однако может ли что-нибудь существовать, не появившись на свет? Теперь мы вынуждены принять противоположную точку зрения. Мы говорим, что, по всей вероятности, мир некогда возник, причем возник из ничего, — ведь если это не так, мы бы говорили лишь о переходе из одного состояния в другое. Но *может ли* что-нибудь возникнуть из нуля, а, София?

— Нет, обе возможности кажутся немыслимыми. Тем не менее одна из них должна быть верной, а вторая — ошибочной.

— Ты наверняка помнишь утверждение Демокрита и материалистов, что все сущее построено из наимельчайших частиц. Другие (в частности, Декарт) указывали на то, что протяженная действительность, вероятно, может делиться на все более мелкие части. Но кто из них был прав?

— Оба… и никто.

— Далее, многие философы указывали на свободу как на одно из главнейших качеств человека. В то же время нам попадались философы — например, стоики и Спиноза, — утверждавшие, что все согласуется с нерушимыми законами природы. Кант считал, что и об этом человеческий разум судить не в состоянии.

— Утверждать то или другое одинаково разумно и неразумно.

— Наконец, мы заходим в тупик, пытаясь с помощью разума доказать существование Бога. Рационалисты — в частности, Декарт — утверждали, что Бог обязан существовать хотя бы в силу того, что у нас есть представление о «всесовершенном создании». Другие — в их числе Аристотель и Фома Аквинский — приходили к выводу, что Бог обязан существовать, поскольку у всех вещей должна быть первопричина.

— А что считал Кант?

— Он отвергал оба эти доказательства. Ни разум, ни опыт не способны подтвердить существование Бога. Для разума его существование одинаково правдоподобно и неправдоподобно.

— Но ты начал с того, что Кант стремился спасти основы христианской веры.

— Да, он открыл возможность чисто религиозного подхода. Там, где не хватает ни опыта, ни разума, возникает пустота, которую можно заполнить *верой.*

— И таким образом он спас христианство?

— Можно сказать — да. Следует заметить, что Кант был протестантом. С самого начала Реформации протестантизм отличался тем, что основывался на вере. Католическая церковь еще со времен раннего средневековья больше опиралась на разум, призванный поддерживать веру.

— Ясно.

— Но Кант пошел чуть дальше утверждения, что эти вопросы следует оставить вере. По его мнению, для человеческой нравственности фактически необходимо исходить из того, что человек обладает *бессмертной душой,* что *существует Бог* и что у человека есть *свобода воли.*

— Он поступает почти как Декарт. Сначала он весьма критично настроен к нашей способности что-либо понимать, а потом протаскивает с черного хода Бога и всякое такое.

— Однако, в отличие от Декарта, он подчеркивает, что пришел к этому не через разум, а через веру. Сам он называл эти три положения — веру в бессмертие души, в существование Бога и в свободу воли — *практическими постулатами.*

— Что значит?…

— «Постулировать что-либо» значит утверждать что-то, не поддающееся доказательству. Под «практическим постулатом» Кант понимает нечто необходимое для «практической деятельности» человека, то есть для его нравственности. «Морально необходимо признать бытие Бога», — говорит он.

Внезапно в дверь постучали. София мгновенно вскочила, но Альберто как будто и не собирался вставать.

— Нужно открыть, правда? — спросила она.

Альберто пожал плечами, однако в конце концов тоже поднялся. Когда они открыли дверь, за ней стояла девочка в белом платьице и с красной шапочкой на голове. Та самая девочка, которую они видели на другом берегу. В одной руке она держала корзинку с едой.

— Здравствуй, — сказала София. — Ты кто?

— Разве не видно? Я — Красная Шапочка.

София взглянула на Альберто, тот кивнул.

— Ты же слышала, что она сказала.

— Я ищу дом своей бабушки, — проговорила девочка. — Она старенькая и больная, я несу ей поесть.

— Она живет не здесь, — отозвался Альберто, — так что иди-ка ты поскорей дальше.

При этих словах он махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху.

— Но мне еще надо доставить письмо, — продолжала Красная Шапочка.

Вытащив из корзинки небольшой конверт, она протянула его Софии, а в следующий миг уже сбегала по ступенькам.

— Берегись волка! — крикнула ей вслед София.

Альберто возвратился в комнату. София пошла за ним, и они сели, как прежде, каждый в свое кресло.

— Подумать только, это была Красная Шапочка, — сказала София.

— Предупреждать ее нет никакого резона. Она все равно пойдет к бабушке, и там ее съест волк. Она ничему не научится, и так будет повторяться до скончания века.

— Но я никогда не слышала, чтобы, прежде чем попасть к бабушке, она стучалась в другой дом.

— Это все чепуха, София.

Тут только София бросила взгляд на полученный конверт. На нем было написано: «Хильде». София вскрыла конверт и громко прочла:

Дорогая Хильда! Если бы человеческий мозг был настолько прост, чтобы мы могли понять его, мы бы сами были настолько

глупы, что все равно не сумели бы его понять.

С приветом, папа.

— Совершенно верно, — кивнул Альберто. — И мне кажется, нечто подобное мог бы сказать и Кант. Не следует ожидать, что мы сумеем понять, *кто мы такие.* Возможно, мы в состоянии до конца разобраться в цветке или в насекомом, но нам никогда не понять самих себя. Еще меньше у нас шансов понять Вселенную.

Софии пришлось перечитать странное предложение второй, а потом и третий раз. Альберто тем временем продолжал:

— И мы не должны позволять сбивать себя с толку морскими змеями и прочим. Прежде чем мы закончим сегодняшнее занятие, я расскажу тебе об этике Канта.

— Поторопись, мне скоро пора домой.

— Скептицизм Юма по поводу того, что мы можем узнать через ощущения и разум, вынудил Канта заново продумать многие из важнейших проблем бытия, в том числе в области морали.

— Юм говорил, что невозможно доказать правильное и неправильное. Ведь мы не можем делать выводов ни из предложений констатирующих, ни из предложений модальных.

— Согласно Юму, ни разум, ни опыт не могут подсказать нам отличие верного от ложного. Подсказать это могут лишь чувства. Канту такая основа казалась слишком шаткой.

— Я его вполне понимаю.

— Кант с самого начала воспринимал различие между хорошим и плохим как нечто вполне реальное. Здесь его мнение схоже со взглядом рационалистов, которые считали, что человек способен различать правильное и неправильное с помощью рассудка. Всем известно, что хорошо, а что плохо, причем мы знаем это не потому, что нас этому научили, а потому, что это заложено в нашем сознании. По Канту, любой человек обладает «практическим разумом», то есть разумом, который в каждом конкретном случае подсказывает нам, что с точки зрения нравственности правильно, а что неправильно.

— Значит, это тоже врожденное?

— Умение различать хорошее и дурное не менее врожденное, чем прочие свойства разума. Как все люди обладают одинаковыми

формами сознания (сюда относится, например, наша способность воспринимать явления как причинно обусловленные), так каждый обладает доступом к универсальному *нравственному закону.* Этот нравственный закон не менее абсолютен, чем физические законы природы. Он столь же основополагающ для нашего морального бытия, как основополагающи для бытия нашего разума тезисы о том, что все имеет свою причину или что 7 + 5 = 12.

— И что гласит этот нравственный закон?

— Поскольку он предшествует всякому опыту, он «отвлеченно-формален», то есть не привязан к каким-либо конкретным ситуациям морального выбора. Он применим для всех людей, живущих в любом обществе и в любую эпоху. В нем не говорится, что, попав в такое-то положение, ты должен поступить так-то и так-то. В нем говорится, как ты должен поступать *в любых* положениях.

— Но какой смысл носить в себе нравственный закон, если он не подсказывает тебе, как поступать в конкретных случаях?

— Кант называет свой нравственный закон *категорическим императивом,* понимая под этим, что закон «категоричен», то есть относится ко всем случаям, и к тому же представляет собой «императив», то есть он «повелителен», обязателен, не допускает выбора.

— Предположим…

— Кант формулирует свой «категорический императив» разными способами. Прежде всего, он говорит: *поступай только согласно такой максиме* (то есть правилу), *руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом.*

— Значит, когда я что-нибудь делаю, я всегда должна спросить себя, хочу ли я, чтобы все попавшие в сходное положение поступали так же?

— Точно. Лишь в этом случае ты будешь поступать в согласии с нравственным законом внутри себя. Кант также сформулировал «категорический императив» иначе: *поступай так, чтобы ты всегда относился к человеку как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству.*

— То есть нельзя «использовать» других людей ради собственной выгоды.

— Да, потому что все люди сами по себе — цель. И это относится не только к другим людям, но и к себе. Ты не имеешь права использовать самого себя лишь как средство к достижению чего-либо.

— Это немного напоминает «золотое правило», в котором говорится, что надо поступать с другими так, как ты хотел бы, чтобы другие поступали с тобой.

— Да, в этом правиле тоже заключена «отвлеченно-формальная инструкция», по сути дела, охватывающая все случаи этического выбора. Вполне можно сказать, что в «золотом правиле» выражено то, что Кант называл «нравственным законом».

— Но все это голые утверждения. Юм был прав, говоря, что мы не в состоянии доказать с помощью рассудка, что хорошо, а что плохо.

— Согласно Канту, нравственный закон не менее абсолютен и всеобщ, чем, например, закон причинности.

Его ведь тоже нельзя доказать с помощью разума, и тем не менее он абсолютно обязателен. Ни один человек не сумеет опровергнуть его.

— У меня такое ощущение, что на самом деле мы ведем речь о совести. Совесть ведь есть у всех людей.

— Да, описывая нравственный закон, Кант описывает человеческую совесть. Мы не можем доказать то, что подсказывает нам совесть, и тем не менее знаем, что она существует и говорит с нами.

— Иногда я бываю вежлива и любезна с другими только потому, что это выгодно мне самой. Так, например, легко завоевать популярность.

— Но если ты делишься с другими только ради завоевания популярности, ты не соблюдаешь нравственного закона. Возможно, ты поступаешь в *соответствии* с ним — и это уже хорошо, — однако, чтобы быть подлинно нравственным, твой поступок должен диктоваться внутренним убеждением. Только если ты делаешь что-то, потому что считаешь своим *долгом*

следовать нравственному закону, можно говорить о нравственном поступке. Вот почему этику Канта нередко называют *этикой долга.*

— Я, скажем, могу считать своим долгом собирать деньги для организаций «Спасите детей» или «Церковная помощь в трудную минуту».

— Да, и самое главное — чтобы ты собирала их, поскольку считаешь это правильным. Даже если собранные тобой деньги не дойдут до адресата, не накормят рты, которым они были предназначены, ты все равно исполнила свой моральный долг. Ты действовала с верным умыслом, а, по Канту, решающим фактором для того, чтобы посчитать какой-то поступок нравственно правильным, служат не его последствия, а именно умысел, поэтому этику Канта также называют *этикой умысла.*

— Почему ему было важно знать, когда человек следует нравственному закону? Разве не важнее то, что наши поступки идут во благо другим людям?

— Естественно, Кант не мог бы не согласиться с тобой. Но только соблюдая нравственный закон, мы действуем *свободно.*

— Только следуя закону, мы действуем свободно? Разве это не странно?

— Во всяком случае, не по Канту. Как ты, возможно, помнишь, ему пришлось «постулировать», что человек обладает свободной волей. Это важный тезис, поскольку Кант также считал, что все подчиняется закону причинности. Откуда же у нас может быть свободная воля?

— Меня об этом лучше не спрашивать.

— Кант делит человека на две части, причем его деление напоминает принцип Декарта, который считал человека «двояким существом», поскольку он обладает и телом, и разумом. Как чувствующие создания, утверждает Кант, мы целиком подпадаем под действие нерушимых законов причинности. Мы не вольны определять, что нам чувствовать, ощущения неизбежно приходят и заполняют нас, хотим мы того или нет. Однако человек — существо не только чувствующее, но и разумное.

— Поясни!

— Будучи чувствующими созданиями, мы полностью принадлежим природе, а потому подчиняемся закону причинности. Если посмотреть с этой стороны, никакой свободы воли у нас нет. Но в качестве разумных существ мы составляем часть того, что Кант называл «вещью в себе», — то есть мира, как он есть, независимого от наших ощущений. Только когда мы следуем своему «практическому разуму» (благодаря которому можем делать нравственный выбор), мы и обладаем свободой воли. Ибо, подчиняясь законам нравственности, мы сами определяем закон, на который равняемся.

— Да, это до известной степени верно. Но что-то — либо я сама, либо нечто в глубине меня — говорит мне, что я не должна вести себя гадко по отношению к другим.

— Когда ты намеренно решаешь не вести себя гадко (даже если это противоречит твоим собственным интересам), ты поступаешь свободно.

— Во всяком случае, человек не очень-то свободен и независим, если он следует только своим желаниям.

— Можно стать рабом чего-либо, например собственного эгоизма. Независимость — и свобода — требуется как раз для того, чтобы подняться выше своих желаний и порочных привычек.

— А что с животными? Они ведь следуют исключительно своим желаниям и потребностям. У них, значит, нет свободы следовать нравственному закону?

— Нет, такая свобода и делает нас людьми.

— Теперь я поняла.

— В заключение, вероятно, можно сказать, что Канту удалось вывести философию из тупика, в который она зашла в споре между рационалистами и эмпириками, а потому Кантом завершается определенная эпоха в истории философии. Он умер в 1804 году — с расцветом следующей эпохи, которую мы называем романтизмом. На могиле Канта в Кёнигсберге выбито одно из самых известных его изречений — о двух вещах, которые «наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением». Эти две вещи для Канта — «звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Продолжение цитаты гласит: «И то и другое мне нет надобности искать и только предполагать

как нечто окутанное мраком или лежащее за пределами моего кругозора; я вижу их перед собой и непосредственно связываю их с сознанием своего существования».

Альберто откинулся на спинку кресла.

— Вот и все, — проговорил он. — По-моему, самое главное о Канте сказано.

— Да и времени уже четверть пятого.

— Но мне нужно кое-что добавить. Будь добра, подожди минутку.

— Я никогда не ухожу с урока, пока учитель не объявит его конец.

— Я говорил, что, согласно Канту, мы не обладаем свободой, если живем только в виде чувствующих существ?

— Да, что-то в этом роде.

— Но если мы пользуемся универсальным разумом, тогда мы обретаем свободу и независимость. Говорил?

— Да. Почему ты к этому возвращаешься?

Альберто наклонился поближе к Софии и, заглянув ей в глаза, прошептал:

— Не попадайся на удочку, не верь всему, что видишь, София.

— Что ты имеешь в виду?

— Лучше отворачивайся, дитя мое.

— Я совершенно не понимаю, о чем ты.

— Принято говорить: «Не поверю, пока не увижу собственными глазами». Но ты не должна верить даже им.

— Что-то в этом роде ты уже говорил.

— Да, про Парменида.

— Но я все равно не понимаю, о чем речь.

— Фу-ты ну-ты! Мы с тобой разговаривали, сидя на крыльце. И вдруг ни с того ни с сего из озера вылезает «морской змей».

— Разве это было не удивительно?

— Нет. Потом в дверь стучится Красная Шапочка. «Я ищу дом своей бабушки». При всей своей банальности и докучливости эти явления лишь ходы в потешном сражении, которое затеял с нами майор. Вроде послания в банане или грозы.

— Ты считаешь, что…

— Но я уже говорил, что у меня есть план. Пока мы будем прислушиваться к своему разуму, майор не сумеет провести нас. Мы будем до известной степени свободными. Он может внушать нам какие угодно «ощущения», меня ничем не проймешь. Если небо вдруг заслонят тучи летящих слонов, я в лучшем случае расплывусь в улыбке. Но семь плюс пять есть и будет двенадцать! Такие знания переживут все его спецэффекты. Философия — это не комикс, а нечто совершенно иное.

София удивленно смотрела на Альберто.

— Можешь идти, — наконец сказал он. — Я сам приглашу тебя на занятие по романтизму. Заодно поговорим о Гегеле и Киркегоре. Но до того, как самолет с майором приземлится на аэродроме в Хьевике, остается всего неделя. К этому времени нам нужно освободиться от его навязчивых фантазий. Больше ни слова, София. Только знай, что я разрабатываю для нас с тобой замечательный план.

— Тогда я пошла.

— Подожди… мы забыли чуть ли не самое главное.

— Что?

— Поздравительную песенку. Сегодня Хильде исполняется пятнадцать лет.

— Мне тоже.

— Да, и тебе тоже. Давай споем.

Оба встали — и запели по-английски:

— Happy birthday to you! Happy birthday to you!
Happy birthday to Hilde! Happy birthday to you!

Было уже половина пятого. София сбежала к озеру и переправилась на другой берег. Втащив лодку в заросли тростника, она стремглав понеслась по лесу.

Когда она отыскала тропу, то вдруг заметила маячившую между деревьями невысокую фигурку. София подумала про Красную Шапочку, которая ходила через лес к бабушке, но эта фигурка была гораздо меньше.

София подошла ближе. Фигурка была размером с куклу, вся коричневая, только верхнюю половину туловища прикрывал красный свитер.

София замерла на месте, сообразив, что это игрушечный медвежонок.

В том, что кто-то потерял в лесу мишку, не было ничего загадочного. Но этот мишка оказался живехоньким и был чем-то очень занят.

— Привет… — неуверенно сказала София.

Медвежонок резко повернулся и ответил:

— Меня зовут Винни-Пух. Вообще-то день обещал быть просто замечательным, но я, видимо, заблудился в лесу. Во всяком случае, тебя я здесь никогда раньше не видел.

— Может, это я сюда никогда не попадала, — отозвалась София. — А ты по-прежнему где-нибудь рядом с Пуховой Опушкой или около Шести Сосен.

— Не соображаю я во всей этой арифметике. Ты, наверное, помнишь, что у меня в голове опилки.

— Я много про тебя слышала.

— Значит, ты — Алиса. Кристофер Робин мне тоже про тебя рассказывал, так что мы старые знакомые. Ты столько отпила из одной бутылки, что стала маленькой-премаленькой. А потом глотнула из другой — и принялась снова расти. Вообще-то растут обычно оттого, чем набивают брюхо. Я один раз съел столько, что застрял в кроличьей норе.

— Но я не Алиса.

— Кто мы такие, не имеет значения. Самое главное, что мы существуем. Так говорит Сова, а у нее в голове вовсе не опилки. «Семь плюс четыре будет двенадцать», — сказала она в один прекрасный солнечный денек. Мы с Иа-Иа не знали, что сказать, потому что вычислять числа очень трудно. Куда проще вычислять погоду.

— Меня зовут София.

— Очень приятно познакомиться, София. Я уже говорил, что, по-моему, ты раньше не бывала в наших краях. А теперь мишке пора идти, нужно все-таки отыскать дорогу к Пятачку. Мы с ним собираемся на большой прием в саду, который устраивает Кролик со своими Родными и Знакомыми.

Он помахал лапой. Только теперь София заметила, что во второй лапе у медвежонка зажат листок бумаги.

— Что это у тебя? — спросила она.

Задрав лапу кверху, Винни-Пух сказал:

— Из-за него я и заблудился в лесу.

— Это всего лишь бумажка.

— Это не «всего лишь бумажка», а письмо Зеркальной Хильде.

— А-а-а, тогда я могу взять его.

— Ты же не та девочка, что живет в зеркале?

— Нет, но…

— Письмо нужно вручить лично в руки. Кристофер Робин учил меня этому не далее как вчера.

— Но я знаю Хильду.

— Это не имеет значения. Даже если ты очень хорошо знаешь человека, чужие письма читать нельзя.

— Я хотела сказать, что могу передать ей письмо.

— Тогда совсем другое дело. Избавившись от письма, я запросто найду дорогу к Пятачку. Ведь чтобы отыскать Зеркальную Хильду, нужно сначала отыскать большое зеркало. А с зеркалами здесь туго. Держи письмо, София.

Медвежонок отдал Софии зажатую в лапе бумажку и торопливо заковылял на своих коротеньких ножках в лес. Как только он скрылся из виду, София развернула листок и прочла:

Дорогая Хильда! Печально, но Альберто не рассказал Софии, что Кант призывал к созданию «союза народов». В сочинении «Вечный мир» он писал, что все страны должны объединиться в союз, который бы обеспечивал мирное сосуществование разных народов. После Первой мировой войны, примерно через 125 лет после написания этого сочинения, изданного в 1795 году, была создана так называемая Лига Наций. После Второй мировой войны ее заменила Организация Объединенных Наций. Кант был, можно сказать, крестным отцом ООН. Суть его идеи заключалась в том, что «практический разум» человека обязывает государства выйти из «естественного состояния», неизменно вызывающего войны, и установить новый международный правопорядок, который бы препятствовал войнам. Каким бы долгим ни был путь к созданию «союза народов», мы обязаны трудиться ради «достижения всеобщего и

прочного мира». Для Канта создание такого союза было дальней, едва ли не конечной, целью всей философии. Сам я в настоящее время нахожусь в Ливане.

С приветом, папа.

Спрятав листок в карман, София пошла дальше. Против таких неожиданных встреч и предупреждал ее Альберто. Но не могла же она позволить мишке до бесконечности кружить по лесу в поисках Зеркальной Хильды.

РОМАНТИЗМ

…самая сокровенная тайна скрывается внутри…

Хильда наконец выпустила папку из рук и позволила ей сползти на пол.

По сравнению с тем временем, когда она ложилась, в комнате стало еще светлее. Хильда взглянула на часы. Без нескольких минут три. Она повернулась на бок и решила поспать. В полудреме она думала о том, зачем отцу понадобилось вводить в его книгу Красную Шапочку и Винни-Пуха…

На другой день она проспала до одиннадцати. Проснулась Хильда с ощущением, что ночь напролет видела сны, но какие — вспомнить не могла. Она словно побывала в другом мире.

Девочка спустилась в кухню и приготовила себе завтрак. Мама сегодня надела синий комбинезон. Она собиралась в лодочный сарай приводить в порядок яхту. Даже если не удастся спустить ее на воду, к папиному возвращению из Ливана лодка должна быть готова.

— Может, придешь помочь мне?

— Сначала мне нужно еще почитать. Тебе принести чай и второй завтрак?

— Ты хотела сказать «полдник»?

После завтрака Хильда поднялась к себе и, застелив постель, опять уселась в обнимку с папкой.

София пролезла через изгородь и очутилась в просторном саду, который сама некогда сравнила с Эдемским — райским — садом…

Теперь она обратила внимание, что после вчерашней грозы в саду валяется множество веток и листьев. Казалось, будто существует некая взаимосвязь между ненастьем и сломанными ветками, с одной стороны, и встречей с Красной Шапочкой и Винни-Пухом, с другой.

Проходя мимо качелей, София смела с них ветки и хвойные иголки. Хорошо, что на качелях лежат пластиковые подушки, которые не нужно уносить от каждого дождя.

Она вошла в дом — как выяснилось, почти следом за мамой. Та ставила в холодильник бутылки с фруктовой водой и кока-колой. Кухонный стол украшали два кренделя — один большой, второй поменьше.

— Ты ждешь гостей? — спросила София, чуть не забыв про свой день рождения.

— В субботу у нас будет прием в саду, но я подумала, что можно и сегодня устроить что-нибудь особенное.

— Например?

— Я позвала к нам Йорунн и ее родителей.

— Я не против, — пожала плечами София.

Гости пришли около половины восьмого. Обстановка была натянутая: Софиина мама редко общалась с родителями Йорунн.

Девочки вскоре удалились в комнату Софии писать приглашения на праздник. Поскольку они собирались пригласить и Альберто Нокса, Софии пришло в голову назвать прием в саду «философическим». Йорунн не возражала: день рождения отмечался Софиин, а тематические приемы были в моде.

В конце концов приглашение было составлено. Подружки потратили на него больше двух часов и к концу этого времени просто лопались от смеха.

Дорогой/ая…!

Приглашаем тебя в субботу, 23 июня (канун Иванова дня), прибыть к 19.00 на философический прием по адресу: Клеверввйен, дом 3. На протяжении этого вечера мы надеемся разрешить загадку бытия. Не забудь прихватить толстый свитер и тонкие идеи, которые могли бы способствовать проникновению в философские тайны. К сожалению, из-за опасности лесных пожаров нам нельзя будет разжечь костер, но огонь фантазии может взметнуться как угодно высоко. Среди приглашенных будет по меньшей мере один настоящий философ, так что прием ожидается закрытый. (Представители прессы не допускаются!)

С приветом,

Йорунн Ингебригтсен (оргкомитет) и София Амуннсен (хозяйка).

Затем девочки присоединились к взрослым, которые хотя бы вели более непринужденную беседу, чем раньше до того, как София и Йорунн сбежали на второй этаж.

— Пожалуйста, восемнадцать экземпляров, — сказала София, протягивая маме написанное каллиграфическим почерком приглашение. Она уже не раз просила ее сделать на работе какие-нибудь ксерокопии.

Бегло взглянув на приглашение, мама протянула его финансовому советнику.

— Вы только посмотрите. Она сошла с ума.

— Ну что вы, это должно быть очень увлекательно, — произнес советник, передавая листок жене. — Я бы и *сам* не отказался попасть на такой прием.

И тут вступила успевшая прочитать приглашение Барби.

— Я тоже хочу! София, можно мы придем?

— Тогда двадцать экземпляров, — поймала их на слове София.

— Ты что, ку-ку? — только и сказала Йорунн.

В этот вечер София надолго задержалась перед сном у окна. Ей вспомнился поздний вечер, когда она различила в темноте силуэт Альберто. Это было месяц назад. Сегодня было так же поздно, но вместо темноты на дворе стояла белая ночь.

Альберто не давал о себе знать. Он позвонил только утром во вторник, вскоре после маминого ухода на работу.

— София Амуннсен…

— И Альберто Нокс.

— Я так и думала.

— Прошу прощения, что давно не звонил, но я занимался нашим планом. Я могу плодотворно работать, только когда майор сосредоточивается на тебе и оставляет меня в покое.

— Странно.

— Тогда у меня, видишь ли, появляется шанс выйти из-под контроля, улизнуть от хвоста. Даже лучшая в мире разведка имеет

ограниченную сферу деятельности, если в ней работает всего один человек… Я получил от тебя открытку.

— Ты имеешь в виду приглашение.

— Неужели ты осмелишься?

— Почему бы и нет?

— Никогда не известно, что может случиться на таком празднике.

— Так ты придешь?

— Конечно, приду. Но я хотел сказать кое-что еще. Ты подумала, что в тот же самый день приезжает из Ливана отец Хильды?

— Честно говоря, нет.

— Он явно не случайно позволяет тебе организовать философический прием в тот день, когда сам возвращается в Бьеркели.

— Я уже говорила, что не подумала об этом.

— Зато он подумал. Ну ладно, мы все обсудим. Можешь прийти в Майорстуа прямо сейчас?

— Мне нужно прополоть клумбы.

— Тогда к двум часам. Успеешь?

— Приду.

Альберто Нокс снова поджидал Софию на крыльце.

— Садись рядом, — сказал он и на этот раз тоже приступил прямо к делу. — Мы с тобой беседовали о Возрождении, барокко и эпохе Просвещения. Сегодня речь пойдет *о романтизме*, который можно назвать последней эпохой европейской культуры. Мы приближаемся к концу длинной истории, дитя мое.

— Неужели романтизм продолжался так долго?

— Он появился на исходе XVIII века и существовал до середины следующего, после чего говорить о целых «эпохах», охватывающих литературу и философию, изобразительное искусство, естественные науки и музыку, уже не приходится.

— А романтизм составлял такую эпоху?

— Романтизм называют последним в Европе выражением «общего мировоззрения». Он зародился в Германии в виде реакции на характерное для эпохи Просвещения одностороннее

превознесение разума. Молодежь Германии, казалось, облегченно вздохнула, когда не стало Канта с его холодным рассудком.

— И что пришло ему на смену?

— Новыми лозунгами стали «чувство», «воображение», «ощущение» и «страсть». Отдельные мыслители эпохи Просвещения — в частности, Руссо — также указывали на значение чувств, но они делали это, критикуя односторонний акцент на разуме. Теперь же подводное течение вышло на поверхность и стало определяющим в культурной жизни Германии.

— Значит, Кант больше не пользовался успехом?

— И да и нет. Многие романтики считали себя его наследниками, ведь Кант доказал, что существуют пределы для нашего познания «вещи в себе». С другой стороны, он подчеркнул важность вклада, который вносится в познание нашим Я. Теперь индивидуум обрел свободу собственного толкования действительности. Романтики воспользовались этим для едва ли не беспредельного поклонения личности, что, в частности, заставило всех по-новому оценить гений Художника.

— И много было таких гениев?

— Например, *Бетховен.* В его музыке мы встречаемся с человеком, выражающим собственные чувства и страсти. Бетховен был, так сказать, «вольным художником» — в отличие от мастеров барокко, таких, как *Бах* и *Гендель*, которые сочиняли свои произведения в честь Бога и нередко придерживались крайне жестких правил композиции.

— Я знаю только «Лунную сонату» и «Симфонию Судьбы»[45].

— Но ты наверняка слышишь романтичность звучания «Лунной сонаты» и драматизм «Симфонии Судьбы».

— Ты говорил, что гуманисты эпохи Возрождения тоже были индивидуалистами.

— Да, между Ренессансом и романтизмом много общего. Их, в частности, объединяет упор на значении искусства для человеческого познания. Кант и здесь внес свою лепту, анализируя всепоглощающее впечатление, которое производит на нас красота, например, в произведении искусства. Когда мы отдаемся во власть

искусства, не преследуя иных целей, кроме чисто художественного переживания, мы приближаемся к восприятию «вещи в себе».

— Значит, художник может передать то, что не способен выразить философ?

— Так считали романтики. Согласно Канту, художник свободно играет своей способностью к познанию. Мысли Канта развил немецкий поэт *Шиллер*. Он пишет, что творчество художника напоминает игру, а только в игре человек чувствует себя свободным, потому что тогда он диктует собственные законы. По утверждению романтиков, лишь искусство способно подвести нас к «невыразимому». Кто-то сделал следующий шаг — и сравнил художника с Богом.

— Художник ведь творит собственную действительность, как Бог сотворил мир.

— Говорили, что художник наделен силой воображения, которая ведет его по пути «магического миротворчества». В порыве творческого вдохновения он иногда перестает различать мечту и реальность, сон и действительность. Один из этих юных гениев, *Новалис*, который сказал, что «сон — как мир, и мир — как сон», сочинил роман из средневековой жизни под названием «Генрих фон Офтердинген». Роман остался незаконченным из-за последовавшей в 1801 году смерти писателя и тем не менее приобрел большое значение. В нем мы знакомимся с юношей по имени Генрих, ищущим «голубой цветок», который он однажды увидел во сне и по которому с тех пор томится. Английский романтик *Кольридж* выразил примерно ту же мысль:

> «Что, если ты спал? Что, если тебе снился сон? И что, если во сне ты попал на небо и сорвал там диковинный, прекрасный цветок? И что, если проснувшись, ты ощутил цветок в своей руке? Да, что тогда?»

— Очень красиво.

— Подобная тяга к чему-то далекому и недосягаемому была типична для романтиков. Их также тянуло назад, в ушедшие времена — например, в средневековье, которое теперь переоценивалось и освобождалось от негативного отношения, сложившегося в эпоху Просвещения, романтиков привлекали и

территориально отдаленные культуры, в частности Восток с его мистикой. Помимо этого, их притягивали ночь, «предрассветная мгла», древние развалины и все сверхъестественное. Их интересовала так называемая «ночная сторона» бытия, то есть вещи мрачные, неприятные или таинственные.

— По-моему, очень интересно. Кем же были эти романтики?

— Романтизм — явление прежде всего городской жизни. По всей Европе, в том числе и в Германии, на первую половину XIX века пришелся расцвет культуры в городах. Романтиками были обычные молодые люди, чаще всего студенты — хотя с учебой у многих из них дела шли не ахти как хорошо. Их жизненная установка была откровенно «антибуржуазной», и они могли, например, называть полицейских и хозяек меблированных комнат «мещанами» или даже «врагами».

— В таком случае не хотела бы я сдавать комнату романтику.

— Молодость первого поколения романтиков пришлась на самое начало века, и их движение вполне можно возвести в ранг первого в Европе молодежного протеста. У романтизма было много общего с появившейся спустя полтора столетия культурой хиппи.

— Цветы и длинные волосы, бренчанье на гитаре и ничегонеделанье?

— Да, говорят, что «праздность — идеал гения, а леность — добродетель романтика». Романтики считали своим долгом жить насыщенной жизнью — или же уходить от нее в мечты и грезы. Банальную повседневность они оставляли на долю мещан.

— А Хенрик Вергеланн был романтиком?

— И *Вергеланн*, и *Вёльхавен* были романтиками. У Вергеланна было также много идеалов эпохи Просвещения, но его образ жизни — вдохновенной, хотя нередко полной своенравного сумбура — отличался почти всеми чертами, характерными для романтиков. Выдают романтика и восторженные влюбленности Вергеланна. «Стелла», к которой он обращает свои любовные стихи, была столь же далекой и недосягаемой, как «голубой цветок» Новалиса. Сам Новалис был помолвлен с четырнадцатилетней девочкой. Она умерла через четыре дня после того, как ей исполнилось

пятнадцать, но Новалис продолжал любить ее всю оставшуюся жизнь.

— Ты сказал, что она умерла всего через четыре дня после пятнадцатилетия?

— Да…

— А мне как раз сегодня пятнадцать лет и четыре дня!

— Верно…

— Как ее звали?

— Софией.

— Что ты сказал?

— Да, так оно и…

— Я боюсь! Случайно ли такое совпадение?

— Не знаю, София. Только она действительно была твоей тезкой.

— Продолжай!

— Сам Новалис прожил лишь двадцать девять лет. Он вошел в число «безвременно ушедших». Многие романтики умерли в юном возрасте, в частности, от туберкулеза. Кое-кто покончил с собой.

— Ой!

— Те, что дожили до старости, на четвертом десятке отказались от романтизма. Некоторые обуржуазились и превратились в реакционеров.

— То есть переметнулись в стан врагов.

— Пожалуй, можно сказать и так. Но мы вели речь о романтической влюбленности. Недостижимую любовь изобразил еще в 1774 году *Гёте* в своем романе в письмах «Страдания молодого Вертера». Небольшая книжечка заканчивается тем, что юный Вертер стреляется, поскольку не может получить девушку, которую любит…

— По-моему, это уж слишком.

— Как выяснилось, после публикации романа число самоубийств возросло, так что в Дании и Норвегии его на некоторое время даже запретили. Быть романтиком иногда опасно для жизни: речь идет об очень сильных чувствах.

— Когда ты произносишь слово «романтики», я представляю себе большие пейзажные полотна. Мне видятся таинственные леса, первозданная природа… туманная дымка.

— Среди важнейших черт романтизма было именно увлечение природой и ее мистикой, причем, как уже сказано, дело происходило в городе. Возможно, ты помнишь Руссо, который выдвинул лозунг «назад к природе». Лишь с приходом романтизма этот лозунг попал на благодатную почву. Романтизм представлял из себя, в частности, реакцию на механистическую Вселенную эпохи Просвещения. Указывалось, что романтизм означал возрождение древнего *космического сознания.*

— Объясни!

— Имеется в виду восприятие природы в виде единого целого. Тут романтики восходят к Спинозе, а также к Плотину и таким философам Возрождения, как *Якоб Бёме* и Джордано Бруно. Общим для этих предшественников было ощущение в природе божественного Я.

— Они были пантеистами…

— И Декарт, и Юм четко разграничивали, с одной стороны, Я, а с другой — «протяженную» действительность. Кант разделял познающее Я и природу «в себе». Теперь высказывается мнение, что природа представляет собой одно большое Я. Романтики использовали также выражение «мировая душа» или «мировой дух».

— Понятно.

— Самым влиятельным из философов-романтиков был *Шеллинг,* который родился в 1775-м, а умер в 1854 году. Он пытался вообще сгладить разницу между «духом» и «материей». Согласно Шеллингу, вся природа — включая и человеческую душу, и физическую реальность — является выражением единого Бога, или «мирового духа».

— Да, это напоминает Спинозу.

— «Природа — это видимый дух, дух — это невидимая природа», — утверждал Шеллинг. Ведь мы повсюду чувствуем присутствие «оживляющего духа». Он также называл природу «дремлющим интеллектом».

— Пожалуйста, расскажи об этом подробнее.

— Шеллинг видел в природе «мировой дух», но он видел тот же «мировой дух» и в человеческом сознании. Если придерживаться

такой точки зрения, природа и сознание действительно выражают одно и то же.

— Почему бы и нет?

— Значит, «мировой дух» можно искать как в природе, так и в собственном рассудке. Вот почему Новалис был вправе сказать, что «самая сокровенная тайна скрывается внутри». Он имел в виду, что человек носит в себе целую вселенную и может лучше всего постичь тайну бытия, обратившись к самосозерцанию.

— Красивая мысль.

— Для многих романтиков философия, естествознание и поэзия образовывали некое высшее целое. Человек мог сочинять возвышенные стихи, сидя в своем кабинете, либо изучать жизнь растений и структуру минералов — фактически это были две стороны одной медали. Природа ведь не мертвый механизм, а единый живой «мировой дух».

— Если ты расскажешь что-нибудь еще, я, пожалуй, стану романтиком.

— Норвежец по происхождению, естествоиспытатель *Хенрик Стеффенс* (которого Вергеланн назвал «унесенным вдаль листком норвежского лавра», потому что он поселился в Германии) в 1801 году приехал в Копенгаген с лекциями о немецком романтизме. Он дал следующую характеристику романтическому течению: «Устав от бесконечных попыток пробиться сквозь грубую материю, мы избрали другой путь и поспешили навстречу вечному. Уйдя в себя, мы создали новый мир…»

— Как ты умудряешься запоминать такое наизусть?

— Проще простого, дитя мое.

— Продолжай!

— Шеллинг также видел «развитие» природы от земли и камня к человеческому сознанию. Он указывал на постепенный переход от безжизненной природы ко все более сложным формам жизни. Природа вообще воспринималась романтиками как организм, то есть как некое целое, постоянно развивающее заложенные в нем способности. Природа — это цветок, раскрывающий свои лепестки… или поэт, раскрывающий миру себя в виде стихов.

— Кажется, что-то похожее утверждал и Аристотель?

— Да. Натурфилософия романтиков несет в себе сходство и с Аристотелем, и с неоплатониками. Аристотеля отличало более органичное восприятие естественных процессов, чем у механистических материалистов.

— Ясно.

— Нечто подобное наблюдается и в новом подходе к истории. Большое влияние оказал на романтиков занимавшийся философией истории *Гердер,* который жил с 1744-го по 1803 год. Он утверждал, что для истории характерны связность, развитие и целеустремленность, иными словами, он придерживался «динамичного» взгляда на историю, рассматривал ее как процесс. Философов эпохи Просвещения часто отличает «статичный» взгляд на историю. Для них существовал только один универсальный, то есть общепринятый, разум, более или менее приемлемый для всех времен. Гердер же указывал на своеобразие каждой эпохи, отчего каждая нация обладает уникальностью, или «национальной душой». Вопрос лишь в том, можем ли мы вжиться в особые условия других культур.

— Чтобы лучше понять другого человека, мы должны вжиться в его положение. Так же и тут: мы должны вжиться в другую культуру, чтобы понять ее.

— В наше время эта идея стала чем-то само собой разумеющимся, но в период романтизма она была внове. Романтизм также внес свой вклад в усиление самосознания народов. Неслучайно и борьба нашей страны за национальную независимость вспыхнула именно в 1814 году.

— Понимаю.

— Поскольку романтизм нес с собой обновление взглядов сразу во многих областях, принято различать два вида романтизма. С одной стороны, под романтизмом понимается так называемый *универсальный романтизм,* представители которого занимались проблемами природы, мировой души и творческого гения. Этот вид романтизма развился первым, причем он достиг особого расцвета в городе Йене на рубеже XVIII-XIX веков.

— А второй?

— Второй — это так называемый *национальный романтизм,* который расцвел чуть позднее, причем особенно в городе

Хайдельберге[46]. Национальных романтиков интересовали в первую очередь история, язык и вообще культура определенного «народа», поскольку «народ», или «нация», воспринимался ими — подобно природе и истории — как организм, развивающий заложенные в нем потенции.

— Скажи мне, как ты живешь, и я скажу тебе, кто ты такой.

— «Универсальный романтизм» объединяло с «национальным романтизмом» прежде всего ключевое слово «организм». Романтики воспринимали и растение, и нацию в виде живого организма. Так же рассматривалось и поэтическое произведение. Организмом был и язык… даже природа в целом понималась как живой организм. Вот почему невозможно провести четкую границу между «национальным» и «универсальным» романтизмом. Мировой дух присутствовал в народе и национальной культуре, но, кроме того, в природе и искусстве.

— Понятно.

— Уже Гердер занимался собиранием народных песен из многих стран мира, выпустив их антологию под знаменательным названием «Голоса народов в песнях». Он называл устное народное творчество «родным языком народов». Неслучайно в Хайдельберге начали собирать народные песни и сказки. Ты, надо думать, слышала о сказках *братьев Гримм?*

— Конечно… «Белоснежка» и «Красная Шапочка», «Золушка» и «Гензель и Гретель»…

— И многие, многие другие. В Норвегии собиранием произведений устного народного творчества занимались *Асбьёрнсен* и *Му.* Они ездили по стране, собирая эти сочные плоды, которые неожиданно для всех оказались очень полезными и вкусными. Нужно было торопиться: плоды уже начали опадать. *Ланнстад* собирал народные песни, а *Ивар Осен* посвятил себя норвежскому языку. Еще в середине XVIII века были заново открыты древние мифы и сказания о богах. Помимо этого, композиторы разных стран Европы стали использовать в своих сочинениях народные мелодии, пытаясь таким образом перекинуть мостик от народной музыки к авторской, то есть сочиненной определенным композитором — скажем, Бетховеном. Ведь народная музыка слагалась не отдельным лицом, а сообща,

народом. Точно так же мы различаем сказку народную и литературную, например сочиненную *Хансом Кристианом Андерсеном.* Жанр сказки особенно усердно разрабатывался романтиками. Среди немецких мастеров этого жанра следует назвать *Гофмана.*

— Мне знакомо название «Сказки Гофмана».

— Сказка служила для романтиков литературным идеалом — примерно как театр, которому отдавали предпочтение перед другими видами искусства в период барокко. Сказка позволяла писателю играть своими творческими возможностями.

— Он мог изображать Бога по отношению к сочиняемому им миру.

— Совершенно верно. И тут нам пора подвести некоторый итог.

— Давай подводи!

— Философы-романтики воспринимали «мировую душу» в виде Я, которое в более или менее экстатическом состоянии творит всё на свете. Философ *Фихте* указывал, что бытие возникает из некоей высшей, неосознаваемой мыслительной деятельности. Шеллинг просто видел бытие «в Боге». По его утверждению, кое-что Богом осознается, однако существуют также стороны природы, которые представляют собой не осознаваемое Богом. Ведь и сам Бог обладает «ночной стороной».

— От этой мысли делается страшно, и в то же время она восхищает. Она напоминает мне идеи Беркли.

— Сходным образом воспринималась и связь между писателем и его творчеством. Сказка дала писателю возможность игры с «миросозидательной» силой его воображения. Кстати, сам процесс творчества оставался во многом бессознательным. Нередко сочинителю казалось, что повествование движется само собой, заложенной в нем внутренней энергией. Писатель творил в состоянии едва ли не гипнотическом.

— Ну да?

— Но он мог и развеивать иллюзию, мог вмешиваться в повествование ироническими обращениями к читателю, дабы хоть иногда напоминать ему, что сказка все же вымысел.

— Понятно.

— Кроме всего прочего, сочинитель напоминал читателю, что и его собственная действительность отчасти нереальна. Такой вид разрушения иллюзий называют «романтической иронией». У нашего Ибсена, например, один из персонажей «Пера Гюнта» говорит: «В середине акта — хотя б и пятого — герой не гибнет!»[47]

— Мне кажется, я понимаю, в чем соль этой реплики. Ведь таким образом он признает себя плодом воображения.

— Парадоксальность сего высказывания заслуживает того, чтобы начать новый раздел.

— Что ты имел в виду под последней фразой?

— Ничего особенного, София. Мы с тобой говорили, что возлюбленную Новалиса звали Софией и что она умерла всего пятнадцати лет и четырех дней от роду…

— Да, и сам понимаешь, ты меня очень этим напугал.

Альберто помолчал, устремив застывший взгляд прямо перед собой. Затем он продолжил:

— Не надо бояться, что тебя ждет та же судьба.

— Почему?

— Потому что у нас впереди еще несколько глав.

— Что ты такое говоришь?!

— Я говорю, что читатели нашей истории сами видят, как много еще осталось страниц. Мы дошли только до романтизма.

— У меня голова идет кругом от твоих слов.

— На самом деле это майор пытается закружить голову Хильде. Все очень просто, София. Конец раздела!

Не успел Альберто договорить, как из леса выскочил мальчик в арабском наряде, с тюрбаном на голове. В руке он держал масляную лампу.

— Кто это? — спросила София, хватая Альберто за руку.

Но мальчик опередил его с ответом:

— Меня зовут Аладдин, и я попал сюда из самого Ливана.

— А что у тебя в лампе, мальчик? — строго посмотрел на него Альберто.

Мальчик потер лампу — и оттуда поднялось густое облако. Из облака выросла фигура мужчины в голубом берете и с черной, как

у Альберто, бородой. Паря в воздухе, мужчина произнес:

— Ты слышишь меня, Хильда? С поздравлениями я опоздал, поэтому скажу лишь одно: мне уже кажутся сказочным вымыслом и Бьеркели, и вся Норвегия. До встречи там через несколько дней.

И бородач скрылся в облаке, которое тоже исчезло, втянувшись обратно в лампу. Мальчик в тюрбане взял ее под мышку и убежал в лес.

— Просто невероятно, — пробормотала София.

— Пустяки, дитя мое.

— Дух говорил в точности как Хильдин отец.

— Это и был его дух.

— Но…

— И ты, и я, и окружающая нас обстановка — все это существует лишь в воображении майора. Сейчас поздний вечер субботы, двадцать восьмого апреля, вокруг Хильдиного отца спят ооновские солдаты, не спит только майор, но и он уже клюет носом. Ему обязательно нужно дописать книгу, которую он сочиняет для Хильды. Вот почему он вынужден работать ночью, София, вот почему бедняга поспит всего несколько часов, а то и вовсе не станет ложиться.

— У меня нет слов.

— Конец раздела!

София с Альберто смотрели на раскинувшееся перед ними озеро. Альберто словно окаменел. Немного погодя София потрясла его за плечо.

— Ты где витаешь?

— Вот он и вмешался. Последние разделы от первого до последнего слова продиктованы им. Как ему не стыдно! Впрочем, теперь он выдал себя. Теперь мы точно знаем, что наша жизнь ограничена рамками книги, которую отец Хильды пошлет ей в подарок на день рождения. Ты сама слышала, что я сказал выше… Хотя при чем тут я?… Я здесь вообще не подаю реплик.

— Если это правда, я хочу попробовать сбежать из книги и начать собственную жизнь.

— Мой тайный план как раз и предусматривает такую попытку. Но прежде надо перекинуться парой слов с Хильдой. Она

ведь читает все наши разговоры. Если нам когда-нибудь удастся сбежать отсюда, снова наладить связь с ней будет гораздо сложнее, так что не будем упускать свой шанс.

— И что нам ей сказать?

— Мне кажется, майор вот-вот заснет над пишущей машинкой… пусть даже его пальцы продолжают лихорадочно стучать по клавишам…

— Вот будет приятный сюрприз.

— В такие минуты он и может написать что-то, о чем будет впоследствии жалеть. А «штриха» для замазывания ошибок у него нет, что составляет важный элемент моего плана, София. Не завидую тому, кто даст майору Альберту Нагу бутылочку «штриха»!

— От меня он не дождется ни его, ни ленты для заклеивания опечаток.

— Итак, я призываю Хильду к бунту против собственного отца. Пускай девочке станет стыдно, что он развлекает ее этой извращенной игрой с иллюзиями. Попадись он нам сейчас, мы бы ему показали, где раки зимуют.

— Но он сейчас не здесь.

— Майор присутствует с нами душой, однако тело его преспокойненько сидит за машинкой в Ливане. Вокруг нас лишь его Я.

— Но он представляет собой нечто большее, чем то, что мы видим вокруг.

— Да, мы всего лишь иллюзии, обитающие в его душе. А иллюзиям отнюдь не просто восстать против своего господина, София. Нужно все тщательно обдумать и взвесить. Зато у нас есть возможность воздействовать на Хильду. Ведь только ангел может взбунтоваться против божества.

— Пускай Хильда поиздевается над ним, когда он вернется домой. Она может обозвать его дрянью, может уничтожить его яхту… или хотя бы разбить на ней судовые огни.

Согласно кивнув, Альберто продолжил Софиину мысль:

— Кроме того, она может сбежать от отца. Ей это гораздо легче, чем нам. Она может уйти из дома и никогда больше не

возвращаться туда. Вот было бы поделом майору, играющему со своей «миросозидательной» силой воображения за наш счет.

— Представляю себе: майор рыщет по всему свету в поисках Хильды. А Хильда ушла от него, потому что не могла жить под одной крышей с отцом, который веселится за счет Альберто и Софии.

— Да, он веселится. Именно это я имел в виду, София, когда говорил, что он использует нас в виде развлечения для дочери. Но я бы на его месте остерегся. Впрочем, Хильде тоже не стоит заноситься.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты уверенно себя чувствуешь?

— Вполне, только бы не появлялись новые джинны из ламп.

— Тогда держись. Подумай о том, что все происходящее с нами — плод чужого сознания. Фактически мы сами — это сознание. Значит, у нас нет и собственной души, мы — чужая душа. Пока что у нас под ногами твердая философская почва, но и Беркли, и Шеллинг уже бы насторожили уши.

— Да?

— Есть основания считать, что эта чужая душа принадлежит отцу Хильды Мёллер-Наг, который сидит в Ливане и сочиняет учебник философии ко дню рождения своей дочери. Проснувшись пятнадцатого июня, Хильда найдет эту книгу на тумбочке рядом с кроватью, и тогда о нас с тобой смогут прочитать и она сама, и другие люди. Уже не раз были намеки на то, что подарком можно будет «поделиться».

— Я помню.

— Значит, мои теперешние речи будут прочитаны Хильдой, поскольку однажды, сидя в Ливане, ее отец вообразил, будто я рассказываю тебе, что он сидит в Ливане… и воображает, будто я рассказываю тебе, что он сидит в Ливане…

София совсем запуталась. Она попыталась обдумать то, что услышала от Альберто Нокса о Беркли и романтиках. А он тем временем продолжал:

— Так что нечего им задирать нос, а тем более смеяться, потому что хорошо смеется тот, кто смеется последним.

— Кому «им»?

— Хильде с отцом. Разве у нас не о них разговор?

— А почему им не стоит задирать нос?

— Потому что не исключено, что они тоже всего лишь сознание!

— Как такое возможно?

— Если такое было возможно для Беркли и романтиков, значит, возможно и для них. Например, майор — всего лишь иллюзия, фикция, образ из книги, в которой рассказывается о нем и Хильде, как, впрочем, и о нас, поскольку мы составляем часть их жизни.

— Это было бы еще хуже. Тогда мы стали бы иллюзиями иллюзий.

— Тем не менее вполне возможно, что где-нибудь сидит совсем другой писатель и сочиняет книгу о майоре миротворческих сил ООН Альберте Наге, который пишет книгу для своей дочери Хильды. В этой книге идет речь о некоем Альберто Ноксе, который вдруг начал посылать скромные лекции по философии Софии Амуннсен, проживающей по адресу: Клёвервейен, дом три.

— Неужели ты так считаешь?

— Я только говорю, что это возможно. Для нас, София, этот писатель был бы «скрытым Богом». Хотя и мы сами, и все наши слова и поступки обязаны своим существованием ему, поскольку мы — это он, мы оставались бы в неведении о нем, потому что сидим в самой маленькой из вложенных друг в друга шкатулок [48]**.**

После этих слов София и Альберто очень долго сидели в молчании. Прервала его София:

— Но если действительно существует такой писатель, который сочиняет историю о том, как Хильдин отец сочиняет в Ливане историю про нас…

— Да?

— …тогда ему тоже нечего задаваться.

— Что ты имеешь в виду?

— Предположим, и ты, и я, и Хильда — все мы живем в глубинах его мозга. Но почему не предположить, что и он сам живет в чьем-то — более высоком, чем его, — сознании?

— Это тоже вполне возможно, София, — закивал Альберто. — И если это так, он специально позволил нам вести нашу философскую беседу, чтобы намекнуть на такую возможность. Значит, он хотел подчеркнуть, что он тоже всего лишь беззащитная иллюзия и что книга, в которой живут своей жизнью Хильда и София, на самом деле представляет собой учебник философии.

— Учебник?

— Ведь наши с тобой беседы, София, наши диалоги…

— Да?

— На самом деле они не более чем монолог.

— Ну вот, теперь все свелось к сознанию и духу. Хорошо хоть философы какие-то остались. А философия, которая столь гордо начиналась с Фалеса, Эмпедокла и Демокрита, неужели она зайдет в тупик?

— Ни в коем случае. Я расскажу тебе о Гегеле, первом философе, попытавшемся спасти философию после того, как романтизм свел все сущее к духу.

— Я с нетерпением жду.

— Чтобы нас больше не прерывали разные иллюзии, давай войдем в дом.

— К тому же на улице стало прохладно.

— Конец раздела!

ГЕГЕЛЬ

…разумно то, что диктует тебе жизнь…

Хильда выронила из рук папку, и она со стуком упала на пол.

Девочка осталась лежать в кровати и смотреть на потолок, где что-то вертелось и вращалось.

Отец действительно совсем заморочил ей голову. Вот негодяй! Как он только может?!

София попыталась обратиться прямо к Хильде, призывая ее взбунтоваться против отца. И, надо сказать, ей таки удалось навести Хильду на одну мысль. Подсказать один план…

Что бы ни придумали София и Альберто, ее отцу не будет от этого ни жарко ни холодно. Зато у Хильды — а через нее и у Софии — возможностей досадить ему куда больше.

Она была согласна с Софией и Альберто, что отец зашел слишком далеко в своих играх с иллюзиями. Пусть он сам выдумал Альберто и Софию, все равно он не вправе измываться над ними, его власти надо положить предел.

Бедные София и Альберто! Они так же беззащитны перед прихотями майоровой фантазии, как экран — перед крутящим фильм киномехаником.

Ничего, пускай только явится домой, Хильда ему покажет! Она представила себе, какую сыграет с ним шутку…

Хильда подошла к окну и бросила взгляд на залив. Было уже около двух часов. Распахнув створки окна, она прокричала в сторону лодочного сарая:

— Мама!

Вскоре из сарая показалась мамина фигура.

— Я через час принесу тебе бутерброды. Хорошо?

— Ага…

— Только прочитаю о Гегеле.

Альберто и София сели в кресла перед окном, обращенным к озеру.

— *Георг Вильгельм Фридрих Гегель* был законнорожденным детищем романтизма, — приступил к новому рассказу Альберто. — Можно сказать, что он развивался вместе с национальным духом Германии. Родился Гегель в Штутгарте в 1770 году и в восемнадцать лет начал изучать богословие в городе Тюбингене. С 1799 года он сотрудничает с Шеллингом в Йене, а это был период наиболее бурного расцвета романтического движения. После йенской доцентуры он получает место профессора в Хайдельберге, который к тому времени становится центром немецкого национального романтизма. В 1818 году он переезжает в Берлин и до конца жизни остается профессором тамошнего университета — как раз когда роль духовного центра Германии перешла к Берлину. В ноябре 1831 года Гегель умирает от холеры, однако «гегельянство» уже пустило корни почти во всех германских университетах.

— Иными словами, он получил от жизни все, что только мог.

— Да, причем то же можно сказать и о его философии: Гегель объединил в своем учении и развил далее самые разнообразные идеи, имевшие хождение среди романтиков. Но он был весьма критично настроен, например, к философии Шеллинга.

— Что же он критиковал?

— И Шеллинг, и другие романтики считали основой бытия то, что они называли «мировым духом». Гегель также пользуется выражением «мировой дух», однако придает ему новое значение. Говоря о «мировом духе», или «мировом разуме», Гегель имеет в виду совокупность всех человеческих высказываний. Ведь «духом» обладает только человек. Гегель прослеживает развитие «мирового духа» (в этом смысле слова) на протяжении истории. Самое главное — помнить, что он рассуждает о жизни, мыслях и культуре не кого-нибудь, а человека.

— В таком случае понятие «дух» утрачивает мистический оттенок. Оно более не прячется в виде «дремлющего интеллекта» в камнях и деревьях.

— Ты, конечно, помнишь Канта и его «вещь в себе». Отрицая возможность точного познания человеком сокровенной тайны

природы, он тем не менее признавал существование некоей недосягаемой «истины». Гегель же утверждал, что «истина субъективна», то есть отвергал существование какой-либо «истины» за пределами человеческого разума. По его мысли, всякое познание представляет собой познание чего-либо человеком.

— Он хотел вернуть философов обратно на землю, да?

— Можно сказать и так. Философия Гегеля настолько сложна и многогранна, что нам придется ограничиться упоминанием лишь отдельных, наиболее важных ее положений. Я вообще не уверен, что мы вправе говорить о собственной философии Гегеля. То, что обычно называют его философским учением, — это прежде всего *метод, с* помощью которого рассматривается ход истории. Вот почему практически невозможно рассуждать о Гегеле в отрыве от истории человечества. Философия Гегеля не учит нас ничему конкретному о «сокровенной природе бытия», зато она учит нас плодотворному способу мышления.

— А это, наверное, не менее важно.

— Предшествовавшие философские системы представляли собой попытку выработать постоянные критерии того, насколько человек способен познать мир. Этим занимались Декарт и Спиноза, Юм и Кант. Все они стремились выяснить основу человеческого познания, но все, как один, говорили об *извечных* предпосылках познания человеком мира.

— Разве выяснение этого не входит в обязанности любого философа?

— Гегель утверждал, что основа человеческого познания меняется из поколения в поколение, а потому выяснить ее раз и навсегда невозможно. Следовательно, не существует ни «вечных истин», ни независимого от времени рассудка. Единственное, за что может ухватиться философ, это история.

— Нет, это тебе придется объяснить. История не стоит на месте, она изменчива, как же за нее можно «ухватиться»?

— Река тоже постоянно течет и меняется. Это не значит, что мы не можем говорить о ней. Нельзя рассуждать о другом: в каком месте долины эта река более «истинна».

— Конечно. Река везде остается самой собой.

— Для Гегеля история представляла собой такую «реку». Самое незначительное колыхание воды в конкретном месте определяется, с одной стороны, уклоном реки и водопадами вверху, ближе к истокам, а с другой — извивами реки и порогами там, где ты за ней наблюдаешь.

— Кажется, я понимаю.

— Подобную реку представляет собой и история мысли, или история разума. Твой образ мышления определяется как всеми идеями, которые «накатываются» на тебя в виде традиции от предшествовавших поколений, так и материальными условиями современной тебе эпохи, поэтому ни в коем случае нельзя говорить, что какая-то конкретная мысль будет действительна всегда, на вечные времена. Тем не менее она может быть верна на данный момент.

— Это не значит, что всё одинаково верно — или одинаково неверно?

— Нет, но кое-какие мысли могут быть верными или неверными в историческом контексте. Если ты выступишь с доводами в пользу рабовладения в 1990 году, тебя в лучшем случае примут за шута. Но две с половиной тысячи лет тому назад эта идея отнюдь не казалась столь абсурдной, хотя уже тогда раздавались голоса, требовавшие отмены рабства. Впрочем, давай возьмем более современный пример. Каких-нибудь сто лет назад было вполне «разумно» сжигать большие массивы леса, чтобы освободить место для пахотных земель. Теперь же такой подход кажется крайне «неразумным», поскольку у нас иные — более правильные — основы для решения подобных проблем.

— Я уже догадалась.

— В области философских размышлений Гегель также считал разум (или здравый смысл) явлением динамичным, он рассматривал его как процесс. Таким же процессом является истина. Иначе говоря, за пределами исторического процесса нет критериев, по которым можно судить о большей или меньшей «истинности» («разумности») чего-либо.

— Пожалуйста, примеры!

— Ты не можешь взять идеи, скажем, античности или средневековья, эпохи Возрождения или Просвещения… и назвать

одни из них верными, а другие — неверными. Точно так же ты не можешь утверждать, что Аристотель был прав, а Платон ошибался, что Кант или Шеллинг были правы, а Юм — не прав. Это не исторический способ мышления.

— Похоже, так рассуждать нельзя.

— Вообще нельзя вырвать какого-либо философа — или какую-либо идею — из исторического контекста. Но (и тут я подхожу к еще одному тезису Гегеля), коль скоро все время появляется что-то новое, разум «прогрессивен», то есть человеческое знание постоянно развивается, идет «вперед».

— Тогда, может быть, философия Канта все же вернее философии Платона?

— Конечно, от Платона до Канта «мировой дух» постоянно развивался и ширился. Еще бы это было не так. Снова обратившись к сравнению с рекой, мы можем сказать, что в ней прибавилось воды. Прошло более двухтысячелетий. Кант не вправе считать, что его «истины» останутся лежать на берегу реки незыблемыми монолитами. Идеи Канта тоже подлежат дальнейшей обработке, а его «здравый смысл» должен стать предметом критики для последующих поколений, что, собственно, и произошло.

— Но эта река, о которой ты ведешь речь…

— Да?

— Где она течет?

— Гегель подчеркивал, что «мировой дух» развивается в сторону все большего осознания себя. По мере приближения к морю реки разливаются все шире и шире. Согласно Гегелю, в процессе истории «мировой дух» постепенно пробуждается к большему самопознанию. Мир, конечно, существовал всегда, но благодаря культуре и раскрытию человеком своих способностей «мировой дух» все глубже осознает свою самобытность.

— Почему Гегель был уверен в этом?

— Для него это была историческая реальность, которая не вызывала и тени сомнения. Любому обратившемуся к истории очевидно, что на протяжении ее человечество шло ко все большему «самопознанию» и «самораскрытию». По Гегелю, изучение истории свидетельствует, что человечество неизменно

движется к большей *рациональности* и *свободе.* Пусть зигзагами, но историческое развитие идет «вперед», поэтому мы говорим о «целеустремленности» истории, о том, что она стремится превзойти самое себя.

— В общем, идет развитие. Ну и отлично.

— Да, история напоминает собой единую цепочку рассуждений. Гегель также выявил определенные правила для таких рассуждений. Человек, изучающий историю, не может не обратить внимание на то, что любая идея обычно опирается на идеи, выдвинутые ранее. Но стоит высказать одну мысль, как ей в противовес высказывается другая. Создается некая напряженность между противоположными мнениями, которая снимается при выдвижении третьей идеи, основанной на лучшем, что содержалось в двух первых утверждениях. Это Гегель и называет *диалектическим* развитием.

— Например?

— Может быть, ты помнишь, как досократики обсуждали проблему первоначала и изменений…

— Смутно.

— Элеаты утверждали, что какие-либо изменения вообще невозможны, поэтому они вынуждены были отрицать даже те изменения, которые улавливали их органы чувств. Итак, элеаты выдвинули некое положение, которое Гегель называл *утверждением.*

— И дальше?

— При выдвижении всякого четкого утверждения тут же появляется иное мнение, которое Гегель называл *отрицанием.* Отрицание к учению элеатов предложил Гераклит, заявивший, что «все течет». Возникает напряжение между двумя диаметрально противоположными точками зрения. Но это напряжение снимается Эмпедоклом, указавшим, что оба утверждения отчасти верны, а отчасти неверны.

— Ага, теперь кое-что проясняется…

— Элеаты были правы, говоря, что на самом деле ничто не меняется, и не правы в том, что нам нельзя опираться на ощущения. Гераклит был прав в том, что опираться на ощущения можно, и не прав, утверждая, что течет *всё.*

— Изменяются составные вещества, а не основные элементы, которых тоже больше одного.

— Вот именно. Точку зрения Эмпедокла (служившую как бы посредником между двумя противоположными мнениями) Гегель называл *отрицанием отрицания.*

— Ну и терминология!

— Эти три стадии познания он также называл «тезисом», «антитезисом» и «синтезом». Можно, например, сказать, что Декартов рационализм был *тезисом,* которому Юм противопоставил свой эмпирический *антитезис.* Но их противопоставление, это напряжение между противостоящими мировоззрениями, было снято *синтезом* Канта. Кант признал рационалистов правыми в одном, а эмпириков — в другом. Он также доказал, что обе точки зрения были ошибочны по ряду важных пунктов. Однако история не кончилась Кантом, поэтому его «синтез» послужил отправным пунктом для новой тройной цепочки рассуждений, или «триады»: «синтезу» был противопоставлен новый «антитезис».

— Все это выглядит очень теоретично.

— Да, теоретичности тут хватает. Но Гегель вовсе не собирается навязывать истории какую-либо «схему». Он утверждает, что сумел «вычитать» такую диалектичную модель в самой истории, вскрыв в ее ходе определенные законы развития разума, или «мирового духа».

— Понятно.

— Гегелевская диалектика применима не только к истории. Мы пользуемся диалектическим мышлением и при рассмотрении или обсуждении каких-либо проблем. Мы пытаемся выявить недостатки в ходе нашей мысли, то есть, по Гегелю, стараемся мыслить «через отрицание отрицания». Но, выявив недостатки, мы сохраняем рациональное зерно рассуждения.

— Пример!

— Когда социалист и консерватор берутся за решение какой-то общественной проблемы, между их мировоззрениями быстро возникает напряжение. Это не значит, что один из них абсолютно прав, а второй — абсолютно не прав. Скорее всего, оба отчасти правы и отчасти ошибаются. В ходе дискуссии может произойти

критическое переосмысление позиций с сохранением наиболее сильных аргументов обеих сторон.

— Хотелось бы надеяться.

— Но в процессе подобного обсуждения далеко не всегда легко решить, что более разумно. В том, что верно, а что неверно, разберется в конечном счете история. «Разумное» обычно претворяется в жизнь.

— Значит, верно то, чему суждена долгая жизнь.

— Или наоборот: то, что живет дольше, оказывается верным.

— У тебя не найдется примерчика, чтобы мне было за что уцепиться?

— Полтора века назад многие боролись за равноправие женщин. Впрочем, у этой идеи было не меньше и ярых противников. Если мы попробуем разыскать и прочитаем тогдашние аргументы обеих сторон, нам будет несложно указать, чьи доводы были более «разумны». Но не следует забывать, что мы «крепки задним умом». Тут рассудило само время: правы оказались сторонники равноправия. Кстати, многие устыдились бы своих дедов, увидев в печати их высказывания по этому поводу.

— Могу себе представить. А что считал Гегель?

— По поводу равноправия?

— А мы разве обсуждаем другую тему?

— Хочешь послушать цитату?

— С удовольствием!

— «Различие между мужчиной и женщиной, — пишет он, — такое же, как между животным и растением: животное больше соответствует характеру мужчины, растение — больше характеру женщины, ибо она в большей степени являет собой спокойное раскрытие, которому в качестве принципа дано более неопределенное единство чувства. Если женщины находятся во главе правительства, государство в опасности, так как они действуют не согласно требованиям всеобщего, а из случайной склонности или мнения. К женщинам образование приходит неведомыми путями, как бы в атмосфере представления, больше из жизни, чем посредством приобретения знаний, тогда как мужчина достигает своего положения только посредством завоеваний мысли и многих технических усилий».

— Спасибо, достаточно! Предпочитаю больше не слышать подобных цитат.

— Но эта цитата великолепно иллюстрирует мысль о том, что представление о «разумном» постоянно меняется. Она показывает, что Гегель был дитя своего времени. Как, впрочем, и мы: представления, которые кажутся нам совершенно бесспорными, тоже не прошли бы испытания историей.

— У тебя есть примеры?

— Нет, на этот раз примеров у меня нет.

— Почему?

— Потому что, на что бы я ни указал, всё находилось бы в процессе изменения. Я, скажем, не мог бы привести такой пример: нехорошо ездить на машине, поскольку автомобили загрязняют окружающую среду. Такая точка зрения уже имеет много сторонников и служила бы плохим примером. Но история то и дело доказывает, что истины, которые мы считаем бесспорными, не выдерживают проверки временем.

— Понимаю.

— Интересно отметить другое: именно жесткие высказывания многих современников Гегеля о неполноценности женщины по сравнению с мужчиной ускорили женскую эмансипацию.

— Как это возможно?

— Мужчины выдвигали «тезис». И выдвигали его прежде всего потому, что женщины начали выступать за свои права. Ведь утверждать что-либо, о чем существует полное согласие, нет никакой необходимости. И чем жестче они высказывались о неполноценности женщины, тем сильнее было «отрицание», то есть «антитезис».

— Кажется, до меня дошло.

— Так что самое лучшее — иметь сильных противников. Чем более крайнюю позицию занимают противники, тем с большим отпором они сталкиваются. Это называется «лить воду на чужую мельницу».

— Во всяком случае, моя мельница явно завертелась быстрее от того, что я услышала.

— Даже чисто логически (или философски) нередко возникает диалектическое напряжение между двумя понятиями.

— Пожалуйста, примеры!

— Размышляя над понятием «бытие», я неизбежно должен ввести и противоположное понятие, то есть «небытие». Невозможно рассуждать о том, что ты есть, не вспомнив заодно, что твое существование не вечно. Напряжение между «бытием» и «небытием» разрешается в понятии «возникновение» («зарождение»). Зарождение чего-либо подразумевает одновременно как его наличие, так и его отсутствие.

— Ясно.

— Таким образом, разум Гегеля — это *динамичный разум.* Поскольку действительность проникнута противоречиями, ее описание также должно быть противоречивым. Вот тебе еще один пример: говорят, у датского исследователя атома, физика *Нильса Бора,* висела над дверью подкова.

— Считается, что она приносит удачу.

— Но это суеверие, а Нильс Бор отнюдь не был суеверным человеком. Однажды к нему зашел в гости друг, который не удержался и сказал: «Ты же не веришь во всякое такое». «Не верю, — отозвался Нильс Бор. — Но говорят, удачу она принесет независимо от моей веры».

— Ну, знаешь…

— Тем не менее его ответ диалектичен, если не сказать — внутренне противоречив. Нильс Бор, который, как и наш поэт *Винье,* славился своими парадоксами, однажды сказал, что существует два вида истин. Есть поверхностные истины, для которых противоположное суждение будет неверно. Однако бывают истины и более глубокие, антитезисы которых также верны.

— Что же это за истины?

— Если я, например, скажу, что жизнь коротка…

— Я согласна.

— Но при других обстоятельствах я могу всплеснуть руками и вскричать, что жизнь очень длинная.

— Ты и тут будешь прав. В некотором смысле такое утверждение тоже верно.

— В заключение приведу пример того, как диалектическое напряжение может спровоцировать импульсивный поступок,

резко меняющий положение.

— Давай!

— Представь себе девочку, которая то и дело говорит: «Да, мама», «Хорошо, мама», «Как хочешь, мама», «Я сию минуту все сделаю, мама».

— Прямо оторопь берет.

— Со временем это послушание дочери начинает раздражать мать, и та в конце концов взрывается: «Да перестань же быть такой покладистой!» На что девочка отвечает: «Хорошо, мама, перестану!»

— Я бы ей просто дала по уху.

— Ах, вот как? А что бы ты сделала, если бы дочка сказала: «Но я хочу быть покладистой!»

— Это был бы странный ответ. Может, я и тогда дала бы ей по уху.

— Иначе говоря, стороны зашли в тупик. Диалектическое напряжение усилилось настолько, что просто назрела какая-то перемена.

— Например, в виде оплеухи?

— Нам нужно остановиться еще на одной — последней — особенности гегелевской философии.

— Я пока не ухожу.

— Ты, надо думать, помнишь упоминание об индивидуализме романтиков?

— «Самая сокровенная тайна скрывается внутри».

— Их индивидуализм столкнулся с антитезисом, или отрицанием, в философии Гегеля. Гегель делал упор на так называемых «объективных» силах, под которыми он разумел семью и государство. Вероятно, можно сказать что Гегель закрывал глаза на отдельную личность. Он считал индивидуума органической частью некоей общности. Разум, или «мировой дух», проявляется прежде всего во взаимодействии между людьми.

— Поясни!

— Разум выступает на первый план прежде всего в языке. А язык мы получаем от рождения. Норвежский язык прекрасно обойдется и без господина Хансена, однако господин Хансен не

может обойтись без норвежского языка. Значит, не язык создается индивидуумом, а индивидуум создается языком.

— Пожалуй.

— Так же как индивидуум от рождения попадает в определенный язык, он попадает и в определенные исторические условия. И никто не вправе «выбирать» их. Если человек не находит своего места в государстве, значит, он внеисторичен. Эта мысль — как ты, вероятно, помнила — подчеркивалась и великими афинскими философами. Невозможно представить себе государство без граждан, но столь же невозможно представить себе и граждан без государства.

— Ясно.

— Согласно Гегелю, государство — это нечто «большее», чем отдельный гражданин. Оно даже больше суммы всех граждан. По мысли Гегеля, никто не может «по своему произволу отделиться от государства», поэтому человек, игнорирующий общество, в котором живет, и стремящийся лишь «к поискам себя», становится в положение глупца.

— Не уверена, что я с этим согласна, но пусть будет так.

— Гегель утверждал, что «находит себя» не личность, а«мировой дух».

— Мировой дух находит себя?

— Согласно Гегелю, «мировой дух» приходит к себе, то есть осознает себя, в три этапа… или пройдя через три ступени.

— Выкладывай всю лестницу, только поскорее.

— Сначала «мировой дух» осознает себя в личности — этап, который Гегель называет *субъективным разумом.* Более высокой ступени осознания «мировой дух» достигает в семье, обществе и государстве. Эту ступень Гегель называет *объективным разумом,* поскольку такой вид разума проявляется во взаимодействии между людьми. Но остается последняя ступень…

— Интересно, что он еще придумал…

— Высшей формы самопознания «мировой дух» достигает в *абсолютном разуме.* А абсолютный разум — это искусство, религия и философия, причем философию Гегель считает наивысшей формой разума, поскольку в рамках философии «мировой дух» размышляет о собственном функционировании в

истории. Иными словами, именно в философии «мировой дух» встречается с самим собой. Вероятно, можно сказать, что философия — зеркало «мирового духа».

— Все это так загадочно, что мне, наверное, понадобится некоторое время на «переваривание». Во всяком случае, мне очень понравилось твое последнее высказывание.

— О том, что философия — зеркало «мирового духа»?

— Да, звучит красиво. Ты не думаешь, что тут может быть замешано зеркало в бронзовой раме?

— Коли спрашиваешь, то — думаю.

— Почему ты так считаешь?

— Раз это зеркало снова и снова всплывает в нашей истории, оно должно иметь особое значение.

— Ты наверняка догадываешься какое.

— Нет-нет. Я только сказал, что, по-моему, оно не возникало бы столь часто, если бы не имело особого значения для Хильды и ее отца. А *какое* значение, об этом знает только Хильда.

— Это была романтическая ирония?

— Бессмысленный вопрос, София.

— Почему?

— Потому что ирония тут не про нашу честь. Мы лишь беспомощные *жертвы* иронии. Если недоразвитый ребенок нарисует что-то на листе бумаги, нет смысла спрашивать бумагу, что он хотел изобразить.

— У меня даже мурашки по спине от такого.

КИРКЕГОР

…Европа находится на пути к банкротству…

Хильда посмотрела на часы. Уже начало пятого. Положив папку с рукописью на стол, она помчалась вниз, в кухню.

Нужно было успеть отнести в сарай еду, прежде чем маме надоест ждать. Пробегая мимо зеркала в бронзовой раме, Хильда не удержалась и заглянула в него.

Потом она быстренько поставила чайник и стала торопливо намазывать бутерброды.

Да, она непременно сыграет с отцом одну шутку. Хильда все больше чувствовала себя союзницей Софии и Альберто. Розыгрыш начнется еще в Копенгагене…

Вскоре Хильда уже входила в лодочный сарай с большим подносом в руках.

— А вот и второй завтрак, — сказала она.

Мама драила что-то наждаком. Когда она откинула со лба волосы, в них тоже проглядывал наждак.

— Ну что ж, обед мы сегодня пропустим.

Чуть погодя они уже сидели на мостках и закусывали.

— Когда приезжает папа? — спросила Хильда.

— Ты сама знаешь. В субботу.

— Но во сколько? Ты, кажется, говорила, что он едет через Копенгаген.

— Да…

Мама сделала паузу, чтобы дожевать бутерброд с огурцом и паштетом.

— …он будет в Копенгагене около пяти. Самолет на Кристиансанн вылетает в восемь пятнадцать. По-моему, посадка в Хьевике ожидается в половине десятого.

— Значит, три с лишним часа на копенгагенском аэродроме, в Каструпе…

— А в чем дело?
— Ни в чем… мне просто любопытно, как он будет добираться.
Они продолжали есть. Выждав подольше, Хильда снова приступила к расспросам.
— Ты что-нибудь слышала в последнее время про Анну и Уле?
— Да, они иногда позванивают. Хотят в июле приехать домой на каникулы.
— Не раньше?
— Нет, думаю, не раньше.
— Значит, на той неделе они будут в Копенгагене…
— Да в чем дело, Хильда?
— Ни в чем. Мы же должны о чем-то говорить.
— Но ты уже третий раз упоминаешь Копенгаген.
— Неужели третий?
— Сначала мы с тобой говорили о том, где папа делает пересадку…
— Да-да, поэтому я и вспомнила про Анну и Уле.
Как только они поели, Хильда составила тарелки и чашки обратно на поднос.
— Мне надо читать дальше, мама.
— Ну конечно…
Не послышался ли в мамином ответе легкий упрек? Они ведь собирались вдвоем приводить яхту в порядок к папиному приезду.
— Папа намекнул, что мне хорошо бы до его возвращения закончить книгу.
— Мало того, что его нет дома, он и в свое отсутствие пытается заправлять всем, что здесь происходит.
— Если б ты только знала, скольким еще он пытается заправлять, — загадочно произнесла Хильда. — И какое получает от этого удовольствие…
Она поднялась к себе и продолжила чтение.

София вдруг услыхала стук в дверь. Альберто строго посмотрел на нее.
— Не будем отвлекаться.
Стук усилился.

— Я расскажу тебе о датском мыслителе, которого философия Гегеля привела в негодование, — сказал Альберто.

Дверь уже просто сотрясалась — так в нее колотили.

— Наверняка майор прислал очередного сказочного героя. Проверить, не попадемся ли мы на его удочку, — продолжал Альберто. — Ему это ничего не стоит.

— Но если мы не откроем и не выясним, кто это, ему ничего не стоит снести весь дом.

— Возможно, ты права. Придется открыть.

Они подошли к двери. Поскольку стук был неимоверно громкий, София ожидала увидеть за дверью чуть ли не великана, однако на крыльце стояла девочка в цветастом платьице и с длинными светлыми волосами. В руках у нее было две бутылочки: одна — красная, другая — синяя.

— Привет, — сказала София. — Ты кто?

— Я Алиса, — ответила девочка, смущенно делая книксен.

— Я так и думал, — кивнул Альберто. — Это Алиса из Страны чудес.

— Но как она оказалась здесь?

— Страна чудес не имеет границ, — опередила его с ответом Алиса. — Она вроде Организации Объединенных Наций — находится повсюду, так что нашу страну пора избрать почетным членом ООН. И пусть бы ее представители входили во все комитеты. Ведь ООН тоже родом из человеческой мечты… или иллюзии.

— Ох уж этот майор, — хмыкнул Альберто.

— А что привело тебя сюда? — спросила София.

— Мне нужно вручить тебе эти философские бутылочки.

И она протянула Софии два пузырька из прозрачного стекла, в одном из которых была жидкость красного цвета, а в другом — синего. На красной бутылочке стояла надпись: «ВЫПЕЙ МЕНЯ», на синей: «И МЕНЯ ТОЖЕ».

В следующую минуту мимо хижины пробежал белый кролик. Он бежал на задних лапах и был одет в пиджак и жилетку. Прямо напротив двери он вынул из жилетки карманные часы и пробормотал:

— Ой-ой-ой, я опаздываю…

И побежал дальше. Алиса припустила за ним. На ходу она снова присела и сказала:

— Ну вот, опять все сначала.

— Передавай привет Дине и Королеве, — крикнула ей вслед София.

Алиса скрылась из виду. Альберто с Софией остались стоять на крыльце, рассматривая бутылки.

— «ВЫПЕЙ МЕНЯ», «И МЕНЯ ТОЖЕ», — прочитала София. — Я боюсь. Вдруг там отрава.

— Пузырьки прислал майор, — пожал плечами Альберто. — А все, что исходит от майора, — продукт сознания. Значит, это не более чем квинтэссенция, то бишь выжимки, его мыслей.

Отвинтив крышку с красного пузырька, София осторожно приложила его к губам. Жидкость оказалась сладкой и приятной на вкус, но это было не всё. Одновременно вокруг начались какие-то странные превращения. Озеро, лес, избушка стали как бы сливаться в одно целое. Вскоре вместо пейзажа Софию окружал некий человек, и человеком этим была она сама. Она подняла взгляд на Альберто, однако и он вдруг показался Софии частью ее собственной души.

— Странное дело, — сказала она. — Я как будто вижу вокруг то же, что и раньше, но все почему-то слито воедино. Я ощущаю все внутри своего сознания.

Альберто кивнул, однако Софии почудилось, будто она кивает самой себе.

— Это пантеизм, философия единого, — пояснил он, — или «мировой дух» романтиков. Они воспринимали все в виде одного большого Я. Так же, как и Гегель, который закрывал глаза на отдельную личность и видел во всем лишь проявление мирового разума.

— Как ты думаешь, отпить из второго пузырька?

— Там написано, что отпить.

София открутила вторую крышечку и сделала большой глоток синей жидкости. Она показалась Софии свежее и кислее на вкус, чем красная. Но и на этот раз окружающий мир мгновенно изменился.

Действие красной жидкости прекратилось, и все вещи вернулись в прежнее состояние. Альберто опять был привычным Альберто, деревья в лесу стали деревьями, а водоем снова обрел вид небольшого озера.

Такое положение, однако, продлилось не долее секунды, потому что окружающие предметы продолжали отделяться друг от друга. Лес перестал быть лесом — каждое, даже самое маленькое, дерево теперь стояло само по себе и представляло целый мир. Каждая, даже самая крохотная, веточка превратилась в отдельную историю, о которой можно было в свою очередь рассказать тысячу историй.

Озерцо вдруг стало безграничным морем — безграничным не вглубь или вширь, а по количеству переливающихся рябинок и живописных заводей. София поняла, что могла бы потратить целую жизнь на созерцание этого озера, но озеро все равно осталось бы непостижимым в своей таинственности и загадочности.

Она подняла взгляд к кроне дерева, в которой забавно играли три воробушка. София уловила их присутствие на дереве, еще когда оглядывалась по сторонам в первый раз. Но тогда она толком не рассмотрела воробьев: красная жидкость стерла все противоречия и индивидуальные различия.

Соскочив с каменного крыльца, на котором они стояли, София склонилась к траве. Она обнаружила там целый мир — нечто подобное бывает, когда впервые в жизни ныряешь на глубину с открытыми глазами. Во мху между сухими стебельками и пучками травы копошилось множество всякой живности. София разглядела паука, который уверенно и настойчиво пробирался сквозь мох… красную тлю, которая сновала вверх-вниз по травинке… ораву муравьев, занятых авральными работами… И все же каждый муравей перебирал лапками на свой собственный лад.

Самое удивительное, однако, ожидало Софию, когда она выпрямилась во весь рост и посмотрела на Альберто, по-прежнему стоявшего на крыльце. Она увидела в нем то ли инопланетянина, то ли некое сказочное существо. В то же время изменилось и ее восприятие самой себя. Она была не просто

человеком, не просто пятнадцатилетней девочкой, а личностью — Софией Амуннсен, единственной и неповторимой.

— Что ты видишь? — спросил Альберто.

— Я вижу тебя каким-то чудиком.

— Неужели?

— Наверное, я никогда не пойму, что значит быть другим человеком. Все люди на свете совершенно разные.

— А лес?

— Лес тоже не похож на себя. Он стал вселенной, в которой происходят поразительные события.

— Я так и предполагал. Синий пузырек — это индивидуализм, который, например, стал реакцией *Серена Киркегора* на отстаиваемую романтизмом философию единого. Тут кстати вспомнить еще одного датчанина, современника Киркегора, — знаменитого сказочника Ханса Кристиана Андерсена. Он как раз отличался острой наблюдательностью, способностью подмечать непостижимое многообразие окружающего мира. Более чем за сто лет до него то же самое увидел в природе немецкий философ Лейбниц. Он прореагировал на пантеизм Спинозы, как Киркегор прореагировал на Гегеля.

— Я прислушиваюсь к твоим словам, но ты выглядишь так странно, что меня разбирает смех.

— Понимаю. Придется тебе сделать еще глоток из красного пузырька. А потом давай сядем на крыльце. Прежде чем мы расстанемся, мне нужно рассказать тебе о Сёрене Киркегоре.

Сев рядом с Альберто, София отпила немножко красной жидкости, и окружающее вновь начало сливаться вместе. Вероятно, это слияние было чрезмерным, потому что у Софии опять возникло ощущение, будто различия между вещами не играют никакой роли. Ей пришлось еще раз буквально лизнуть содержимого синего пузырька, и мир стал примерно таким же, каким был до появления Алисы.

— Но какое из восприятий *правильнее!* — спросила София. — Которое вызывается красной или синей жидкостью?

— И той и другой, София. Мы не можем сказать, что романтики ошибались, признавая целостность действительности. Но, возможно, они были излишне односторонни.

— А синий пузырек?

— Мне кажется, из него как следует хлебнул в свое время Киркегор. Во всяком случае, он прекрасно понимал значение индивидуума. Все мы не только «дети своего времени». Помимо этого, каждый из нас представляет собой оригинальную и неповторимую личность.

— О чем не хотел знать Гегель, да?

— Да, его интересовали скорее общие контуры истории, что и привело в возмущение Киркегора. По мысли Киркегора, и романтическая философия единого, и «историзм» Гегеля отнимали у конкретного человека ответственность за свою жизнь. Вот почему для Киркегора и Гегель, и романтики были одного поля ягоды.

— Я могу понять его возмущение.

— Сёрен Киркегор родился в 1813 году. Отец воспитывал его в строгости. От отца же он унаследовал склонность к религиозности и меланхолии.

— Видимо, ему жилось нелегко.

— Именно из-за склонности к меланхолии он посчитал необходимым разорвать помолвку с невестой, что было отрицательно воспринято копенгагенскими буржуа. В результате он рано почувствовал себя изгоем, объектом насмешек. Впрочем, он и сам научился не оставаться в долгу и со временем все больше и больше подпадал под определение, которое впоследствии дал одному из своих героев Ибсен, — «враг народа».

— И все из-за разорванной помолвки?

— Нет, не только из-за нее. К концу жизни Киркегор, в частности, подверг суровой критике современную культуру. «Вся Европа находится на пути к банкротству», — заявил он. Киркегор утверждал, что живет в эпоху, начисто лишенную чувств и увлечений. Особый гнев вызывало у него равнодушие, которое он наблюдал в лоне церкви. Он беспощадно критиковал то, что мы сегодня называем «воскресной религиозностью».

— В наше время резоннее говорить о «конфирмационной религиозности». Большинство подростков проходит конфирмацию только ради подарков, которые на нее дарят.

— Значит, ты уловила суть дела. Киркегор считал христианство столь потрясающим и столь противоречащим здравому смыслу, что вопрос о вере может стоять лишь в форме: «или-или». Нельзя быть верующим «немного» или «до определенной степени», ведь Иисус Христос либо воскрес в первый день Пасхи — либо нет. А если он действительно восстал из мертвых, если он действительно пошел ради нас на смерть, тогда это настолько впечатляюще, что должно пронизывать всю нашу жизнь.

— Конечно.

— Но у Киркегора создалось ощущение, что и церковь, и отдельные люди чаще всего сугубо рационально подходят к вопросам религии. Для самого Киркегора религия и разум соотносились, как огонь с водой. Недостаточно просто считать христианство «истинным». Истинная вера предполагает следование по стопам Христа.

— А как это связано с Гегелем?

— Пожалуй, я заехал не с того конца.

— Тогда предлагаю развернуться и начать все сначала.

— Киркегор уже в семнадцать лет взялся изучать богословие, но вскоре его стали все больше и больше интересовать философские проблемы. В двадцать семь лет он получил степень магистра философии за работу «Понятие иронии», в которой восстает против романтической иронии и ни к чему не обязывающего заигрывания романтиков с иллюзией. В качестве противовеса этому виду иронии он выдвинул понятие «сократической иронии». Сократ тоже прибегал к иронии, но совершенно с иной целью — чтобы добиться высшей степени жизненной правды. В противоположность романтикам Сократ, по определению Киркегора, был «экзистенциальным мыслителем», ты есть мыслителем, который привлекает к философским рассуждениям опыт всей своей жизни.

— Хорошо.

— После разрыва помолвки Киркегор в 1841 году поехал в Берлин, где он, в частности, слушал лекции Шеллинга.

— А с Гегелем он познакомился?

— Нет, Гегель умер десятью годами раньше, но и в Берлине, и на большей части Европы господствовал его дух. «Систему» Гегеля теперь использовали для объяснения самых разных вещей. Киркегор доказывал, что «объективные истины», которыми занималось гегельянство, были абсолютно несущественны для жизни конкретного человека.

— А какие истины существенны?

— Согласно Киркегору, чем искать «Истину» с большой буквы, гораздо важнее искать истины, непосредственно связанные с существованием индивидуума. Нужно искать «истину для меня». Иными словами, он противопоставлял «системе» отдельного человека, или *личность.* По утверждению Киркегора, Гегель забыл, что он сам человек. Вот что он пишет о профессоре гегельянского толка: «Пока досточтимый господин Профессор рассуждает о бытии, он по рассеянности забывает собственное имя: просто-напросто забывает, что он человек, самый обыкновенный человек, а не фантастические 3/8 параграфа».

— А что Киркегор понимает под человеком?

— На такой вопрос нельзя дать универсального ответа. Для Киркегора описание человеческой натуры или человека как «типа» не представляет интереса. Для него важно *существование* (или экзистенция) индивидуума. А «существует» человек отнюдь не за письменным столом. Мы соотносимся со своей «экзистенцией» в поступках, прежде всего когда делаем важный выбор. Эту мысль Киркегора может подкрепить история, которую рассказывают про Будду.

— Про Будду?

— Да, потому что буддийская философия тоже отталкивается от человеческого существования. Одному монаху показалось, что Будда слишком расплывчато отвечает на важные вопросы о том, что такое мир и что такое человек. В ответ на его упрек Будда привел в пример человека, раненного отравленной стрелой. Раненый не станет из чисто теоретического интереса спрашивать, из чего была сделана стрела, каким она была пропитана ядом и под каким углом поразила его.

— Он скорее захочет, чтобы кто-нибудь вытащил стрелу и обработал рану.

— А как иначе? Ведь именно это экзистенциально важно для него. И Будда, и Киркегор ощущали краткость отпущенной человеку жизни. В таком случае, как уже было сказано, человек не садится за письменный стол размышлять о природе мирового духа.

— Понятно.

— Киркегор также говорил о «субъективности» истины. При этом он не безразлично относился к нашим мыслям и мнениям, а считал, что наиболее значимые истины *личностны.* Только такие истины суть «истины для меня».

— Ты не мог бы привести пример такой субъективной истины?

— Возьмем вопрос об истинности христианства. По этому вопросу у человека не может быть чисто теоретического, или академического мнения. Для того, кто «мыслит себя в экзистенции», это вопрос жизни и смерти, а потому его невозможно обсуждать просто так, из чистого интереса. К подобной проблеме следует подходить со всей пылкостью и страстностью натуры.

— Ясно.

— Если ты упадешь в воду, у тебя не будет теоретического интереса к тому, утонешь ты или выплывешь. Точно так же тебе будет безразлично, водятся ли в этом месте крокодилы. Тебя будет волновать только вопрос жизни и смерти.

— Еще бы.

— Итак, нужно различать чисто философскую проблему существования Бога и отношение к ней конкретной личности. Перед такими вопросами каждый человек оказывается наедине с самим собой. Кроме того, к решению столь важных вопросов можно подходить только с *верой.* По Киркегору, вещи, которые мы постигаем разумом, обычно куда менее существенны.

— А вот это я попрошу разъяснить.

— Например, 8 + 4 = 12. Это нам известно совершенно точно, София. И это одна из так называемых «логических истин», о которых говорили все философы после Декарта. Но станем ли мы упоминать ее в вечерней молитве? Вспомним ли мы о ней, когда подойдет наш смертный час? Нет. Возможно, такие истины «объективны» и «всеобщи», однако именно поэтому они не играют ни малейшей роли в жизни конкретного человека.

— А вера?

— Ты не можешь точно знать, простили ли тебе дурацкий поступок, но именно этот вопрос принципиален, экзистенциально важен для тебя. Не можешь ты и сказать наверняка, любит ли тебя другой человек, а это для тебя гораздо важнее теоремы Пифагора. Разве на первом свидании человек думает о «законе причинности» или «формах созерцания»?

— Действительно, это было бы глупо.

— Вера важна прежде всего в отношении религиозных вопросов, о чем Киркегор писал: «Если я могу объективно постичь Бога, я не верю, но именно потому, что это невозможно, я верю. И если я хочу сохранить свою веру, мне следует пребывать в объективном неведении — в таком неведении, как если бы подо мной была глубина в 70 000 саженей, а я все равно бы верил».

— Сложновато выражено.

— Раньше многие пытались доказать существование Бога или по крайней мере постичь его разумом. Но если тебя устраивают подобные доказательства, ты утрачиваешь веру, а вместе с ней — и религиозную искренность. Ведь главное не то, насколько истинно само христианство, а то, насколько оно истинно для меня. В средние века ту же мысль выражали формулой: «credo, quiaabsurdum»…

— Ну да?

— Что значит: «верю, потому что противоречит здравому смыслу». Если бы христианство взывало к здравому смыслу, а не к другим свойствам нашей натуры, речь не шла бы о вере.

— Это я уже сообразила.

— Итак, мы с тобой разобрались, что Киркегор разумел под «экзистенцией», что понимал под «субъективной истиной» и что вкладывал в понятие «веры». Все эти три понятия содержали у него критику философской традиции, в особенности Гегеля. Более того, в них заложена и «критика цивилизации». По Киркегору, в современном городе народ превратился в «толпу» или в «безответственную массу», проводящую время в ни к чему не обязывающей болтовне. Все «отстаивают» одно и то же, хотя на самом деле им все безразлично. Сегодня мы, наверное, назвали бы такое «конформизмом».

— Может, Киркегор имел в виду родителей Йорунн?

— Надо сказать, его отзывы о людях далеко не всегда безобидны. Киркегора отличало острое перо и язвительная ирония. Он мог, например, позволить себе такие колкости, как «мнение толпы заведомо ложно» или «правда всегда оказывается в меньшинстве», намекая на то, что народ в основном несерьезно относится к действительности.

— Одно дело — собирать коллекцию кукол, а другое — самой стать куклой вроде Барби…

— Вот мы и подошли к учению Киркегора о трех «стадиях жизненного пути».

— Как-как?

— Киркегор выделял три различных отношения к жизни, которые сам он называет *стадиями:* «эстетическую стадию», «этическую стадию» и «религиозную стадию». Употребляя слово «стадия», он хочет подчеркнуть, что можно жить на одной из низших ступеней и вдруг «перепрыгнуть» на более высокую. Но многие всю жизнь существуют на одной и той же «стадии».

— Осмелюсь подсказать, что пора бы дать объяснение. Кроме того, мне очень любопытно узнать, на какой стадии нахожусь я.

— Человек, находящийся на «эстетической стадии», живет сегодняшним днем и постоянно стремится к наслаждению. Для него хорошо все, что красиво, привлекательно или приятно. Такой человек целиком и полностью живет в мире чувств. Эстет становится рабом своих желаний и настроений. Плохо все, что скучно или неприятно.

— Да, это мне знакомо…

— Типичный романтик одновременно и типичный эстет. Ведь речь идет не только о чувственном наслаждении. На эстетической стадии живет и человек с несерьезным, игривым отношением к действительности — или, скажем, к искусству, или к философии, в области которых он (или она) работает. Даже горе и страсть можно воспринимать чисто эстетически, «отстраненно». Тут на первый план выдвигаются поверхностность и тщеславие. Типичного эстета представил Ибсен в образе Пера Гюнта.

— Мне кажется, я понимаю, о чем ты.

— Ты узнаёшь себя?

— Не совсем. По-моему, это больше похоже на майора.

— Может быть, София… Впрочем, это был очередной пример слащавой романтической иронии. Поставить бы тебя на горох за такие слова.

— Что-что?

— Ничего… ты не виновата.

— Тогда продолжай!

— Человек, живущий ***на эстетической стадии,*** **подвержен страхам и чувству опустошенности. Но у него хотя бы появляется надежда. По мысли Киркегора, с*трах* — чувство едва ли не благотворное. Оно свидетельствует о наличии «экзистенциальной ситуации». Теперь эстет может сделать выбор — и «перескочить» на более высокую стадию. Но скачок либо удается, либо нет. Нельзя сделать полскачка, «почти допрыгнуть». Здесь вопрос стоит «или-или», причем никто не совершит этот прыжок вместо тебя. Ты должен сделать его сам.**

— Это немного похоже на то, как бросают пить или употреблять наркотики.

— Возможно. Киркегор, описывающий эту «категорию решения», напоминает Сократа, утверждавшего, что подлинное понимание приходит изнутри. Изнутри должен прийти и ***выбор,*** **который позволит человеку перескочить от эстетического мироощущения к этическому или религиозному. Это показано Ибсеном в «Пере Гюнте». Еще одно превосходное описание того, как экзистенциальный выбор порождается внутренней потребностью и отчаянием, есть у Достоевского в его великом романе о Раскольникове.**

— Иначе говоря, в случае успеха человек выбирает новое отношение к жизни.

— Да, и начинает жить, скажем, на ***этической стадии,*** **которая характеризуется серьезностью и последовательным выбором в соответствии с моральными критериями. Такое отношение к жизни отчасти напоминает Кантову этику долга. Человек старается жить по закону нравственности. Как и Кант, Киркегор прежде всего принимает во внимание умысел человека. Самое главное — не то, что он считает один поступок правильным, а другой неправильным. Самое главное — что он вообще решает**

действовать в соответствии с понятиями о «хорошем и дурном». Эстет различал только «веселое и скучное».

— А не становится ли человек, живущий подобным образом, *чересчур* серьезным?

— Конечно. Согласно Киркегору, «этическую стадию» тоже нельзя назвать удовлетворительной. Человек долга в конце концов устает быть неизменно обязательным и щепетильным. В зрелом возрасте у многих возникает реакция утомления, и кое-кто откатывается назад, к игривому существованию на эстетической стадии. Но отдельные люди делают новый скачок — к *религиозной стадии.* Набравшись храбрости, они перемахивают туда, где «70 000 саженей глубины», избирая вместо эстетического наслаждения или разумного долга веру. И хотя, по выражению Киркегора, «попасть в руки живого Бога ужасно», только теперь человек обретает умиротворение.

— То есть он находит его в христианстве.

— Да, под «религиозной стадией» Киркегор разумел христианскую веру. Но он оказал большое влияние и на философов нехристианского толка. В XX веке возникла многообразная «философия экзистенциализма», вдохновленная датским мыслителем.

София взглянула на часы.

— Уже почти семь. Мне надо мчаться домой. Мама, наверное, сходит с ума.

Помахав на прощанье учителю, София побежала к озеру, где ее ждала лодка.

МАРКС

…призрак бродит по Европе…

Встав с постели, Хильда подошла к окну с видом на залив. Субботу она начала с чтения главы о дне рождения Софии. Вчера пятнадцать лет исполнилось самой Хильде.

Если отец рассчитывал, что она успеет дочитать до Софииного дня рождения еще накануне, он задал ей слишком быстрый темп: целую пятницу она только и делала, что читала. Зато он оказался прав в том, что поздравление осталось всего одно: песенка, которую Альберто и София спели по-английски. Хильде эта сцена показалась безвкусной.

Итак, София наметила «философический прием» в саду на 23 июня, когда Хильдин отец возвращается из Ливана. Хильда была убеждена, что этот день чреват событиями, не предсказуемыми ни для нее самой, ни для отца.

Одно она знала твердо: прежде чем добраться до Бьеркели, он столкнется с неприятным сюрпризом. Хильде хотелось хоть таким образом проявить сочувствие к Софии и Альберто. Они ведь умоляли ее о помощи…

Мама еще не вернулась с берега. Хильда спустилась на первый этаж и прошла к столику, на котором стоял телефон. Найдя копенгагенский номер Анны и Уле, она аккуратно набрала все цифры.

— Анна Намсдал слушает.

— Привет, это Хильда.

— Как чудесно, что ты позвонила! Что хорошего в Лиллесанне?

— Все отлично, у меня каникулы и вообще. А через неделю приезжает из Ливана папа.

— Вот здорово, правда, Хильда?

— Да, я очень рада… собственно, я по этому поводу и звоню…

— Да?

— Его самолет прибывает в Каструп двадцать третьего, около пяти. Вы будете в этот день в Копенгагене?

— Скорее всего, да. А что?
— Я хотела попросить об одном одолжении.
— Ну конечно, что за проблемы…
— Дело не совсем обычное. И я не знаю, что из этого получится…
— Ты меня просто заинтриговала…

И Хильда принялась рассказывать. Она рассказала о папке, об Альберто с Софией и обо всем прочем. Не раз ей приходилось начинать рассказ заново, потому что то она сама, то ее тетя на другом конце провода вдруг разражалась смехом. Зато, когда Хильда положила трубку, судьба ее плана была решена.

Теперь нужно было приготовить кое-что и здесь, в Норвегии. Впрочем… торопиться некуда.

Остаток дня Хильда провела с мамой. Под вечер они поехали на машине в Кристиансанн, чтобы сходить в кино: надо было чем-то порадовать себя вместо вчерашнего дня, из которого не получилось нормального дня рождения. Когда они проезжали мимо ответвлявшейся от шоссе дороги на Хьевикский аэродром, у Хильды встало на место еще несколько кусочков мозаики, складывавшейся у нее в голове.

Лишь поздно вечером, лежа в постели, Хильда в очередной раз раскрыла толстую папку.

Когда София пролезла через Тайник, было уже почти восемь часов. Мама в это время возилась на клумбе перед входом.

— Ты откуда?

— С той стороны изгороди.

— При чем тут изгородь?

— Разве ты не знаешь, что там идет тропинка?

— Меня интересует, где ты *пропадала*, София. Ты опять пропустила ужин и даже не предупредила об этом.

— Прости, пожалуйста. Было так хорошо погулять, я увлеклась и зашла слишком далеко.

Мама наконец оторвалась от сорняков и, выпрямившись, посмотрела на Софию.

— А ты случайно не встретила своего философа?

— Представь себе, встретила. Я же говорила, что он тоже любит гулять.

— Он по крайней мере придет на твой прием?

— Придет, он очень обрадовался.

— Я тоже очень рада, София. Просто жду не дождусь этого дня.

Не слышно ли в мамином голосе подвоха? На всякий случай София сказала:

— Я довольна, что пригласила родителей Йорунн. Иначе мне было бы неловко перед ними.

— Ты как хочешь, а я собираюсь поговорить с этим Альберто с глазу на глаз.

— Пожалуйста… Можете уединиться в моей комнате. Я уверена, он тебе понравится.

— Да, забыла сказать. Тебе письмо.

— Письмо?

— Со штемпелем батальона ООН.

— Значит, оно от брата Альберто.

— Нет, София, это уже слишком.

София принялась лихорадочно думать и буквально за одну-две секунды нашлась, что ответить. Она словно получила подсказку от ангела-хранителя.

— Я рассказала Альберто, что собираю редкие марки. А братья на то и существуют, чтобы их иногда использовать.

Этим ответом ей удалось усыпить бдительность мамы.

— Ужин в холодильнике, — примирительным тоном сообщила та.

— А письмо где?

— На холодильнике.

София кинулась в кухню. Штемпель на конверте был от 15 июня 1990 года. Вскрыв конверт, она извлекла из него листок с двумя строками:

Зачем же созидать? Один ответ:
Чтоб созданное все сводить на нет.

Нет, такой ответ Софию не устраивал. Прежде чем сесть за еду, она отнесла листок наверх и положила в шкаф к случайным вещам, накопившимся у нее за последние недели. Рано или поздно она узнает, что значит этот вопрос и зачем он был задан.

Наутро к Софии пришла Йорунн. Поиграв в бадминтон, девочки продолжили обсуждение философического приема. Нужно было придумать какие-нибудь сюрпризы на случай, если гости заскучают.

Когда мама вернулась с работы, разговор опять-таки был о приеме. «Для такого дела ничего не жалко», — время от времени повторяла мама, причем отнюдь не иронически.

Очевидно, «философический прием» казался ей тем самым средством, которое поможет Софии спуститься на землю после месяца беспокойного витания в облаках и интенсивных занятий философией.

К уходу Йорунн они договорились обо всем, от торта и китайских фонариков в саду до философской викторины с учебником философии для юношества в виде приза победителю. Если, конечно, такой учебник существует, в чем София сомневалась.

В четверг, 21 июня — всего за два дня до праздника, — снова позвонил Альберто.

— Алло, это София.

— И Альберто.

— Как дела?

— Все отлично. По-моему, я нашел выход.

— Из чего?

— Сама знаешь. Из духовного рабства, в котором мы с тобой живем, причем уже слишком давно.

— А-а-а…

— Но я не могу разглашать план, пока не приступлю к его выполнению.

— А не поздно? Мне ведь тоже не мешает знать, что предстоит…

— Не глупи. Все наши разговоры прослушиваются. Самое разумное будет помалкивать.

— Неужели положение так плохо?

— Разумеется, дитя мое. Важнейшие шаги следует предпринимать без обсуждения.

— Ну вот…

— Мы с тобой существуем в вымышленной реальности, за словами одной длинной истории. Каждая буковка этого повествования выбивается на дешевой портативной машинке господина майора, так что от его внимания не может ускользнуть ни одно напечатанное слово.

— Это я понимаю. Как же мы тогда скроемся от него.

— Тссс!

— Что?

— Кое-что происходит между строк, куда я и пытаюсь проникнуть с помощью весьма изощренных уловок.

— Понятно.

— Нам нужно с толком использовать оставшиеся дни. В субботу начнется катавасия. Ты можешь прийти сейчас?

— Иду.

София насыпала корма попугайчикам и рыбкам, достала большой лист салата для Говинды и банку с кошачьим кормом для Шер-Хана. Уходя из дома, она выставила его миску на крыльцо.

Затем она пролезла сквозь изгородь и пошла по тропинке с той стороны. Пройдя совсем немного, она вдруг наткнулась в зарослях вереска на письменный стол. За столом сидел пожилой мужчина, занятый какими-то расчетами. София подошла ближе и спросила, как его зовут.

— Скрудж, — ответил он, снова углубляясь в бумаги.

— А я — София. Ты, наверное, бизнесмен?

Он кивнул.

— Да, и очень богатый. Нельзя потерять ни одной кроны, поэтому приходится самому считать и считать.

— Как ты только справляешься!

София помахала ему и двинулась дальше. Буквально через несколько метров она встретила девочку, одиноко сидевшую под высоким деревом. Девочка была одета в лохмотья и выглядела болезненной и бледной. Завидев Софию, девочка запустила руку в кармашек передника и вытащила оттуда пачку спичек.

— Ты не купишь у меня спички? — спросила она. София пошарила в кармане, проверяя, есть ли у нее с собой деньги.

Есть… во всяком случае, одна крона нашлась.

— Почем они?

— Крона.

София протянула девочке крону и застыла со спичками в руке.

— Ты мой первый покупатель. Я уже больше ста лет гибну то от холода, то от голода…

Неудивительно, что никто не покупает у девочки спичек здесь, в глубине леса, подумала София, и тут же вспомнила про богатого бизнесмена, который сидит рядом. Зачем девочке погибать от холода и голода, если у него денег куры не клюют?

— Пойдем со мной.

Взяв девочку за руку, София повела ее назад, к богачу.

— Помоги этой девочке, пускай ей живется лучше, чем сейчас, — сказала она.

— Для этого нужны деньги, — на миг отрываясь от бумаг, отвечал старик, — а я уже говорил тебе, что надо беречь каждую крону.

— Несправедливо, чтобы ты был такой богатый, а девочка — такая бедная, — настаивала София.

— Чепуха! Справедливость бывает только между равными.

— Что ты имеешь в виду?

— Я выбился в люди, трудясь не покладая рук, а за труд положена награда. Преуспевание — двигатель прогресса.

— Ну, знаешь!

— Если ты не поможешь мне, я умру, — проговорила бедная малышка.

Бизнесмен снова поднял взгляд от бумаг — и вдруг что было силы швырнул ручку на стол.

— Ты не числишься в моих расчетах, так что катись-ка в приют для бедных.

— Если ты не поможешь мне, я подожгу лес, — продолжала бедняжка.

Старик наконец вылез из-за стола, но девочка уже чиркнула спичкой и поднесла ее к пучку сухой травы. Трава мгновенно вспыхнула.

Богач замахал руками.

— Помогите! — вскричал он. — Она пустила красного петуха!

— Ты же не знал, что я коммунистка, — с плутоватой улыбкой посмотрела на него девочка.

В следующий миг и девочка, и бизнесмен, и стол исчезли. София осталась наедине с разгоравшейся все сильнее сухостойной травой. Она бросилась затаптывать пожар и вскоре сумела погасить его.

Слава богу! София окинула взглядом почерневшую траву. В руке она по-прежнему сжимала пачку спичек.

Не сама ли она и устроила пожар?

Встретив Альберто перед избушкой, София рассказала о том, что повстречалось ей на пути.

— Скрудж — это сквалыга капиталист из «Рождественской песни в прозе» ***Чарлза Диккенса.*** **Девочку со спичками ты должна помнить по сказке Андерсена.**

— Не странно ли, что я встретила их здесь, в лесу?

— Нет. Это ведь не обычный лес, а сегодня мы поведем разговор о ***Карле Марксе,*** **так что иллюстрация чудовищных классовых противоречий середины XIX века была вполне к месту. Но давай войдем внутрь. Там майору все же труднее добраться до нас.**

Они снова устроились у окна с видом на озеро. В Софии еще жило впечатление, возникшее у нее от озера, когда она отпила из синего пузырька.

Сейчас обе бутылочки стояли на каминной полке. На столе возвышалась миниатюрная копия греческого храма.

— Для чего это? — поинтересовалась София.

— Всему свое время, дитя мое.

И Альберто приступил к рассказу о Марксе:

— Когда Киркегор в 1841 году приехал в Берлин, он, возможно, сидел рядом с Марксом на лекциях Шеллинга. Киркегор посвятил свою магистерскую диссертацию Сократу, Маркс же написал докторскую диссертацию о Демокрите и Эпикуре, то есть об античном материализме. Иными словами, оба уже взяли курс на создание собственной философии.

— И Киркегор стал экзистенциалистом, а Маркс — материалистом?

— Маркса лучше называть *историческим материалистом.* Но к этому мы еще вернемся.

— Продолжай!

— И Киркегор, и Маркс — каждый по-своему — исходили из философии Гегеля. Оба они используют его способ рассуждений, но отмежевываются от «мирового духа», или того, что мы называем гегелевским идеализмом.

— Для обоих он был слишком расплывчатым.

— Ясное дело. В общих чертах можно сказать, что Гегелем завершилась эпоха построения крупных философских систем. После него философия приобретает совершенно иное направление. Вместо больших спекулятивных систем разрабатываются философии типа «экзистенциализма» или «философии действия». Действие имел в виду и Маркс, констатируя, что «философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его». Эти слова знаменуют собой перелом в истории философии.

— После Скруджа и девочки со спичками у меня нет проблем с пониманием Маркса.

— Итак, Маркс рассуждает не абстрактно, а с определенной практической — и политической — целью. Помимо философии, Маркс занимался историей, социологией и экономикой.

— И был новатором во всех этих областях?

— Ни один другой философ не сыграл столь большой роли для практической политики. С другой стороны, не следует отождествлять все взгляды, известные под названием «марксизма», с собственным мировоззрением Маркса. Считается, что он стал «марксистом» в середине сороковых годов, но Маркс и позднее не раз подчеркивал, что он не «марксист».

— А Иисус Христос был христианином?

— Это тоже проблематично.

— Рассказывай дальше.

— С самого начала в создании будущего «марксизма» участвовал друг и коллега Маркса *Фридрих Энгельс.*

В XX веке свой вклад в марксизм или «марксизм-ленинизм» внесли Ленин, Сталин, Мао Цзэдун и многие другие.

— В таком случае предлагаю ограничиться Марксом. Ты, кажется, сказал, что он был «историческим материалистом»?

— Он не был «философским материалистом», как атомисты древности и механистические материалисты XVII-XVIII веков, а считал, что наше сознание определяется в первую очередь существующими в обществе материальными условиями, или производственными отношениями. Производственные отношения играют решающую роль и в историческом развитии.

— Это уже не гегелевский «мировой дух».

— Гегель доказывал, что историческое развитие движется напряжением между противоречиями, которые разрешаются быстрой переменой. Маркс развивает эту мысль далее. Но, если верить Марксу, многоуважаемый господин Гегель стоял на голове.

— Всю жизнь?

— Гегель называл движущую силу истории «мировым духом», или «мировым разумом». А это, согласно Марксу, и означает ставить все с ног на голову. Сам он стремился показать решающую роль материальных изменений. Иными словами, не «духовные условия» вызывают материальные изменения, а, наоборот, материальные изменения создают новые духовные условия. Маркс, в частности, делал упор на экономических силах в обществе, которые вызывают изменения и таким образом движут историю вперед.

— У тебя есть хоть один пример?

— Античные философия и естествознание преследовали чисто теоретическую цель. Ученых мало интересовало, как применить свои знания для практических преобразований.

— И дальше?

— Это соответствовало организации всей хозяйственной жизни того времени. Производство в значительной мере основывалось на рабском труде, а потому свободным гражданам не требовалось улучшать производство с помощью практических изобретений. Вот тебе пример того, как материальные отношения в обществе сказываются на философских размышлениях.

— Понятно.

— Такие материальные, экономические и социальные отношения в обществе Маркс называл *базисом*. Господствующее в

обществе мировоззрение, его политические организации и законы, а также его религию, мораль, искусство, философию и другие науки — все это Маркс называл *надстройкой.*

— Значит, базис и надстройка.

— А теперь будь добра, передай мне греческий храм.

— Пожалуйста.

— Это уменьшенная копия древнего Парфенона на Акрополе, который ты созерцала в действительности.

— Точнее, на видео.

— Храм этот, как ты можешь заметить, построен искусно и изящно. При взгляде на него в первую очередь обращаешь внимание на крышу и примыкающую к ней часть фасада, фронтон. Эту часть мы можем назвать «надстройкой». Однако крыша не умеет парить в воздухе.

— Ее подпирают колонны.

— Прежде всего само здание опирается на прочный фундамент — или «базис», — который и несет на себе все сооружение. Так же, по Марксу, и материальные отношения несут на себе все существующие в обществе мысли и идеи. Иначе говоря, надстройка общества есть производное, или отражение, его базиса.

— Ты хочешь сказать, что Платонова теория идей есть отражение и виноделия, и производства горшков?

— Нет, все гораздо сложнее, что сознает и о чем пишет сам Маркс. Между базисом общества и его надстройкой происходит взаимодействие. Если бы Маркс отрицал такое взаимодействие, он был бы «механистическим материалистом». Но, поскольку он признает существование между базисом и надстройкой взаимодействия, или диалектического воздействия, мы называем Маркса *диалектическим марксистом.* Кстати, тебе не мешает вспомнить, что Платон не был ни гончаром, ни виноделом.

— Хорошо. Ты расскажешь что-нибудь еще про храм?

— Немножко. Если ты присмотришься к базису храма, то сможешь описать его мне.

— Колонны стоят на трехступенчатом фундаменте…

— В базисе, на который опирается общество, мы также различаем три ступени, или три уровня. Самую «нижнюю» ступень можно назвать «условиями производства». Сюда входят

существующие в обществе природные условия или ресурсы, прежде всего климатические условия и полезные ископаемые. Они составляют подлинную основу государств и определяют рамки того, какое производство может иметь данное общество. От той же основы зависит, каким типом общества и какой культурой оно может обладать.

— Например, в Сахаре нельзя заниматься ловом сельди, а в Северной Норвегии — выращивать финики.

— Ты верно уловила суть дела. Не только производство, но и образ мыслей, скажем, у бедуинов и в рыбацком поселке Северной Норвегии сильно разнятся. Следующая ступень — какие в обществе «производительные силы». Тут Маркс имеет в виду инструменты, оборудование и механизмы, которыми пользуется человек.

— В старину ловить рыбу отправлялись в лодке, теперь ее добывают на громадных траулерах.

— Ты уже затронула следующую ступень базиса, а именно: кому принадлежат средства производства. Все, что относится к организации работы, к разделению труда и владению средствами производства, Маркс называл «производственными отношениями».

— Ясно.

— Итак, мы можем сделать вывод, что политические и идеологические отношения в обществе зависят от *способа производства* в нем. Неудивительно, что сегодня мы думаем несколько иначе — и придерживаемся несколько иных законов нравственности, — чем это было, например, в феодальном обществе.

— В таком случае Маркс не верил в естественное право, единое на все времена.

— Нет, решение вопроса о том, что хорошо с точки зрения морали, зависит, по Марксу, от базиса конкретного общества. Например, далеко не случайно, что в старой (крестьянской) общине пару для женитьбы или замужества подыскивали детям родители: помимо всего прочего, нужно было учитывать, кто станет наследником усадьбы. В современном крупном городе социальные условия совсем другие. Здесь можно встретить своего

суженого (суженую) в гостях или на дискотеке, а со временем, если ты достаточно влюблен, не столь уж трудно найти жилье для двоих.

— Я бы не потерпела, если б мои родители решали, за кого мне выходить замуж.

— Конечно, ты ведь тоже дитя своего времени. Маркс подчеркивает, что, поскольку вся история представляет собой борьбу классов, чаще всего решающая роль в определении правильного и неправильного, хорошего и дурного принадлежит господствующему классу. Иначе говоря, в истории все зависит прежде всего от того, кому принадлежат средства производства.

— А разве мысли и идеи не участвуют в исторических изменениях?

— И да и нет. Маркс понимал, что и надстройка может воздействовать на базис, но он отрицал за ней способность иметь собственную, независимую историю. То, что двигало историю от древнего рабовладельческого общества к сегодняшнему, индустриальному, определялось в первую очередь изменениями базиса.

— Да, ты уже говорил.

— Во всех фазах истории наблюдалось противостояние двух господствующих общественных классов, утверждал Маркс. В древнем *рабовладельческом обществе* противостояли друг другу свободные граждане и рабы, в средневековом *феодальном обществе* — феодалы и крепостные крестьяне, а впоследствии — аристократы и буржуа. Но в эпоху самого Маркса, которую он называет *буржуазным, или капиталистическим, обществом,* такое противостояние наблюдается прежде всего между капиталистами и рабочими, или пролетариями. Другими словами, речь идет о противостоянии тех, кто владеет, и тех, кто не владеет средствами производства. Если же «правящий класс» не желает отказываться от своей власти, какие-либо изменения возможны лишь с помощью революции.

— А что ты скажешь про *коммунистическое общество?*

— Маркса особенно интересовал переход от капиталистического общества к коммунистическому. Он также подробно анализирует капиталистический способ производства.

Но прежде чем переходить к этой теме, надо коснуться взглядов Маркса на *труд.*

— Надо так надо!

— В юности, до того как Маркс стал коммунистом, его интересовала проблема человеческого труда. Рассмотрением сходных вопросов занимался и Гегель, который считал отношения между человеком и бытием двусторонними, или «диалектическими»: изменяя бытие, человек и сам подвергается изменению. Или, если выразить ту же мысль иначе: работая, человек входит в бытие и влияет на него, но в процессе труда бытие тоже проникает в человека и влияет на его сознание.

— Скажи мне, какая у тебя работа, и я скажу тебе, кто ты.

— Если кратко, в этом и состоит суть Марксовой идеи. То, как мы трудимся, влияет на наше сознание, а сознание в свою очередь влияет на наш труд. Ты можешь сказать, что это отражает взаимоотношения между «рукой» и «духом». Вот почему человеческое познание тесно связано с трудом.

— Наверное, не очень приятно быть безработным.

— Да, человек, не имеющий работы, чувствует себя опустошенным, что подметил еще Гегель. И для Гегеля, и для Маркса работа — нечто положительное, тесно связанное с понятием человека.

— Значит, быть рабочим уже само по себе нечто положительное?

— Изначально — да. Но именно по этому поводу Маркс подвергает капиталистический способ производства уничтожающей критике.

— Расскажи!

— При капиталистической системе рабочий трудится на другого, а потому работа становится чем-то вне его, перестает принадлежать ему самому. Рабочий отчуждается от своего труда — и таким образом отчуждается от самого себя, утрачивает свою человеческую сущность. Пользуясь выражением Гегеля, Маркс говорит, что рабочий *подвергается отчуждению.*

— У меня есть тетя, которая больше двадцати лет проработала на фабрике упаковщицей конфет, так что мне легко понять, что

ты имеешь в виду. По ее словам, каждое утро она идет на работу с ненавистью.

— Но если она ненавидит свою работу, София, она должна отчасти ненавидеть и себя.

— Конфеты она, во всяком случае, ненавидит.

— В капиталистическом обществе работа организована таким образом, что рабочий, по сути дела, занят рабским трудом для другого общественного класса. Рабочий фактически отдает свою рабочую силу — а с ней и свою человеческую жизнь — буржуазии.

— Неужели положение вправду настолько ужасно?

— Мы с тобой говорим о Марксе, а значит, должны исходить из условий общественного развития, существовавших в середине XIX века. В этом случае ответить на твой вопрос можно только: «Да». Рабочий зачастую проводил двенадцатичасовой рабочий день в неотапливаемом цеху. Из-за мизерной оплаты труда работать вынуждены были даже дети и беременные женщины, так что социальные условия порой были просто невыносимы. Во многих местах часть заработка выдавалась дешевой водкой, а женщины под давлением обстоятельств продавали себя «хозяевам города». Короче говоря, именно в той области, которая призвана свидетельствовать об аристократизме человека, то есть в области труда, рабочий был низведен до положения скотины.

— Меня прямо зло берет.

— Вот и Маркса брало зло. В то же время дети буржуазии имели возможность принять полезную для здоровья ванну, а потом в просторных теплых комнатах поиграть на скрипке или посидеть за фортепиано, чтобы затем съесть обед из четырех блюд. Впрочем, скрипкой и фортепиано нередко угощали и по вечерам, после верховой прогулки.

— Фу, какая несправедливость!

— Маркс тоже так считал. В 1848 году он совместно с Энгельсом издал «Манифест Коммунистической партии». Первое предложение «Манифеста» гласит: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма».

— Мне даже страшно стало.

— Буржуазии тоже стало страшно, потому что пролетарии начали поднимать против нее восстания. Хочешь послушать, чем

кончается «Манифест»?

— Непременно.

— «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*

— Если жизнь действительно была такая страшная, как ты рассказываешь, я бы и сама подписалась под этим манифестом. Но сегодня ведь никто не живет в таких условиях?

— В Норвегии никто, а в других странах… кое-где люди до сих пор живут в нечеловеческих условиях, производя при этом товары, которые все больше и больше обогащают капиталистов. Маркс называл это *эксплуатацией.*

— Пожалуйста, объясни, что он имел в виду.

— Товар, который производит рабочий, обладает определенной продажной стоимостью.

— И что?

— Если вычесть из продажной стоимости заработок рабочего и другие производственные расходы, всегда остается некая сумма, которую Маркс называл *прибавочной стоимостью*, или прибылью. Иначе говоря, капиталист присваивает себе стоимость, на самом деле созданную рабочим. Это и называется «эксплуатацией».

— Понятно.

— Далее, капиталист может вложить часть прибыли в новый капитал — например, в модернизацию производства. Он делает это в расчете на то, что сумеет производить товар еще дешевле. Он также надеется, что в следующий раз прибыль возрастет.

— Логично.

— Логично это только на первый взгляд. В конце концов дело начинает идти вовсе не так, как рассчитывал капиталист.

— Почему?

— Маркс утверждал, что в капиталистическом способе производства заложены внутренние противоречия. Капитализм — это саморазрушительная экономическая система, потому что ей недостает рационального управления.

— Это даже хорошо для угнетаемых.

— Да, в капиталистической системе заложен ее скорый крах. В некотором смысле капитализм «прогрессивен», поскольку представляет собой стадию на пути к коммунизму.

— Ты можешь привести пример, который бы подтверждал саморазрушительность капитализма?

— Выше уже шла речь о капиталисте, который получил довольно большую прибыль и использовал часть ее на модернизацию предприятия. Кое-что ушло на уроки скрипки для детей и на супругу, поскольку у нее завелись дорогие прихоти.

— И дальше?

— Капиталист покупает новые станки, и ему требуется меньше работников. Новое оборудование он приобретает для того, чтобы повысить конкурентоспособность своего предприятия.

— Ясно.

— Но так рассуждает не один он, поэтому и другие производства делаются все более и более эффективными. Заводы укрупняются и переходят в руки все меньшего числа владельцев. И что происходит затем, София?

— Ой…

— Им требуется все меньше и меньше рабочей силы, появляется все больше и больше безработных, в результате чего усугубляются социальные проблемы. Такие *кризисы* предупреждают, что капитализм идет к своей погибели. Но для капитализма характерны и другие саморазрушительные черты. Когда все больше прибыли надо выделять на нужды производства, а прибыток не настолько велик, чтобы обеспечивать производство товаров по конкурентоспособным ценам…

— Да?

— Как ты думаешь, что делает в таком случае капиталист?

— Честно говоря, не знаю.

— Представь себе, что ты владелец завода и не можешь свести концы с концами. Тебе грозит банкротство. И вот я спрашиваю:

«Что ты можешь сделать для экономии средств?»

— Снизить зарплату?

— Отлично! Это действительно самый умный ход. Но если все капиталисты будут такими умными, как ты (а в этом можно не сомневаться), рабочие настолько обеднеют, что у них не останется денег на покупки, то есть сократится покупательная способность. Так мы попадаем в заколдованный круг. Уничтожение частной собственности предрешено, считал Маркс. Вскоре мы оказываемся перед революционной ситуацией.

— Понимаю.

— Короче говоря, дело кончается тем, что пролетарии восстают и берут средства производства в свои руки.

— И что потом?

— Некоторое время будет существовать новое «классовое общество», в котором пролетариат своей властью подавляет сопротивление буржуазии. Такую власть Маркс называл *диктатурой пролетариата.* Но после переходного периода диктатура пролетариата сменяется «бесклассовым», или коммунистическим, обществом. В таком обществе средства производства принадлежат «всем», то есть самому народу. Там каждый будет «трудиться по способностям» и «получать по потребностям». Кроме того, в руки народа перейдет и труд, так что с присущим капитализму «отчуждением» будет покончено.

— Все это звучит потрясающе, но что из этого вышло? Состоялась ли революция?

— И да и нет. Современные экономисты доказали, что Маркс ошибался по многим важным пунктам, в частности, при анализе кризисов капитализма. Маркс также недостаточно учитывал эксплуатацию окружающей среды, которую мы сегодня все больше осознаем. Но… и это очень серьезное «но»…

— Да?

— Марксизм привел к грандиозным переменам. Нет сомнения в том, что социализму в значительной степени удалось покончить с бесчеловечным обществом. Во всяком случае, у нас в Европе общество более справедливое — и проявляющее больше солидарности, — чем было при Марксе. Этим мы обязаны как самому Марксу, так и всему социалистическому движению.

— А что, собственно, произошло?

— После Маркса социалистическое движение разделилось на два основных направления: с одной стороны, мы получили социал-демократию, с другой — ленинизм. По социал-демократическому пути, предусматривавшему постепенный и мирный переход к социализму, пошла Западная Европа. Этот путь можно назвать «постепенной революцией», или «реформизмом». Ленинизм, сохранивший веру Маркса в то, что лишь революция способна победить прежнее классовое общество, приобрел ведущее значение в странах Восточной Европы, Азии и Африки. Эти два движения — каждое на своем фланге — фактически победили нужду и угнетение.

— Но не возникла ли при этом новая форма угнетения, например, в Советском Союзе и Восточной Европе?

— Ты, несомненно, права. Перед нами очередное свидетельство того, что во всем, к чему прикасается человек, добро перемешивается со злом. Абсурдно было бы упрекать Маркса за отрицательные стороны жизни, сложившиеся в так называемых социалистических странах через пятьдесят или сто лет после его смерти. И тем не менее он, вероятно, плохо учел одну вещь: при коммунизме управлять государством тоже будут всего лишь люди. Утопическая «страна счастья» в принципе невозможна. Человек всегда будет создавать себе новые проблемы.

— Это уж точно.

— И тут, София, мы ставим точку.

— Подожди! Ты разве не сказал, что справедливость возможна только среди равных?

— Нет, это сказал Скрудж, а не я.

— Откуда ты знаешь, что он говорил?

— Видишь ли… мы с тобой — порождение одного автора, а посему гораздо более тесно связаны друг с другом, чем это может показаться на первый взгляд.

— Тоже мне — любитель иронии!

— Притом двойной, София. Это двойная ирония.

— Но вернемся к вопросу о справедливости. Во всяком случае, ты точно сказал, что Маркс считал капитализм несправедливым обществом. А как бы ты определил справедливое общество?

— Американский философ *Джон Ролз,* который занимается вопросами морали, под влиянием марксизма попытался дать такое определение через следующий пример: представь себе, что тебя выбрали в облеченный высокими полномочиями совет, которому предстоит создать все законы будущего общества.

— Я была бы не прочь войти в такой совет.

— Членам совета нужно взвесить абсолютно все детали, потому что, как только они придут к согласию и подпишут законы, они тут же умрут.

— Ну и ну!

— Только не насовсем. Их ожидает скорое пробуждение — уже в новом обществе, для которого они составили законы. Суть дела в том, что члены совета не будут знать, *какое место* им предстоит занять в новом обществе.

— Поняла.

— Такое общество было бы справедливым, потому что образовалось бы из равных граждан.

— И гражданок!

— Разумеется. Ни один член совета не знал бы даже того, станет ли он мужчиной или женщиной. Поскольку шансы пятьдесят на пятьдесят, в том обществе одинаково хорошо жилось бы и мужчинам, и женщинам.

— Звучит привлекательно.

— Теперь скажи мне, была ли Европа во времена Маркса таким обществом?

— Нет!

— А в современном мире ты можешь назвать такое общество?

— Гмм… вряд ли.

— Вот и поразмысли, что это значит. Засим вопрос о Карле Марксе исчерпан.

— Что-что?

— Конец раздела!

ДАРВИН

…корабль, плывущий по жизни с грузом генов…

В воскресенье Хильду разбудила упавшая на пол папка с колечками. Накануне Хильда читала о том, как София и Альберто обсуждают Маркса, и заснула на спине, выпустив папку из рук. Лампа над кроватью горела всю ночь.

Зеленые цифры будильника показывали 8.59.

Хильде снились огромные заводы и закопченные города. На углу одной из улиц маленькая девочка продавала спички. Мимо, не замечая ее, скользили нарядные люди — во фраках и длинных манто.

Вставая с постели, Хильда вдруг вспомнила законодателей, которым предстояло проснуться в созданном ими обществе. Сама она была рада, что проснулась не где-нибудь еще, а в Бьеркели.

Интересно, согласилась бы она проснуться в Норвегии, не зная заранее, где именно это произойдет…

Впрочем, вопрос был не только в том, *где* проснуться. Вдруг бы она проснулась совсем в другой эпохе… например, в средневековье… или даже в каменном веке, десять-двадцать тысяч лет тому назад? Хильда попыталась представить себе, что сидит у входа в пещеру и занимается выделкой меховой шкуры.

Как бы чувствовала себя пятнадцатилетняя девочка до появления так называемой цивилизации? Как бы она мыслила?

Хильда надела джемпер и, подняв с пола папку, уселась в кровати читать нескончаемое отцовское послание.

Стоило Альберто проговорить: «Конец раздела!», как в дверь Майорстуа постучали.

— У нас ведь нет выбора, а? — сказала София.

— Пожалуй, ты права, — пробормотал Альберто.

На крыльце стоял глубокий старик с седой бородой и длинными седыми волосами. В правой руке он держал посох, в

левой — большой лист бумаги с изображением корабля, на борту которого кишмя кишели разные звери.

— И кто же вы будете? — спросил Альберто.

— Меня зовут Ноем.

— Я так и думал.

— Между прочим, я твой предок, милый. Но теперь, кажется, не модно помнить своих предков?

— Что у тебя в руке? — спросила София.

— На этой картине изображены все животные, которые спаслись от всемирного потопа. Прими ее, доченька, в подарок от меня.

Когда София взяла у него картину, старец сказал:

— А теперь мне пора домой, поливать виноградные лозы…

С этими словами он подскочил на месте и, щелкнув в воздухе пятками, припустил в лес — так, как умеют только древние старцы в самом хорошем расположении духа.

София и Альберто вернулись в дом и опять сели у окна. София принялась рассматривать картину, но не успела ничего разглядеть, потому что Альберто властной рукой забрал у нее лист.

— Сначала нужно уделить внимание более важным вещам.

— Хорошо, рассказывай.

— Я забыл упомянуть, что последние тридцать четыре года своей жизни Маркс провел в Лондоне. Он переехал туда в 1849 году, а умер в 1883-м. Все это время неподалеку от Лондона жил и *Чарлз Дарвин.* Он скончался в 1882 году и был торжественно похоронен в Вестминстерском аббатстве, среди выдающихся сынов Англии. Впрочем, пути Маркса и Дарвина пересекаются не только в пространстве и времени. Маркс даже пытался посвятить Дарвину английское издание своего главного труда под названием «Капитал», но Дарвин отклонил эту честь. Когда через год после Дарвина умер Маркс, его друг Фридрих Энгельс сказал: «Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории».

— Ясно.

— Еще одним видным мыслителем, который связывал свою деятельность с Дарвином, был психолог *Зигмунд Фрейд.* Он также

провел последний год своей жизни в Лондоне[49]. Фрейд указывал на то, что и дарвиновское учение об эволюции, и его собственный психоанализ нанесли удар по «инфантильному нарциссизму» человека.

— Как много сразу имен. Мы сейчас говорим о Марксе, Дарвине и Фрейде, верно?

— В более широком смысле можно говорить о *натуралистическом* течении, получившем распространение с середины XIX века и захватившем значительную часть нашего столетия. Под «натурализмом» понимается восприятие действительности, не признающее иной реальности, кроме природы и чувственного мира, почему сторонник натурализма видит и человека лишь как составную часть природы. Исследователь натуралистического толка основывается в первую очередь на природных факторах, а не на рационалистических спекуляциях или божественном откровении.

— Это относится ко всем троим — Марксу, Дарвину и Фрейду?

— Несомненно. С середины века особую популярность приобрели слова «природа», «среда», «история», «развитие» и «рост». *Маркс* подчеркивал, что идеология — это продукт материальной базы общества. *Дарвин* показал, что человек появился в результате длительного биологического развития, а учение *Фрейда* о бессознательном вскрыло, что человеческие поступки зачастую объясняются «животными» побуждениями, или инстинктами.

— Я примерно понимаю, что ты имеешь в виду под натурализмом, но не лучше ли обсудить каждого из его представителей в отдельности?

— Тогда поговорим о Дарвине, София. Возможно, ты помнишь, что досократики искали *естественные объяснения* природных процессов. Если они вынуждены были сначала освободиться от мифологических объяснений мира, то Дарвин должен был освободиться от религиозного взгляда на сотворение людей и животных.

— А он разве был философом?

— Дарвин был биологом и естествоиспытателем, но он занимался наукой в Новое время, а оно крайне недоверчиво

восприняло библейский взгляд на место человека среди других творений.

— Тогда тебе придется остановиться на дарвиновском учении об эволюции.

— Начнем с самого Дарвина. Родился он в 1809 году в небольшом городке Шрусбери. Его отец (доктор Роберт Дарвин, у которого была репутация прекрасного врача) весьма строго подходил к воспитанию сына. Когда Чарлз учился в старших классах общеобразовательной школы в Шрусбери, ее директор отзывался о нем как о мальчике, который носится вокруг и проводит время в болтовне и бахвальстве — вместо того чтобы заняться чем-нибудь более полезным. Под «чем-нибудь более полезным» директор понимал зубрежку латинских и греческих глаголов, а под «носится вокруг» — в частности, собирание Чарлзом жуков.

— Он наверняка потом жалел о своих словах.

— Позднее, уже изучая богословие, Дарвин также уделял внимание не столько учебе, сколько своей коллекции насекомых и наблюдениям за птицами, поэтому теологию он сдал отнюдь не блестяще. Зато — параллельно с занятиями богословием — он сумел завоевать определенную известность как естествоиспытатель. Помимо других наук его интересовала бурно развивавшаяся в этот период геология. В апреле 1831 года, сразу после окончания теологического курса в Кембридже, Дарвин отправился в путешествие по Северному Уэльсу — изучать залегание горных пород и разыскивать ископаемые останки растений и животных. А в августе того же года двадцатидвухлетний Дарвин получил письмо, которому суждено было перевернуть всю его жизнь…

— И что там говорилось?

— Письмо было от его друга и учителя, Джона Стивена Хензлоу. Тот писал: к нему обратились с просьбой «порекомендовать натуралиста для сопровождения капитана Фицроя, которого правительство направляет обследовать южную оконечность Америки. Я заявил, что считаю Вас во всех отношениях наиболее подходящим человеком из тех, кто согласился бы участвовать в подобном предприятии… Такие

подробности, как жалованье и прочее, мне неведомы. Путешествие продлится два года…».

— Надо же, столько запомнить наизусть!

— Пустяки, София.

— И Дарвин согласился?

— Ему безумно хотелось ухватиться за этот шанс, но в его время молодые люди не могли ничего предпринять без разрешения родителей. После долгих уговоров отец все-таки дал его… и вынужден был сам снабдить сына деньгами для путешествия: ничего похожего на жалованье тому так и не выплатили.

— Ой…

— 27 декабря 1831 года британский военный корвет «Бигл» вышел из Плимута и взял курс на Южную Америку. В Англию он вернулся лишь в октябре 1836 года, иными словами, два года растянулись на целых пять лет. Зато и плавание в Южную Америку превратилось в кругосветное путешествие, о котором мы теперь говорим как о самой важной научно-исследовательской экспедиции Нового времени.

— Они что, в буквальном смысле объехали вокруг света?

— Да, в самом буквальном смысле. Из Южной Америки путь их лежал через Тихий океан к берегам Новой Зеландии, Австралии и Южной Африки. Оттуда они снова пошли в Южную Америку и лишь потом наконец повернули в Англию. Сам Дарвин писал: «Путешествие на „Бигле? было самым значительным событием моей жизни».

— Ему, наверное, нелегко было изучать природу на море?

— В первые годы «Бигл» ходил туда-сюда вдоль берегов Южной Америки, что позволило Дарвину узнать этот континент не только с моря, но и с суши. Кроме того, решающую роль сыграли многочисленные высадки на тихоокеанских островах Галапагос, расположенных к западу от Южной Америки. Таким образом Чарлзу Дарвину удалось собрать обширный материал, который он со временем отослал в Англию. А массу своих размышлений над природой и над историей органического мира он оставил при себе. На родину он, двадцатисемилетний, вернулся знаменитым естествоиспытателем. К этому времени у него уже сложилось четкое представление о том, что впоследствии стало

основой его теории эволюции. Но опубликовал Дарвин главный труд своей жизни более чем через двадцать лет после возвращения в Англию. Дарвин был осторожным человеком, София, каким и положено быть естествоиспытателю.

— А что это был за главный труд?

— Собственно говоря, их было несколько. Но я имел в виду книгу, вызвавшую в Англии бурные споры: она вышла в 1859 году и называлась «О происхождении видов». Ее полное название звучит: «On the Origin of Species by Means of Natural Selection or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life». В длинном заглавии фактически выражена суть дарвиновской теории.

— Тогда я бы не отказалась от перевода.

— «О происхождении видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь».

— Да, название вполне содержательное.

— Но давай разберем его по частям. В «Происхождении видов» Дарвин выдвинул две теории, или два основных тезиса. Прежде всего, он объявил, что все ныне существующие растения и животные происходят от древних, более примитивных видов, то есть он настаивал на существовании биологического развития. Второй высказанный Дарвином тезис состоял в том, что такая эволюция происходит за счет «естественного отбора».

— Потому что выживают сильнейшие?

— Да, но сначала мы ограничимся идеей эволюционного развития, которая сама по себе не была чем-то необычным. В некоторых кругах вера в биологическую эволюцию была распространена еще с начала XIX века. Наиболее выдающимся ее приверженцем был французский зоолог ***Ламарк.*** **До него мысль о том, что растения и животные развились из более примитивных их видов, высказывал еще дедушка Дарвина,** ***Эразм Дарвин.*** **Однако ни тот ни другой не предлагали сколько-нибудь приемлемого объяснения того,** ***как именно*** **происходит эволюция, и потому не представляли собой серьезной угрозы церковникам.**

— А Дарвин представлял?

— Да, на то были свои причины. И деятели церкви, и многие ученые придерживались библейского учения о неизменности различных видов животных и растений. Считалось, что каждый

конкретный вид животных был раз и навсегда создан в миг творения. Эта христианская доктрина совпадала с учениями Платона и Аристотеля.

— Каким образом?

— Платонова теория идей основывалась на том, что все виды животных оставались неизменными, поскольку были созданы по образцу вечных идей, или форм. Мысль о неизменности видов животных являлась краеугольным камнем и в философии Аристотеля. Но современники Дарвина сделали ряд наблюдений и находок, которые заставляли в очередной раз усомниться в традиционных представлениях.

— Что это были за наблюдения и находки?

— Во-первых, обнаруживалось все больше и больше ископаемых останков. Кроме того, были найдены хорошо сохранившиеся кости вымерших животных. Сам Дарвин удивлялся останкам морских животных, которые находили в глубине суши. В Южной Америке такие находки ждали его высоко в Андах. Но что делали морские животные высоко в горах? Ты можешь мне сказать, София?

— Нет.

— Кое-кто утверждал, что их занесли туда люди или звери. Другие считали, что окаменелости и ископаемые останки морских животных сотворены Господом, дабы сбивать с толку разных бездельников.

— А что говорили ученые?

— Геологи чаще всего отстаивали «теорию катаклизмов», согласно которой Земля многократно подвергалась глобальным наводнениям, землетрясениям и прочим катастрофам, уничтожавшим все живое. О подобной катастрофе мы, в частности, узнаём из Библии — я имею в виду историю о всемирном потопе и Ноевом ковчеге. После каждой катастрофы Бог якобы творил новые — более совершенные — виды растений и животных.

— Получается, что ископаемые останки отражали прежние виды живых организмов, которые вроде бы уничтожались чудовищными катастрофами?

— Именно так. Например, говорилось, что в окаменелостях отражаются те виды животных, которым не хватило места в Ноевом ковчеге. Но, отправляясь в плавание на «Бигл», Дарвин взял с собой первый том труда английского геолога *Чарлза Лайелла* «Принципы геологии». Этот естествоиспытатель утверждал, что современная география Земли — с высокими горами и глубокими долинами — складывалась очень долго и постепенно. Суть его теории состояла в том, что мелкие изменения могут приводить к грандиозным сдвигам в физической географии — если только учитывать огромные временное периоды, за которые они происходят.

— О каких изменениях шла речь?

— Речь шла о тех же самых силах, которые действуют и поныне: о дожде и ветре, о таянии снегов, о землетрясениях и поднятии земной поверхности. Про такое обычно говорят: «капля камень точит» — именно своим непрестанным капаньем. Лайелл считал, что крохотные, постепенные изменения на протяжении долгого времени могут полностью изменять природу. К сожалению, эта теория не объясняла, почему сам Дарвин находил окаменелые останки морских животных высоко в Андах, однако он не упускал из виду мысль о *крохотных, постепенных изменениях*, которые, по прошествии достаточно долгого времени, могут приводить к грандиозным переменам.

— Он считал, что подобное объяснение применимо и к эволюции животных?

— Да, он задавал себе такой вопрос. Но, как я уже говорил, Дарвин был осторожным человеком. Он задавался каким-то вопросом гораздо раньше, чем осмеливался ответить на него. Иными словами, он опирался на тот же принцип, что и все истинные философы: важно поставить вопрос, а торопиться с ответом не стоит.

— Ясно.

— Решающим фактором в теории Лайелла был возраст Земли. Во времена Дарвина считалось общепризнанным, что с момента сотворения Земли Господом миновало около шести тысяч лет. Эту цифру получили, подсчитав все поколения от Адама и Евы до сегодняшнего дня.

— Какая наивность!

— Задним умом всякий крепок. Дарвин же пришел к выводу, что возраст Земли должен приближаться к тремстам миллионам лет. Ведь было очевидно, что и теория Лайелла о постепенном геологическом развитии, и собственно дарвиновская теория эволюции теряют всякий смысл, если не исходить из бесконечно долгого периода времени.

— И сколько же лет Земле?

— Сегодня ее возраст оценивается в 4,6 миллиарда лет.

— Ничего себе…

— Пока что мы с тобой занимались одним из доводов, которые приводил Дарвин в защиту тезиса о биологической эволюции: ***послойным залеганием ископаемых останков*** **в горных породах. Другим доказательством стало** ***географическое распределение*** **видов живой природы. Здесь Дарвин привлек в качестве аргумента новый — богатейший — материал, собранный им во время исследовательской экспедиции. Он своими глазами убедился, что разные виды животных в одном регионе могут очень незначительно отличаться друг от друга. Интересные наблюдения он, в частности, сделал к западу от Эквадора, на Галапагосских островах.**

— Расскажи!

— Поскольку речь идет о группе прилегающих друг к другу вулканических островов, больших различий в животном и растительном мире там не оказалось. Но Дарвина интересовали как раз небольшие различия. На всем архипелаге он сталкивался с огромными слоновыми черепахами [50]**, которые, однако, на разных островах** ***чуточку*** **отличались друг от друга. Неужели Бог сотворил отдельную породу черепах для каждого острова?**

— Вряд ли.

— Еще более важное значение имели наблюдения Дарвина над галапагосскими птицами. От острова к острову бросалась в глаза вариативность видов вьюрковых — в частности, по форме клюва. Дарвин доказал, что эти вариации тесно связаны с тем, чем питаются птицы на разных островах. Остроклювый земляной вьюрок питался семенами шишек, миниатюрный славковый вьюрок — насекомыми, а древесный вьюрок добывал насекомых

из стволов и веток… У каждого из видов клюв был как нельзя лучше приспособлен для его способа питания. Не могли ли все эти вьюрковые произойти от одного и того же вида вьюрков? Не могли ли они на протяжении времени приспособиться к условиям обитания на разных островах и образовать новые виды?

— И Дарвин пришел к выводу, что могли?

— Да. Вероятно, именно на Галапагосских островах Дарвин и стал «дарвинистом». Он также обратил внимание на то, что по разнообразию видов животных небольшой архипелаг вполне мог соперничать с близлежащим материком, Южной Америкой. Неужели Бог в самом деле создал всех этих животных слегка отличными друг от друга? А может, это результат эволюции? Дарвин все больше сомневался в неизменности видов. Но у него по-прежнему не было убедительного объяснения того, как могло происходить гипотетическое развитие или приспособление к окружающей среде. Впрочем, существовал еще один аргумент в пользу родства всех животных на Земле.

— Какой?

— *Развитие зародыша* у млекопитающих. Если ты сравнишь эмбрион собаки, летучей мыши, кролика и человека на ранней стадии развития, они окажутся настолько похожими, что ты почти не заметишь разницы. Отличить человеческий эмбрион от зародыша кролика можно будет лишь гораздо позже. Не служит ли это показателем того, что все мы — дальние родственники?

— Но Дарвин все еще не нашел объяснения самому процессу эволюции?

— Он неотступно размышлял над теорией Лайелла по поводу крошечных изменений, которые на протяжении длительного времени приводят к весьма ощутимым последствиям, однако по-прежнему не находил им универсального объяснения. Дарвин был знаком с теорией французского зоолога Ламарка. Тот утверждал, что разные виды животных самостоятельно развивали необходимые им особенности и признаки. Жирафы, например, отрастили такую длинную шею, потому что из поколения в поколение тянулись к деревьям за листьями. Согласно Ламарку, свойства, которые отдельная особь вырабатывает у себя путем собственных усилий, наследуются ее потомками. Но это учение о

наследуемости «приобретенных признаков» Дарвин отринул от себя просто-напросто потому, что у Ламарка не было доказательств для столь смелых выводов. Дарвина занимало другое соображение, которое, можно сказать, лежало на поверхности. Ведь механизм развития вида фактически был у него под носом.

— Ну ладно, не томи.

— Я хочу, чтоб ты сама догадалась, что это за механизм, а потому спрашиваю: если у тебя есть три коровы, но прокормить ты можешь только двух, что ты сделаешь в этом случае?

— Наверное, забью одну из них?

— Хорошо… И какую же ты забьешь корову?

— Конечно, ту, которая дает меньше всех молока.

— Ты уверена?

— Да, это было бы логично.

— Так и поступали люди на протяжении тысячелетий. Но не будем оставлять своим вниманием двух других коров. Предположим, ты хочешь, чтобы одна из них принесла теленка. Какую корову ты выберешь для этого?

— Естественно, ту, которая лучше доится. Тогда из телки тоже вырастет хорошая дойная корова.

— Значит, ты отдаешь предпочтение высокоудойным коровам перед остальными? Тогда вот тебе новое задание. Ты ходишь на охоту, и у тебя есть две легавые. Если тебе придется расстаться с одной из них, какую ты захочешь сохранить?

— Разумеется, я захочу сохранить ту, у которой тоньше чутье и которая лучше выискивает нужную мне дичь.

— Следовательно, ты бы отдала преимущество лучшей из двух легавых. Точно так, София, и поступали свыше десяти тысяч лет люди при разведении животных. Куры не всегда несли по пять яиц в неделю, у овец не всегда было столько шерсти, сколько теперь, а лошади не всегда были такими сильными и резвыми. Человек занимался *искусственным отбором,* причем не только животных, но и растений. Никто не станет сажать плохой картофель, если можно найти семенные клубни лучшего качества. Никто не станет жать пшеницу, если колос уродился пустой. Дарвин как раз подчеркивал, что на свете не бывает двух одинаковых коров, двух

одинаковых колосьев, двух одинаковых собак или двух одинаковых вьюрков. Природа предлагает огромный набор вариаций. Даже внутри одного вида не бывает совершенно одинаковых особей. Возможно, ты заметила это, когда отпила из пузырька синей жидкости.

— Еще бы не заметить.

— Тогда Дарвин спросил себя: не действует ли подобный механизм и в природе? Не резонно ли предположить, что природа осуществляет «естественный отбор» особей, которым позволено жить дальше? И еще: не могло ли действие такого механизма в течение длительного времени привести к созданию новых видов растений и животных?

— Готова поклясться, что ответ будет утвердительный.

— Дарвин пока не представлял себе, каким образом мог осуществляться «естественный отбор», но в октябре 1838 года — ровно через два года после возвращения «Бигла» — ему в руки попалась небольшая книжка специалиста по проблемам населения *Томаса Роберта Мальтуса.* Книжка называлась «Опыт о законе народонаселения». Идею своего сочинения Мальтус позаимствовал у американца *Бенджамина Франклина,* который среди прочего изобрел громоотвод. Франклин отмечал, что, если бы в природе не существовали ограничивающие факторы, один-единственный вид растений или животных мог бы заполонить всю Землю. Но, поскольку таких видов множество, они сдерживают развитие друг друга.

— Ясно.

— Развив эту мысль далее, Мальтус применил ее к положению с жителями Земли. Согласно Мальтусу, способность человека размножаться настолько высока, что постоянно рождается намного больше детей, чем может выжить.

Поскольку производство продуктов питания никогда не поспевает за ростом народонаселения, утверждал Мальтус, огромное число людей обречено в борьбе за существование на гибель. Выживут — и, соответственно, продолжат род — те, которые докажут свое превосходство в этой борьбе.

— Звучит логично.

— Но это и было универсальным механизмом, который искал Дарвин. Он вмиг обрел объяснение того, как происходит эволюция. Она связана с *естественным отбором* в борьбе за существование: наиболее приспособленный к обстоятельствам остается жить и продолжает род. Это было второе положение, выдвинутое им в труде о происхождении видов, где он писал: «Считается, что из всех известных животных наименьшая воспроизводительная способность у слона», но если бы все слонята выживали, «то по истечении 740-750 лет от одной пары получилось бы около 19 миллионов живых слонов».

— Не говоря уже о тысячах икринок, которые откладывает одна треска.

— Дарвин также подчеркивал, что наиболее ожесточенно борются за выживание самые близкие друг к другу виды, поскольку им приходится соперничать в борьбе за одинаковый корм. Вот когда по-настоящему пригождаются маленькие преимущества — небольшие положительные отклонения от среднего уровня. Чем напряженнее идет борьба за существование, тем быстрее происходит развитие новых видов: тут выживают лишь самые приспособленные, все остальные вымирают.

— Значит, чем меньше корма и чем крупнее выводки, тем быстрее происходит развитие?

— Речь идет не только о наличии еды. Не менее важно избежать участи быть съеденным другими животными. Тут может пригодиться, например, защитная окраска или умение быстро бегать, издалека замечать врагов… в крайнем случае даже неприятный вкус. Хорошее средство и яд, умерщвляющий хищников. Неслучайно многие кактусы ядовиты, София. В пустыне не растет почти ничего, кроме кактусов, поэтому им приходится опасаться травоядных животных.

— У большинства кактусов есть еще колючки.

— Не менее важную роль играет и способность размножаться. Дарвин подробно изучал хитроумные системы опыления у растений. Их яркие цвета и сладкие запахи предназначены для привлечения насекомых, участвующих в опылении. С той же целью (имея в виду размножение) выводят свои красивые трели птицы. Слишком спокойный или печальный бык, которого не

интересуют коровы, и сам не представляет интереса для истории рода. Такие отклоняющиеся признаки почти сразу обречены на исчезновение. Ведь единственное предназначение особи — достичь половозрелого возраста и оставить потомство. Это напоминает долгую-предолгую эстафету. Особи, которые по той или иной причине не сумели передать свою наследственность далее, отбраковываются, так что порода улучшается. Помимо всего прочего, в выживающих вариациях накапливается такое качество, как хорошая сопротивляемость болезням.

— Значит, происходит улучшение всего?

— Постоянная отбраковка ведет к тому, что особи, лучше приспособленные к *определенной среде* — или к определенной экологической нише, — в конечном счете и получают возможность продолжения рода в данной среде. Однако преимущество в одной среде вовсе не обязательно остается преимуществом в другой. Для некоторых вьюрков на Галапагосских островах большое значение имела способность хорошо летать. Но она отнюдь не так существенна в другой обстановке, где пища добывается копошением в земле, да еще при отсутствии хищников. Именно благодаря наличию в природе большого количества разных ниш с течением времени и образовалось много разных видов животных.

— Но людей всего один вид.

— Да, потому что люди умеют замечательно приспосабливаться к различным условиям жизни. Дарвин пришел в восхищение, когда увидел, как выживают индейцы в холодном климате Огненной Земли. Однако это не значит, что все люди одинаковы. Если у жителей экватора более темная кожа, чем у тех, кто живет в северных краях, это объясняется ее лучшей защитой от солнца. Белые люди, много бывающие на солнце, больше подвержены раку кожи.

— А иметь белую кожу, если ты живешь в северных широтах, — тоже преимущество?

— Да, в противном случае все жители Земли были бы чернокожими. Но белый тип кожи легче образует так называемые «солнечные» витамины, а это небезразлично там, где мало солнца, хотя сегодня имеет меньшее значение, поскольку мы можем обеспечить себя необходимым количеством таких витаминов с

едой. И все же в природе нет ничего случайного: виной всему — крохотные изменения, которые происходили в течение бесконечного множества поколений.

— Просто дух захватывает при одной мысли об этом.

— Здорово, а? В таком случае давай хотя бы предварительно сформулируем суть эволюционной теории Дарвина.

— Давай.

— Мы можем сказать, что «сырьем», или материалом, для развития жизни на Земле служат постоянные *вариации* между особями внутри одного и того же вида, а также *крупные выводки,* из которых выживает лишь очень небольшая часть экземпляров. «Механизм», или движущая сила, такой эволюции — естественный отбор в борьбе за существование.

Этот отбор неизменно приводит к выживанию сильнейших, или «наиболее приспособленных».

— Звучит не менее логично, чем арифметическая задача. А как восприняли книгу о происхождении видов современники?

— Вокруг нее поднялась настоящая свара. Церковь выдвинула резкие возражения, а мнения английских ученых мужей разделились. В этом не было ничего удивительного: Дарвин фактически отстранил Бога от сотворения мира. Кое-кто, впрочем, резонно замечал, что создание существ, обладающих врожденной способностью к развитию, следует считать более великим актом, чем единовременное сотворение всего и вся.

— Посмотри! — закричала вдруг София, вскакивая со стула.

Она показывала в окно. По берегу озера, держась за руки, шла обнаженная пара, мужчина и женщина.

— Это Адам и Ева, — сказал Альберто. — Через некоторое время им придется разделить судьбу Красной Шапочки и Алисы из Страны чудес. Вот почему они появились перед нами.

София подошла ближе к окну и смотрела им вслед, пока они не скрылись между деревьями.

— А Дарвин считал, что и люди произошли от животных?

— В 1871 году он опубликовал книгу «Происхождение человека», в которой указывает все случаи сходства между людьми и животными, а также утверждает, что человек и человекообразная обезьяна, вероятно, некогда развились от

общего предка. К этому времени были обнаружены первые ископаемые черепа вымершего вида человека, сначала в каменоломне на гибралтарской скале, а несколько лет спустя — в долине Неандерталь в Германии. Как ни странно, в 1871 году протестов было куда меньше, чем в 1859-м, когда Дарвин выпустил «Происхождение видов».

Впрочем, мысль о происхождении человека от животных была подспудно заложена уже в первой книге. И, как я упоминал раньше, в 1882 году, когда Дарвин умер, он удостоился торжественных похорон как один из крупнейших деятелей науки.

— Значит, в конце концов он дождался почета и уважения?

— В конце концов дождался. Но сначала его называли «опаснейшим человеком в Англии».

— Боже мой!

— «Будем надеяться, что это неправда, — заявила одна благородная дама, — но если это правда, будем надеяться, что она не получит широкой огласки». Известный ученый выразил примерно ту же мысль: «Унизительное открытие, и чем меньше о нем будут говорить, тем лучше».

— Таким образом они чуть ли не давали доказательство, что человек произошел от страуса!

— Можно сказать и так. Но нам легко рассуждать постфактум, а тогда многие вынуждены были пересмотреть свое отношение к библейской версии сотворения мира. Английский писатель *Джон Рескин* высказался так: «Хоть бы эти геологи оставили меня в покое. Я слышу стук их молотков в конце каждого стиха Библии».

— И удары геологических молотков заставляли усомниться в словах Господа?

— Да, Рескин имел в виду именно это. Ведь рушилось не только буквальное толкование изложенной в Библии истории о сотворении мира. Согласно дарвиновской теории, человек, если уж на то пошло, был создан в результате совершенно *случайных* вариаций вида. Более того: Дарвин сделал человека продуктом столь безэмоционального процесса, как «борьба за существование».

— А Дарвин объяснил, каким образом получаются эти «случайные вариации»?

— Ты затронула наиболее слабое звено его теории. У Дарвина были весьма смутные представления о наследственности. Какие-то изменения возникают при скрещивании. Дети одних родителей никогда не бывают абсолютно одинаковыми. Уже тут наблюдаются определенные вариации. С другой стороны, таким образом едва ли может появиться что-то принципиально новое. Кроме всего прочего, некоторые растения и животные размножаются почкованием или простым делением клетки. В вопросе о том, как возникают вариации, теорию Дарвина дополнил так называемый *неодарвинизм.*

— Расскажи!

— В конечном счете всякая жизнь и всякое размножение связаны с делением клетки. Когда клетка делится надвое, получаются две одинаковые клетки с совершенно одинаковой наследственностью. Итак, под клеточным делением мы понимаем копирование клеткой самой себя.

— И что дальше?

— Иногда в процессе деления происходит небольшой сбой — скопированная клетка оказывается чуточку отличной от материнской. В современной биологии такое изменение называется *мутацией.* Мутации могут быть абсолютно несущественными, а могут серьезно изменять свойства особи. Они бывают и явно вредными, так что попадающиеся в больших выводках «мутанты» выбраковываются. Кстати, многие болезни вызываются именно подобными мутациями. Но иногда мутация снабжает особь положительным качеством, которое как раз помогает данному экземпляру в его борьбе за существование.

— Например, длинной шеей?

— Ламарк объяснял длинную шею жирафов тем, что они постоянно вытягивают ее, но, по дарвинизму, приобретенные признаки ни в коем случае не наследуются. Дарвин утверждал, что длина шеи у предков жирафов связана с естественной вариативностью. Неодарвинизм дополняет это объяснение, указывая на конкретную *причину* подобных вариаций.

— То есть на мутации.

— Да, чисто случайные изменения наследственности у отдельных предков жирафов дали им чуть более длинную шею,

чем была у других. При нехватке корма это отклонение могло играть решающую роль. Жирафу, который дотягивался до самых высоких веток, жилось лучше. Можно также предположить, что некоторые из «пражирафов» развили в себе способность добывать пищу, выкапывая ее из земли. В результате по прошествии длительного времени вымерший вид животных мог разделиться на два отдельных вида.

— Понятно.

— Возьмем несколько более свежих примеров того, как действует естественный отбор. Его принцип крайне прост.

— Выкладывай свои примеры!

— В Англии водится бабочка, известная под названием березовая пяденица. Как явствует из названия, эти бабочки живут на светлых стволах берез. Если мы оглянемся назад, в XVIII век, то увидим, что в большинстве они были светло-серого цвета. Почему, София?

— Чтобы быть менее заметными для голодных птиц.

— Но время от времени, по причине чисто случайных мутаций, среди березовых пядениц рождались и темные особи. Как ты думаешь, что происходило с темными экземплярами?

— Их было легче заметить, поэтому они чаще попадали в клюв птицам.

— Иными словами, в этой среде — то есть на светлых стволах — темная окраска была признаком неблагоприятным, а потому росла популяция светлых пядениц. Но вот окружающая среда изменилась. Индустриализация привела к тому, что во многих местах белые стволы почернели от копоти. Что, по-твоему, стало происходить с пяденицами теперь?

— Вероятно, темные особи выживали лучше?

— Да, вскоре их число стало расти. В некоторых местах за период с 1848-го по 1948 год доля черных пядениц выросла с одного до 99 процентов. В изменившейся среде светлая окраска перестала быть преимуществом в борьбе за существование. Скорее наоборот! Белые «проигравшие», стоило им только показаться на дереве, мгновенно «выпалывались» птицами. Но в природе снова наблюдается существенное изменение. За последние годы благодаря меньшему использованию угля и

усовершенствованию оборудования для очистки воздуха окружающая среда стала намного чище.

— И стволы берез снова посветлели?

— Да, а потому в окрасе пядениц опять наблюдается преобладание белого цвета. Это действует закон природы, который называется *приспособляемостью.*

— Ясно.

— Но можно привести и много других примеров человеческого вмешательства в природу.

— Каких?

— Человек, скажем, пытается бороться с вредителями при помощи различных ядов. Поначалу борьба может быть успешной. Но, распыляя над полем или фруктовым садом химикаты, мы фактически вызываем для вредителей экологическую катастрофу местного масштаба, в результате которой — благодаря постоянным мутациям — иногда выводится группа вредителей, обладающих невосприимчивостью, или *резистентностью*, к используемому яду. Эти «победители» получают возможность развернуться, и бороться с вредителями становится все сложнее и сложнее — именно из-за попыток человека извести их. Выживают, естественно, наиболее резистентные вариации.

— Какой ужас!

— Во всяком случае, есть о чем задуматься. Мы ведь и в собственном организме пытаемся побороть вредных нахлебников — я имею в виду бактерии.

— Мы прибегаем к пенициллину и другим антибиотикам.

— А курс пенициллина для маленьких негодяев — это «экологическая катастрофа». Зато вскоре после обильного орошения пенициллином отдельные бактерии оказываются по нашей милости резистентными. Так мы сами выращиваем бактерии, с которыми труднее бороться. Приходится лечиться все более сильными антибиотиками, и в конце концов…

— В конце концов бактерии начинают отбирать у нас хлеб, да? Может, пора их отстреливать?

— Наверное, это было бы слишком. Но совершенно очевидно, что современная медицина создала для себя серьезную проблему. Дело ведь не только в том, что конкретные бактерии стали

зловреднее прежнего. Раньше многие дети не становились взрослыми, а погибали от разных болезней. Да, зачастую выживало меньшинство. Современная же медицина как бы отключила естественный отбор. То, что выручает в трудную минуту одного индивидуума, может в конечном счете подорвать сопротивляемость к болезням всего человеческого рода. Если мы не обратим внимание на так называемую «гигиену наследственности», это может привести к вырождению человека, поскольку исчезнут наследственные предпосылки для избегания серьезных болезней.

— Перспектива малоприятная.

— Однако истинный философ не должен воздерживаться от указания на «малоприятные» вещи, если он считает, что говорит правду. Давай снова подведем итог.

— Милости просим!

— Можно сказать, что жизнь — это гигантская лотерея, в которой на виду остаются только победители.

— Что это значит?

— Тот, кто проиграл в борьбе за существование, ушел. За каждым видом животных или растений стоят миллионы лет отбора «выигравших билетов», тогда как «проигравшие билеты»… выступают только однажды. Иными словами, в современном растительном и животном мире действуют исключительно победители гигантской лотереи жизни.

— Потому что сохраняется только самое лучшее.

— Можно сказать и так. А теперь дай мне, пожалуйста, картину, которую принес этот… смотритель зоопарка.

София протянула ему лист. Ноев ковчег занимал лишь одну его сторону, тогда как на другой было изображено генеалогическое древо всех видов животных. Эту-то сторону Альберто и хотел показать ей.

— На этой схеме показано распределение по группам различных видов животных и растений. Тут видно, к какому классу, отряду и семейству принадлежат конкретные виды.

— Да.

— Человек вместе с обезьянами принадлежит к отряду приматов. Приматы относятся к классу млекопитающих, а все

млекопитающие входят в группу позвоночных, которые в свою очередь принадлежат к многоклеточным животным.

— Похоже на Аристотеля.

— Совершенно верно. Однако схема дает представление не только о современном распределении видов, но и об истории развития живой природы. Ты, например, видишь, что птицы в свое время отделились от пресмыкающихся, а пресмыкающиеся некогда отделились от земноводных, которые в свою очередь отделились от рыб.

— Да, все очень четко.

— Каждое раздвоение линий означает мутации, приводившие к возникновению новых видов. Так постепенно создавались различные семейства и отряды. Впрочем, схема крайне упрощает положение. На самом деле сегодня существует свыше миллиона видов животных, и этот миллион составляет лишь незначительную долю живших на Земле видов. Здесь, например, есть такой вымерший класс животных, как трилобиты.

— А в самом низу одноклеточные животные?

— Некоторые из них, вероятно, не изменялись два-три миллиарда лет. Смотри, от этих одноклеточных организмов идет линия и к миру растений, потому что растения, по всей вероятности, происходят от той же «праклетки», что и все животные.

— Вижу. Но у меня возник один вопрос.

— Да?

— Откуда появилась эта самая «праклетка»? У Дарвина был какой-нибудь ответ?

— Я уже говорил, что Дарвин был весьма осторожным человеком. Тем не менее тут он позволил себе высказать догадку. Он писал:

> «…если бы (если бы да кабы!) мы могли представить себе теплую лужицу, в которой присутствуют соли аммиака и фосфора, свет, тепло, электричество и прочее, и в этой лужице в результате химической реакции получилось бы белковое соединение, готовое к еще более сложным реакциям…»

— Да, что тогда?

— Дарвин размышлял над тем, как предположительно могла возникнуть из неорганической материи первая живая клетка. И опять-таки он попал в точку. Современная наука считает, что зачатки примитивной жизни возникли в такой «теплой лужице», какую обрисовал Дарвин.

— Расскажи подробнее!

— Нам придется ограничиться беглым обзором. И запомни: мы оставляем Дарвина и перескакиваем к новейшим исследованиям по зарождению жизни на Земле.

— Я сгораю от любопытства. Неужели кто-то уже точно знает, как произошла жизнь?

— Может быть, и неточно, но многие кусочки мозаики, представляющей картину того, как могла зародиться жизнь, встали на место.

— Дальше!

— Прежде всего следует договориться, что вся живая природа на Земле — как растительный, так и животный мир — построена практически из одинакового материала. Самое простое определение, какое можно дать жизни, или органической природе, гласит: жизнь есть субстанция, способная в питательном растворе делиться на две совершенно одинаковые части. Этот процесс регулируется веществом под названием ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота). В ДНК, которая вместе с белком образует хромосомы, заключена наследственная информация, присутствующая во всех живых клетках. Мы также говорим о *молекуле ДНК*, поскольку ДНК в действительности представляет собой сложное молекулярное соединение, или макромолекулу. Итак, нас интересует вопрос о том, как появилась первая молекула ДНК.

— Да.

— Наша Земля образовалась вместе с Солнечной системой, то есть 4,6 миллиарда лет назад. Вначале это была раскаленная масса, но постепенно земная кора остыла. По данным современной науки, жизнь возникла около трех-четырех миллиардов лет тому назад.

— Это кажется совершенно неправдоподобным.

— Подожди высказывать сомнения, пока не услышишь всего остального. Во-первых, учти, что земной шар выглядел совершенно иначе, чем теперь. Поскольку на Земле не было жизни, в атмосфере не было и кислорода. Свободный кислород появился благодаря фотосинтезу растений. А отсутствие кислорода — крайне важный фактор. Дело в том, что появление органических веществ, из которых в свою очередь могла составиться ДНК, практически немыслимо в атмосфере, содержащей кислород.

— Почему?

— Потому что кислород легко вступает в химические реакции. И составные части молекулы ДНК просто-напросто окислились бы задолго до ее образования.

— Предположим.

— Вот почему мы вправе утверждать, что сегодня возникновение новых организмов невозможно — даже таких элементарных, как бактерия или вирус. Следовательно, абсолютно всё живое на Земле примерно одного возраста. Родословная слона столь же длинна, как и простейшей бактерии. Фактически можно сказать, что слон — или, предположим, человек — представляет из себя взаимосвязанную колонию одноклеточных организмов. Ведь в каждой самой малюсенькой клеточке нашего тела заложена абсолютно одинаковая наследственная информация, в ней содержится полное описание того, кто мы такие.

— Удивительно.

— Самая большая загадка живой природы заключается в способности клеток многоклеточного организма специализироваться на определенных функциях. Ведь каждая клетка не реализует все заложенные в ней наследственные свойства. Некоторые из этих свойств, или генов, как бы «включены», другие — «выключены». Клетка печени воспроизводит белки, отличные от нервной клетки или клетки кожи. Но и в клетке печени, и в нервной клетке, и в клетке эпидермиса содержится та же молекула ДНК, в которой записана вся информация об организме.

— Дальше!

— При отсутствии в атмосфере кислорода вокруг земного шара не было и защитного озонового слоя, иными словами, ничто не препятствовало проникновению сюда космического излучения. А это очень важно, поскольку такое излучение, по всей вероятности, и сыграло решающую роль в образовании первых сложных молекул. Благодаря космической энергии отдельные химические вещества начали сливаться в макромолекулы.

— О'кей.

— Уточняю: для образования сложных молекул, из которых состоит вся органическая природа, необходимо соблюдение по меньшей мере двух условий: в атмосфере *не должно содержаться кислорода* и необходим доступ *излучению из космического пространства.*

— Ясно.

— Однажды в «теплой лужице», или «первобытном бульоне», как его предпочитает называть современная наука, возникла чрезвычайно сложная макромолекула, обладавшая поразительной способностью делиться на две одинаковые части. Отсюда, София, и берет начало вся длинная цепочка эволюции. Слегка упрощая, можно сказать, что мы имеем дело с первым наследственным материалом, первой ДНК или первой органической клеткой. Она стала делиться, делиться и делиться, при этом с самого начала наблюдались мутации. Спустя бесконечно долгое время случилось так, что одноклеточные организмы соединились в более сложные многоклеточные, а там запустился и фотосинтез растений, благодаря которому была создана богатая кислородом атмосфера. Появление атмосферы сыграло двоякую роль: с одной стороны, смогли развиться животные, дышащие легкими, с другой — атмосфера защитила органический мир от вредоносного космического излучения. Ведь это излучение — которое, возможно, стало «искрой», необходимой для зарождения первой клетки, — было губительным для всего живого.

— Но атмосфера не могла появиться за один день. Как выжили первые организмы?

— Жизнь зародилась в первобытном «океане», который мы называем «первобытным бульоном». Там организмы были защищены от смертоносного излучения. Лишь значительно позже

— после появления атмосферы — выползли на сушу первые земноводные. А что было дальше, мы уже говорили. Теперь мы сидим в лесной избушке и оглядываемся на эволюцию, которая заняла три или четыре миллиарда лет.

— И ты по-прежнему считаешь, что все произошло случайно?

— Нет, этого я не говорил. Как явствует из генеалогического древа, эволюция имела определенное *направление*. На протяжении многих миллионов лет создавались животные со все более сложной нервной системой, а затем и со все более крупным мозгом. По-моему, это не могло быть случайностью. А ты как считаешь?

— Я не верю, что человеческий глаз получился в результате чистой случайности. Тебе не кажется, что в том, чтобы мы могли видеть окружающий мир, заложен некий смысл?

— Эволюция глаза удивляла и Дарвина. Ему казалось нелогичным, чтобы такой тонкий и красивый орган, как глаз, развился лишь в результате естественного отбора.

София не сводила взгляда с Альберто. Ей вдруг пришла в голову мысль о странности того, что она живет именно сейчас, что это будет ее единственная жизнь и что ей не суждено когда-либо обрести новую. И у нее вдруг вырвалось:

— «Зачем же созидать? Один ответ: чтоб созданное все сводить на нет».

— Тебе негоже произносить такие слова, дитя мое, — строго посмотрел на нее Альберто. — Это речи дьявола.

— Дьявола?

— Или Мефистофеля, из гётевского «Фауста». «Was soil uns denn das ew'ge Schaffen! Geschaffeneszunichtshinwegzuraffen!»

— Но какой смысл он вкладывает в эти слова?

— Когда Фауст умирает — и оглядывается на свою долгую жизнь, — он торжественно провозглашает:

«Мгновенье!
О, как прекрасно ты, повремени[51]
Воплощены следы моих борений,
И не сотрутся никогда они».
И, это торжество предвосхищая,
Я высший миг сейчас переживаю.

— Красиво!

— Но тут вступает дьявол. Как только Фаусту приходит конец, Мефистофель восклицает:

Конец? Нелепое словцо.
Чему конец? Что, собственно, случилось?
Раз нечто и ничто осуществилось,
То было ль вправду что-то налицо?
Зачем же созидать? Один ответ:
Чтоб созданное все сводить на нет.
«Все кончено». А было ли начало?
Могло ли быть? Лишь видимость мелькала,
Зато в понятье вечной пустоты
Двусмысленности нет и темноты.

— Это слишком пессимистично. В таком случае первая цитата мне нравится больше. Хотя его жизнь подошла *к концу, Фауст*

видел смысл в тех «следах борений», которые он оставил после себя.

— Не благодаря ли дарвиновскому учению об эволюции мы ощущаем себя участниками некоего великого процесса, в контексте которого приобретают значимость даже мельчайшие организмы? Мы — планета жизни, София! Мы — огромный корабль, плывущий во Вселенной вокруг пылающего Солнца. И в то же время каждый из нас — корабль, плывущий по жизни с грузом генов. Доставив свой груз в следующий порт, мы можем считать, что жили не напрасно. Ту же мысль высказал в стихотворении «Псалом II» *Бьёрнстьерне Бьёрнсон:*

Слава предвечной весне, породившей
Все, что мы сущим зовем!
В день воскресенья встанет оживший
В лучшем обличье своем.
Род порождает род.
Род стремится вперед,
Век за веком бредет,
Мир за миром встает,
Гибнет и снова цветет.

Ты, приобщившийся здешней усладе,
Ставший цветком той весны,
День этот выпей — вечного ради,
Житель невечной страны.
Вносишь ты лепту свою,
Вечному в вечном краю,
В сердце надежду храня.
Вздох твой короткий — родня
Воздуху вечного дня![52]

— Чудесные строки.

— Тогда не будем их портить разговором. Скажу только одно: «Конец раздела!»

— Тебе не надоела эта ирония?

— Я сказал: «Конец!» Ты должна меня слушаться.

ФРЕЙД

…у нее возникло отвратительно эгоистическое желание…

В обнимку с тяжелой папкой Хильда Мёллер-Наг вскочила с кровати, отнесла папку на стол, потом, на ходу раздеваясь, помчалась в ванную, постояла пару минут под душем и торопливо оделась. После этого она спустилась на первый этаж.

— Ты готова завтракать, Хильда?

— Я хочу сначала прокатиться на лодке.

— Как же так, Хильда?…

Она выбежала из дома и понеслась через сад к берегу. Там она отвязала лодку, прыгнула в нее и, оттолкнувшись от причала, взялась за весла. Хильда все гребла и гребла в заливе, поначалу резко взмахивая веслами, но постепенно успокаиваясь.

> «Мы — планета жизни, София! Мы — огромный корабль, плывущий во Вселенной вокруг пылающего Солнца. И в то же время каждый из нас — корабль, плывущий по жизни с грузом генов. Доставив свой груз в следующий порт, мы можем считать, что жили не напрасно…»

Хильда запомнила эти слова наизусть. Все-таки они были обращены к ней — не к Софии, а именно к ней. Вся папка была одним большим посланием от отца к дочери.

Высвободив весла из уключин, она положила их внутрь лодки. Волны подхватили лодку и стали мягко раскачивать, чуть слышно постукивая о дно.

Как эта лодка плавала в небольшом заливе в Лиллесанне, так и сама Хильда ореховой скорлупкой плыла по жизни.

А где в этой картине София с Альберто? Да, где место Альберто и Софии?

Хильде не верилось, что они могут быть лишь «электромагнитными импульсами» в голове отца, что они существуют только в виде значков, отпечатанных на бумаге с помощью пишущей машинки. В таком случае и про нее можно сказать, что она не более чем набор белковых соединений, некогда слившихся вместе в «теплой лужице». Но нет, она представляет собой нечто большее. Она — Хильда Мёллер-Наг.

Конечно, папка с колечками была потрясающим подарком на день рождения. И конечно, отец затронул в Хильде некие глубинные струны. Но ей был не по душе развязный тон, в котором он отзывался о Софии и Альберто.

Вынудить отца задуматься уже по дороге домой — в этом Хильда видела свой долг перед героями книги. Она воображала себе отца на аэродроме в Каструпе. Пускай, как дурачок, помечется туда-сюда.

Вскоре Хильда совершенно успокоилась. Сев на весла, она подвела лодку обратно к мосткам и пришвартовала ее. Затем она долго завтракала с мамой. Ей было приятно похвалить сваренное всмятку яйцо и в то же время заметить, что, кажется, оно чуть-чуть недоварилось.

К папке она вернулась уже поздно вечером. Непрочитанных страниц оставалось совсем немного.

В дверь снова постучали.

— Может, нам просто заткнуть уши? — спросил Альберто. — Глядишь, наваждение исчезнет.

— Нет, я хочу посмотреть, кто там.

Альберто двинулся следом.

На крыльце стоял голый человек. Поза его была величественна, но одежды на нем никакой не было — только корона на голове.

— Ну-с, дамы и господа, — произнес он. — Что вы скажете о новом платье короля?

Альберто с Софией онемели от удивления, что несколько обескуражило голого.

— Вы даже не собираетесь ни поклониться, ни сделать реверанс! — возмутился он.

— Простите, ваше величество, — набрался храбрости Альберто, — но вы… совершенно голы.

Голый король стоял все в той же торжественной позе.

— Он считает, что выглядит вполне прилично, — шепнул Альберто на ухо Софии.

Король заметно помрачнел.

— В этом доме что, действует цензура? — спросил он.

— К сожалению, да, — отвечал Альберто. — Мы пока что в здравом уме и даже не спим. При том бесстыдстве, которое проявляет ваше королевское величество в отношении одежды, вам нельзя переступить порог сего дома.

Горделивая поза абсолютно голого человека с короной на голове показалась Софии настолько смехотворной, что она вдруг рассмеялась. Ее смех словно подал королю тайный сигнал: до него наконец дошло, что никакого платья на нем нет. Прикрываясь обеими руками, король пустился наутек — и исчез в лесу, возможно повстречав потом Адама и Еву, Ноя, Красную Шапочку или Винни-Пуха.

Оставшиеся на крыльце Альберто с Софией все смеялись и смеялись, пока Альберто не выговорил:

— Пойдем в комнату, я хотел бы еще рассказать о Фрейде и его теории бессознательного.

Они опять сели у окна. Взглянув на часы, София сказала:

— Уже половина третьего, а мне нужно готовиться к приему гостей.

— Мне тоже. Я только немного расскажу про *Зигмунда Фрейда.*

— Он был философом?

— Во всяком случае, его можно назвать философом культуры. Фрейд родился в 1856 году и изучал медицину в Венском университете. В Вене он прожил и большую часть жизни — как раз в период, на который в этом столичном городе пришелся расцвет культуры. Фрейд рано специализировался в области *невропатологии.* Конец XIX века — да и значительную часть XX-го — он посвятил разработке своей «глубинной психологии», или «психоанализа».

— Надеюсь, ты объяснишь, что это такое.

— Под «психоанализом» понимается как описание (в самой общей форме) человеческой психики, так и метод лечения невротических и психических болезней. Я не стану вдаваться в подробности по поводу самого Фрейда и его деятельности, однако предложенное им учение о бессознательном совершенно необходимо нам для понимания человека.

— Ты заинтриговал меня. Давай рассказывай!

— Согласно Фрейду, между человеком и его средой всегда существует напряжение. Если говорить точнее, это напряжение (или конфликт) между влечениями и потребностями человека, с одной стороны, и требованиями окружающих, с другой. Фактически Фрейд открыл инстинктивную жизнь человека, так что его можно назвать видным представителем натуралистических течений, заявивших о себе к концу XIX века.

— Что ты понимаешь под «инстинктивной жизнью» человека?

— Нашими поступками далеко не всегда управляет разум. Иными словами, человек — отнюдь не рациональное существо, каким его представляли рационалисты XVIII века. Наши мысли, сны и поступки зачастую определяются иррациональными импульсами, которые могут выражать внутренние влечения или потребности. Если для младенца один из основных инстинктов — потребность сосать, то для взрослого человека это сексуальное влечение.

— Ясно.

— Само по себе подобное наблюдение не составляло открытия, но Фрейд объяснил, что такие потребности могут «маскироваться», «принимать иные формы» — и управлять нашими поступками на подсознательном уровне. Он также доказал наличие сексуальности у маленьких детей, что вызвало отвращение у образованных жителей Вены и привело к большой непопулярности Фрейда.

— Меня это не удивляет.

— Мы с тобой ведем речь о так называемой «Викторианской эпохе», когда на все связанное с сексуальностью было наложено табу. Фрейд обнаружил детскую сексуальность благодаря своей психотерапевтической практике, другими словами, у его утверждений была эмпирическая основа. Он также выяснил, что

объяснение многих видов неврозов или психических заболеваний следует искать в конфликтах детского возраста. Со временем он выработал метод терапии, который можно назвать своеобразной «душевной археологией».

— Что ты имеешь в виду?

— Археолог пытается отыскать следы далекого прошлого, прорубаясь сквозь культурные слои. Предположим, он находит нож XVIII века. Чуть глубже ему попадается гребень XIV века, а еще ниже — кувшин V столетия.

— И что?

— Так и психоаналитик может с помощью больного производить раскопки в его сознании, чтобы извлечь оттуда переживания, обусловившие психический недуг. Ведь, согласно Фрейду, мы храним в глубине себя все воспоминания прошлого.

— Теперь ясно.

— И вот терапевту удается извлечь некое дурное воспоминание, которое пациент все эти годы старался забыть, но которое жило в глубине души, подтачивая его силы. Вытащив такое «травматическое переживание» в область сознания — и, так сказать, предъявив его больному, — терапевт способствует «избавлению» пациента от переживания, в результате чего тот излечивается.

— Это кажется логичным.

— Но я забежал вперед. Давай сначала посмотрим, как Фрейд описывает человеческую психику. Ты когда-нибудь видела грудного младенца?

— У меня есть двоюродный брат, которому сейчас четыре года.

— Родившись на свет, мы без малейшего стеснения удовлетворяем свои физические и психические потребности. Если нам не дают молока, мы начинаем кричать. Возможно, мы поступаем так же, если у нас мокрая пеленка. Кроме того, мы совершенно ясно выражаем желание физической близости и телесного тепла. Этот «принцип влечений» или «желаний» Фрейд называл *Оно.* В младенческом возрасте мы представляем собой почти сплошное «Оно».

— Дальше!

— Это «Оно» (или принцип влечений) сопровождает нас всю жизнь, поскольку мы берем его с собой и во взрослое состояние. Постепенно, однако, мы приучаемся контролировать свои желания и таким образом приспосабливаться к окружению, то есть соотносить принцип влечений с «принципом реальности». Фрейд утверждает, что у нас формируется *Я*, которое и берет на себя функцию контроля. Даже если нам очень чего-то хочется, мы не можем просто сесть и кричать до тех пор, пока наши желания или потребности не будут удовлетворены.

— Конечно, нет.

— У нас может появиться какое-то сильное желание, неприемлемое для окружающего мира. Тогда не исключено, что мы *подавим* свое желание — постараемся вытеснить его и забыть о нем.

— Понимаю.

— Фрейд, однако, принимал в расчет и третью «инстанцию» в человеческой психике. Мы с раннего детства сталкиваемся с моральными требованиями родителей и всего окружающего мира. Если мы совершаем дурной поступок, родители говорят нам: «Так нельзя!» или «Фу, какой ты нехороший!». Даже став взрослыми, мы продолжаем носить в себе отголоски этих суждений и требований. В нас как бы вошли и поселились нравственные ожидания среды. Фрейд называл это явление *Сверх-Я*.

— Он имел в виду совесть?

— В том, что он называл «Сверх-Я», присутствует и совесть. Но, по Фрейду, «Сверх-Я» отзывается и на возникновение у нас «грязных», «неподобающих» желаний, в частности эротических, или сексуальных. А я уже упоминал, что Фрейд обнаружил такие неподобающие, или «неприличные», желания уже в раннем детстве.

— Поясни!

— Сегодня мы знаем и понимаем, что маленькие дети любят трогать свои половые органы. Это можно наблюдать на любом пляже. Во времена Фрейда двухлетнего или трехлетнего малыша могли за такое хлопнуть по пальцам. Мама могла сказать: «Фу!», «Так нельзя!» или «Нет, положи ручки на одеяло!».

— Что за глупость!

— Таким образом формируется чувство вины в отношении всего связанного с половыми органами и сексуальностью. Поскольку это ощущение закладывается в «Сверх-Я», у многих — если верить Фрейду, то у большинства — секс сопряжен с чувством вины. В то же время Фрейд подчеркивал, что сексуальные влечения и потребности составляют естественную и очень существенную часть человеческого багажа. А раз так, дорогая София, то человека всю жизнь раздирает конфликт между влечением и чувством вины.

— Тебе не кажется, что со времен Фрейда этот конфликт несколько смягчился?

— Разумеется. Но многие фрейдовские пациенты настолько сильно переживали такой конфликт, что у них развивались *неврозы.* Например, одна из его многочисленных пациенток была тайно влюблена в своего зятя. Когда ее сестра умерла от болезни, она подумала у ее постели: «Теперь он свободен и может на мне жениться!» Но эта мысль пришла в столкновение с ее «Сверх-Я», и женщина мгновенно *подавила* ее, то есть, по утверждению Фрейда, вытеснила в область бессознательного. «Девушка заболела, — пишет Фрейд. — Наблюдались тяжелые истерические симптомы. Когда я взялся за ее лечение, оказалось, что она радикально забыла описанную сцену у постели сестры и возникшее у нее отвратительно эгоистическое желание. Она вспомнила об этом во время лечения, воспроизвела патогенный момент с признаками сильного душевного волнения и… стала здоровой».

— Теперь я лучше понимаю, что ты имеешь в виду под «душевной археологией».

— Мы можем в общих чертах описать человеческую психику следующим образом. В результате долгой работы с больными Фрейд пришел к выводу, что *сознание* составляет лишь незначительную ее долю. Осознаваемое — лишь верхняя часть айсберга, тогда как под водой — или за порогом сознания — скрывается «подсознание», или *бессознательное.*

— Значит, бессознательное — все то, что находится внутри нас, но о чем мы забыли и не вспоминаем?

— Весь наш опыт не держится постоянно в сознании. Мысли или ощущения, которые мы можем найти, стоит нам только «задуматься», Фрейд называл «предсознанием».

Термин же «бессознательное» он оставлял исключительно для того, что мы «вытеснили», то есть постарались забыть из-за его «неприятности», «неприличности» или «гадкости». Если у нас есть желания и влечения, которые кажутся нестерпимыми сознанию — или «Сверх-Я», — мы запихиваем их в подвал. Прочь, подальше, с глаз долой!

— Ясно.

— Подобный механизм срабатывает у всех здоровых людей, но некоторым из них попытка держать неприятные или запретные мысли подальше от сознания стоит таких усилий, что это приводит к невротическим заболеваниям. Вытесненное старается само всплыть в сознании, и кое-кому приходится затрачивать массу энергии, чтобы держать такие импульсы вне критичного сознания. Выступая в 1909 году в Америке с лекциями о психоанализе, Фрейд привел пример того, как действует механизм вытеснения.

— Расскажи!

— «Допустите, — призвал он слушателей, — что в этом зале и в этой аудитории… находится индивидуум, который нарушает тишину и отвлекает мое внимание от предстоящей мне задачи своим смехом, болтовней, топотом ног. Я объявляю, что не могу при таких условиях читать далее лекцию, и вот из вашей среды выделяются несколько сильных мужчин и выставляют после кратковременной борьбы нарушителя порядка за дверь. Теперь он „вытеснен?, и я могу продолжать свою лекцию. Для того чтобы нарушение порядка не повторилось, если выставленный будет пытаться вновь проникнуть в зал, исполнившие мое желание господа после совершённого ими вытеснения пододвигают свои стулья к двери и обосновываются там, представляя собой „сопротивление?. Если вы теперь, используя язык психологии, назовете оба места (в аудитории и за дверью) сознательным и бессознательным, то вы будете иметь довольно верное изображение процесса вытеснения».

— Картина действительно создается наглядная.

— Но «нарушитель порядка» рвется обратно, София. Во всяком случае, это делают подавленные мысли и импульсы. Мы живем под постоянным «гнетом» этих мыслей, пытающихся прорваться назад из области бессознательного. Вот почему мы часто говорим или делаем вещи, которых «не имели в виду». Так бессознательные реакции могут управлять нашими чувствами и поступками.

— У тебя есть примеры?

— Фрейд оперирует несколькими такими механизмами, один из которых он называет *ошибочными действиями.* Имеются в виду обмолвки, описки и другие ошибки, которые мы делаем, поскольку в свое время постарались вытеснить какие-то вещи из сознания. Фрейд приводит в пример случай, когда бригадиру нужно произнести тост за здоровье начальника. К сожалению, шефа все не любили, потому что он был, что называется, «дерьмом».

— Да…

— И вот бригадир встал, торжественно поднял бокал и произнес: «Давайте же высрем за здоровье нашего шефа!»

— У меня нет слов.

— У бригадира тоже не было слов. Он, собственно, выразил то, что вертелось у всех на языке, хотя не собирался говорить ничего подобного. Хочешь еще пример?

— Да, пожалуйста.

— Однажды семья пастора, где было несколько очаровательных дочерей, ждала в гости епископа. А у этого епископа был несоразмерно большой нос, поэтому дочерям строго-настрого велели не упоминать о носе. Дети же часто выпаливают то, что у них на уме, именно в силу недостаточно сформировавшегося механизма вытеснения.

— И что было дальше?

— Епископ пожаловал в пасторскую усадьбу, и очаровательные дочери всячески старались ничего не сказать о его длинном носе. Более того: им вообще запретили смотреть на нос, велели забыть о нем. И девочки честно думали только о том, как бы его забыть. Но вот подали кофе, и младшей дочери поручили с сахарницей обойти гостей. Вытянувшись в струнку перед величавым епископом,

малышка сказала: «Позвольте предложить вам сахар к вашему носу».

— Бедная!

— Иногда мы прибегаем *к рационализации*, то есть и перед другими, и перед самими собой объясняем свои поступки не тем, что двигало нами на самом деле… потому что признаться в истинных мотивах слишком неловко.

— Пожалуйста, пример.

— Я могу загипнотизировать тебя и попросить открыть окно, когда я постучу пальцами по столу. Я барабаню по столу — и ты раскрываешь окно. Затем я спрашиваю тебя, почему ты это сделала. Ты можешь ответить, что тебе стало жарко, но это будет не настоящая причина. Просто ты не хочешь признаться себе, что послушалась моего гипнотического приказа, — и прибегаешь к «рационализации».

— Понятно.

— Мы, София, чуть ли не каждый день прибегаем к таким уловкам.

— Я уже говорила о своем двоюродном брате, которому сейчас четыре года. По-моему, с ним мало играют, во всяком случае, он всегда очень радуется моему приходу. Однажды я сказала, что мне нужно бежать домой, к маме. Знаешь, что он на это ответил?

— Нет!

— «Мама плохая».

— Совершенно верно, это был пример рационализации. Мальчик имел в виду совсем другое. Он хотел сказать: мне жалко, что ты уходишь, но постеснялся признаться в этом. Иногда мы также прибегаем к *проекции*.

— Переведи.

— Под проекцией понимается механизм приписывания окружающим качеств, наличие которых у себя мы стараемся вытеснить из сознания. Очень жадный человек, например, часто называет жадными других. Тот, кто не хочет признаться себе, что его интересует секс, зачастую будет первым бить тревогу по поводу чьей-то сексуальной озабоченности.

— Ясно.

— Фрейд утверждал, что в нашей обыденной жизни есть множество примеров таких неосознанных действий. Мы постоянно забываем, как зовут определенного человека, мы можем переставлять в комнате на первый взгляд совершенно случайные предметы, а при разговоре с кем-то теребить свою одежду. Кроме того, мы часто запинаемся в словах или делаем вроде бы совершенно невинные оговорки. Фрейд уверяет, что такие обмолвки далеко не всегда случайны и невинны. По его мнению, их следует рассматривать как «симптомы»; в частности, подобные «ошибочные» или «случайные» действия могут выдавать самые сокровенные тайны.

— Теперь я буду продумывать каждое свое слово.

— И все равно тебе не убежать от своих бессознательных импульсов. Главное — не слишком усердствовать в заталкивании неприятного в область бессознательного. Это похоже на затыкание норы, выкопанной водяной крысой: если ты слишком плотно заткнешь один ход, можешь быть уверена, что крыса вылезет в другом месте сада. Куда полезнее оставлять дверь между сознательным и бессознательным приотворенной.

— А если эту дверь запереть, то можно приобрести психическую болезнь?

— Да, невротик — это человек, который расходует слишком много сил на отталкивание «неприятного». Нередко он стремится вытеснить из сознания какие-то конкретные переживания, которые Фрейд называл *травмами.* Это слово греческого происхождения и означает «рана», «повреждение».

— Понятно.

— В ходе терапии Фрейд старался вскрыть запертую дверь — или же найти другой вход. Совместно с больным он пытался извлечь из бессознательного вытесненные переживания. Пациент ведь не осознает, что именно вытесняет, однако он может с помощью врача отыскать путь к скрытым травмам.

— И как врач помогает ему?

— Фрейд разработал так называемую *методику свободных ассоциаций.* Он позволял пациенту лежать в расслабленном состоянии и говорить обо всем, что приходит в голову, — какими бы несущественными, случайными, неприятными или

болезненными эти мысли ни казались ему самому. Тут главное — пробиться сквозь «броню» (или «контроль»), которой прикрыты травмы. Ведь на самом деле пациента волнуют именно травмы. Неосознаваемые, они тем не менее постоянно отражаются в его действиях.

— Чем больше усилий ты прилагаешь, стараясь что-нибудь забыть, тем больше этим занимается твое бессознательное?

— Совершенно верно. Вот почему важно прислушиваться к сигналам из бессознательного. По Фрейду, столбовая дорога к бессознательному идет через *сновидения.* Его главным трудом стала вышедшая в 1900 году книга «Толкование сновидений», в которой он доказал, что мы видим во сне отнюдь не случайные вещи. Через сны наши бессознательные мысли стремятся «достучаться» до сознания.

— Продолжай!

— После многих лет собирания снов среди больных — и, разумеется, после анализа собственных сновидений — Фрейд приходит к выводу, что все сны связаны с *исполнением желаний.* Это особенно заметно у детей, говорит он: они видят во сне мороженое и вишни. У взрослых такие желания (которые сон и призван исполнить) нередко замаскированы. Ведь даже во сне у нас действует строгая *цензура,* различающая, что мы можем и чего не можем себе позволить. Правда, во сне эта цензура, или механизм вытеснения, действует слабее, чем наяву. И все же она достаточно строга, чтобы искажать желания, в которых нам не хочется признаваться.

— Поэтому сны нужно истолковывать?

— Фрейд доказывает, что необходимо различать сон, каким мы его помним наутро, и подлинный смысл сновидения. Сами картинки — то есть «фильм» или «видеофильм», который мы видим во сне, — Фрейд называл *явным содержанием сновидения.* Это «очевидное» содержание сна обычно черпает материал — реквизит и декорации — из предыдущего дня. Однако сон имеет и более глубокий, недоступный сознанию смысл, который Фрейд называл *скрытыми мыслями сновидения.* Эти тайные мысли, составляющие подлинное содержание сна, могут вести свое

происхождение из далекого прошлого, в том числе из раннего детства.

— Значит, чтобы как следует понять сон, надо проанализировать его?

— Да, причем, когда речь идет о больных, делать это нужно вместе с терапевтом. И все же толкует сновидения не врач, который бессилен без содействия пациента. Терапевт тут выступает в роли Сократовой «повитухи» — он присутствует и помогает больному в процессе интерпретации.

— Понимаю.

— Само преобразование «скрытых мыслей сновидения» в его «явное содержание» Фрейд называл ***работой сновидения.*** **Мы говорим о «маскировке», или «кодировании», того, о чем на самом деле был сон. При толковании сна необходимо проделать обратную работу: «демаскировать», или «раскодировать», «мотив» сна, чтобы доискаться до «темы» сновидения.**

— Ты не мог бы подкрепить это примером?

— В книге Фрейда таких примеров множество. Но давай лучше возьмем для иллюстрации собственный пример — очень простой и очень фрейдистский. Предположим, юноша видит во сне, как двоюродная сестра дарит ему два шарика…

— Да…

— Я хочу, чтоб ты сама попробовала истолковать сон.

— Гммм… «Явное содержание сновидения» будет в точности таким, как ты сказал: двоюродная сестра дарит ему два шарика.

— Дальше!

— Еще ты сказал, что весь «реквизит» сновидения заимствуется из предыдущего дня. Значит, накануне юноша ходил в парк с аттракционами… или видел шарики на фотографии или в газете.

— Это возможно, хотя ему достаточно было увидеть слово «шарик»… или хотя бы предмет, похожий на шарики.

— Но какие тут «скрытые мысли сновидения», то есть о чем говорится в этом сне на самом деле?

— Ты у нас сейчас толкователь снов.

— Может, ему просто хотелось иметь пару шариков?

— Нет, такое объяснение не годится. Ты права, что сон должен быть связан с исполнением желания. Но взрослый человек вряд ли мечтает о шариках. Если бы у него и было подобное желание, он бы не мечтал о них, а пошел бы и купил.

— Кажется, я знаю: на самом деле он хотел переспать с кузиной, и шарики означают ее груди.

— Это уже более правдоподобно. Единственное условие — молодой человек должен испытывать неловкость от своего желания.

— Потому что наши сны как бы прикрываются шариками и прочим?

— Да, Фрейд утверждал, что сновидения — это «замаскированное исполнение вытесненных желаний». Что именно мы вытесняем, могло сильно измениться с тех пор, как Фрейд проводил в Вене свои сеансы психотерапии, но сам механизм маскировки, вероятно, остался неизменным.

— Ясно.

— Фрейдистский психоанализ приобрел огромное значение в 20-х годах, прежде всего при лечении душевнобольных. Кроме того, учение о бессознательном сыграло важную роль для литературы и искусства.

— Ты хочешь сказать, что люди искусства стали больше интересоваться бессознательным миром человека?

— Именно так. Впрочем, в литературе эта тенденция проявилась уже в последние десятилетия XIX века, то есть раньше, чем началось знакомство с психоанализом. Это означает лишь одно: что приход Фрейда к психоанализу в 90-х годах отнюдь не был случайностью.

— Это было веяние времени?

— Фрейд, кстати, не утверждал, что сам «изобрел» такие явления, как вытеснение, ошибочные действия или рационализация. Он лишь первым привлек в психиатрию опыт человеческой жизни. Помимо всего прочего, Фрейд умело иллюстрировал свою теорию примерами из книг. Но я говорил, что с 20-х годов XX века уже психоанализ оказывает прямое воздействие на литературу и искусство.

— Каким образом?

— Писатели и художники стали использовать в своем творчестве силы подсознания. Этим, в частности, занимались сюрреалисты.

— Почему их так назвали?

— «Сюрреализм» — французское слово, которое переводится как «сверхреализм». В 1924 году *Андре Бретон* выпустил «Манифест сюрреализма», призывая в нем творить произведения искусства с помощью бессознательного. Художник, мол, должен в порыве свободного вдохновения вытаскивать на свет Божий образы сновидений и фантазий, должен тянуться к «сверхреальности», в которой отсутствует грань между реальным и воображаемым. Художнику также необходимо покончить с цензурой сознания, и тогда поток слов и образов польется сам собой.

— Понимаю.

— Фрейд фактически доказал, что все люди — художники. Ведь сновидение — тоже произведение искусства, а сны мы видим каждую ночь. При толковании сновидений Фрейду зачастую приходилось продираться сквозь частокол символов — примерно так же, как приходится нам при интерпретации живописного полотна или литературного текста.

— А мы видим сны каждую ночь?

— Согласно новейшим исследованиям, мы видим сны 20 процентов всего времени, которое спим, то есть два-три часа за ночь. Если фазы сна нарушаются, мы делаемся раздражительными и нервными. Фактически это означает, что все мы обладаем врожденной потребностью претворять свою экзистенциальную ситуацию в искусство. Герои наших сновидений — мы сами. Мы же осуществляем их постановку, создаем для сцены декорации, исполняем все роли. Человек, утверждающий, что ничего не смыслит в искусстве, плохо знает самого себя.

— Ага.

— Помимо всего прочего, Фрейд убедительно доказал фантастические способности нашего сознания. Работа с пациентами привела его к выводу, что все виденное и пережитое нами сохраняется в глубине сознания. И все такие впечатления

можно оттуда извлечь. Когда у нас возникает ощущение «железного занавеса», потом что-то «вертится на языке», и нас вдруг «осеняет», — речь идет как раз о некоем воспоминании, которое скрывалось в бессознательном, а затем прошмыгнуло через приоткрытую дверь в сознание.

— Иногда такой процесс идет туго.

— О чем известно каждому человеку искусства. Но внезапно перед тобой распахиваются все двери и раскрываются все архивы. На тебя обрушивается целый поток слов и образов, из которых ты можешь выбирать нужные тебе в эту минуту. Так бывает, когда мы «приоткрываем дверцу», ведущую к бессознательному, и этот процесс, София, называется *вдохновением.* Вот почему нам кажется, что наши произведения — будь то живописные или литературные — творим не мы сами.

— Это должно быть удивительное ощущение.

— Оно наверняка знакомо и тебе. Такое состояние вдохновения хорошо изучать на уставших детях. Иногда от чрезмерной усталости дети возбуждаются и начинают что-то рассказывать словами, которые они вроде бы еще не умеют употреблять. На самом деле эти слова и мысли лежали «спрятанные» в их сознании и только теперь — когда ослабла цензура и дети забыли об осторожности — изливаются вовне. Художнику тоже бывает важно снять контроль разума над более или менее свободным раскрытием подсознательного. Хочешь, я расскажу тебе в виде иллюстрации коротенькую притчу?

— Конечно!

— Притча эта очень серьезная и очень печальная.

— Рассказывай же.

— Жила-была на свете сороконожка, которая замечательно выплясывала всеми своими многочисленными ножками. Когда она заводила танец, посмотреть на него собирались звери со всего леса. Грациозный сороконожкин танец приводил в восхищение всех животных, кроме одного. Он очень не нравился жабе…

— Она просто завидовала.

— «Как же заставить сороконожку прекратить свои пляски?» — думала жаба. Сказать, что танец ей не нравится, жаба не могла. Сказать, что сама она танцует лучше, — тем более, поскольку

нелепость такого утверждения была бы слишком очевидна. И жаба изобрела дьявольскую хитрость.

— Какую?

— Она засела за письмо сороконожке. «О несравненная сороконожка! — написала она. — Я — верная поклонница твоего изумительного искусства, и мне очень хотелось бы знать, какие шаги ты делаешь во время танца. Начинаешь ли ты танец с левой двадцать восьмой ноги, а потом шагаешь правой девятнадцатой? Или ты сначала поднимаешь правую шестую ногу, а следом — правую же тридцать девятую? С нетерпением жду ответа. Обнимаю, жаба».

— Фу-ты ну-ты!

— Получив письмо, сороконожка тут же принялась думать, как именно она танцует. Какую ногу она поднимает первой, а какую — второй? И что, ты полагаешь, случилось дальше?

— Я полагаю, сороконожка больше не смогла танцевать.

— Да, тем дело и кончилось. И так бывает всегда, когда воображение подавляется разумом.

— История действительно оказалась грустной.

— Итак, для художника важно «раскрепостить себя».

Сюрреалисты пытались добиться состояния, при котором все получалось бы само собой. Взяв белый лист бумаги, они начинали писать — не задумываясь о том, что пишут. Такой способ они называли *автоматическим письмом*, заимствовав это выражение из спиритизма, где «медиум» считал, что его пером водит дух умершего. Но это я собирался обсудить подробнее завтра.

— Замечательно!

— Художник-сюрреалист — тоже своеобразный медиум, иначе говоря, посредник. Он служит посредником для собственного подсознания. Впрочем, элемент бессознательного присутствует в любом творческом процессе. Ведь что мы называем «творчеством»?

— Не знаю. Создание чего-то нового?

— Верно, причем создается оно благодаря тонкому взаимодействию воображения с разумом. Очень часто разум подавляет воображение, и это прискорбно, поскольку без

воображения невозможно создать ничего поистине нового. В общем, воображение — нечто вроде системы дарвинизма.

— Прошу прощения, но последнего я не поняла.

— Согласно дарвинизму, в природе постоянно происходят мутации, но она может использовать лишь некоторые из этих мутантов. Лишь единицы получают право на жизнь.

— И что?

— Так же бывает, когда нас охватывает вдохновение и нам в голову приходит множество идей. В нашем сознании возникает один «мыслительный мутант» за другим — во всяком случае, если мы не подвергаем себя слишком строгой цензуре. Но только немногие из этих идей подлежат использованию. Тут вступает в свои права разум, который тоже играет немаловажную роль: если у нас на столе дневной улов, его нужно рассортировать.

— Мне нравится сравнение идей с рыбой.

— Представь себе, что всему «осеняющему» нас, всем нашим «озарениям» позволено было бы сходить у нас с языка! Или со страниц блокнота для записей… Или, скажем, покидать ящики письменного стола. Тогда, София, мир был бы просто затоплен случайными, поверхностными мыслями, поскольку не происходило бы никакого «отбора».

— А отбор среди озарений производит разум?

— Да, как иначе? Хотя новое, вероятно, создается воображением, отбор производит явно не оно, «компоновкой» материала занимается не фантазия. Композиция — которой, по сути дела, и является любое произведение искусства, — возникает из удивительного взаимодействия воображения и разума, духовного и умозрительного. В каждом акте творчества присутствует элемент случайности, и на определенном этапе важно не отгородиться от таких случайных идей. Овечек нужно сначала выпустить из загона, а уже потом пасти.

Альберто снова молча смотрел в окно. София тоже выглянула и увидала целый калейдоскоп красок: на берегу озерца копошилось несметное множество диснеевских героев.

— Это Гуфи! — воскликнула она. — А вон Дональд Дак с племянниками… и Дейзи… и дядя Скрудж. Смотри, Чип и Дейл!

Ты слышишь меня, Альберто? Тут и Микки Маус, и Плуто!

— Да, и это очень печально, дитя мое, — обернулся к ней Альберто.

— Почему?

— Майор выпускает своих овечек, а мы вынуждены беспомощно взирать на его развлечения. Я, конечно, сам виноват. Ведь это я завел разговор о свободном полете фантазии.

— Только не надо винить себя.

— Я еще собирался сказать, что воображение необходимо и для нас, философов. Чтобы придумать что-то новое, мы тоже должны раскрепоститься и отпустить себя на волю. Но тут уже не раскрепощенность, а распущенность.

— Не принимай близко к сердцу.

— Я собирался поговорить о важности спокойного созерцания и раздумий. А майор присылает к нам эту вакханалию цветов и шутовства. Как ему не стыдно!

— Ты иронизируешь?

— Иронизирует он, а не я! Впрочем, у меня есть одно утешение, которое и составляет основу моего плана.

— Ничего не понимаю.

— Мы говорили о сновидениях и воображении. В этом тоже есть доля иронии. Ведь мы с тобой не более чем образы в голове майора, верно?

— Предположим…

— Но он не учел кое-чего еще.

— Чего?

— Пускай ему известно все, что рисует его фантазия. Он в курсе наших речей и поступков — как человек, видевший сон, помнит «явное содержание сновидения». Все-таки его пером водит он сам. Однако даже если он помнит все наши разговоры, не всё поддается его восприятию.

— Что значит — не всё?

— Ему неведомы «скрытые мысли сновидения», София. Он забывает, что все происходящее — тоже замаскированное сновидение, или греза.

— Странные ты ведешь речи.

— Майор тоже считает их странными, потому что не понимает языка собственных грез. Нам же остается только радоваться этому. Мы получаем свободу действий, воспользовавшись которой мы скоро вырвемся из его замутненного сознания и глотнем свежего воздуха, как летом выбираются погреться на солнце водяные крысы.

— Ты думаешь, мы сумеем?

— Обязаны суметь. Через два дня у тебя над головой будет новое небо. И тогда майор больше не будет знать ни где сейчас его крысы, ни где они объявятся в следующий раз.

— Хоть мы с тобой всего лишь грезы, у меня пока есть мама. Уже пять часов, она вернулась домой, и мне пора бежать к Капитанскому повороту — готовить философический прием.

— Гмм… Ты не могла бы оказать мне по дороге небольшую услугу?

— Какую?

— Постарайся быть как можно заметнее, чтобы майор до самого дома не спускал с тебя глаз. Попробуй по дороге думать о нем — тогда и он будет думать о тебе.

— А что это даст?

— Тогда я смогу без помех работать над тайным планом. Я нырну поглубже в майорово подсознание, София, и останусь там до нашей следующей встречи.

НАШЕ ВРЕМЯ

…человек осужден быть свободным…

Будильник показывал 23.55. Хильда лежала в постели и смотрела в потолок, стараясь вызвать у себя поток свободных ассоциаций. Всякий раз, когда их цепь прерывалась, она спрашивала себя, в чем дело.

Не пытается ли она вытеснить что-то в бессознательное?

Если бы ей удалось полностью отключить цензуру, возможно, она бы стала грезить наяву. От этой мысли Хильде сделалось не по себе.

По мере того как она расслаблялась, отдаваясь нахлынувшим мыслям и образам, ей все больше казалось, что она находится в усадьбе Майорстуа — либо на берегу озера, либо в лесу.

Что там замышляет Альберто? Собственно, это папа замыслил, что Альберто что-то замышляет. А знал ли он, что у Альберто на уме? Может быть, папа пытался настолько ослабить вожжи, чтобы финал оказался неожиданностью для него самого?

Страниц в рукописи оставалось совсем мало. Не заглянуть ли в конец? Нет, это будет нечестно. И потом, Хильда совершенно не была уверена, что развязка сюжета уже определена.

Почему ей пришла в голову такая мысль? Ведь папка лежит рядом, и отец не сумеет ничего в нее добавить. Разве что Альберто натворит что-нибудь без его ведома. Придумает какой-нибудь сюрприз…

Хильде нужно и самой позаботиться о сюрпризах. Ее-то отец не контролирует. И все же сама ли она контролирует себя?

Что такое сознание? Одна из величайших загадок Вселенной? Что такое память? Что заставляет нас помнить все, что мы когда-либо видели и чувствовали?

Каким образом мы каждую ночь навеваем себе причудливые сны?

В задумчивости Хильда время от времени закрывала глаза и однажды забыла их открыть.

Она заснула.

Когда ее разбудил пронзительный крик чаек, часы показывали 6.66 [53]. Смешная цифра, а? Хильда встала с кровати, подошла к окну и окинула взглядом залив. Она делала это по привычке и летом, и зимой.

И вдруг у нее в голове словно вспыхнула радуга. Хильда вспомнила свой необычный сон: и яркими красками, и четкостью образов он скорее походил на явь…

Ей снилось, как приезжает из Ливана папа, и весь сон был словно продолжением сна Софии, когда та нашла на причале золотой крестик.

Хильда сидела на мостках — точь-в-точь как София в своем сне. И вдруг до нее донесся слабый голосок: «Меня зовут София!» Хильда застыла на месте, пытаясь определить, откуда слышится этот замирающий голос. Казалось, у нее над ухом пищит крохотное насекомое: «Значит, ты слепая и глухая». В следующий миг в сад вошел папа в форме сил ООН. «Хильдемур!» — позвал он. Хильда помчалась к папе и кинулась ему на шею. На этом сон кончился.

Она вспомнила несколько строк из стихотворения *Арнульфа Эверланна:*

Меня пробудил удивительный сон,
В котором мне голос звучал, приглушен,
Как глухо журчит подземный ручей.
Я тут же вскочил: «Откуда ты, чей?»

Пока Хильда стояла у окна, в комнату вошла мама.

— Привет! Ты уже совсем проснулась?

— Не знаю…

— Я вернусь, как всегда, около четырех.

— Отлично.

— Желаю тебе хорошего начала каникул, Хильда.

— Счастливо!

Услышав захлопнувшуюся за мамой входную дверь, Хильда шмыгнула обратно в кровать и раскрыла папку.

«…Я нырну поглубже в майорово подсознание, София, и останусь там до нашей следующей встречи».

Ага, вот тут! Хильда принялась читать дальше. На ощупь страниц в папке оставалось совсем не много.

Когда София вышла из Майорстуа, на берегу озера еще виднелись Дональд Дак и другие герои Диснея, которые по мере ее приближения словно рассеивались в воздухе. Во всяком случае, не успела она подойти к лодке, как их и след простыл.

И в лодке, и потом, уже затащив ее в заросли тростника, София строила рожи и размахивала руками: старалась отвлечь майора, чтоб Альберто мог без посторонних глаз посидеть в Майорстуа.

Добежав до тропинки, она сделала несколько диких прыжков и стала изображать марионетку, которую дергают за ниточки. Вскоре, чтобы майору не наскучило наблюдать за ней, она еще и запела.

На полпути София остановилась поразмышлять, какой план вынашивает Альберто. Поймав себя на этом, она от угрызений совести полезла на дерево.

София забралась почти на самую верхушку, попробовала спуститься — и обнаружила, что самой ей не слезть. Она, конечно, не собиралась так легко сдаваться и готовилась предпринять новые попытки, но не могла же она просто сидеть на дереве, переводя дух. Тогда майору наскучит смотреть на нее, и он переключится на Альберто и его занятия.

София замахала руками, закукарекала и, наконец, запела на тирольский манер. Учитывая, что это был ее первый в жизни опыт, София осталась вполне довольна результатом.

Она снова попыталась слезть с дерева, но поняла, что застряла безнадежно. И тут, откуда ни возьмись, появился упитанный гусь, который сел на ветку рядом с Софией. После нашествия диснеевских героев София ни капельки не удивилась, когда гусь заговорил.

— Меня зовут Мортен[54], — сказал он. — Вообще-то я домашний, но сейчас я прилетел из Ливана со стаей диких гусей. Похоже, тут кто-то нуждается в помощи.

— Ты не можешь мне помочь, ты слишком маленький, — ответила София.

— Никогда не надо спешить с выводами. Может, это барышня слишком большая?

— Какая разница?

— Да будет тебе известно, что я пронес над всей Швецией одного деревенского мальчика. Его звали Нильс Хольгерссон.

— Мне же пятнадцать лет!

— А Нильсу было четырнадцать. Годом меньше, годом больше — не все ли равно?

— Как ты умудрился поднять его?

— Ему дали затрещину, от которой он грохнулся в обморок. А пришел в себя уже мальчиком с пальчик.

— Тогда дай и мне затрещину! Не могу же я сидеть тут до скончания века. У меня в субботу философический прием в саду.

— Ой, как интересно! Значит, я попал в философскую книгу. Мы с Нильсом останавливались на ночлег в Морбакке, в провинции Вермланд. Там Нильс познакомился с пожилой женщиной, которая собиралась написать детскую книгу о Швеции. Она хотела сделать ее познавательной и абсолютно правдивой. Услышав о приключениях Нильса, она решила сочинить книгу о том, что он видел, путешествуя с гусями.

— Здорово она придумала.

— Она отчасти сыронизировала, потому что мы и так были героями ее книги.

Легкий удар по щеке… и София превратилась в крошку, дерево — в дремучий лес, а гусь оказался размером с коня.

— Ну вот, можешь садиться, — сказал гусь.

София прошла по ветке и взобралась ему на спину. Теперь, когда она стала крошечной, мягкие гусиные перья не столько щекотали, сколько кололись.

Стоило ей усесться, как гусь взлетел и поднялся высоко над лесом. София увидела озеро и избушку, в которой строил хитроумные планы Альберто.

— Наша обзорная экскурсия подходит к концу, — сказал гусь, усердно работая крыльями.

С этими словами он зашел на посадку у подножия дерева, на которое совсем недавно влезла София. Когда гусь приземлился, София скатилась с его спины. Покувыркавшись в зарослях вереска, она села и с удивлением обнаружила, что обрела свой обычный рост.

Гусь вразвалочку обошел ее кругом.

— Большое спасибо за помощь, — проговорила София.

— Пустяки. Ты, кажется, сказала, что это книжка по философии?

— Это не я сказала, а ты.

— Какая разница? Если б это зависело от меня, я бы с удовольствием попутешествовал с тобой по всей истории философии, как мы с Нильсом странствовали по всей Швеции. Мы бы покружились над Милетом и Афинами, Иерусалимом и Александрией, Римом и Флоренцией, Парижем и Лондоном, Йеной и Хайдельбергом, Берлином и Копенгагеном…

— Спасибо, достаточно.

— Но даже для такого ироничного гуся, как я, было бы весьма затруднительно перелетать из одного века в другой. Куда проще пересекать границы шведских ленов.

С этими словами гусь разбежался — и взмыл в воздух.

София чувствовала себя совершенно разбитой, и все же, пролезая через Тайник, она думала о том, что Альберто должен остаться доволен ее отвлекающим манёвром. За последний час майору явно было не до Альберто. А если он о нем и вспоминал, значит, его ожидает раздвоение личности.

София успела шмыгнуть в дом перед самым маминым носом. Это избавило ее от необходимости объяснять, как она застряла на дереве и как ей помог спуститься говорящий гусь.

После ужина мама с дочкой занялись приготовлениями к празднику. Прежде всего они вытащили с чердака столешницу метра этак в четыре длиной и отнесли ее в сад. Затем пришлось снова лезть на чердак — за козлами, на которых она устанавливалась.

Огромный стол решили накрыть под яблонями. Последний раз его выносили в сад, когда праздновали десятилетие родительской свадьбы. Это было семь лет назад, но София хорошо помнила торжество, на которое собрались все родные и друзья, от мала до велика.

Погоду на субботу обещали замечательную. После страшной грозы, разразившейся накануне Софииного дня рождения, не пролилось ни капли дождя. Тем не менее накрытие стола и

украшение сада отложили на утро 23-го. Мама была довольна уже тем, что стол установлен и ждет своего часа.

Вечером они замесили два вида теста и испекли булочки и халы. Угощать решили курицей с салатом. Из напитков — подать кока-колу и фруктовую воду. София очень боялась, как бы кто-нибудь из одноклассников не принес пива. Не хватало только скандалов.

Прежде чем София отправилась спать, мама на всякий случай переспросила, придет ли Альберто.

— Конечно, придет. Он даже обещал проделать философический кунштюк.

— Философический кунштюк? Что это такое?

— Ну… если бы он был фокусником, он бы наверняка показал фокус. Скажем, извлек бы из черного цилиндра белого кролика…

— Опять кролик?

— …но он философ и хочет продемонстрировать свой, особый фокус. Прием у нас, между прочим, будет философический.

— Да, ты за словом в карман не лезешь.

— Может, и ты с чем-нибудь выступишь?

— Непременно, София. С чем-нибудь да выступлю.

— С речью?

— Это секрет. Доброй ночи!

Наутро София проснулась оттого, что мама зашла к ней попрощаться перед работой. Еще она оставила Софии список того, что нужно купить в городе для приема.

Сразу после маминого ухода зазвонил телефон. Это был Альберто, который прекрасно усвоил, когда ее можно застать дома одну.

— Как дела с твоими тайнами?

— Тссс! Ни слова. Не давай ему повода даже задуматься об этом.

— По-моему, я вчера очень удачно отвлекала внимание на себя.

— Молодец.

— Ты хочешь продолжить занятия?

— Потому и звоню. Мы уже дошли до XX века. Теперь тебе будет нетрудно самой ориентироваться в пространстве. Главное

было заложить основу. И все же я попросил бы тебя ненадолго прийти, чтобы поговорить о нашем времени.

— Но мне нужно в город…

— Вот и отлично. Я же сказал, что беседа пойдет о нашем времени.

— И что?

— Значит, хорошо находиться именно в этом времени.

— Зайти к тебе домой?

— Ни в коем случае. Тут беспорядок. Я лазил по углам и искал подслушивающие устройства.

— Что ты говоришь…

— На другой стороне Стурторгет появилось новое кафе с французским названием, «CafePierre». Ты знаешь его?

— Да. Когда мне там быть?

— Тебе удобно в двенадцать?

— В двенадцать, в кафе.

— Договорились.

— Пока!

В самом начале первого София заглянула в «Кафе Пьер». Кафе было из новомодных: круглые столики и черные стулья, бутылки вермута с особыми пробками (из которых легко наливать, не разбрызгивая), бутерброды на французских батонах и порционные салаты…

В небольшом помещении София с первого взгляда заметила, что Альберто там нет. Вернее сказать, она заметила это не только с первого, но и со второго, и с третьего взгляда. За столиками сидело много других людей, однако София во всех лицах видела одно: это не Альберто.

Она не привыкла ходить по кафе в одиночку. Может, повернуться и зайти позже проверить, не пришел ли Альберто?

Она подошла к мраморной стойке и заказала чашку чая с лимоном. Получив ее, София села за один из свободных столиков. Она не сводила глаз с двери. Народ входил и выходил, но София отмечала про себя лишь одно: Альберто среди приходящих нет.

Хоть бы газета была в руках, что ли!

Через некоторое время София все же начала поглядывать по сторонам. В двух-трех случаях на ее взгляд ответили. София

почувствовала себя барышней. Ей было всего пятнадцать, но могли дать и семнадцать… или, во всяком случае, шестнадцать с половиной.

Задумываются ли эти посетители, для чего живут? Нет, скорее они просто существуют, просто пришли и сели за столики. Все без умолку болтали, сопровождая речь энергичной жестикуляцией, однако разговоры, похоже, шли обо всяких пустяках.

София мгновенно вспомнила Киркегора, который утверждал, что отличительный признак большинства — ни к чему не обязывающая «болтовня». Интересно, эти люди живут на эстетической стадии или что-то все же имеет для них экзистенциальное значение?…

В одном из своих первых посланий Альберто писал о внутреннем сходстве детей и философов. София опять подумала, что боится взрослеть. Вдруг она тоже зароется поглубже в мех белого кролика, которого извлекают из цилиндра Вселенной?

Размышляя, она ни на минуту не спускала глаз с входа. И наконец в дверь неторопливой походкой вплыл Альберто. Несмотря на разгар лета, он был в черном берете и укороченном сюртуке из серой материи в «елочку». Заметив Софию, он решительно направился к ней. Свидание с Альберто в общественном месте, на виду у всех, было для Софии в новинку.

— Уже четверть первого, охламон.

— Это называется академической четвертью[55]**. Не могу ли я чем-нибудь угостить фрекен?**

Он сел и заглянул Софии в глаза.

— Не знаю, — пожала плечами она. — Разве что булочкой…

Альберто отошел к стойке и вскоре вернулся с чашкой кофе и двумя большими «багетами» с ветчиной и сыром.

— Дорого заплатил?

— Пустяки, София.

— Может, у тебя хоть есть оправдание, почему ты опоздал?

— Нету, потому что я сделал это нарочно. Подробности объясню позже.

Несколько раз откусив бутерброд, Альберто продолжал:

— Сегодня разговор у нас пойдет о XX веке.

— А в нем тоже происходили события философского значения?

— Еще бы, их было столько, что глаза разбегаются. Прежде всего мы с тобой коснемся такого важного течения, как *экзистенциализм.* Это название объединяет несколько философских школ, для которых основу основ составляло экзистенциальное положение человека. В XX веке «философия существования» стала едва ли не доминирующей. Многие философы существования, или экзистенциалисты, исходили из Киркегора, а также из Гегеля и Маркса.

— Понятно.

— Еще одним видным философом, который приобрел особое значение в XX веке, был немец *Фридрих Ницше,* живший с 1844-го по 1900 год. Ницше по-своему реагировал на философию Гегеля и немецкий «историзм». Анемичному интересу к истории и тому, что он называл христианской «рабской моралью», Ницше противопоставлял самое жизнь. Он хотел предпринять «переоценку всех ценностей», чтобы слабые не мешали жизни сильных. Согласно Ницше, как христианство, так и философская традиция отворачивались от реального мира, указуя либо на «небеса», либо на «мир идей». Но тот мир, который они считали «настоящим», на самом деле лишь «совокупность иллюзий». «Оставайтесь верны земле, — призывал Ницше, — и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах!»

— Предположим…

— Под большим влиянием и Киркегора, и Ницше находился немецкий экзистенциалист *Мартин Хайдеггер.* Но мы с тобой уделим основное внимание французскому философу *Жану-Полю Сартру,* который родился в 1905-м и умер в 1980 году. Именно он был наиболее ярким представителем экзистенциализма — во всяком случае, для широкой публики. Его экзистенциальная философия получила особое развитие в 40-е годы, сразу после Второй мировой войны. Впоследствии Сартр примкнул к марксистскому движению во Франции, хотя ни в какую партию он не вступал.

— Ты поэтому назначил встречу во французском кафе?

— Не буду утверждать, что это получилось случайно. Сартр и сам был завсегдатаем кафе. В таких кафе он, например,

встречался со спутницей своей жизни *Симоной де Бовуар.* Она тоже была философом-экзистенциалистом.

— Женщина-философ?

— Совершенно верно.

— Мне кажется замечательным, что человечество наконец-то становится более цивилизованным.

— Но в наше время появилось и много новых поводов для беспокойства.

— Ты собирался рассказать об экзистенциализме.

— Сартр говорил: «Экзистенциализм — это гуманизм», подразумевая под этим, что экзистенциалисты исходят исключительно из самого человека. Вероятно, следует прибавить, что их гуманизм куда более мрачно смотрит на положение человека, чем гуманизм, с которым мы сталкивались в эпоху Возрождения.

— Почему?

— И Киркегор, и кое-кто из экзистенциалистов XX века были верующими. Сартр же относится к так называемому атеистическому экзистенциализму. Его философию можно рассматривать как безжалостный анализ положения человека после того, как «Бог умер». Выражение «Бог умер» ведет свое происхождение от Ницше.

— Дальше!

— Ключевое слово в философии Сартра то же, что и у Киркегора, «существование», или «экзистенция», однако под «существованием» разумеется не просто пребывание на этом свете. Растения и животные тоже вроде бы тут, тоже обладают бытием, но их не волнует вопрос о том, что оно значит. Человек — единственное живое существо, которое осознает свое существование. По Сартру, физические вещи существуют лишь «в себе», тогда как человек существует и «для себя». Вот почему быть человеком — совсем не то же, что быть вещью.

— Не могу не присоединиться к этой точке зрения.

— Далее Сартр утверждает, что человеческое существование предшествует любому его смыслу. Другими словами, сам факт моего бытия важнее того, что я из себя представляю. «Существование предшествует сущности», — говорил он.

— Сложный тезис.

— Под «сущностью» мы понимаем то, из чего состоит какая-либо вещь, — ее «натуру», или «суть». Но, по Сартру, человек не обладает врожденной «натурой», а потому должен создавать себя сам. Ему приходится создавать свою натуру, или «сущность», так как она не дается ему изначально.

— Кажется, я понимаю, что он имеет в виду.

— На протяжении всей истории философии мыслители пытались ответить на вопрос о том, что такое человек — или какова его натура. По Сартру же выходило, что человек не может опереться на неизменную «натуру», а потому бесполезно и доискиваться «смысла» жизни вообще. Иначе говоря, мы обречены на импровизацию. Мы находимся в положении актеров, которых выпустили на сцену без заранее выученной роли, без текста и даже без суфлера, который бы шептал нам на ухо, что делать. Нужно самим выбирать, как жить.

— Это отчасти верно. Было бы просто чудесно, если бы можно было раскрыть Библию (или, скажем, учебник философии) и прочитать, как нам следует жить.

— Ты ухватила главное. Но, когда человек осознает, что он существует и что со временем ему предстоит умереть, а смысл всего этого постичь невозможно, — тогда, говорит Сартр, возникает страх. Возможно, ты помнишь, что страх присутствовал и в Киркегоровом описании человека в экзистенциальной ситуации.

— Да.

— Сартр также говорит, что человек чувствует себя *чужим* в мире, не имеющем смысла. Описывая «отчуждение» человека, он одновременно развивает центральные идеи в учениях Гегеля и Маркса. Ощущение чуждости миру создает у человека чувство отчаяния, тоски, отвращения, а также абсурдности существования.

— До сих пор очень многие впадают в «депрессуху» или утверждают, что кругом сплошной «отврат».

— Да, Сартр ведь изображает городского жителя XX века. Возможно, ты припоминаешь, как гуманисты Ренессанса едва ли не с торжеством указывали на свободу и независимость человека.

Сартр же видел в свободе человеческое проклятие. «Человек осужден быть свободным, — писал он. — Осужден, потому что не сам себя создал; и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает».

— Мы никого не просили сотворять нас свободными личностями.

— На этом настаивает и Сартр. Но мы уже стали свободными личностями и из-за своей свободы обречены всю жизнь делать выбор. Мы не можем ориентироваться на какие-то вечные ценности или нормы, поскольку таковых не существует. От этого наш выбор приобретает еще большее значение. Ведь мы *несем полную ответственность* за свои действия. Сартр подчеркивает, что человек не вправе снимать с себя ответственность за свои поступки. Вот почему мы не можем и отмахиваться от ответственности за собственный выбор объяснениями, что «должны» идти на работу или «обязаны» считаться с определенными ожиданиями общества в отношении нашего образа жизни. Человек, который таким образом вливается в анонимную массу, становится лишенным индивидуальности человеком толпы. Он (или она) бежит от самого себя в обыденную ложь существования. Но свобода налагает на нас обязательство сотворить из себя кого-то, иначе наше существование не будет «подлинным».

— Ясно.

— В неменьшей степени это касается и этического выбора. Мы не имеем права сваливать все на «человеческую натуру», на «слабохарактерность человека» и прочее. Пожилые мужчины иногда начинают вести себя по-свински и еще оправдываются ссылками на «ветхого Адама». Никакого «ветхого Адама» не существует, он всего лишь образ, за который мы хватаемся, чтобы снять с себя ответственность за собственные поступки.

— Нельзя все на свете сваливать на этого несчастного.

— Хотя Сартр утверждает, что в бытии нет изначального смысла, это не значит, что ему нравится такое положение. Он не из тех, кого мы называем «нигилистами».

— Кто такой нигилист?

— Тот, кто отрицает всякий смысл существования и считает все дозволенным. Согласно Сартру, жизнь *обязана* иметь смысл, для него это императив. Но смысл своей жизни должны создавать мы сами. Существовать — значит творить собственное бытие.

— Ты не мог бы раскрыть это?

— Сартр пытается доказать, что, пока сознание чего-то не почувствовало, его нет, поскольку сознание всегда представляет собой *осознание* чего-либо. И это «что-либо» поставляется как окружением, так и нами. Мы сами участвуем в определении своих чувств тем, что выбираем вещи, значимые для нас.

— Можешь привести пример?

— Два человека, находящиеся в одном и том же помещении, могут тем не менее по-разному воспринимать его, потому что при восприятии окружающего мы привносим в него собственный смысл (или собственные интересы). Беременной женщине, например, может казаться, что кругом множество беременных. Это не значит, что раньше их не было, просто беременность приобрела для нее теперь особую значимость. Больному могут везде видеться машины «скорой помощи»…

— Понятно.

— Итак, наше собственное бытие определяет и наше восприятие вещей в пространстве. Если для меня что-то неважно, я его просто не вижу. Кстати, пришла пора объяснить, почему я опоздал на свидание с тобой.

— Ты сказал, что сделал это нарочно…

— Позволь мне сначала спросить, что ты увидела, войдя в кафе.

— Прежде всего я увидела, что тебя тут нет.

— Тебе не кажется странным, что ты прежде всего заметила то, чего нет?

— Возможно, но ведь я пришла встретить *тебя*.

— Для Сартра такое посещение кафе — пример того, как мы «игнорируем», «превращаем в ничто» все, что не имеет для нас значения.

— Ты опоздал, только чтобы это продемонстрировать?

— Да, чтобы ты поняла сей важный тезис философии Сартра. Можешь посчитать это классным заданием.

— Тьфу ты!

— Если ты влюблена и ждешь звонка от предмета своей страсти, ты можешь весь вечер «слышать» только одно: он не звонит. Весь вечер твое сознание не регистрирует ничего, кроме этого. Если ты договорилась встретиться с ним в поезде, а на перроне полно людей, среди которых ты не находишь своего возлюбленного, — ты не видишь их. Они лишь мешают, они несущественны для тебя. Возможно, они даже кажутся тебе неприятными, отвратительными. Они занимают чудовищно много места. Ты замечаешь только, что *его* среди них нет.

— Ясно.

— Симона де Бовуар пыталась применить экзистенциализм к вопросу о роли мужчины и женщины. Сартр указывал, что человек не может опереться на некую постоянную «натуру». Мы сами создаем из себя тех людей, которыми являемся.

— Так…

— То же самое относится и к нашему восприятию полов. Симона де Бовуар утверждала, что не существует сугубо «женской» или сугубо «мужской» натуры. Наши понятия о них связаны с традицией. Например, бытовало представление, что мужчина обладает «трансцендентальной» натурой, то есть склонностью преступать границы, а потому ищет смысл жизни и свое предназначение за пределами дома. О женщине принято было говорить, что она обладает противоположной жизненной установкой. Женщина «имманентна», то есть стремится быть там, где она есть, а потому привязана к семье, природе и ближайшему окружению. Сегодня мы скорее скажем, что женщину больше, чем мужчину, интересуют «мягкие ценности», иными словами, область чувств и практической жизни.

— Неужели она утверждала такое?

— Да нет, ты меня плохо слушала. Симона де Бовуар утверждала обратное: что мужской или женской натуры не существует и что мужчинам и женщинам следует освободиться от подобных укоренившихся предрассудков, или идеалов.

— Я с ней согласна.

— Ее главный труд вышел в 1949 году под названием «Второй пол».

— Что она имела в виду?

— Она имела в виду женщину, которую в нашем обществе сделали «вторым полом». Субъектом у нас выступает только мужчина, женщина же превращена в его объект. Помимо всего прочего, она таким образом лишена ответственности за собственную жизнь.

— Да?

— Эту ответственность ей нужно отвоевать назад. Она должна снова обрести себя, а не связывать свою личность исключительно с мужчиной. Фактически не только мужчина угнетает женщину, но и женщина угнетает себя, отдавая ответственность за свою жизнь другому.

— Наша свобода и независимость определяются теми рамками, которые мы сами для себя устанавливаем?

— Можно сказать и так. Экзистенциализмом оказались пронизаны литература и театр — начиная с 40-х годов и до сегодняшнего дня. Сам Сартр писал не только романы, но и пьесы. Среди видных экзистенциалистов-писателей следует также назвать француза *Камю*, ирландца *Беккета*, румына *Ионеско* и поляка *Гомбровича*. Всех их (как и многих других современных авторов) объединяет так называемый *абсурд*. Особенно часто говорят о «драме абсурда» или «театре абсурда».

— Точно.

— Ты понимаешь, что такое «абсурд»?

— Что-то бессмысленное и нелепое?

— Вот именно. Возникнув в противовес «реалистической драме», «драма абсурда» ставила своей целью показать на сцене бессмысленность бытия и вызвать реакцию публики. Иными словами, никто не собирался поклоняться бессмыслице. Напротив, выставлением и обнажением абсурда — например, в самых обыденных ситуациях — зрителя хотели подтолкнуть к поискам более насыщенного, подлинного существования.

— Продолжай.

— Драма абсурда зачастую изображает самые банальные положения, поэтому ее можно назвать «гиперреалистической». Человек выводится таким, какой он есть.

Но если вывести на театральной сцене, что самым обыкновенным утром происходит в ванной самого обыкновенного дома… зрители начнут смеяться. Этот смех можно толковать как защитную реакцию против узнавания на сцене самих себя.

— Понимаю.

— Драма абсурда может иметь и сюрреалистические черты. Представляемые на сцене люди нередко запутываются в самых невероятных, фантастических ситуациях. Поскольку они воспринимают свое положение безо всякого удивления, удивляться приходится публике — удивляться как раз отсутствию удивления. То же относится и к немым фильмам *Чаплина.* В его фильмах нередко смешит отсутствие у чаплинского героя удивления по поводу нелепых передряг, в которые он попадает. Зрителя таким образом вынуждают обратиться к самому себе, чтобы найти в глубине своей души что-то более правдивое и истинное.

— Даже странно, что люди часто мирятся со своим положением, никак на него не реагируя.

— Иногда достаточно подумать: я должен из этого выпутаться… пусть даже ты пока не знаешь, как быть дальше.

— Если в доме начинается пожар, нужно бежать оттуда, даже если тебе негде больше жить.

— Естественно. Ты не хочешь еще чаю? Или, может, кока-колу?

— Лучше кока-колу. А ты все равно охламон, что опоздал.

— Как-нибудь переживу.

Альберто вскоре вернулся с бутылкой кока-колы и чашкой «эспрессо». София между тем начала входить во вкус царившего в кафе оживления. И разговоры, которые велись за соседними столиками, больше не казались ей совершенно никчёмными.

Ставя бутылку, Альберто грохнул ею об стол. Многие посетители обернулись.

— Вот мы и подошли к концу пути, — произнес он.

— Ты хочешь сказать, что на Сартре и экзистенциализме история философии заканчивается?

— Нет, это было бы преувеличением. Философия экзистенциализма приобрела огромное влияние по всему миру. Как мы с тобой убедились, она уходит корнями назад, в учение

Киркегора, а через него — к самому Сократу. В XX веке пережили расцвет (и обновление) также другие философские течения, которые мы обсуждали раньше.

— Например?

— Например, ***неотомизм,*** **то есть учение, основанное на идеях Фомы Аквинского. Сюда же относится** ***аналитическая философия*** **(или** ***логический эмпиризм),*** **берущая начало от Юма и английского эмпиризма, а также от Аристотелевой логики. Но доминировал в философии XX века** ***неомарксизм*** **со своими многочисленными ответвлениями. О** ***неодарвинизме*** **и о значении психоанализа мы уже говорили.**

— Ясно.

— Последним в этом ряду следует назвать ***материализм*** **— течение, тоже уходящее корнями в далекое прошлое. Многое из современного научного знания обязано своим происхождением усилиям досократиков. До сих пор, например, продолжается поиск неделимых «элементарных частиц», из которых строится вся материя. До сих пор не найден однозначный ответ на вопрос о том, что такое «материя». Современные естественные науки — в частности, ядерная физика или биохимия — добились столь впечатляющих успехов, что для многих людей познания в этих областях составляют важную часть их мировоззрения.**

— Иными словами, старое вперемешку с новым?

— Пожалуй что так. Ведь вопросы, с которых мы начинали этот курс, по-прежнему остаются без ответа. Сартр был прав, утверждая, что на экзистенциальные вопросы нельзя ответить раз и навсегда. Философский вопрос — это по определению такой вопрос, который каждое поколение… да что там поколение — каждый человек должен ставить перед собой заново.

— Получается какая-то безнадега.

— Я бы так не сказал. Может быть, задаваясь подобными вопросами, мы лучше осознаем, что мы живем? Кроме того, испокон веку доискиваясь ответов на самые сложные вопросы бытия, люди находили ясные и четкие ответы на другие вопросы. Из философских размышлений возникли в свое время не только наука и научные исследования, но и техника. Разве не

любознательность по поводу границ бытия в конечном счете привела человека на Луну?

— Это точно.

— Когда Армстронг ступил на Луну, он сказал: «Это небольшой шаг для человека, но гигантский скачок для человечества». Делясь своими чувствами по поводу первого шага на Луне, астронавт взял в компанию всех, кто жил до него. Ведь это была не только его заслуга.

— Естественно.

— Нашему времени пришлось столкнуться и с совершенно новыми проблемами, в первую очередь с такой глобальной проблемой, как загрязнение среды. Не случайно одним из важных философских направлений XX века стала *экологическая философия.* Многие западные экофилософы указывают, что вся западная цивилизация идет по абсолютно ложному пути… более того, что этот путь чреват гибелью для нашей планеты. Они попытались копнуть глубже конкретных случаев загрязнения и уничтожения среды. По их убеждению, неверен сам образ мыслей западного человека.

— По-моему, они правы.

— Экофилософы, например, подвергли сомнению идею развития, которая основывается на главенстве человека: дескать, мы — хозяева природы. Такой способ рассуждения сам по себе может оказаться губительным для всего живого на Земле.

— Просто зло берет, когда думаешь об этом.

— Критикуя подобное мировоззрение, многие экофилософы заимствовали свои идеи у других культур, в частности у индийской. Чтобы вновь обрести хотя бы часть того, что мы утратили, они также изучили образ мыслей и обычаи так называемых «первобытных народов» и туземцев (например, индейцев).

— Ясно.

— В кругах естествоиспытателей за последние годы набирает силу идея о том, что все научное мышление стоит перед «сменой парадигмы», то есть перед изменением его основ. В некоторых областях науки такая смена мировоззрения уже принесла первые плоды. Мы видим много примеров «альтернативных движений»,

делающих акцент на целостном мышлении и пропагандирующих новый образ жизни.

— Прекрасно.

— В то же время люди всегда склонны путать Божий дар с яичницей. Кое-кто заявляет о нашем вступлении в совершенно новую эпоху, или в *«Новый век»*, по-английски — «NewAge». Но замена всего старого на новое не сулит ничего хорошего. Я не случайно решил заняться с тобой философией. Теперь у тебя есть историческая основа, которая поможет тебе ориентироваться в действительности.

— Спасибо за заботу.

— Думаю, многое из того, что пустилось в плавание под флагом «Нового века», покажется тебе шарлатанством, поскольку за последние десятилетия западный мир подвергся также нашествию «неорелигиозности» и «неооккультизма», то есть «современных предрассудков». Христианская вера перестала привлекать новых сторонников, и тогда на рынок мировоззрений было выброшено много нового «товара». От предложений не стало отбоя, так как появилась целая индустрия по их производству.

— Примеры?

— Их список настолько длинный, что я боюсь даже начинать. Кроме всего прочего, очень сложно описывать собственную эпоху, поэтому давай лучше прогуляемся по городу. Я хочу кое-что показать тебе.

— Мне нельзя очень задерживаться, — пожала плечами София. — Ты не забыл, что у меня завтра гости?

— Ни в коем случае, ведь на твоем приеме должно произойти чудо. Нам только нужно закончить Хильдин курс философии. Поскольку дальше этого курса майор не думал, его власть подходит к концу.

Альберто снова взял в руки бутылку — теперь уже пустую — и припечатал ее к столу.

Они вышли на улицу, по которой, напоминая шустрых муравьев в муравейнике, сновали люди. Софию разбирало любопытство, что же Альберто хочет ей показать.

Вскоре им на пути попался большой магазин электротоваров. Там продавалось все — от телевизоров, видеомагнитофонов и параболических антенн до радиотелефонов, компьютеров и факсов.

Указав на огромную витрину, Альберто сказал:

— Ты видишь перед собой XX век, София. Начиная с Ренессанса мир переживал нечто вроде взрыва. Благодаря великим географическим открытиям европейцы стали путешествовать по всему земному шару. Сегодня происходит противоположный процесс, который можно назвать обратным взрывом.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду сужение мира до одной-единственной компьютерной сети. А ведь не так давно философам, чтобы разобраться в бытии или познакомиться с другими мыслителями, приходилось путешествовать в карете, запряженной лошадьми. Сегодня мы можем, сидя перед компьютером в любом уголке планеты, вызывать к себе на экран весь опыт человечества.

— Даже жуть берет при мысли о такой фантастике.

— Теперь спрашивается: идет ли история к своему концу, или, напротив, мы стоим на пороге новой эры? Мы ведь теперь не просто граждане такого-то города или такого-то государства. Мы подданные планетарной цивилизации.

— Точно.

— За последние 30-40 лет развитие техники — в особенности техники связи — совершило такой рывок, какого, вероятно, не знала вся наша история. Причем не исключено, что все только начинается…

— Ты это хотел показать мне?

— Нет, нам надо обойти церковь.

В ту самую минуту, как они собрались продолжить путь, на экране телевизора появился батальон миротворческих сил ООН.

— Смотри! — воскликнула София.

Камеру навели на одного из офицеров, почти с такой же черной бородой, как у Альберто. Внезапно офицер поднял картонку с надписью: «Скоро приеду, Хильда!» — и, помахав рукой, исчез с экрана.

— Ну и тип! — не сдержался Альберто.

— Это был майор?

— Даже не хочется отвечать.

Пройдя через парк перед церковью, они вышли на новую главную улицу. Насупившийся было Альберто оживился и указал на книжный магазин под названием «ЛИБРИС», который считался самым крупным в городе.

— Ты сюда меня вел?

— Давай войдем.

Альберто подвел Софию к самым длинным полкам. Там было три раздела: НОВЫЙ ВЕК, АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ и МИСТИКА.

На полках стояли ряды книг с завлекательными названиями: «Жизнь после смерти?», «Тайны спиритизма», «Таро», «Феномен НЛО», «Врачевание», «Боги возвращаются», «Вы тут уже не впервые», «Что такое астрология?» и так далее. Здесь были сотни разных названий. В самом низу книги были сложены просто штабелями.

— Это тоже XX век, София. Перед тобой храм нашей эпохи.

— Ты в такое не веришь?

— Во всяком случае, шарлатанства тут хватает. Но раскупаются эти книги не хуже порнографии. Впрочем, часть из них тоже можно назвать порнографией. Под этими обложками подрастающее поколение находит идеи, которых ищет, однако подобная литература имеет такое же отношение к настоящей философии, как порнография к любви.

— Ты, кажется, здорово сердит, а?

— Пойдем посидим в парке.

И они снова поплелись на улицу. Напротив церкви нашлась свободная скамейка. Под деревьями гуляли голуби, между которыми затесалось несколько юрких воробьев.

— Такие явления и области исследования называют парапсихологией, — начал Альберто, — или внечувственным восприятием, телепатией, ясновидением и психокинезом, или спиритизмом, астрологией и уфологией. Как говорится, у милого дитяти много имен.

— Но скажи: ты действительно считаешь все это обманом?

— Разумеется, истинному философу не пристало стричь всех под одну гребенку. Но я не исключаю возможности, что все перечисленные названия можно найти лишь на карте несуществующей местности. Во всяком случае, часть из них точно относится к «порождениям фантазии», которые Юм призывал предавать огню. Многие такие книги не опираются ни на один достоверный факт.

— Почему же тогда их столько сочиняют?

— Это одно из самых прибыльных занятий на свете: на такие книги находится масса охотников.

— Как ты думаешь, почему?

— Да потому, что людей тянет к чему-то «мистическому», «необычному», что нарушало бы тягомотину повседневной жизни. Но это все равно что ходить по воду за речку.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Мы с тобой, София, участвуем в потрясающем приключении. На наших глазах при всем честном народе возводится творение человеческих рук! Разве это неудивительно?

— Удивительно.

— Так зачем мы пойдем искать шатер цыган или академические задворки, чтобы пережить нечто «увлекательное» или «необыкновенное»?

— Ты считаешь, что авторы этих книг занимаются враньем и надувательством?

— Нет, этого я не говорил. Но и тут речь идет о своеобразном «дарвинизме».

— Объясни!

— Подумай обо всем, что происходит за один-единственный день. Ты можешь даже ограничиться днем собственной жизни. Представь себе, сколько ты видишь и испытываешь за день.

— И что?

— Иногда случаются замечательные совпадения. К примеру, ты идешь в магазин и покупаешь что-нибудь за двадцать восемь крон. А потом к тебе приходит Йорунн и отдает двадцать восемь крон, которые брала в долг. Потом вы идете в кино — и у тебя оказывается двадцать восьмое место.

— Это действительно было бы мистическим совпадением.

— И все же не более чем совпадением. А люди *собирают* такие совпадения, собирают загадочные — или необъяснимые — случаи. Когда такие случаи (из жизни миллиардов людей) перечисляются в книге, они производят впечатление множества убедительных доказательств. Но мы и тут имеем дело с лотереей, где на виду только выигравшие билеты.

— Разве не бывает ясновидящих или «медиумов», с которыми такое происходит постоянно?

— Конечно, бывает, и если мы отвлечемся от явных мошенников, то обнаружим еще одно важное объяснение «мистических переживаний».

— Расскажи!

— Ты помнишь наш разговор про Фрейдово учение о бессознательном?

— Сколько раз нужно повторять, что я не отличаюсь забывчивостью?

— Еще Фрейд подчеркивал, что мы зачастую выступаем в роли медиумов собственного подсознания. Мы вдруг ловим себя на мысли или действии, происхождения которых не можем объяснить. А причина их проста: внутри нас живет гораздо больше ощущений, мыслей и прочего опыта, чем мы осознаем.

— Да?

— Случается также, что люди ходят или говорят во сне. Такое явление называют одним из видов «душевного автоматизма». Совершать какие-то действия «независимо от себя» можно и под гипнозом. И ты, конечно, помнишь, как сюрреалисты прибегали к «автоматическому письму», выступая «медиумами» по отношению к собственному подсознанию…

— Я помню и это.

— Через равные промежутки времени в нашем веке вновь и вновь наблюдалось «возрождение спиритизма». Идея спиритического сеанса заключается в том, что «медиум» может установить контакт с умершим: он либо общается с голосом умершего, либо — например, с помощью автоматического письма — принимает послание от человека, жившего, скажем, несколько сот лет тому назад. Подразумевалось одно из двух: или существует загробная жизнь, или человек проживает много жизней.

— Понятно.

— Я не хочу сказать, что все такие медиумы прибегали к мошенничеству. Часть из них, несомненно, сама верила в происходящее. Они действительно были «посредниками», но посредниками собственного подсознания. Я могу привести много примеров изящных экспериментов, в ходе которых погруженные в транс медиумы обнаруживали способности и знания, про которые никто (в том числе они сами) не мог сказать, откуда они взялись. Скажем, женщина, не знающая древнееврейского, принимает послание на этом языке. Получается, что это не первая ее жизнь, София, — или же у нее был контакт с духом умершего.

— А ты как думаешь?

— Выяснилось, что в детстве у нее была еврейская няня.

— А-а-а…

— Ты разочарована? Но ведь поразительно уже то, что человек обладает способностью хранить в своем подсознании информацию с самого раннего возраста.

— Понимаю.

— Учение Фрейда о бессознательном помогает объяснить и многие курьезы повседневной жизни. Если мне вдруг звонит друг, с которым мы много лет не виделись, а я в эту самую минуту начал искать его номер телефона…

— У меня даже мурашки побежали по спине.

— Объяснение же может быть очень простое: например, мы оба услышали по радио старинную мелодию, которую слушали вместе в нашу последнюю встречу. Дело в том, что эта скрытая связь не осознается.

— Значит, либо обман… либо эффект выигравших билетов… либо «бессознательное»?

— Во всяком случае, к этим полкам следует приближаться с известной долей скепсиса, тем более философу. В Англии есть даже общество скептиков. Много лет назад они назначили крупную денежную премию тому, кто представит им убедительные доказательства чего-либо сверхъестественного. Они не требовали большого чуда, им хватило бы одного скромного случая телепатии. Но пока что претендентов на премию не объявлялось.

— Ясно.

— Помимо всего прочего, мы еще многого не понимаем. Возможно, нам неизвестны какие-то законы природы. В прошлом веке магнетизм и электричество зачастую воспринимались как волшебство. Подозреваю, что моя собственная прабабушка раскрыла бы глаза от изумления, если б я рассказал ей о телевизорах и компьютерах.

— Значит, ни во что сверхъестественное ты не веришь?

— Мы уже говорили об этом. Само слово «сверхъестественное» звучит смешно. Нет, я верю в существование только одного «естества», одной природы. Зато природа эта крайне удивительна.

— А всякие мистические явления, про которые написана куча книг?

— Ни один истинный философ не должен жить с закрытыми глазами. Хотя нам никогда не попадалась белая ворона, мы не перестанем искать ее. И когда-нибудь даже такой скептик, как я, вынужден будет признать явление, в существование которого раньше не верил. Если бы я не допускал подобной возможности, я был бы не настоящим философом, а догматиком.

Альберто умолк, и теперь они с Софией сидели на скамейке, наблюдая за голубями. Голуби вытягивали шеи и ворковали, время от времени вся стая вспархивала, испуганная велосипедом или чьим-то быстрым движением.

— Мне пора домой, готовиться к приему, — после долгой паузы сказала София.

— Но перед расставанием я хочу показать тебе белую ворону. Она гораздо ближе, чем мы думаем.

Альберто встал со скамейки и жестом дал понять, что хочет снова повести Софию в книжный магазин.

На этот раз они миновали полки с литературой о сверхъестественном и остановились у небольшой полочки в самой глубине магазина. Над полкой висела табличка с надписью: «ФИЛОСОФИЯ».

Альберто указал на одну книгу, и София вздрогнула, прочитав ее заглавие: «МИР СОФИИ».

— Хочешь, я куплю ее тебе?

— Страшновато…

Тем не менее через несколько минут София направлялась домой с книжкой в одной руке и пакетом с припасами для праздника в другой.

ФИЛОСОФИЧЕСКИЙ ПРИЕМ

…белая ворона…

Хильда сидела в постели словно зачарованная. Руки у нее затекли, пальцы, сжимавшие папку, дрожали.

Было уже около одиннадцати. Значит, она читала больше двух часов. Время от времени она отрывала глаза от папки и громко смеялась, а иногда со стоном переворачивалась на бок. Хорошо, что дома никого не было.

Чего только Хильда не успела прочитать за два часа! Началось с того, как София по дороге из Майорстуа пыталась отвлечь на себя внимание майора. В конце концов она залезла на дерево, но тут появился ангел-спаситель из Ливана в виде гуся Мортена.

Как ни давно это было, Хильда не забыла, что папа читал ей про путешествие Нильса с дикими гусями. Потом они несколько лет говорили друг с другом на тайном языке из этой книги. И теперь он опять извлек на свет божий старого знакомца гуся.

Затем София впервые в жизни попала одна в кафе. Хильде особенно понравился рассказ Альберто о Сартре и экзистенциализме. Учитель философии едва не обратил ее в новую веру. Впрочем, за время чтения папки такое с Хильдой случалось постоянно.

С год тому назад Хильда однажды купила книжку по астрологии. В другой раз она принесла домой колоду карт Таро, в третий — брошюру о спиритизме. Каждый раз отец предостерегал ее, напоминая о «критическом подходе» и «опасности предрассудков», и вот наступил час расплаты: Хильда получила крепкий удар. Отец не хотел допустить, чтобы она выросла без должного предупреждения против подобных увлечений. На всякий случай он еще помахал ей с экрана телевизора в витрине. Мог бы избавить хотя бы от этого…

Больше всего Хильду заинтересовала темноволосая девочка.

София, София, кто ты такая? Откуда взялась? Почему вмешалась в мою жизнь?

В конце главы София получила в подарок книгу о самой себе. Та ли это книга, которую держит сейчас Хильда? Правда, у нее в руках не книга, а папка с колечками. И тем не менее: что должен испытывать человек, обнаружив в книге о себе книгу о себе? Что произойдет, если София начнет читать эту книгу?

А что произойдет в ее, Хильдиной, жизни? Что *может* произойти?

В папке оставалось всего несколько десятков страниц.

Возвращаясь домой, София встретила в автобусе маму. Черт! Что скажет мама, увидев книгу у нее в руке?

София попыталась спрятать книгу в пакет с серпантином и шариками, купленными к празднику, но не успела.

— Здравствуй, София! Оказывается, мы с тобой попали в один автобус. Приятный сюрприз.

— Здравствуй…

— Ты купила книгу?

— Не то чтобы купила…

— «Мир Софии». Забавно!

София поняла, что соврать не удастся.

— Мне ее подарил Альберто.

— Ах, вот как… Я уже говорила: жду не дождусь встречи с этим человеком. Можно посмотреть?

— Давай я покажу ее дома. Это все-таки *моя* книга, мама.

— Никто не спорит, что она твоя. Я только хочу посмотреть первую страницу. Ага… «София Амуннсен возвращалась домой из школы. Первый отрезок пути они шли вместе с Йорунн и говорили о роботах…»

— Там действительно так и написано?

— Да, София, именно так. А сочинил ее некий Альберт Наг. Видимо, какой-то новый писатель. Кстати, как фамилия твоего Альберто?

— Нокс.

— Значит, этот чудак написал о тебе целую книгу, София. Под псевдонимом.

— Это не он, мама. И вообще, тебе лучше не вдаваться в подробности. Ты все равно не понимаешь.

— Что правда, то правда. Ничего, завтра примешь своих гостей и все уладится. Поверь мне.

— Альберт Наг живет совсем в другом мире, так что эта книга — белая ворона.

— Давай лучше ты не будешь вдаваться в подробности. Впрочем, разве это была ворона, а не кролик?

— Хватит!

На этом разговор матери с дочерью вынужденно прекратился, поскольку автобус доехал до Клёвервейен и пора было выходить. У остановки им повстречалась демонстрация.

— Господи! — воскликнула Хелена Амуннсен. — Я думала, в нашем захолустье можно обойтись без уличного парламента[56]**.**

В шествии участвовало всего 10-12 человек. На плакатах было написано: «МАЙОР СКОРО ВОЗВРАЩАЕТСЯ», «ДАЕШЬ ХОРОШЕЕ УГОЩЕНИЕ НА ИВАНОВ ДЕНЬ» и «БОЛЬШЕ ПОЛНОМОЧИЙ ООН».

Софии стало чуть ли не жалко маму.

— Не обращай внимания, — сказала она.

— Но это какая-то странная демонстрация, София. В ней есть нечто абсурдное.

— А, чепуха на постном масле.

— У нас каждый день все меняется. Меня уже ничем не удивишь.

— Тебе бы следовало удивляться, что ты не удивляешься.

— Чему ж тут удивляться? Они вели себя тихо. Хорошо бы еще не потоптали наши розы… Хотя едва ли им нужно было устраивать демонстрацию в саду. Пойдем-ка проверим.

— Это была философская демонстрация, мама. Настоящие философы не вытаптывают роз.

— Знаешь, что я тебе скажу, София? Я не уверена, что на свете остались настоящие философы. В наше время почти все не настоящее, а искусственное.

Всю вторую половину дня, до позднего вечера, они провели за приготовлениями, а назавтра с самого утра принялись накрывать на стол и развешивать в саду украшения. Тут подоспела и Йорунн.

— Пропади все пропадом! — с ходу бросила она. — Мама и папа собираются почтить нас своим присутствием. Это ты виновата, София.

За полчаса до прихода гостей все было готово. Деревья в саду украсили серпантином и китайскими фонариками, к которым подвели ток с помощью длинного шнура, протянутого через подвальное окошко. На воротах, на деревьях по бокам центральной дорожки и на фасаде дома развесили шары. София с Йорунн чуть ли не полдня надували их.

На стол подали курицу и салаты, круглые булочки и халы. В кухне остались пирожные и торт с кремом, крендели и шоколадный рулет, однако самый главный торт, из двадцати четырех миндальных колец, был уже поставлен посреди стола. Торт увенчивала фигурка девочки в конфирмационном платье. Мама не раз уверяла Софию, что конфирмоваться к пятнадцати годам совершенно не обязательно, но девочка была убеждена, что мама поставила туда фигурку именно из-за Софииных сомнений: она еще не решила для себя, хочет ли вообще проходить конфирмацию[57]. Для мамы этот обряд как бы воплотился в торте.

— Да, уж мы расстарались так расстарались, — то и дело повторяла мама в последние полчаса перед приходом гостей.

И вот гости стали прибывать. Сначала пришли три одноклассницы — в блузках с длинными юбками, в накинутых сверху вязаных кофточках и с ярко подведенными глазами. Чуть позже в воротах показались Йорген и Лассе, которые шли ленивой походкой, с видом застенчивым и в то же время по-мальчишечьи вызывающим.

— Поздравляем!

— Вот и ты у нас стала взрослой.

София заметила, что Йорген и Йорунн украдкой переглядываются друг с другом. В воздухе повеяло флиртом, как-никак Иванов день.

Все принесли подарки, и, поскольку прием обещали философический, многие из гостей перед приходом сюда уточнили, что же такое философия. Философские подарки заготовили не все, но большинство, поднапрягшись, написало что-нибудь

философское на поздравительных открытках. Среди прочего София получила философский словарь и блокнот с замочком, озаглавленный: «МОИ СОБСТВЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ».

Через некоторое время подали яблочный сидр в высоких бокалах для белого вина. Разносила его Софиина мама.

— Добро пожаловать… А вас как зовут, молодые люди?. . С тобой мы еще не знакомы… Очень приятно, что ты смогла прийти, Сесилия.

Лишь когда собралась вся молодежь (гости с бокалами сидра в руках фланировали под яблонями), перед воротами остановился белый «мерседес» с родителями Йорунн. Финансовый советник был в безупречно сидящей серой паре, а его супруга — в красном брючном костюме с бордовыми блестками. София могла голову дать на отсечение, что мама Йорунн пошла в игрушечный магазин, купила там Барби в точно таком наряде и заказала портному брючный костюм по этому образцу. Впрочем, София не исключала и другой возможности. Барби мог купить господин финансовый советник, который затем попросил волшебника оживить куклу. Второй вариант, однако, был малоправдоподобен, и София не принимала его в расчет.

Супруги вышли из «мерседеса» и под изумленными взорами юных гостей направились в сад. Финансовый советник лично вручил Софии продолговатый сверток — подарок от семейства Ингебригтсенов. Софии удалось сохранить присутствие духа, когда она обнаружила в свертке… да-да, угадали: куклу Барби.

— Вы что, спятили? — накинулась на родителей Йорунн. — София давно не играет в куклы!

На помощь супругу подскочила, звеня блестками, фру Ингебригтсен:

— Пускай она будет у Софии для *красоты.*

— В любом случае большое спасибо, — попыталась сгладить неловкость София. — Наверное, мне пора собирать кукол для коллекции.

Народ уже кругами ходил около стола.

— Итак, мы ждем Альберто, — сказала Софиина мама возбужденным тоном, призванным скрыть беспокойство. Среди

гостей уже распространились слухи о почетном госте.

— Раз обещал — значит, придет.

— А нельзя сесть, пока он не пришел?

— Конечно, давайте садиться.

Хелена Амуннсен принялась рассаживать гостей вокруг огромного стола. Она позаботилась оставить свободный стул между собой и Софией и время от времени роняла несколько слов то про угощение, то про чудесную погоду, то про Софию, которая стала совсем взрослой.

Они уже с полчаса сидели за столом, когда на Клёвервейен появился человек средних лет, с остроконечной черной бородкой, который завернул к ним в сад. В руках он держал букет из пятнадцати красных роз.

— Альберто!

София поднялась из-за стола и вышла ему навстречу. Принимая букет, она обняла учителя. Альберто ответил на приветствие тем, что полез в карман, вынул оттуда две петарды, поджег их и бросил в разные стороны. Подходя к столу, он зажег бенгальский огонь и воткнул его в торт рядом с фигуркой девочки, после чего прошел к свободному стулу между Софией и ее мамой.

— Чувствуйте себя как дома, — произнес Альберто. Гости были ошарашены. Фру Ингебригтсен обменялась многозначительным взглядом с супругом. Зато Софиина мама, обрадованная, что этот человек наконец прибыл, готова была простить ему все на свете. Сама виновница торжества с трудом сдерживала смех, который все нарастал у нее внутри и грозил вырваться наружу.

Хелена Амуннсен постучала по бокалу, прося слова.

— Итак, пришел последний гость, которого мы ждали на философическом приеме. Добро пожаловать, Альберто Нокс! Не подумайте, что он мой новый возлюбленный. Хотя муж мой подолгу бывает в путешествиях, замены ему у меня нет. Этот необыкновенный человек — Софиин учитель философии, а потому он умеет не только запускать фейерверки. Он, например, может извлечь из черного цилиндра живого кролика. Или ворону, София?

— Большое спасибо, — сказал Альберто, занимая свободное место.

— Ваше здоровье! — сказала София, и все присутствующие подняли теперь уже бокалы для красного вина — с кока-колой.

Некоторое время все были поглощены салатами и курицей, как вдруг Йорунн встала из-за стола и, решительным шагом подойдя к Йоргену, поцеловала его в самые губы. Йорген попытался опрокинуть Йорунн на стол — чтобы ему было удобнее ответить на такой вызов.

— Ой, я сейчас упаду! — воскликнула фру Ингебригтсен.

Фру Амуннсен прореагировала одной-единственной фразой:

— Дети, только не на столе.

— Почему не на столе? — обернулся к ней Альберто.

— Странный вопрос.

— Настоящему философу ни о чем не зазорно спрашивать.

Тут двое мальчиков, которым не досталось поцелуя, начали швырять куриные кости на крышу дома. Софиина мама и на это заметила только:

— Пожалуйста, не надо. Кости плохо проходят в водосточные трубы.

— Извините, — сказал один из ребят, после чего они принялись кидаться костями через забор.

— По-моему, пора собрать тарелки и принести сладкое, — сказала наконец фру Амуннсен. — Кто хочет кофе?

Супруги Ингебригтсен, Альберто и двое-трое ребят подняли руки.

— Может быть, София с Йорунн помогут мне?…

По дороге на кухню подруги улучили минутку для разговора.

— Почему ты его поцеловала?

— Я все смотрела и смотрела на его губы, и мне ужасно захотелось их поцеловать. Йорген совершенно неотразим.

— И как тебе понравилось?

— Я представляла себе это ощущение несколько иначе, хотя…

— Значит, это был первый поцелуй?

— Но явно не последний…

Вскоре кофе с пирожными и прочим угощением были уже на столе. Альберто начал раздавать мальчикам фейерверки, когда

мама Софии постучала по чашке.

— Я не стану произносить длинную речь, — объявила она. — Но у меня всего одна дочь, и сегодня ей исполняется ровно пятнадцать лет, одна неделя и один день. Как видите, мы тут расстарались. В торте двадцать четыре миндальных кольца, значит, каждому достанется по крайней мере одно. Тот, кто успеет быстро расправиться со своим кольцом, получит второе. Мы ведь начнем сверху, где колечки поменьше, а дальше они делаются все больше и больше. Так бывает и в жизни. Когда София была маленькой, она осваивала пространство небольшими кругами. Шли годы, и круги эти стали расширяться. Теперь они простираются по меньшей мере до старого города. А имея отца, который плавает по всему свету, она еще звонит в разные страны. С днем рождения тебя, София!

— Восхитительно! — вскричала фру Ингебригтсен. София не поняла, кого или что она имела в виду: маму, ее речь, торт из двадцати четырех колец или саму Софию.

Гости захлопали, а один мальчик запустил шутиху на грушу. Йорунн тоже поднялась из-за стола и попробовала стащить Йоргена со стула. Он позволил ей увлечь себя, после чего они улеглись в траву и продолжили поцелуи там. Через некоторое время они закатились под кусты красной смородины.

— Теперь, значит, инициативу берут в свои руки девочки, — заметил финансовый советник.

С этими словами он встал и, подойдя к кустам смородины, принялся изучать новое для себя явление вблизи. Его примеру последовало большинство собравшихся. Только София и Альберто остались сидеть на своих местах. Вскоре вся компания образовала полукруг около Йорунн и Йоргена, которые тем временем перешли от невинных поцелуев к более серьезным формам обжимания.

— Они так увлеклись, что их не остановишь, — не без гордости сказала фру Ингебригтсен.

— Да, яблоко от яблони недалеко падает, — поддержал ее муж.

Он огляделся по сторонам, видимо, в надежде получить одобрение своих метких слов. Встретив лишь несколько молчаливых кивков, он прибавил:

— Тут уж ничего не поделаешь.

София издалека отметила, что Йорген пытается расстегнуть на Йорунн белую блузку, основательно запачканную зеленью. Сама Йорунн возилась с его ремнем.

— Хорошо бы вы не простудились, — сказала фру Ингебригтсен.

София беспомощно посмотрела на Альберто.

— Да, дела разворачиваются быстрее, чем я думал, — произнес тот. — Нам надо поскорей выбираться отсюда. Но сначала я должен произнести небольшую речь.

София похлопала в ладоши.

— Пожалуйста, вернитесь за стол. Альберто хочет сказать речь.

Все, за исключением Йорунн и Йоргена, потянулись к столу и расселись по местам.

— Подумать только, вы действительно собираетесь произнести речь? — спросила Хелена Амуннсен. — Очень мило с вашей стороны.

— Спасибо.

— Я слышала, вы еще любите прогулки! Конечно, это очень важно — держать себя в форме. По-моему, особенно приятно гулять с собакой. Вашу собаку, кажется, зовут Гермесом?

Альберто встал со стула и постучал по чашке.

— Дорогая София! — начал он. — Я не забыл, что у тебя философический прием, а потому хочу держать философскую речь.

Его сразу же прервали аплодисментами.

— Надеюсь, наша разнузданная компания не станет возражать против некоторой доли здравого смысла. Но прежде давайте еще раз поздравим новорожденную с пятнадцатилетием!

Не успел Альберто договорить, как послышался шум самолета, который на небольшой высоте пролетел прямо над садом. За самолетом тянулось длинное полотнище с надписью: «Поздравляем с днем рождения!»

Это вызвало новый взрыв аплодисментов.

— Я же говорила! — воскликнула фру Амуннсен. — Этот человек умеет не только запускать фейерверки.

— Спасибо, но это сущие пустяки. За последние полтора месяца мы с Софией проделали основательную философскую работу и теперь хотим сообщить вам, к чему мы пришли. Мы хотим поделиться главной тайной нашего бытия.

Гости сидели настолько тихо, что слышали в наступившей паузе и пение птиц, и доносившееся из кустов невнятное причмокиванье.

— Продолжай! — попросила София.

— В результате тщательного философского анализа — который растянулся от первых греческих философов до современности — мы обнаружили, что существуем в сознании некоего майора. В настоящее время он находится в Ливане и служит наблюдателем в миротворческих силах ООН, но он написал о нас книгу для своей оставшейся в Лиллесанне дочери, Хильды Мёллер-Наг. Хильде исполнилось пятнадцать лет в один день с Софией. Проснувшись рано утром пятнадцатого июня, Хильда обнаружила эту книгу обо всех нас на тумбочке рядом с кроватью. Если говорить точнее, книга эта представляет собой толстую папку с металлическими колечками, в которой, как подсказывают Хильде ее пальцы, осталось всего несколько десятков страниц.

Среди гостей стало распространяться тревожное возбуждение.

— Иными словами, все мы существуем лишь в виде развлекательной программы ко дню рождения Хильды Мёллер Наг, поскольку сочинены майором для обрамления его учебника философии. Это, в частности, означает, что ждущий у ворот белый «мерседес» не стоит ломаного гроша. В предлагаемом контексте он пустяк — один из множества белых «мерседесов», что вертятся в голове у бедного майора, который в эту самую минуту спрятался в тень пальмы, чтобы его не хватил солнечный удар. В Ливане, друзья мои, сейчас жара.

— Чепуха! — вскричал финансовый советник. — Чистейшей воды вздор!

— Каждый волен говорить, что хочет, — не унимался Альберто. — На самом деле чистейшей воды вздор — наше с вами сборище. Некоторый здравый смысл присутствует только в моей речи.

В ответ на это советник вскочил с места.

— Мы в поте лица зарабатываем свой хлеб, пытаясь к тому же застраховаться от всяких неожиданностей. А тут является какой-то лодырь и хочет под прикрытием философских рассуждений разрушить наш мир!

— От таких философских прозрений, — подтвердил Альберто, — и впрямь не существует никаких страховок, господин финансовый советник. Речь идет о катастрофе, которая хуже стихийного бедствия. Обычные страховки, как вам прекрасно известно, не действуют и против стихийных бедствий.

— Это не стихийное бедствие.

— Нет, это экзистенциальная катастрофа. Если вы заглянете в кусты смородины, вам станет яснее, что я имею в виду. В общем, застраховаться от разрушения вашей действительности так же невозможно, как застраховаться от потухшего солнца.

— Неужели смириться? — спросил отец Йорунн, глядя на жену.

Та покачала головой.

— Грустно, — сказала Хелена Амуннсен, тоже качая головой. — А мы-то старались…

Молодежь, однако, не спускала глаз с Альберто. Подростки часто восприимчивее к новым идеям и веяниям, чем люди бывалые.

— Мы хотим еще послушать Альберто, — сказал кудрявый светловолосый мальчик в очках.

— Спасибо на добром слове, но говорить особенно не о чем. Когда приходишь к выводу, что ты всего лишь иллюзия в грезящем сознании другого человека, тогда, по-моему, разумнее молчать. Напоследок могу только порекомендовать всем ребятам пройти хотя бы небольшой курс истории философии. С его помощью вы разовьете в себе критическое отношение к окружающему миру, в том числе к ценностям, важным для ваших родителей. Если я и пытался чему-то научить Софию, так это умению мыслить критически или, по выражению Гегеля, «через отрицание отрицания».

Советник продолжал стоять, постукивая пальцами по столешнице.

— Этот агитатор хочет сокрушить все здравые установки, которые школа, церковь и мы, родители, внушаем подрастающему поколению. А ведь будущее принадлежит им, нашим отпрыскам, к ним же со временем перейдет нажитое нами имущество. Если этого человека немедленно не удалят отсюда, я позвоню семейному адвокату. Он примет должные меры.

— От ваших мер никому не будет ни жарко ни холодно, потому что вы всего-навсего фикция. Кстати, мы с Софией и так собираемся покинуть компанию. Курс философии не был чистой теорией, он имел и практическую направленность. В соответствующее время мы просто-напросто испаримся, и этот кунштюк позволит нам исчезнуть из сознания майора.

Хелена Амуннсен взяла дочь за руку.

— Ты что, уезжаешь от меня, София?

Обняв маму, София подняла взгляд на Альберто. — Ну вот, мама огорчилась…

— Давай-ка без глупостей. Лучше подумай о том, что ты узнала. Твоя милая, добрая мама не более реальна, чем было реально угощение, которое несла бабушке Красная Шапочка. А мамино огорчение такое же взаправдашнее, как самолет, только что пролетевший мимо с поздравлением.

— Кажется, я понимаю, — призналась София и, оборачиваясь к маме, добавила: — Вот почему мне нужно послушаться Альберто. Рано или поздно мне все равно пришлось бы покинуть тебя.

— Я буду очень скучать, — сказала мама. — Но если над головой у тебя открытое небо, надо воспарить в него. Обещаю хорошо ухаживать за Говиндой. Сколько ей давать салата: один лист или два?

Альберто положил руку ей на плечо.

— Никто из присутствующих здесь не будет скучать по той простой причине, что вас не существует. Вам даже нечем скучать.

— Что он себе позволяет?! — возмутилась фру Ингебригтсен.

Финансовый советник согласно кивнул.

— Ничего, он нам заплатит за моральный ущерб. Вот посмотришь, он еще окажется коммунистом. Он хочет отнять у нас

все, что мы любим. Этот человек — прожженный мошенник… прохиндей…

Тут и Альберто, и финансовый советник сели. Последний побагровел от гнева. Одновременно вернулись и сели за стол также Йорунн с Йоргеном. Одежда у обоих помялась и испачкалась. В светлых волосах Йорунн застряли комочки земли.

— Мама, у меня будет ребенок, — сообщила она.

— Хорошо, только, пожалуйста, подожди до дома.

— Да-да, пускай потерпит, — поддержал супругу советник. — А если сегодня вечером намечаются крестины, пускай сама все и устраивает.

Альберто серьезно посмотрел на Софию.

— Пора.

— Ты не могла бы сначала принести нам еще кофе? — спросила мама.

— Конечно. Сейчас сбегаю.

София взяла со стола термос. В кухне ей пришлось запустить кофеварку. В ожидании, пока сварится кофе, она покормила попугайчиков и рыбок, потом заглянула в ванную и выложила лист салата для Говинды. Шер-Хана нигде не было видно, но София открыла большую банку кошачьего корма и, опрокинув ее в глубокую тарелку, выставила тарелку на крыльцо. София чувствовала, что глаза у нее на мокром месте.

Когда она понесла кофе в сад, гости вели себя так, словно пришли на день рождения маленькой девочки, а не пятнадцатилетней барышни. Большая часть бутылок с кока-колой и сидром была опрокинута, куски шоколадного рулета размазаны по всему столу, блюдо с булочками лежало вверх дном на земле. В ту самую минуту, когда София подходила к столу, один из мальчиков поджег фейерверк, который он воткнул в торт с кремом. Фейерверк взорвался, облепив кремом стол и участников торжества. Больше всего досталось брючному костюму фру Ингебригтсен.

Самое странное заключалось в том, что и она, и все прочие гости восприняли случившееся крайне спокойно. Тогда Йорунн взяла большой кусок шоколадного рулета и размазала его по лицу Йоргена, после чего сама же принялась слизывать шоколад.

Софиина мама сидела вместе с Альберто поодаль от остальных, на качелях. И мама, и учитель замахали руками, подзывая Софию к себе.

— Наконец-то вам удалось поговорить с глазу на глаз, — сказала она.

— И ты оказалась совершенно права, — радостно отозвалась мама. — Альберто — потрясающий человек. Я вполне могу доверить тебя ему.

София села между ними.

Двое мальчишек забрались на крышу. Одна девочка ходила по саду и протыкала заколкой все попадавшиеся на пути шарики. Подъехал также мопед с незваным гостем, на багажнике у которого стоял картонный ящик с пивом и водкой. На помощь новому гостю мгновенно подоспело несколько доброхотов.

Тут из-за стола поднялся и финансовый советник. Он хлопнул в ладоши.

— Ну что, сыграем, ребята?

Опорожнив одну из бутылок с пивом себе в рот, он поставил ее посреди лужайки, вернулся к столу, вытащил из торта пять нижних миндальных колец и показал гостям, как накидывать кольца на бутылку.

— Предсмертные конвульсии, — заметил Альберто. — Но нам пора уходить, пока майор не поставил точку и Хильда не захлопнула папку.

— Опять ты остаешься одна наводить порядок, мама.

— Не имеет значения, детка. Здесь ведь все равно не жизнь. Если Альберто обеспечит тебе лучшее существование, я буду только рада за тебя. Ты, кажется, говорила, у него есть белый конь?

София обвела взглядом сад. Он стал неузнаваем. Повсюду валялись втоптанные в землю булки и бутылки, шарики и куриные кости.

— Совсем недавно это был мой райский уголок, — сказала она.

— А теперь наступает изгнание из рая, — откликнулся Альберто.

Один из мальчиков залез в белый «мерседес». Тот вдруг завелся и, проломив закрытые ворота, въехал сначала на

центральную дорожку, а потом и в сад.

Чья-то твердая рука взяла Софию за локоть и потянула в Тайник. Голос Альберто произнес:

— Пора!

Одновременно белый «мерседес» врезался в яблоню. На капот посыпались незрелые яблоки.

— Ну, знаете, это уж слишком! — вскричал советник. — Я потребую изрядной компенсации.

— Во всем виноват этот прохиндей, — подхватила его очаровательная супруга. — Кстати, где он?

— Они как сквозь землю провалились, — не без гордости сказала Хелена Амуннсен.

Гордо распрямившись, она подошла к загаженному столу и принялась наводить порядок после философического приема.

— Кто-нибудь еще хочет кофе?

КОНТРАПУНКТ

…одновременное звучание двух или более мелодий…

Хильда села в постели. На этом история про Софию и Альберто заканчивалась. Но что, собственно, произошло?

Зачем отец написал последнюю главу? Только ли ради того, чтобы продемонстрировать свою власть над миром Софии?

В глубоком раздумье она сходила в уборную, умылась и оделась. Наскоро позавтракав, она вышла в сад и села на качели.

Альберто был прав, утверждая, что некоторая разумность присутствовала лишь в его собственной речи. Неужели папа считал ее, Хильдин, мир столь же хаотичным, как Софиин философический прием? Неужели ее мир тоже в конечном счете обречен на уничтожение?

И что теперь будет с Софией и Альберто? Чем обернется их тайный план?

Может, Хильде нужно самой додумать, что было дальше? Или этим двоим удалось-таки сбежать из повествования?

Но где они в таком случае находятся?

И тут ее осенило: если Альберто и София сумели улизнуть из повествования, об этом и не может говориться на собранных в папке страницах. Все, что там написано, прекрасно известно отцу.

Вдруг об этом сказано между строк? На что-то подобное есть недвусмысленный намек в тексте. Раскачиваясь на качелях, Хильда поняла, что ей придется перечитать историю два, а то и три раза.

Когда белый «мерседес» вкатился в сад, Альберто увлек Софию за собой, в Тайник. Оттуда они побежали через лес к Майорстуа.

— Быстрей! — подгонял Альберто. — Нам надо успеть, прежде чем он хватится нас.

— А сейчас мы в поле его зрения?

— Мы в приграничной зоне.

Переправившись на лодке через озеро, они влетели в Майорстуа. Там Альберто открыл люк в подвал и подтолкнул Софию вниз. Наступила тьма.

В последующие дни Хильда вынашивала свой план. Она послала несколько писем в Копенгаген, Анне Намсдал, и раза два звонила ей. Она заручилась помощью и в Лиллесанне, среди друзей и знакомых, — в ее заговоре участвовала чуть ли не половина класса.

Тем временем она перечитывала «Мир Софии». С этой историей нельзя было распрощаться после первого чтения. Хильде то и дело приходили в голову новые мысли о том, что сталось с Софией и Альберто после их ухода из сада.

В субботу, 23 июня, она, словно от толчка, проснулась около девяти. Папа, как ей было известно, уже выехал из лагеря в Ливане. Теперь оставалось только ждать. Вечер этого дня был расписан ею по минутам.

Ближе к полудню они с мамой занялись приготовлениями к Иванову дню. Хильда не могла не вспомнить про Софию и ее маму, которые готовились к тому же празднику.

Кажется, они не только развешивали украшения, а?

София и Альберто очутились на лужайке перед двумя высокими зданиями с некрасиво выведенными на фасад вытяжными трубами. Из одного здания вышли юноша и девушка, он — с коричневым рюкзаком, она — с красной сумкой через плечо. Вдали проехал по узкой дорожке автомобиль.

— Что произошло? — спросила София.

— Мы вырвались!

— Но где мы?

— В месте под названием Майорстуа.

— Что?… Майорстуа?…

— Это район Осло.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Одно из этих зданий называется «Chateau Neuf», что в переводе с французского значит «Новый замок». Там изучают музыку. Второй дом — так называемый Духовный факультет, где изучают богословие. В следующем из стоящих на

холме зданий занимаются естественными науками, а еще выше — литературой и философией.

— Ты хочешь сказать, мы вырвались из Хильдиной книги и ушли из-под контроля майора?

— Да, и то, и то. Здесь ему нас не найти.

— А где мы были, когда бежали через лес?

— Пока майор сталкивал машину финансового советника с яблоней, мы улучили минуту и скрылись в Тайнике. Тогда мы с тобой, София, были как бы в положении эмбрионов, принадлежали одновременно старому и новому миру. Майор даже не подозревал, что мы возьмем и спрячемся.

— Почему?

— Иначе он бы нас так легко не отпустил. Все прошло как по маслу. Впрочем… не исключено, что майор подыграл нам.

— Что ты хочешь сказать?

— Он же сам завел белый «мерседес». Возможно, он изо всех сил старался потерять нас из виду. Вон сколько всякого наворотил…

Тем временем молодая пара была уже в нескольких метрах от них. Софии показалось неудобным, что она сидит на траве с мужчиной, который годится ей в отцы. Кроме того, ей хотелось услышать подтверждение словам Альберто.

Она вскочила и подбежала к молодым людям.

— Скажите, пожалуйста, как называется это место.

Ей не только не ответили — на нее даже не обратили внимания.

Софию это задело, и она снова приступила к паре.

— Тут разве не принято отвечать на чужие вопросы? Молодой человек что-то увлеченно объяснял девушке:

— Контрапунктная композиция строится в двух измерениях — в горизонтальном, или мелодическом, и в вертикальном, или гармоническом. Иными словами, речь идет об одновременном звучании двух или более мелодий…

— Извините, что я прерываю вас, но…

— Мелодии сочетаются таким образом, чтобы каждая из них развивалась по возможности независимо. Но в их совместном звучании должна присутствовать и гармония. Такое многоголосие

называется контрапунктом. На самом деле это значит «тон против тона».

Ну и наглость! Они ведь не глухие и не слепые. София попыталась обратиться к ним в третий раз, причем теперь она стала посреди дорожки и загородила им путь.

Ее просто отмели в сторону.

— Кажется, поднимается ветер, — заметила девушка.

София кинулась обратно к Альберто.

— Они меня не слышат! — сказала она… и тут ей вспомнился сон про Хильду и золотой крестик.

— Да, такова цена, которую придется платить. Если нам удалось выскользнуть из книги, нельзя рассчитывать сравняться по положению с ее автором. Зато мы теперь в этом мире, и нам всегда будет оставаться ровно столько лет, сколько было в день философического приема.

— Ты хочешь сказать, что нам никогда не установить нормальный контакт с окружающими людьми?

— Истинный философ никогда не употребляет слово «никогда». Сколько времени?

— Восемь.

— Ровно столько, сколько было, когда мы покинули твой сад.

— Сегодня Хильдин отец возвращается из Ливана.

— Поэтому нам надо торопиться.

— Куда?

— Тебе разве не интересно узнать, что будет, когда майор приедет домой, в Бьеркели?

— Конечно, интересно, но…

— Тогда пошли!

Они двинулись вниз, к центру города. Навстречу попадалось много прохожих, однако все они шли мимо, не замечая Софию и Альберто.

Вдоль улицы рядами стояли припаркованные машины. Альберто вдруг остановился возле одной из них — красного спортивного автомобиля с откинутым верхом.

— Мне кажется, эта машина нам подойдет, — сказал он. — Нужно только убедиться, что она *наша*.

— Ничего не понимаю.

— Объясняю: мы не можем позаимствовать обычную машину, которая принадлежит кому-то из жителей города. Представляешь, как люди воспримут появление на улице автомобиля без водителя? К тому же нам вряд ли удалось бы его завести.

— А этот автомобиль?

— Мне кажется, я узнал его по какому-то старому фильму.

— Прости, пожалуйста, но меня начинают бесить твои таинственные намеки.

— Эта машина — плод воображения. Как и мы с тобой, София. Обыкновенные граждане не видят на ее месте ничего, кроме пустоты, — что мы и должны проверить, прежде чем заводить машину.

Став рядом со спортивным автомобилем, они принялись ждать. Буквально через несколько минут показался едущий на велосипеде мальчик. У них на глазах он свернул с тротуара и, проехав прямо сквозь красную машину, вырулил на мостовую.

— Вот видишь! Машина действительно наша!

Альберто распахнул правую дверцу.

— Позвольте подвезти вас! — сказал он, и София забралась на переднее сиденье.

Сам он сел за руль. Ключ зажигания оказался на месте, Альберто повернул его — и автомобиль завелся.

Спустившись по Хиркевейен, они вскоре выехали на шоссе в сторону Драммена и, оставив позади Осло, покатили на юг. Они миновали Люсакер, затем Саннвику. Чем больше они удалялись от столицы, тем чаще видели огромные костры, какие обычно жгут в Иванов день.

— Сегодня солнцеворот, София, самая середина лета. Разве это не замечательно?

— И в открытой машине так приятно обвевает ветерком. Неужели нас и правда никто не видит?

— Только наши собратья. Возможно, мы встретим кого-нибудь из них. Который час?

— Полдевятого.

— Тогда поищем более короткий путь. Да и невозможно больше тащиться за этим трейлером.

И Альберто свернул прямо на бескрайнее хлебное поле. Оглянувшись, София увидела сзади широкую полосу примятой пшеницы.

— Завтра тут будут говорить, что по полю гулял ветер, — сказал Альберто.

Приземлившись в копенгагенском аэропорту Каструп, майор Альберт Наг посмотрел на часы: половина пятого, суббота, 23 июня. День сегодня начался рано и весь прошел в дороге. Сюда Альберт прибыл из Рима, и теперь ему оставался последний перелет, из Дании в Норвегию.

Паспортный контроль Альберт Наг проходил с гордостью. В форме миротворческих сил ООН он представлял не одного себя и не одну свою страну. Он представлял международный правопорядок, то есть вековую традицию, которая постепенно распространялась на весь земной шар.

С собой у него была только висевшая через плечо сумка, остальной багаж он сдал еще в Риме. Здесь от него требовалось лишь помахать красным паспортом и бросить таможне: «Nothing to declare» («Предъявлять нечего»).

До отправления самолета в Кристиансанн у майора Альберта Нага было свыше трех часов. Нужно было запасти подарки семье. Впрочем, самый большой подарок в своей жизни он послал Хильде около двух недель назад. Марит положила подарок ей на тумбочку, чтобы Хильда увидела его, как только проснется. С тех пор майор говорил с дочерью всего однажды — поздно вечером в день ее рождения.

Купив норвежские газеты, Альберт сел в баре и заказал чашку кофе. Не успел он пробежать глазами заголовки, как из громкоговорителя донеслось:

> «Личное послание для Альберта Нага. Просим Альберта Нага подойти к стойке компании САС».

Что такое? По спине Альберта пробежал холодок. Не отзывают же его обратно в Ливан… Может, дома что-то стряслось?

Вскоре он уже стоял у справочной.

— Я — Альберт Наг.

— Будьте любезны! Вам срочное письмо.

Он торопливо вскрыл конверт. В этом конверте лежал другой, поменьше, на котором было написано: «Копенгаген, аэропорт Каструп, справочное бюро САС (для майора Альберта Нага)».

Альберт совсем разволновался. Он разорвал маленький конверт. Внутри лежала записка:

Дорогой папа! От души поздравляю тебя с возвращением из Ливана. Как ты понимаешь, я не могла дождаться, пока ты приедешь домой. Прости, что пришлось вызывать тебя по радио. Так было проще.

P. S. Огорчительное известие: финансовый советник Ингебригтсен требует от тебя возмещения убытков в связи с аварией угнанного у него «мерседеса».

P. P. S. Когда ты приедешь, я, скорее всего, буду сидеть в саду. Впрочем, надеюсь дать знать о себе раньше.

P. P. P. S. Мне делается жутко, если я подолгу сижу в саду. В таком месте того гляди провалишься сквозь землю.

С сердечным приветом, Хильда — у которой было много времени приготовить тебе встречу.

Прежде всего майор Альберт Наг изобразил улыбку, хотя манипуляции дочери ему отнюдь не понравились. Он предпочитал сам распоряжаться своей жизнью. А эта разбойница сидит себе в Лиллесанне и гоняет его по Каструпскому аэропорту! Как она это устроила?

Сунув конверт в нагрудный карман, Альберт пошел пройтись по широкому проходу со множеством торговых точек. Он как раз собирался завернуть в магазинчик датских продуктов, когда на глаза ему попался маленький конверт, прилепленный к его витрине. На конверте жирным фломастером было выведено: «МАЙОРУ НАГУ». Альберт оторвал конвертик и вскрыл его.

Личное письмо майору Альберту Нагу, Каструпский аэропорт, магазин датских продуктов

Дорогой папа! Очень прошу тебя купить датской салями, желательно килограмма два. Мама наверняка обрадуется коньячной колбасе.

P. S. Не следует пренебрегать также лим-фьордской икрой[58].

С приветом, Хильда.

Альберт огляделся по сторонам. Она что, где-то рядом? Неужели Марит подарила ей деньги на поездку в Копенгаген, чтобы встретить его? Почерк был точно Хильдин…

Ооновский наблюдатель вдруг почувствовал, что сам попал под наблюдение… или стал радиоуправляемой игрушкой в руках ребенка.

Он зашел в магазин и купил двухкилограммовую салями, коньячную колбасу и три банки лим-фьордской икры, затем не спеша направился вдоль линии магазинов дальше. Он давно решил купить Хильде и обычный подарок. Может, калькулятор? Или лучше транзистор? Точно, транзистор.

Подойдя к магазину электротоваров, он и тут обнаружил прикрепленный к витрине конверт. «Самый интересный магазин в Каструпе (для майора Альберта Нага)» — было написано на нем. В записке, вложенной в белый конверт, он прочитал следующее:

Дорогой папа! Мне нужно передать от Софии привет и большое спасибо за портативный телевизор с радиоприемником, который ей подарил на день рождения добрый папа. Это, конечно, пустяки, но все равно очень трогательно. Должна признаться, что я разделяю Софиин интерес к таким пустякам.

P. S. Подробные инструкции висят также на витрине продуктового магазина и отдела беспошлинных товаров, где продают вино и сигареты (если ты еще там не был).

P. P. S. Я получила на день рождения деньги и могу добавить 350 крон на портативный телевизор.

С приветом, Хильда — которая уже нафаршировала индюшку и приготовила уолдорфский салат[59].

Телевизор обошелся в 985 датских крон, но это было ничто по сравнению с тем, как чувствовал себя Альберт Наг, мотавшийся туда-

сюда под диктовку своей хитроумной дочери. Здесь она, в конце концов, или нет?

Куда бы майор ни шел, он теперь шарил глазами по сторонам, чувствуя себя шпионом и марионеткой в одном лице. Надо же, его начисто лишили собственной воли!

Оставался еще отдел беспошлинной торговли, где майора встретил очередной белый конверт с его фамилией. Весь аэропорт словно превратился в компьютерную игру, в которой он, майор, стал курсором. В записке говорилось:

Отдел беспошлинной торговли в Каструпе (для майора Нага)

Здесь я прошу всего-навсего пакетик моего любимого мармелада и марципаны фирмы «Антон Берг». Не забывай, что в Норвегии все это намного дороже! Насколько я помню, мама любит кампари.

P. S. Советую по дороге домой смотреть во все глаза и слушать во все уши. Ты ведь не хочешь пропустить какое-нибудь важное послание?

С *приветом, твоя схватывающая все на лету дочь Хильда.*

Тяжело вздохнув, Альберт зашел в магазин и выполнил заказ. Нагруженный сумкой и тремя пластиковыми пакетами, он направился ждать отлета к выходу номер 28. Если где-то еще остались несорванные записки, пускай себе висят.

Но и на колонне у выхода был прикреплен белый конверт: «Каструпский аэропорт, выход 28, майору Нагу». Адрес явно писала Хильда, а вот номер? Может, он и был добавлен позже, другой рукой, но понять это было сложно: поди сравни цифры с буквами.

В обнимку с пакетами он сел в кресло, стоявшее вплотную к стене. Теперь горделивый майор сидел, устремив взгляд прямо перед собой, — словно маленький мальчик, который впервые в жизни летит на самолете. Во всяком случае, если она здесь, он не доставит ей радости заметить его первой.

Альберт боязливо смотрел на подходивших пассажиров, чувствуя себя так, будто за ним гнались все спецслужбы мира, и перевел дух, только когда начали пускать в самолет. На борт майор поднялся последним.

Протягивая посадочный талон, он сорвал еще один конверт, который оказался приклеен к стойке регистрации.

София с Альберто проехали через Бревикский мост, потом миновали поворот на Крагерё.

— Ты едешь под сто восемьдесят, — сказала София.

— Время к девяти. Он вот-вот приземлится в Хьевике. А дорожная полиция нам не страшна.

— Вдруг мы в кого-нибудь врежемся?

— Если в обычную машину, то все будет в порядке. Вот если попадется кто-то из наших…

— Что тогда?

— Тогда нам лучше быть настороже. Ты разве не видела на обочине Гномобиль?

— Нет…

— Он стоял на выезде из Ларвика.

— Трудновато будет обогнать этот туристский автобус. Тут с обеих сторон густой лес.

— Это не имеет значения, София. Ты скоро сама поймешь.

Альберто свернул в лес и некоторое время ехал напролом, затем вырулил обратно.

— Как ты меня напугал! — выдохнула София.

— Мы бы ничего не заметили, даже если бы проехали сквозь стальную стену.

— Значит, мы лишь бесплотные духи по сравнению с окружающим.

— Нет, ты все перевернула с ног на голову. Это окружающее по сравнению с нами — призрачная воздушная сказка.

— Объясни подробней.

— Слушай внимательно. Принято считать, будто дух эфемернее пара. На самом деле все наоборот: дух тверже льда.

— Никогда бы не подумала.

— Расскажу тебе одну историю. Жил-был человек, который не верил в ангелов. Но вот однажды в лесу, где он работал, ему явился ангел.

— И что?

— Какое-то время они шли рядом. Наконец человек обернулся к ангелу и говорит: «Да, теперь я признаю, что ангелы существуют. Но вы все же существуете не по-настоящему, как мы». «Что ты имеешь в виду?» — спросил ангел. И человек ответил: «Когда нам встретился большой валун, мне пришлось обойти его кругом, а ты проскользнул сквозь него. Когда тропинку перегородило бревно, я подлез под него, а ты опять прошел как ни в чем не бывало». Ангел изумился такой наивности. «Вспомни, как мы шли через болото, — сказал он. — Разве там мы обходили туман? Мы шли напрямик, потому что состоим из вещества, которое тверже тумана».

— А-а-а…

— Так же и с нами, София. Дух может проникать сквозь стальные двери, а его самого не сокрушит ни танк, ни бомбардировщик.

— Странно.

— Всего час назад мы выехали из Майорстуа, а скоро уже Рисёр. Пожалуй, я бы не отказался от кофе.

Когда они добрались до Фиане, по левую руку им попалось придорожное кафе под названием «Cinderella»[60]**. Альберто свернул туда и поставил машину посреди лужайки.**

В кафе София попыталась взять себе бутылку кока-колы, но безуспешно: бутылка точно приклеилась к холодильному прилавку. Тогда Альберто попробовал налить кофе в бумажный стаканчик, который он обнаружил в машине. Нужно было всего лишь опустить рычажок автомата, но, как Альберто ни старался, рычажок не сдвинулся с места.

Разозленный Альберто бросил клич о помощи. Когда никто из посетителей не отозвался, он заорал, да так громко, что София заткнула уши:

— Я хочу кофе!

Весь гнев мгновенно сошел с него, и Альберто схватился за живот от смеха.

— Они же не слышат нас. Значит, нам не дано даже пользоваться их забегаловками.

Альберто с Софией собрались уходить, как вдруг от одного из столиков к ним направилась пожилая женщина в белом платке,

ярко-красной юбке и вязаной кофте холодного голубого цвета. И одежда, и сама женщина выделялись на фоне кафе своей отчетливостью.

— А ты горазд кричать, сынок, — проговорила женщина, подойдя к Альберто.

— Виноват.

— Ты, кажется, сказал, что хочешь кофе?

— Да, но…

— У нас тут неподалеку свое заведение.

Следом за женщиной они вышли из кафе и по начинавшейся рядом тропке двинулись в сторону от шоссе.

— Вы, похоже, недавно в этих краях? — спросила по дороге женщина.

— Честно признаться, да, — ответил Альберто.

— Что ж, добро пожаловать в вечность, дети мои.

— А ты тут давно?

— Я из сказки братьев Гримм, а ей, почитай, скоро двести лет. Сами-то откуда будете родом?

— Мы из книги по философии. Я учитель философии, а София — моя ученица.

— Ну и ну… Это что-то новое.

Вскоре они добрались до большой лесной поляны с симпатичными коричневыми домиками. На свободном пространстве между ними горел большой костер, у которого толпилось множество фигур в разноцветных костюмах. Часть из них София узнала. Тут были Белоснежка и несколько гномов, Свинопас и Шерлок Холмс, Питер Пэн и Пеппи Длинный чулок, Красная Шапочка и Золушка. Вокруг огромного костра мельтешили и другие знакомые, только не имевшие собственных имен: эльфы и домовые, фавны и ведьмы, черти и ангелы. София даже углядела самого настоящего тролля.

— Ой, что тут творится! — воскликнул Альберто.

— На то и солнцеворот, — отвечала старуха. — Такого сборища у нас не было с Вальпургиевой ночи[61], которую мы отмечали в Германии. Я тут, собственно, в гостях, с ответным визитом. Ты, кажется, хотел кофе?

— Да, пожалуйста.

Только теперь София заметила, что все домики построены из пряников и тянучек и покрыты сахарной глазурью. Кое-кто угощался, отламывая кусочки прямо от домов. Но кругом ходила пекарка и тут же поправляла все изъяны. София тоже отломила себе кусочек крыши: оказалось, она в жизни не пробовала ничего вкуснее.

Женщина вернулась с чашкой кофе.

— Большое спасибо, — сказал Альберто.

— А чем гости расплатятся за кофе?

— Разве у вас платят?

— Обычно мы в виде платы рассказываем историю. За кофе сойдет и коротенькая.

— Мы могли бы рассказать совершенно удивительную историю про человечество, — отозвался Альберто. — Но беда в том, что у нас очень плохо со временем. Можно мы приедем и заплатим в другой раз?

— Конечно. А почему у вас так плохо со временем?

Альберто объяснил, в чем дело, и женщина на прощанье сказала:

— Приятно было познакомиться с новенькими. Только вам все равно придется отрезать пуповину, связывающую вас с телесным миром. Мы тут живем независимо от его плоти и крови. Не случайно нас зовут «племенем невидимок».

Вскоре Альберто с Софией вышли назад, к кафе и красному спортивному автомобилю, на который взволнованная мамаша помогала в эту минуту пописать своему маленькому сыну.

Основательно укоротив путь, они по горам, по долам вскоре добрались до Лиллесанна.

Самолет рейса СК-876 из Копенгагена приземлился в Хьевике точно по расписанию, в 21.35. Еще в Каструпе, пока самолет выруливал на взлетную дорожку, майор вскрыл конверт, найденный им у стойки регистрации. В записке говорилось:

Майору Нагу, когда он будет отдавать посадочный талон в Каструпе в канун Иванова дня, 1990 г.

Дорогой папа! Может быть, ты думал, что я появлюсь в Копенгагене, но я слежу за твоими перемещениями более тонким способом. Я вижу тебя везде, папа. Кстати, мне удалось разыскать семью цыган, которая много лет назад продала прабабушке волшебное зеркало в бронзовой раме. Еще я завела себе магический кристалл. В нем я вижу, что ты только что сел в самолетное кресло, а потому напоминаю, чтобы ты застегнул привязной ремень и не опускал спинку кресла, пока не погаснет надпись «Fastentheseat-belts». Как только самолет наберет высоту, можешь откинуть спинку и отдохнуть. Тебе надо набраться сил к возвращению домой. Погода у нас в Лиллесанне прекрасная, хотя температура на несколько градусов ниже, чем в Ливане. Желаю тебе приятного полета.

С приветом, твоя колдунья дочь, Королева Зеркала и верховная хранительница Иронии.

Альберт не успел распознать, сердится ли он или просто устал и подавлен, когда его вдруг обуял смех. Он смеялся так громко, что пассажиры стали на него оглядываться. И тут самолет взлетел.

Майора заставили попробовать собственное горькое лекарство — с той существенной разницей, что его лекарство предназначалось в первую очередь для Альберто и Софии. А они — всего лишь порождение фантазии. Последовав совету Хильды, майор откинул спинку кресла и задремал. Окончательно проснулся он, уже пройдя паспортный контроль и очутившись в зале Хьевикского аэропорта. Там его встретила демонстрация.

Демонстрантов было человек 8-10, почти все — подростки Хильдиного возраста. Надписи на плакатах гласили: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ, ПАПА», «ХИЛЬДА ЖДЕТ В САДУ» и «ИРОНИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ». Самое неприятное было то, что он не мог просто взять такси. Нужно было сначала дождаться багажа. Тем временем школьные друзья Хильды дефилировали мимо, так что майору приходилось снова и снова читать их плакаты. Он растрогался, только когда одна из девочек вышла ему навстречу с букетом роз. Порывшись в пакетах, он угостил демонстрантов марципанами. Для Хильды осталось всего две штуки. Когда на ленте транспортера

показался багаж, вперед выступил молодой человек, объяснивший, что он служит Королеве Зеркала, которая повелела ему отвезти Альберта домой, в Бьеркели. Прочие участники демонстрации растворились в толпе.

Молодой человек выехал на Е-18. На всем протяжении дороги под мостами и на въездах в тоннели висели транспаранты типа: «Добро пожаловать домой!», «Индюшка ждет», «Я вижу тебя, папа».

Альберт Наг вздохнул с облегчением, когда его высадили у ворот Бьеркели. Он отблагодарил шофера бумажкой в сто крон и тремя банками пива «Карлсберг элефант».

Перед домом его встретила жена Марит. Они крепко обнялись, затем майор спросил:

— Где она?

— Сидит на причале, Альберт.

В Лиллесанне Альберто и София остановили машину на площади перед гостиницей «Норвегия». Было без четверти десять. Отсюда был виден огромный костер вдали, в шхерах.

— Как мы теперь найдем Бьеркели? — спросила София.

— Кто ищет, тот всегда найдет. Ты ведь помнишь картинку из Майорстуа.

— Но нужно торопиться. Я хочу попасть туда раньше его.

Они принялись колесить по окрестностям, не разбирая дороги, заезжая на все холмы и пригорки. У них был важный ориентир: усадьба должна стоять у моря.

— Вон! Нашли! — вдруг выкрикнула София.

— Кажется, ты права. Но зачем так кричать?

— Нас же все равно никто не слышит.

— Дорогая София… меня удивляет, что после столь основательного курса философии ты по-прежнему склонна к поспешным выводам.

— Но…

— Неужели ты считаешь, что в этих местах не водятся гномы и тролли, лешие и феи?

— Ой, извини!

Они въехали в ворота. Альберто провел машину по центральной дорожке и поставил ее на лужайке, рядом с

качелями. Чуть поодаль был накрыт стол на троих.

— Я ее вижу! — прошептала София. — Она сидит на мостках — точь-в-точь как во сне.

— Ты заметила, что сад очень напоминает твой собственный, на Клёвервейен?

— Да, это верно. И качели такие же, и все остальное. Можно я спущусь к ней?

— Конечно. Я посижу здесь…

И София побежала к причалу. С разбегу чуть не налетев на Хильду, она чинно села рядом.

Хильда теребила трос, которым была причалена лодка. В другой руке она сжимала клочок бумаги. Видно было, что Хильда кого-то ждет: она то и дело поглядывала на часы.

Хильда показалась Софии очень красивой. Вьющиеся белокурые волосы, ярко-зеленые глаза. И желтое платье. Она была немножко похожа на Йорунн.

София попыталась заговорить с ней, хотя и знала, что это бесполезно.

— Хильда! Это я, София!

Девочка и бровью не повела.

София встала на колени и попробовала крикнуть ей в самое ухо:

— Ты меня слышишь, Хильда? Или ты слепая и глухая?

Не раскрыла ли она пошире глаза? Не подала ли крохотного, чуть приметного знака, что слышит?…

И вдруг Хильда обернулась к ней. Резко мотнув головой вправо, она посмотрела Софии прямо в глаза. Правда, взгляд был не фиксированный: он как будто проникал сквозь Софию.

— Не надо так громко, София.

Это уже был Альберто, из красной машины.

— Я не хочу, чтобы сад заполонили русалки.

София умолкла. Ей было хорошо и просто сидеть рядом с Хильдой.

Вскоре до них донесся низкий мужской голос:

— Хильдемур!

В саду стоял на пригорке майор — в военной форме и голубом берете.

Вскочив с мостков, Хильда побежала ему навстречу. Они сошлись между качелями и красной спортивной машиной. Отец подхватил Хильду и закружил ее в воздухе.

Хильда села на причале ждать отца. С тех пор как он приземлился в Каструпе, она каждые пятнадцать минут представляла себе, где он сейчас, что с ним происходит и как он это воспринимает. Она заранее выписала все его расписание и целый день держала бумажку при себе.

Не сердится ли папа? Но не мог же он сочинить для нее мистическую книгу — и считать, что это никак не отразится на Хильде?…

Она снова взглянула на часы. Четверть одиннадцатого. Он должен появиться с минуты на минуту.

Но что это? Хильде почудилось легкое дуновение — в точности как во сне, когда она видела Софию.

Она резко обернулась. Да, она уверена: рядом что-то есть. Но что?

Может, она чувствует дыхание летнего вечера?

На мгновение Хильда испугалась, что у нее начинаются видения.

— Хильдемур!

Теперь ей пришлось обернуться в другую сторону. Это папа! Вон он стоит в саду!

Хильда понеслась к нему. Они сошлись возле качелей, он поднял ее и закружил по саду.

Хильда расплакалась, майор тоже сглотнул слезы.

— Ты стала взрослой барышней, Хильда.

— А ты стал настоящим писателем.

Хильда вытерла слезы желтым рукавом.

— Будем считать, что мы квиты? — спросила она.

— Да, мы квиты.

Они сели за стол. Прежде всего Хильда хотела услышать рассказ о том, что происходило на аэродроме в Каструпе и по дороге оттуда. Один взрыв хохота сменялся другим.

— А в кафетерии ты конверт не обнаружил?

— Из-за твоих фокусов я там даже не поел, негодяйка ты этакая. Теперь я голодный как волк.

— Бедный папа.

— Про индюшку небось обманула?

— Вот и нет! Я действительно все приготовила. А мама будет подавать.

Потом разговор перешел на содержимое папки, и они, перебивая друг друга, стали обсуждать историю Софии и Альберто. Вскоре на столе появились индюшка и уолдорфский салат, розовое вино и испеченный Хильдой хлеб.

Отец принялся рассуждать о Платоне, как вдруг Хильда прервала его:

— Тссс!

— Что такое?

— Неужели ты не слышал? По-моему, кто-то пищит?

— Не может быть.

— Но я уверена, что слышала какой-то звук. А, ладно, наверное, это была мышь.

Последнее, что успел сказать папа, пока мама ходила за вином, была фраза:

— Наш курс философии еще не кончен.

— Как это?

— Сегодня я расскажу тебе о Вселенной.

Прежде чем они приступили к семейной трапезе, майор заметил:

— Хильда уже слишком большая, чтобы сидеть на коленях. А ты еще не выросла из этого возраста!

И, подхватив Марит, он усадил ее себе на колени. Лишь спустя некоторое время майор отпустил жену и позволил ей тоже немного поесть.

— И этому человеку скоро будет сорок лет…

Когда Хильда убежала встречать отца, София почувствовала подступающие к горлу слезы.

Нет, ей никогда не достучаться до Хильды!

София завидовала Хильде, завидовала тому, что она настоящий человек — из плоти и крови.

После того как Хильда с майором уселись за накрытый стол, Альберто нажал гудок.

София подняла голову. Кажется, Хильда сделала то же самое?

Подбежав к машине, София вскочила на переднее сиденье рядом с Альберто.

— Давай посидим и посмотрим, что будет дальше, — предложил он.

София кивнула.

— Ты плакала?

Она опять кивнула.

— О чем?

— Ей повезло быть обыкновенным человеком… Теперь она вырастет и станет настоящей женщиной. И у нее будут настоящие дети…

— И внуки, София. Но каждая медаль имеет оборотную сторону, чему я и пытался научить тебя с самого начала курса.

— Ты о чем?

— Я согласен с тобой, что ей повезло. Только не забывай: тот, кто выигрывает в лотерею жизнь, заодно вытаскивает и жребий смерти. Ведь удел жизни — смерть.

— А тебе не кажется, что все-таки лучше хоть немного пожить на свете, чем вообще не жить?

— Да, нам не суждено прожить такую жизнь, как Хильде или, например, майору. Зато мы никогда не умрем. Помнишь, что сказала в лесу пожилая женщина? Мы принадлежим к «племени невидимок». Она еще сказала, что ей около двухсот лет. А у костра я видел героев, которым свыше трех тысяч лет…

— Наверное, больше всего я завидую тому, что… что у Хильды есть семья…

— У тебя тоже есть семья. И еще кот, и попугайчики, и черепаха…

— Этот мир я покинула.

— Ничего подобного, дитя мое. Его покинул майор, поставив точку. И ему больше никогда не найти нас.

— Ты хочешь сказать, что мы можем вернуться обратно?

— В любую минуту. Только нам надо по дороге заглянуть в лес за кафе и поближе познакомиться с новыми друзьями.

Тем временем семейство Мёллер-Наг приступило к ужину. София было испугалась, что ужин может принять такой же оборот, как философический прием на Клёвервейен. Во всяком случае, майор уже хотел опрокинуть на стол свою жену, но потом она, к счастью, очутилась у него на коленях.

Машина стояла в некотором отдалении от стола, и разговор оттуда лишь изредка доносился до Софии и Альберто, почему у них появилось время как следует обсудить ее неудавшийся прием.

Из-за стола Мёллер-Наги встали около полуночи. Хильда с майором уединились на качелях, помахав на прощанье маме, которая ушла в дом.

— Иди ложись, мама. Нам очень о многом нужно поговорить.

БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ

…мы тоже частицы звезды…

Хильда устроилась на качелях рядом с отцом. Время близилось к полуночи. Они смотрели на залив, а в небе между тем одна за другой проступали неяркие звезды. У причала плескался о камни прибой.

Молчание нарушил отец:

— Все-таки удивительно думать, что мы живем на маленьком шарике в огромной Вселенной.

— Да…

— Земля — не единственная планета, вращающаяся вокруг Солнца. Но из этих планет только на нашей есть жизнь.

— Может быть, во всей Вселенной жизнь есть только на нашей планете?

— Возможно. Однако нет ничего невероятного и в том, что кругом нас полно всякой жизни. Ведь Вселенная безмерно велика. Расстояния между звездами настолько огромны, что мы измеряем их в «световых годах» и «световых минутах».

— А сколько это?

— Световая минута равна расстоянию, которое свет покрывает за минуту. А это довольно много, поскольку в одну только секунду свет проходит в космическом пространстве 300 тысяч километров. Иными словами, световая минута равняется: 300 000 * 60, то есть восемнадцати миллионам километров. А световой год — это почти десять биллионов километров.

— А сколько до Солнца?

— Чуть больше восьми световых минут. Значит, солнечные лучи, которые припекают нам щеки в теплый июньский день, достигают нас через восемь минут путешествия в космическом пространстве.

— Не останавливайся!

— Расстояние от Земли до Плутона — самой дальней планеты нашей Солнечной системы — составляет примерно пять световых

часов. Когда астроном смотрит в свой телескоп на Плутон, он видит то, что на самом деле происходило там пять часов назад. Иначе говоря, изображение Плутона добирается к нам за пять часов.

— Это довольно трудно представить себе, но мне кажется, я разобралась.

— Прекрасно, Хильда. Однако мы, земляне, еще только начинаем ориентироваться в пространстве. Наше Солнце — одна из четырехсот миллиардов звезд Галактики, известной под названием Млечный Путь. Эта Галактика имеет форму огромного диска, в котором Солнце находится в одном из многочисленных спиральных ответвлений. Взглянув в ясную зимнюю ночь на небосвод, мы видим широкий пояс звезд… а все потому, что наш взор обращен к центру Млечного Пути.

— Теперь я понимаю, почему по-шведски Млечный Путь называется Vintergatan, Зимняя Дорога.

— От ближайшего соседа по Галактике нас отделяет четыре световых года. Возможно, это звезда, что виднеется вон над тем островком. Если ты представишь себе, что тамошний звездочет сейчас направил очень сильный телескоп на Бьеркели, — он видит нашу усадьбу такой, какой она была четыре года назад. Может быть, он даже видит одиннадцатилетнюю девочку, которая сидит на качелях и болтает ногами.

— Я потрясена.

— Но это была ближайшая звезда. А вся Галактика, или «звездное скопление», «звездная система», простирается на 90 тысяч световых лет. Это значит, что свету требуется столько лет, чтобы добраться от одного края Галактики до другого. Если мы посмотрим на звезду Млечного Пути, которая находится в 50 тысячах световых лет от Солнца, то мы будем наблюдать события пятидесятитысячелетней давности.

— Эта мысль просто не умещается в моей маленькой головке.

— Иными словами, смотреть на Вселенную — для нас все равно что смотреть назад во времени. Мы никогда не знаем, что там *происходит*. Мы знаем только, что там *происходило*. Глядя на звезду, находящуюся в тысячах световых лет отсюда, мы фактически совершаем путешествие во времени, возвращаемся в истории Вселенной на тысячи лет назад.

— Это совершенно непостижимо.

— Все, что мы видим, приходит к нашему глазу в виде световых волн. А чтобы этим волнам пройти через Вселенную, нужно время. Тут уместно сравнение с грозой. Раскат грома всегда слышится *после* того, как сверкнула молния, потому что звуковые волны перемещаются медленнее световых. Слыша раскат грома, я на самом деле слышу отголосок того, что произошло некоторое время назад. То же самое и со звездами. Глядя на звезду в тысячах световых лет от нас, я вижу «гром» от событий тысячелетней давности.

— Ясно.

— Но пока что мы с тобой говорили только о нашей Галактике. Астрономы утверждают, что во Вселенной существуют сотни миллиардов таких галактик и что каждая из них состоит из сотен миллиардов звезд. Ближайшую к Млечному Пути галактику называют туманностью Андромеды. Она находится в двух миллионах световых лет от нашей Галактики. Как мы уже выяснили, это значит, что свет из этой галактики достигает нас за два миллиона лет. Если бы где-нибудь там сидел звездочет — я так и вижу, как этот хитрюга направляет телескоп на Землю, — он бы все равно не увидел нас. В лучшем случае он разглядел бы какого-нибудь из низколобых предков человека.

— Какой ужас!

— Самые далекие из известных сегодня галактик расположены на расстоянии *десяти миллиардов* световых лет от нас. Принимая сигналы из этих галактик, мы заглядываем в истории Вселенной на десять миллиардов лет назад. Это примерно вдвое больше, чем существует наша Солнечная система.

— У меня даже голова закружилась.

— Да, представить себе, что значит заглянуть в такое далекое прошлое, довольно сложно. Но астрономы обнаружили нечто, имеющее еще большее значение для нашей картины мира.

— Расскажи!

— Оказывается, ни одна галактика во Вселенной не стоит на месте. Все они с невероятной скоростью расходятся в разные стороны. И чем дальше они от нас, тем быстрее движутся. Это ведет к тому, что расстояние между галактиками постепенно увеличивается.

— Я пытаюсь представить себе такое.

— Если ты нарисуешь на воздушном шаре точки и станешь надувать его, точки будут удаляться друг от друга. То же самое происходит и с галактиками. Мы говорим о расширении Вселенной.

— А чем оно может объясняться?

— Большинство астрономов сходится на следующем. Около пятнадцати миллиардов лет назад все вещество Вселенной собралось на довольно небольшом пространстве. Материя оказалась настолько плотной, что сила тяжести разогрела это вещество до огромной температуры. В конце концов оно так уплотнилось и разогрелось, что взорвалось. Это называют *большим взрывом*, или, по-английски, «the Big Bang».

— Прямо дрожь берет при одной мысли об этом.

— «Большой взрыв» разбросал вещество во все стороны, и после остывания из него получились звезды и галактики, планеты и их спутники…

— Но ты сказал, что Вселенная по-прежнему расширяется?

— Да, и объясняют это тем самым взрывом, который произошел миллиарды лет тому назад. У нашей Вселенной нет неизменной географии. Вселенная — это событие. Вселенная — это взрыв. И галактики продолжают со страшной скоростью удаляться друг от друга.

— И так будет продолжаться вечно?

— Не исключено. Но есть еще одна возможность. Ты помнишь, что Альберто рассказывал Софии про две силы, которые удерживают планеты на постоянных орбитах вокруг Солнца?

— Сила тяготения и сила инерции?

— То же самое относится и к галактикам. Хотя Вселенная продолжает расширяться, этому противостоит сила тяготения, и когда-нибудь — через несколько миллиардов лет, когда энергия большого взрыва начнет иссякать, — сила тяготения может привести к повторному сжатию небесных тел. Тогда произойдет обратный взрыв, «взрыв внутрь», так называемая «имплозия». Но расстояния настолько велики, что происходить все будет замедленно, как при рапидной съемке. Имплозию можно сравнить со сдуванием шарика.

— И тогда все галактики снова соберутся в центр?

— Да, ты поняла правильно. А что произойдет дальше?

— По-моему, новый взрыв, который опять приведет к расширению Вселенной. Ведь законы природы будут действовать все те же. Так образуются новые звезды и новые галактики.

— Совершенно верно. В общем, что касается будущего Вселенной, астрономы видят для нас две возможности: либо она будет расширяться до бесконечности, так что расстояния между галактиками будут расти, либо Вселенная начнет сжиматься. Решающую роль для выбора того или иного процесса играет тяжесть, или масса, всей Вселенной. А ее астрономы пока сколько-нибудь точно определить не могут.

— Но *если* Вселенная настолько тяжелая, что когда-нибудь начнет сжиматься, тогда, может быть, она уже много раз сжималась и снова расширялась?

— Такой вывод напрашивается сам собой, однако тут нить рассуждений раздваивается. Можно ведь допустить, что расширение Вселенной происходит только в этот раз. А если оно будет продолжаться до бесконечности, тогда тем более актуальным становится вопрос о том, как все это началось.

— Да. Как возникла материя, которая затем взорвалась?

— Человеку верующему естественно было бы рассматривать «большой взрыв» как миг творения. В Библии ведь написано, что Бог сказал: «Да будет свет!» Ты, наверное, помнишь, что Альберто указывал на «линейное» понимание истории христианством. Так что с точки зрения христианского «сотворения мира» резоннее считать, что Вселенная будет расширяться и далее.

— И что?

— На Востоке преобладает «циклический» взгляд на историю, при котором история вновь и вновь повторяется. В Индии, например, существует древнее учение, согласно которому мир то расширяется, то опять сжимается. Происходит смена так называемого «дня Брахмы» «ночью Брахмы» [62] — и обратно. Разумеется, такое мировоззрение лучше сочетается с идеей о том, что Вселенная расширяется, потом сжимается и снова расширяется, повторяя бесконечный «циклический» процесс. У меня перед глазами возникает огромное космическое «сердце», которое все бьется, бьется и бьется…

— Обе теории кажутся мне одинаково непостижимыми и одинаково интересными.

— Их можно сопоставить с извечным парадоксом, над которым в свое время ломала голову София: либо Вселенная существовала всегда, либо она вдруг возникла из ничего…

— Ой!

Хильда схватилась за лоб.

— Что случилось?

— По-моему, меня укусил овод.

— Помяни мое слово, это Сократ пытается пробудить тебя от спячки…

София с Альберто сидели в красном спортивном автомобиле и слушали, как майор рассказывает Хильде о Вселенной.

— Ты обратила внимание, что мы поменялись ролями? — спросил через некоторое время Альберто.

— Кто с кем?

— Раньше они слушали нас, а мы не могли их видеть. Теперь мы слушаем их, а они не могут видеть нас.

— И еще одно отличие…

— Какое?

— Поначалу мы не знали о другом мире, в котором живут Хильда и майор. Теперь они не знают о нашей действительности.

— Сладкая месть.

— Но майор мог вмешиваться в наш мир…

— Наш мир был целиком в его руках.

— Я не оставляю надежды, что и мы сумеем вмешаться в их мир.

— Нет, ты все-таки неисправима. Неужели ты не помнишь кафе? Я видел, как ты билась с этой бутылкой кока-колы.

Некоторое время София сидела молчком, обводя глазами сад и краем уха слушая рассказ майора о «большом взрыве». Само это выражение подсказало ей одну мысль.

Она завозилась на сиденье.

— Что такое? — спросил Альберто.

— Ничего.

София открыла бардачок: там лежал разводной ключ. Она схватила ключ, выпрыгнула из машины и, подойдя к качелям, стала прямо против Хильды и ее отца. Сначала София

попыталась поймать Хильдин взгляд, но это было бесполезно. Тогда она занесла ключ над головой и опустила его на лоб девочки.

— Ой! — вскрикнула Хильда.

София стукнула ключом и майора, однако тот даже не потер лоб.

— Что случилось? — спросил он.

— По-моему, меня укусил овод, — подняла на него взгляд Хильда.

— Помяни мое слово, это Сократ пытается пробудить тебя от спячки…

София опустилась на траву и попробовала толкнуть качели. Ни с места. Или ей все же удалось на какой-то миллиметр сдвинуть их?

— От земли веет холодом, — заметила Хильда.

— Да что ты, очень тепло.

— Нет, дело не в этом. Здесь кто-то есть.

— Здесь только мы и прохлада летней ночи.

— Нет, что-то чувствуется в воздухе.

— Что бы это могло быть?

— Ты помнишь тайный план Альберто?

— Мне ли не помнить?…

— Они сбежали с дня рождения. И как сквозь землю провалились.

— Но…

— Там сказано: «как сквозь землю провалились…»

— Чем-то нужно было закончить историю. И вообще я это все выдумал.

— До их исчезновения — да, но не то, что было дальше. Вдруг они здесь?…

— Ты думаешь?

— Не думаю, а чувствую, папа.

София кинулась обратно к машине.

— Впечатляет, — вынужден был признать Альберто, когда она забралась на место со своим ключом. — У этой девочки явно неординарные способности.

Майор одной рукой обнял Хильду.

— Ты слышишь, как изумительно плещется прибой?

— Да.

— Завтра надо будет спустить на воду яхту.

— А ты слышишь, какие странные вещи нашептывает ветер? Посмотри, как дрожат осиновые листья.

— У нас живая планета.

— Ты писал о чтении между строк.

— Да.

— Может быть, здесь, в саду, тоже что-то прячется «между строк».

— Природа полна загадок, это точно. А мы с тобой ведем речь о звездах на небе.

— Скоро появятся и водяные звездочки.

— Да, так ты в детстве называла светящийся планктон. И была отчасти права, потому что и планктон, и все прочие организмы составлены из элементов, некогда слившихся вместе в недрах одной звезды.

— И мы тоже?

— Да, мы тоже частицы звезды.

— Красиво звучит.

— Когда радиотелескопы ловят для нас свет галактик, удаленных на миллиарды световых лет, они создают картину Вселенной, какой она была в самом начале, сразу после «большого взрыва». Так что все, что мы видим на небе, — это космические ископаемые, существовавшие тысячи и миллионы лет тому назад. Астрологу остается только гадать по прошлому.

— Потому что звезды в созвездиях удалились друг от друга с тех пор, как их свет дошел до нас?

— Всего две тысячи лет назад созвездия имели совсем иной вид, чем сегодня.

— Я и не знала.

— В ясную ночь мы заглядываем на миллионы… даже на миллиарды лет назад. Мы как бы обращаем свой взгляд к дому.

— Пожалуйста, объясни.

— Начало и тебе, и мне было положено «большим взрывом», потому что вся материя Вселенной представляет собой органическое целое. В некоем доисторическом прошлом она собралась в комок такой

плотности, что булавочная головка весила много миллиардов тонн. Из-за невероятной гравитации этот «праатом» взорвался, и что-то словно разбилось, разлетелось на куски. Когда мы поднимаем взгляд к небу, мы пытаемся найти дорогу назад, к самим себе.

— Странно.

— Все звезды и галактики в космическом пространстве состоят из одной материи. Что-то склеилось в звезду здесь, что-то там. Галактики могут быть разделены расстояниями в миллиарды световых лет, но все они имеют общее происхождение. Все звезды и планеты родом из одной семьи…

— Понимаю.

— Что это была за вселенская материя? Откуда она взялась? Что взорвалось тогда, миллиарды лет назад?

— Вот в чем главная загадка.

— И она задевает за живое нас всех, ибо мы созданы из того же вещества. Мы — искра огромного костра, зажженного миллиарды лет назад.

— Тоже очень красиво сказано.

— Но давай не будем преувеличивать значения больших чисел. Достаточно взять в руку камень. Вселенная была бы столь же непостижимой, если бы состояла из одного-единственного булыжника размером с апельсин. И тогда стоял бы не менее проклятый вопрос: откуда взялся этот камень?

София вдруг приподнялась на автомобильном сиденье и указала вниз, в сторону залива.

— Мне ужасно хочется покататься на лодке! — воскликнула она.

— Она привязана. К тому же мы бы не сдвинули с места ни одного весла.

— Давай попробуем. Все-таки Иванов день…

— Во всяком случае, мы можем спуститься к морю.

Они вылезли из машины и побежали через сад вниз. На причале они попытались распутать трос, накрепко примотанный к железному кольцу. Но им не удалось даже приподнять его.

— Как гвоздями прибит, — заметил Альберто.

— У нас уйма времени.

— Истинный философ никогда не отчаивается. Если бы нам только… распутать его…

— На небе появилось еще больше звезд, — сказала Хильда.

— Да, сейчас самое темное время белой ночи.

— А зимой звезды так и блещут. Помнишь ночь перед твоим отъездом в Ливан, первого января?

— Тогда-то я и решил написать для тебя книгу по философии. Я заходил в большой книжный магазин в Кристиансанне, искал в библиотеках. Нигде не было ничего подходящего для юношества.

— Мы с тобой, кажется, не зарылись в глубину меха белого кролика, а сидим на самых кончиках волосинок.

— Хотел бы я знать, есть ли что живое там, в ночи световых лет…

— Лодка отвязалась!

— И правда…

— Уму непостижимо. Я перед самым твоим приездом проверяла, хорошо ли она привязана.

— Неужели?

— А помнишь, как София брала лодку Альберто и ее потом унесло на середину озера?

— Помяни мое слово, это Софиины рук дело.

— Тебе бы все шутить. А я *чувствовала*, что кто-то был рядом.

— Придется кому-нибудь из нас сплавать за лодкой.

— Мы поплывем вместе, папа.

Примечания

1

Ср. со Сварогом, родоначальником богов в славянской мифологии: он известен как громовержец, отец небесного и земного огня — солнца и молнии (соответственно, и дождя), которые у древних славян также ассоциировались с плодородием. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

2

Верховное божество в скандинавской мифологии, мудрец и бог войны.

3

Бог-плут, комически-демонический персонаж скандинавской мифологии.

4

Поприще — старинная путевая мера, около 20 верст.

5

Перевод А. Корсуна.

6

Для простоты чтения источники русских цитат здесь и далее не указываются, а имена переводчиков приводятся почти исключительно для отрывков из художественной литературы.

7

Следует иметь в виду, что приводимые автором (и другими скандинавскими источниками) даты жизни древнегреческих философов далеко не всегда совпадают с принятыми у нас.

8

Так по-норвежски называется арбуз.

9

Текст клятвы приводится (в незначительном сокращении) по переводу М. Л. Гаспарова в его книге: Занимательная Греция. М., 1995.

10

В норвежском написании фамилии — Knox — содержится явный намек на Форт-Нокс (Fort Knox), где хранится золотой запас США.

11

Автор допустил неточность: это слово считается производным от имени тезки греческого бога, египетского мудреца Гермеса, которому

приписывалось искусство прочной закупорки сосудов.

12

Буквально «холм Ареса».

13

Такой фразой в Норвегии принято благодарить друг друга за последнюю встречу.

14

В Норвегии, как и в других скандинавских странах, принято обращение на «ты» практически между всеми, независимо от возраста.

15

На эти деньги можно купить не меньше 10-15 плиток.

16

Настоящее имя этого немецкого священника, медика, поэта и мыслителя — Иоханнес Шеффлер.

17

Здесь и далее отнесение ислама к одной из «западных» религий, по-видимому, следует считать авторской натяжкой.

18

Английское «Sorry!» — «Прости!».

19

День летнего солнцестояния (формально связанный с днем рождения Иоанна Крестителя), который обычно отмечается в ночь с 23 на 24 июня.

20

Исландский историк и поэт, автор саг, собранных в книгах «Младшая Эдда» и «Круг Земной».

21

Родство этих слов еще ярче демонстрирует древнелатинская форма имени Юпитера — Diovis. Все они восходят к корню «блестеть, сверкать» и означали, видимо, «сверкающее, ясное (небо)», понимаемое как верховное божество.

22

Ср. русское «ведать» («знать»), восходящее к общеславянскому «вести» с тем же значением, а также слово «ведьма» («ведунья»), первоначально «знающая» и лишь впоследствии «колдунья».

23

Цитата из «Западно-восточного дивана» в переводе В. В. Левика.

24

Продольная часть христианского храма, обычно расчлененного колоннами или аркадой на главный и боковые нефы.

25

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Ныне и присно и во веки веков *(лат.)*.

26

Олаф II Харальдссон (ок. 995-1030) — король Норвегии, которого при жизни называли Толстым, а после смерти — Святым. Завершил введение в стране христианства.

27

Карл Великий (742-814) — франкский король из династии Каролингов, с 800 г. глава Западной Римской империи, которую он к тому времени значительно расширил. Всячески укреплял свое государство, содействовал политическим реформам, развитию промышленности, образования, науки и т. д.

28

Пара влюбленных, герои самой знаменитой норвежской рыцарской баллады.

29

Герой очень длинной и любимой норвежцами религиозной баллады «Песнь о сне».

30

В этой битве, состоявшейся 29 июля 1030 г., Олаф Святой пытался вернуть себе утраченный годом ранее престол, но был убит. Поражение короля, как ни странно, подняло авторитет норвежской королевской власти (в противовес датской) и способствовало христианизации страны.

31

Сверрир Сигурдарссон, или Сверре Сигурдссон (ок. 1150-1202) — норвежский король, который завоевал престол в период гражданских войн, возглавив восставших «биркебейнеров» (то есть «берестенников», завертывавших ноги за неимением обуви в бересту). Этот конунг действительно пошел на открытый разрыв с церковью и даже пренебрег папским отлучением.

32

Так зовут двух подружек из известной норвежской песенки (на самом деле переложения американской), которые, поссорившись, быстро мирятся друг с другом.

33

Двустишие из «Студенческих песен» шведского поэта и композитора Гуннара Веннерберга (1817-1901), в которых он воспевает университетскую жизнь в городе Уппсале в 40-х гг. XIX века.

34

Западные справочные издания, в том числе и английские, считают годом рождения Ньютона 1642-й, тогда как в России еще с дореволюционных времен принят 1643-й. Это связано с датой (4 января) и стилем летосчисления.

35

Вероятно, здесь содержится намек на реплику кардинала Булей из пьесы Шекспира «Генрих VIII» (перевод Б. Томашевского).

36

Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

37

Перевод Б. Пастернака.

38

«Быть иль не быть — вот в чем вопрос» *(англ.)*.

39

«Буря». Перевод Мих. Донского.

40

Перевод Конст. Бальмонта.

41

По-научному такой заменитель лекарства называется «плацебо».

42

Цитируется заглавная строка стихотворения шведской поэтессы Карин Бойе (1900-1941). Под финской поэтессой, скорее всего, имеется в виду Эдит Сёдергран (1892-1923), которая родилась в Петербурге, а после революции жила в Финляндии. Ее считают одним из лучших шведоязычных поэтов начала XX века.

43

Автор обыгрывает строку из стихотворения Н. Ф. С. Грундвига, звучащую примерно так: «Скажи, цветок, чего ты хочешь…»

44

Западногерманский телесериал про мюнхенских полицейских Стефана Деррика и Харри Клайна.

45

Имеется в виду Пятая симфония Бетховена с ее темой Судьбы.

46

Для нас привычны выражения «Гейдельбергский университет» и «гейдельбергские романтики», однако точнее название города звучит как «Хайдельберг», что и отражено на современных картах.

47

Перевод А. и И. Ганзен.

48

Имеется в виду принцип матрешки.

49

Правда, совсем в другое время, спустя более полувека.

50

Неслучайно по-испански название архипелага, Галапагос, означает «Черепашьи острова».

51

Эти слова более известны у нас в виде крылатой фразы: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Здесь и далее цитаты из «Фауста» в переводе Б. Пастернака.

52

Перевод Ю. Вронского.

53

Часы, показывающие сотые доли часа, действительно существуют, но в данном случае автор явно обыгрывает «число зверя» — 666 — из Откровения Иоанна Богослова.

54

У нас более известны не полные переводы книги Сельмы Лагерлёф «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона по Швеции», а ее пересказ, где гуся зовут Мартин.

55

Под «академической четвертью» в скандинавских странах понимается фактическое разрешение приходить на лекции в течение 15 минут с их начала (чем, однако, пользуются только в виде исключения).

56

Так в Норвегии называют демонстрации и прочие внепарламентские мероприятия, с помощью которых народ оказывает давление на власти.

57

Обряд конфирмации, который в протестантизме символизирует достижение молодыми людьми церковного совершеннолетия, в Норвегии обычно проходят в 15 лет.

58

С датского пролива Лим-фьорд, соединяющего Северное море с проливом Каттегат. Икра под этим названием — отнюдь не «благородных» рыб и скорее вызывает ассоциации с икрой минтая.

59

Салат из сельдерея с яблоками и орехами. По названию знаменитой нью-йоркской гостиницы «Уолдорф-Астория».

60

«Золушка» *(англ.).*

61

Ночь на 1 мая, когда, согласно немецким и скандинавским народным поверьям, устраивается «великий шабаш» ведьм. В эту ночь (под день святой Вальпургии) тоже жгутся костры — для изгнания ведьм, якобы стремящихся помешать течению весны.

62

В индуистской космологии, о которой здесь идет речь, день Брахмы считается равным 4320 миллионам земных лет. Такую же

продолжительность имеет и ночь Брахмы, когда этот бог отдыхает после предыдущего акта творения.